Тюркологический сборник

Андрей Николаевич Кононов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА КОНОНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

7-1-4
186-66

Андрею Николаевичу
КОНОНОВУ —
друзья и ученики

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

27 октября 1966 г. тюркологи нашей страны отмечают 60-летие со дня рождения и 35-летие научно-педагогической деятельности выдающегося советского ученого-востоковеда, члена-корреспондента АН СССР, профессора, доктора филологических наук Андрея Николаевича Кононова.

Андрей Николаевич Кононов — крупнейший советский тюрколог, автор широко известных монографий и исследований по турецкому и узбекскому языкам, а также по истории тюркоязычных памятников Средней Азии, знаток сравнительно-исторического языкознания семьи алтайских языков, историк русского и советского востоковедения.

А. Н. Кононовым опубликовано более семидесяти научных работ, в том числе ряд крупных монографий. Среди основных научных работ Андрея Николаевича следует отметить в первую очередь такие капитальные труды, как «Грамматика современного турецкого литературного языка» (М.—Л., 1956, 50 п. л.), удостоенная в 1957 г. первой премии ЛГУ, и «Грамматика современного узбекского языка» (М.—Л., 1960, 30 п. л.). Оба эти труда являются важной вехой в изучении упомянутых языков и получили широкое признание как у нас в стране, так и за рубежом. «Грамматика современного турецкого литературного языка» переиздается в Турции Турецким Лингвистическим обществом как лучший научный труд, посвященный этому языку.

А. Н. Кононов подготовил и издал такие крупные памятники тюркских литератур, как сочинение великого узбекского поэта Алишера Навои «Возлюбленный сердец» (М.—Л., 1948) и сочинение классика среднеазиатской литературы Абу-л-Гази, хана Хивинского «Родословная туркмен» (М.—Л., 1958): издание содержит критический текст, перевод, грамматический очерк и историко-филологическое исследование. В области тюркского

языкознания перу А. Н. Кононова принадлежит ряд исследований, посвященных наиболее сложным и трудоемким проблемам, прежде всего исторической грамматике и этимологическим изысканиям. Будучи крупнейшим знатоком истории русского и советского востоковедения, А. Н. Кононов в последние годы опубликовал ряд работ на эту тему, среди которых следует особо отметить его труды, посвященные истории востоковедения в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Андрей Николаевич Кононов — организатор ряда изданий и редактор большого числа монографий и сборников по тюркологии, руководитель ряда крупных коллективных работ, посвященных изучению тюркских письменных памятников и культуры тюркских народов.

А. Н. Кононов — виднейший деятель советской тюркологии, которую он представлял на XXIII Международном конгрессе востоковедов (Лондон, 1954), на Конгрессах Турецкого Лингвистического общества (Анкара, 1957, 1966), на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960), где А. Н. Кононов руководил работой секции алтаистики. Андрей Николаевич побывал в научных командировках в Турции, Болгарии, Польше и Чехословакии. Отмечая заслуги А. Н. Кононова в развитии тюркского языкознания, Турецкое Лингвистическое общество избрало его в 1957 г. своим почетным членом.

Наряду с научно-исследовательской деятельностью начиная с 1931 г. А. Н. Кононов ведет большую педагогическую работу на Восточном факультете ЛГУ. Будучи в течение многих лет заведующим кафедрой тюркской филологии ЛГУ, А. Н. Кононов вырастил кадры молодых советских тюркологов, ныне успешно работающих в сфере научной и практической деятельности. Под руководством А. Н. Кононова в университете и в системе АН СССР подготовлены через аспирантуру молодые ученые, ныне работающие в научных центрах Москвы, Ленинграда, республик Средней Азии и Закавказья.

Андрей Николаевич был деканом Восточного факультета ЛГУ, заведовал Ленинградским отделением Института народов Азии АН СССР; на этих постах, которые он оставил по состоянию здоровья, А. Н. Кононов очень много сделал для лучшей подготовки востоковедных кадров и организации исследовательских работ. В настоящее время он является председателем Ученого совета Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР.

С 1958 г. А. Н. Кононов — член-корреспондент Академии наук СССР. За многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность А. Н. Кононов награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Этот простой перечень научных заслуг Андрея Николаевича не удовлетворит, конечно, тех, кто лично знает его, работал с ним, учился у него. Не удовлетворит потому, что для людей, близко знающих А. Н. Кононова, определяющим его качеством как человека и ученого является, без преувеличения, подлинная влюбленность в тюркологию — дело всей его жизни. Эта влюбленность — буквально во всем: в знании мельчайших деталей истории развития идей в мировой тюркологии, в поразительной осведомленности о жизненных путях всех, кто оставил в любимой науке хоть какой-то след.

Говоря об А. Н. Кононове, наконец, нельзя не сказать о его увлеченности всем, что имеет отношение к сложному и многогранному процессу культурного развития человечества. Для Андрея Николаевича изучение языка и его памятников — один из могучих инструментов познавания человеческой культуры.

Отмечая этим изданием юбилей Андрея Николаевича Кононова, участники сборника вместе со всеми тюркологами желают юбиляру новых больших творческих свершений, долгих лет жизни и доброго здоровья.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР ПРОФЕССОРА А. Н. КОНОНОВА

1934

Грамматика современного турецкого языка, Л., 1934, 263 стр. [совместно с Х. Джевдет-заде].

1935

Турецкая хрестоматия для III и IV курсов, Л., 1935 [совместно с Х. Джевдет-заде, С. С. Джикия, Х. М. Цовикяном].

1937

[Рец. на кн.:] S. Nuzhet, Samih Rifat (Hayatı ve eserleri), — «Библиография Востока», вып. 10, М.—Л., 1937, стр. 165.

1938

Учебное задание по турецкому языку, М., 1938, 19 выпусков [совместно с М. Д. Алиевым и Д. А. Магазаником].

1939

Турецкая глагольная форма на *мыш*, — «Уч. зап. ЛГУ», № 20, серия филологических наук, вып. 1, Л., 1939, стр. 34—49.

1941

Грамматика турецкого языка, М.—Л., 312 стр.

[Рец. на кн.:] Н. К. Дмитриев, Строй турецкого языка, Л., 1939, — СВ, т. II, 1941, стр. 299—301.

[Рец. на кн.:] П. С. Бочкарев, Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь, М., 1940, — СВ, т. II, 1941, стр. 309—311.

1943

Учебник турецкого языка, Часть первая, [б. м.], 1943, 213 стр. [совместно с Д. А. Магазаником и Ш. С. Айляровым].

1944

Турецкое деепричастие «*дийе*», — «Рабочая хроника ИВ АН СССР», вып. II, Ташкент, 1944, стр. 25—27.

[Рец. на кн.:] А. П. Поцелуевский, Основы синтаксиса туркменского литературного языка, Ашхабад, 1943, — «Рабочая хроника ИВ АН СССР», вып. I, Ташкент, 1944, стр. 25.

1945

[Рец. на кн.:] A. Caferoğlu, Anadolu dialektolojisi üzerine malzeme, İstanbul, 1940, — СВ, т. III, 1945, стр. 301—302.

1946

О синтаксических функциях формы *тэйин* — *тийин*, — «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946, стр. 44—46.

1947

Из истории грамматической разработки турецкого языка в Турции, — «Труды МИВ», № 4, М., 1947, стр. 97—104.

1948

Алишер Навои, Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948, 177 стр.

Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, 284 стр.

1949

Опыт анализа термина *тӱрк*, — СЭ, № 1, 1949, стр. 40—47.

Памяти тюрколога профессора А. П. Поцелуевского. 1894—1948 [совместно с С. Е. Маловым], — ИАН, отд. лит. и яз., т. 8, 1949, вып. 1, стр. 83—84.

Этимология слова *däгil* 'не есть, не', — СВ, т. VI, 1949, стр. 97—101.

1950

Формирование турецкого национального языка, — «Тезисы докладов по секции востоковедческих наук научной сессии ЛГУ», Л., 1950, стр. 5—9.

1951

Памяти А. П. Поцелуевского, — «Уч. зап. Ашхабадского государственного педагогического института», т. IV, 1951, стр. 161—165.

Послелоги в современном узбекском литературном языке, Ташкент, 1951, 43 стр.

Происхождение прошедшего категорического времени, — «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951, стр. 112—119.

[Ред.:] А. Д. Желтяков, Турецкая хрестоматия, Л.,1951.

[Ред.:] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

[Ред.:] Тюркологический сборник, т. I, М.—Л., 1951.

1952

Вопросы изучения турецкого языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, — «Уч. зап. ИВ АН СССР», т. IV, 1952, стр. 147—164.

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР [совместно с другими], т. I, Ташкент, 1952.

1953

Из истории изучения турецкого языка в России (до XX столетия), — «Тезисы докладов по секции востоковедческих наук научной сессии ЛГУ», Л., 1953, стр. 4—9.

Из истории отечественной тюркологии, — «Уч. зап. ИВ АН СССР», т. VI, 1953, стр. 269—275.

О союзном слове *diye* в турецком языке, — сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 137—144.

1954

О прономинализации в турецком языке, — «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов», секция алтаистики, М.—Л., 1954, стр. 7—23 [стр. 24—39, то же на английском языке].

О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии, — «Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», № 5, Сталинабад, 1954, стр. 83—85.

Тюркские этимологии, — «Уч. зап. ЛГУ», № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 268—280.

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР [совместно с другими], т. II, Ташкент, 1954.

[Рец. на кн.:] Гълъб У. Гълъбов, Турска грамматика, София, 1949, — «Уч. зап. ЛГУ», № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, стр. 338—343.

1955

А. П. Поцелуевский, — БСЭ, изд. 2, т. 34, М., 1955, стр. 302.

1956

Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, 569 стр.

Крупнейший центр советского востоковедения, — «Вестник высшей школы», № 2, М., 1956, стр. 32—36.

О XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция алтаистики, — «Краткие сообщения ИВ АН СССР», т. XVIII, 1956, стр. 84—85.

О сложноподчиненном бессоюзном предложении в турецком языке, — «Краткие сообщения ИВ АН СССР», т. XXII, 1956, стр. 13—18.

Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955), — СВ, № 2, 1956, стр. 83—90.

[Рец. на кн.:] Э. В. Севортян, Фонетика турецкого литературного языка, М., 1955, — ВЯ, № 3, 1956, стр. 134—138.

1957

Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955), — «Вестник ЛГУ», № 8, 1957, стр. 5—22.

VIII Конгресс Турецкого лингвистического общества, — СВ, т. IV, 1957, стр. 195—197.

Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, — «Тезисы докладов и сообщений Первой Всесоюзной конференции востоковедов», Ташкент, 1957, стр. 295—297.

[Предисл., прим., ред.:] С. С. Майзель, Изафет в турецком языке, М.—Л., 1957.

1958

Востоковедение (1724—1802), — «История Академии наук СССР», т. I, М.—Л., 1958, стр. 406—410.

К этимологии слова *oђул* ʿсын', — «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова», М., 1958, стр. 175—176.

О прономинализации в турецком языке, — «Вопросы грамматики и истории восточных языков», М.—Л., 1958, стр. 169—188.

Памяти Сергея Ефимовича Малова (1880—1957), — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 1, стр. 172—174.

Речь на пленарном заседании Первой научной конференции востоковедов, — «Материалы Первой научной конференции востоковедов в г. Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 225—227.

Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, М.—Л., 1958, 192+94 стр.

Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, как источник для истории туркмен и как памятник узбекской литературы и языка, — «Материалы Первой научной конференции востоковедов в г. Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 906—911.

1959

О некоторых вопросах дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР, — «Вестник Академии наук СССР», 1959, № 5, стр. 140—141.

Реформа алфавита в Турции, — «Уч. зап. ЛГУ», № 282, серия востоковедческих наук, вып. 11, 1959, стр. 158—169.

Trzydziestolecie reformy alfabetu w Turcje (Z historii zagadnienia), — «Przegląd Orientalistyczny», 1959, № 2, str. 123—134.

1960

Восточный факультет Ленинградского университета, — «Востоковедение в Ленинградском университете», Л., 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13), стр. 3—31.

[Предисл.:] Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, стр. III—IV, М., 1960.

Грамматика современного узбекского литературного языка, М.—Л., 1960, 446 стр.

К истории русской тюркологии (до XIX в.), — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика Иосифа Абгаровича Орбели», М.—Л., 1960, стр. 202—214.

Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960, 31 стр. [то же на англ. яз.].

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР [совместно с другими], т. V, Ташкент, 1960.

Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — «Уч. зап. ИВ АН СССР», т. XXV, 1960, стр. 278—290.

Türkçede birleşik cümle problemi, — «Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler», VIII, 1957, Ankara, 1960, s. 175—179.

[Ред.:] «Востоковедение в Ленинградском университете», Л., 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13).

[Ред.:] Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь академика Иосифа Абгаровича Орбели, М.—Л., 1960.

[Ред.:] «Уч. зап. ИВ АН СССР», т. XXV, М., 1960, [совместно с В. М. Штейном].

[Ред.:] Н. И. Шамилова, Старый турецкий (арабский) алфавит, Л., 1960.

1961

[Ред.:] С. Н. Муратов, Устойчивые словосочетания в тюркских языках, М., 1961.

[Ред.:] Э. Н. Наджип, Хорезми. Мухаббат-наме, М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, IV).

1962

[Ред.:] С. Н. Иванов, Николай Федорович Катанов, Л., 1962.

[Ред. совместно с В. М. Жирмунским, прим.:] Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод В. В. Бартольда, М.—Л., 1962.

[Ред.:] Литература на языках стран Азии и Африки. Аннотированный каталог новых поступлений Библиотеки Академии наук СССР и Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л., 1962.

[Ред.:] М. Худайкулиев, Подражательные слова в туркменском языке, Ашхабад, 1962.

[Ред.:] И. И. Цукерман, Очерки курдской грамматики, М., 1962.

1963

Ценный труд по грамматике староузбекского языка. [Рец. на кн.:] А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, № 8, 1963, стр. 63—71.

[Рец. на кн.:] Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, — ВЯ, № 2, 1963, стр. 133—141.

[Рец. на кн.:] А. М. Щербак, Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959. Его же: Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961, — ВЯ, 1963, № 5, стр. 131—138.

[Ред.:] В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, т. II, ч. 1, М., 1963, [совместно с другими].

[Ред.:] В. С. Гарбузова, Поэты средневековой Турции, Л., 1963.

1964

Востоковедение (1803—1860). Востоковедение (1960—1917), — «История Академии наук СССР», т. II, М.—Л., 1964, стр. 218—227, 621—634.

Жан Дени (1879—1963), — НАА, № 1, 1964, стр. 239—240.

[Ред.:] Ғ. Абдураҳмонов, Қўшма гап синтаксиси, Тошкент, 1964.

[Ред.:] В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, [совместно с другими].

[Ред.:] ʿАлӣшӣр Навāʾӣ, Дӣвāн. Издание текста, предисловие и указатели Л. В. Дмитриевой, М., 1964.

[Ред.:] С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.

[Ред.:] Э. Р. Тенишев, Саларские тексты, М., 1964.

[Ред.:] Н. И. Шамилова, Хрестоматия по турецкой литературе с конца XIX в. до наших дней, Л., 1964.

1965

Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских языков», — «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы научной конференции Восточного факультета ЛГУ», Л., 1965, стр. 25—27.

Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -°п/-°б, — ВЯ, 1965, 5, стр. 100—111.

О тюркском языкознании в Турции, — НАА, 1965, № 6, стр. 221—224.

Китаб-и Дедем Коркут (грамматические заметки), — «Изв. АН Азерб. ССР», серия общ. наук, № 4, 1965, стр. 73—80.

[Ред.:] В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, [совместно с другими].

[Ред.:] Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, I. История, М., 1965.

[Ред.:] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции, М., 1965.

[Ред.:] М. С. Михайлов, Исследование по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола, М., 1965.

[Ред.:] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965.

1966

Слово о Николае Иосифовиче Конраде (К 75-летию со дня рождения), — ИАН, серия лит. и яз., т. XXV, вып. 2, 1966, стр. 164—166.

Михаил Семенович Михайлов (к семидесятилетию со дня рождения), — НАА, 1966, № 2, стр. 229—230.

[Рец. на кн.:] J. Németh, Die Türken von Vidin, Budapest, 1965, — ВЯ, 1966, № 2, стр. 158—164.

Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров», — ИАН, отд. лит. и яз., т. XXV, 1966, вып. 3, стр. 226—229.

ГРАММАТИКА, ЛЕКСИКА, ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Н. А. Баскаков

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СИНТАКСИСЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Общественные условия, возникшие после Великой Октябрьской социалистической революции, вызвали глубокие изменения во всех языках народов СССР, общественные функции которых в связи с усложнением производственных и общественных отношений необычайно расширились. Эти изменения языков характеризуются: а) расширением значимости литературных языков как основных языков национальных республик и областей; б) необычным ростом словарного состава национальных языков и в) некоторыми сдвигами в развитии фонетической структуры и грамматического строя.

Процессы формирования литературных национальных языков протекали неравномерно для отдельных конкретных языков, и эта неравномерность зависела, с одной стороны, от степени развития языков к моменту Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — от объема общественных функций данного конкретного языка в новых, советских условиях.

Процессы эти для старописьменных языков усложнились борьбой между традициями старописьменных языков и нормами новых современных национальных литературных языков на новой, более близкой к общенародному языку, диалектной основе.

Вместе с процессами стабилизации, совершенствования и нормализации новых литературных национальных языков на национальной основе происходили и некоторые сдвиги и изменения в языках, относящиеся к их типологической характеристике.

Расширение и развитие многообразных форм общения в связи с усложнением общественных отношений способствовали появлению в конкретных литературных языках многообразных стилей и жанров, которые формировались как за счет прямого заимствования литературных канонов и соответствующих язы-

2 Заказ № 1037

ковых средств, в первую очередь разнообразной лексики и терминологии, так и за счет использования внутренних средств языков и в первую очередь расширения и усложнения лексических значений и грамматических моделей, а также заимствования в литературный язык из диалектов и разговорного языка диалектной и просторечной лексики и дублетных синонимических грамматических форм, которые дифференцировались стилистическим их использованием, что способствовало в свою очередь некоторой типологической перестройке языка и некоторым его преобразованиям.

Из стилистических разновидностей современных литературных языков наиболее оформившимися являются: а) язык поэзии, характеризующийся лексическими и грамматическими архаизмами, оставшимися в наследство по традиции от старых норм классических средневековых языков, например староузбекского, старотуркменского, староазербайджанского и др.; б) язык художественной прозы и драматургии, характеризующийся наличием диалектных, просторечных и разговорных элементов в лексике и грамматике; в) язык научно-публицистический со значительными группами заимствованной лексики; г) эпистолярный и канцелярский стили, характеризующиеся значительными элементами разговорной речи, инверсией в составе словосочетаний и предложений и пр.

В развитии литературных языков в советскую эпоху в деле жанрово-фразеологических и синтаксических средств языка огромную роль сыграла национальная советская художественная литература. Язык художественной литературы, являющийся одним из главных источников литературного языка, служит ярким показателем богатства и выразительных возможностей общенародного языка.

Язык художественной литературы, прошедший большой путь развития в советскую эпоху, характеризуется образностью и общедоступностью, отсутствием узкоспециальных терминов, не известных широким слоям народных масс, творческим использованием постоянно развивающихся общенародных речевых средств, исключением из употребления малопонятных арабских и персидских слов и выражений. Кроме того, художественная литература служит той лабораторией, в которой выковываются и выкристаллизовываются синонимика, неологизмы, архаизмы, диалектизмы и другие жанрово-стилистические средства единого национального языка.

Дифференциация стилистических разновидностей литературного языка в настоящее время для многих младописьменных литературных языков находится еще в начальной стадии разви-

тия, хотя некоторые типологические преобразования и в младописьменных языках уже произошли и являются заметными по отношению к началу их формирования.

Эти преобразования коснулись прежде всего лексической структуры языка, изменения системы значений подавляющего большинства слов под влиянием новых понятий, возникших в языке, для обозначения которых, помимо прямых заимствований, использовались и коренные слова конкретных языков.

Менее существенной перестройке подвергалась фонетическая структура языка, в которой также, наряду с прямыми заимствованиями звуков, изменились в некоторой степени и фонетические закономерности.

В истории тюркских языков известны типологические сдвиги в фонетической структуре различной степени и интенсивности. Так, от простого заимствования какой-либо фонемы, например гласного *ә* в казахском, каракалпакском, ногайском и некоторых других тюркских языках, которое не оказало никакого влияния на перестройку фонетической структуры этих языков, до полной трансформации системы вокализма в таких языках, как узбекский или новоуйгурский, в которых заимствование иноязычной лексики и непосредственные контакты с языками другой фонетической структуры совершенно изменили не только состав вокализма, но и его основные закономерности.

Некоторыми незначительными изменениями характеризуется и морфология конкретных языков, главным образом в части расширения значений падежей и появления новых форм управления: более широким употреблением форм согласования во множественном числе, сокращением форм согласования по категории принадлежности, многообразием стилистического использования различных спрягаемых форм глагола и некоторыми другими особенностями; наконец, произошли соответствующие изменения и в синтаксисе как младописьменных, так и некоторых старописьменных языков.

Темой настоящего сообщения является наблюдение над некоторыми типологическими изменениями в области синтаксиса конкретных тюркских языков, которые также самым тесным образом связаны с развитием разнообразных стилей, вызванных расширением общественных функций конкретных языков.

Из многообразных изменений, происходящих в синтаксисе конкретных тюркских языков, мы остановимся в настоящем сообщении на четырех основных явлениях: а) инверсии в составе словосочетаний и предложений; б) развитии конструкций с вводными словами и предложениями; в) активизации во всех жанрах обособления отдельных членов предложения и г) развитии много-

образных форм сложноподчиненного союзного предложения с придаточными предложениями. Некоторые из этих явлений в весьма слабой мере в зачаточном состоянии встречались в тюркских языках, как в древних и средневековых, так и в новых. В современных же языках указанные явления не только активизировались и стали продуктивными, но они в значительной степени изменили общий характер стандартного тюркского синтаксиса письменных литературных языков.

Инверсия, т. е. изменение обычного порядка членов словосочетаний и предложений, — явление не новое для тюркских языков. В некоторых тюркских языках, как в старых, например в куманском, половецком, языке каменецподольских армян, так и в современных караимском, гагаузском, свободный порядок членов предложений и словосочетаний широко использовался и используется как в устной, так и в письменной речи. Относительно свободное расположение частей в словосочетаниях и предложениях характерно для большинства языков в разговорной их форме. В письменных же языках, в соответствии с установившимися канонами, соблюдались ранее стандартные нормы. С переходом литературных языков на новую диалектную основу, на близкое к разговорным нормам общенародное койне, эти стандартные нормы под влиянием внешних факторов и в силу развития различных стилистических жанров стали нарушаться. В художественной литературе, в выступлениях политических и общественных деятелей, в научной литературе и пр. все чаще стали встречаться синтаксические конструкции с нарушением стандартного порядка слов в предложениях, которые использовались для более экспрессивных выражений с многообразной структурой.

В качестве иллюстрации приведем следующие примеры синтаксических конструкций по различным тюркским языкам, которые в данном синтаксическом использовании стали уже нормой для этих языков.

аз.: *Даньшыр Бакы!* 'Говорит Баку!'; *јашасын сүлh!* 'Да здравствует мир!'; *Рәдд олсун атомчулар!* 'Долой атомщиков!'; *Мәhв олсун, фашизм!* 'Смерть фашизму!'.

В этих кратких экспрессивных предложениях инверсия основных членов давно уже стала нормой, хотя общей стандартной нормой для азербайджанского языка является такой порядок, при котором подлежащее должно быть в препозиции к сказуемому.

туркм.: *Агамҗан, ынаның мениң сөзүме* (вместо *мениң сөзүме ынаның*) 'Братец, верьте моим словам'; *Нереден алдым бейле*

багты! (вместо *бейле багты нireден алдым*) 'Откуда мы получили такое счастье!';
башк.: *Ярата инек беҙ уны* 'Любили мы его'; *Мөмкинме һуң, Айһылу ул көрәштән, ситтә торорға?* 'Разве можно Айхылу от той борьбы стоять в стороне?;
кумык.: *Айтыгъыз мен тынглап турман!* (вместо *Мен тынглап турман, айтыгъыз*) 'Скажите, я слушаю';
алт.: *Кече мен кӧргӧм оны* 'Я его видел вчера'; *Анда болбоом мен* 'Там не был я'.

Можно привести и другие примеры, где для большей выразительности используется нестандартный порядок слов в предложении.

Широкое распространение в современных тюркских языках получили вводные слова и предложения, которые в старописьменных, да и в современных младописьменных языках на первых этапах их развития встречались только в поэтическом жанре.

узб.: *Бу бола, мен ўйлайман, сизни алдаб кетмайди* 'Этот мальчик, я думаю, вас не обманет'; *Кечаси бирдан, мен шу вақт ишлаб ўтирган эдим, дарвоза тақиллади* 'Ночью вдруг, я в это время работал, постучали в ворота';
туркм.: *Сен мени өлдүрме, белки бир вагт болар, мениң де саңа көмегим дегер* 'Ты меня не убивай, может быть и моя помощь когда-нибудь пригодится';
башк.: *Бөтөнләй, мин уйлағанса булып, сыҡманы был егет* 'Совершенно другим, чем я думал, оказался этот парень' и т. п.

Нехарактерными для тюркских литературных языков были также так называемые обособленные члены предложения, которые в современном языке во всех стилистических разновидностях широко используются, ср., например:

башк.: *Ә беҙ, бисәләр, ситтән генә ҡарап тора алмай инек* 'А мы, женщины, раньше не имели права даже со стороны смотреть'; *Ағаңды, Фаруҡты, ярамай ул* 'Твоего дядю Фарука не любил он'; *Һеҙҙең хаҡта, иҫке тура һалдат тураһында, мин летчиктән һорашырмын инде* 'А о вас, старом, честном солдате, я уж летчика расспрошу'.

Но наибольшей трансформации в современных языках подвергся синтаксис предложений с подчинительными конструкциями. Известно, что в типичной синтаксической структуре тюркских языков для предложений с подчинительными конструкциями были характерны простые предложения, усложненные масдарными, причастными и деепричастными оборотами. Эти обороты включались в состав предложения как своеобразно построенные определительные притяжательные группы с определением — смысловым субъектом — в родительном падеже и опре-

делямым — смысловым предикатом, выраженным либо масдаром или причастием с аффиксом принадлежности, согласованным с лицом определения, либо деепричастием.

В большинстве современных тюркских языков наряду с использованием характерного для тюркских языков типа подчинительных конструкций стали широко употребляться также и сложноподчиненные союзные и бессоюзные предложения с придаточными предложениями, которые соединяются с главным предложением либо путем простого примыкания, либо посредством различного рода подчинительных союзов, представляющих собой грамматикализовавшиеся формы местоимений или утратившие реальное значение краткие вводные предложения, например:

узб.: *Мен бу сирни сизга айтаман, қачонки сиз ўз ваъдангизни бажарсангиз* 'Я раскрою эту тайну тогда, когда вы выполните свое обещание' или
Мен бу ишни бажараман қачонки дирекция менга тегишли шароит туғдириб берса 'Я выполню эту работу, когда дирекция создаст мне соответствующие условия'.

В данном примере, кроме диаметрально противоположного размещения главного предложения и подчиненной группы, то и другое предложения соединены местоимением *қачон* 'когда' с относительным местоимением *ки.*

башк.: *Бер Баймаҡ районында ғына һуңғы йылдарҙа илле ике мең гектар сиҙәм ер асылды, ошо арҡала был район үҙе генә үткән йылда дәүләткә алты миллионға яҡын бот иген һатты* 'В одном только Баймакском районе в последние годы было поднято пятьдесят две тысячи гектаров целины, поэтому только один этот район в минувшем году продал государству около шести миллионов пудов хлеба';
Беҙҙең ватан — гөл баҡсаһы, шуның өсөнһөйәбеҙ 'Наша родина — цветущий сад, поэтому мы любим ее';
Бында эш ҡайнай, шуға күрә күңелле 'Здесь работа кипит, поэтому и весело';
кумык.: *Чакъ яллав, будай тёгюлюп бола, шо саялы юрит интеллигенцияны кёмеги керек* 'Погода жаркая, стала осыпаться пшеница, поэтому нужна помощь сельской интеллигенции'.

Типологические изменения в синтаксисе современных тюркских языков могли бы быть проиллюстрированы многочисленными примерами из различных тюркских языков, но и приведенные здесь примеры позволяют сделать общий вывод о необычайной устойчивости синтаксического строя тюркских языков, типологические изменения которых, как правило, не нарушают основных синтаксических особенностей, характерных для тюркских языков.

Прежде всего показательно то, что типологические изменения в грамматической структуре тюркских языков и, в частности, в их синтаксисе происходят чрезвычайно медленно. Эти изменения не представляют собой каких-либо коренных сдвигов в языке и трансформации всех основных синтаксических конструкций предложений и словосочетаний, но являются всего лишь активизацией тех или иных синтаксических, до этого времени непродуктивных или мало продуктивных, моделей под влиянием внешних или внутренних импульсов, а именно воздействием на тюркские языки других языков с иной синтаксической структурой или имманентным развитием и повышением продуктивности тех или иных существующих в языке конструкций предложений и словосочетаний.

В отличие от фонетической структуры тюркских языков, которая с течением времени может в более значительной степени видоизмениться и трансформировать основные фонетические закономерности, грамматический строй тюркских языков и, в частности, синтаксис остается всегда относительно устойчивым, и все типологические изменения, даже в таких современных тюркских языках, как гагаузский или караимский, где синтаксис имеет много своеобразных особенностей, ограничиваются только частичными, не нарушающими общей структуры, сдвигами, сущность которых не противоречит общим для всех тюркских языков разговорным нормам.

Любопытно, что типологические изменения в структуре основных синтаксических единиц, отмеченные выше, для истории некоторых старописьменных языков не являются новыми, появившимися только впервые. Известно, например, что в староосманском, староазербайджанском, в староузбекском и в некоторых других старописьменных языках как различного рода инверсии членов предложений и словосочетаний, так и активизация сложноподчиненных конструкций с придаточными предложениями были широко употребительны не только в поэтическом, но и в прозаическом жанрах. С изменением основы литературных языков эти конструкции то активизировались и становились более продуктивными, то затухали и превращались в малопродуктивные, но неизменно сохраняясь в качестве потенциальных средств языка.

Приведенные здесь наблюдения ни в какой мере не исчерпывают всех синтаксических изменений, происходящих в синтаксисе современных тюркских языков. Настоящие заметки имеют целью только привлечь внимание тюркологов к исследованию всех этих изменений, к их анализу и классификации, как явлений, характеризующих типологию современных тюркских языков.

Т. А. Боровкова

О ГУБНЫХ СОГЛАСНЫХ В «ДӢВА̄НУ ЛУГА̄Т-ИТ-ТУРК» МАХ̣МŪДА КА̄ШГ̣АРӢ

Вопрос о качестве губных согласных в Дӣва̄не Мах̣мӯда Ка̄шг̣арӣ представляет собой немалый интерес.

В Дӣва̄не используются следующие знаки для обозначения губных: взрывные ب (*b*, *p*), پ (*p*), щелевые ف (*f*, *v*), ڤ (*v*), و (*w*) и م (*m*). С одной стороны, трудность заключается в многозвучности знаков ب и ف, с другой — неясности фонологических отношений между губными щелевыми согласными (*v*, *w*, *f*).

Прежде всего интересно обратиться к традиционному уйгурскому алфавиту, который приводит Ка̄шг̣арӣ. Здесь имеются соответствия между арабскими и уйгурскими буквами: [illegible] = ف, [illegible] = و, و = ب.[1]. Кроме 18 букв уйгурского алфавита Ка̄шг̣арӣ прибавляет семь «дополнительных» букв, которые, по его мнению, наличествуют в тюркских языках, но отсутствуют в уйгурском алфавите; среди них — پ ба̄' с̣улба, которое, несомненно, обозначало сильное взрывное *p*, и ف фа̄' арабское; следовательно, в [illegible] = ف мы должны принять ف за ڤ или, как характеризует этот знак Ка̄шг̣арӣ, фа̄' ракӣка, артикуляция которого является промежуточной между артикуляцией фа̄' арабского и ба̄' чистого (26—17)[2]. Ал-Х̮алӣл ал-Фара̄хӣдӣ относил фа̄' вместе с буквами ба̄' и мӣм к одной группе «губных». Сӣбавайх к этой

---

[1] При полном совпадении параллелей губных с приводимым в том же порядке алфавите у Ибн Муханны — у Югнаки (рукопись E по турецкому изданию, стр. 2) و = پ, [illegible] = ف, [illegible] = و, а у Ибн Арабшаха ف вообще отсутствует и в алфавитах появляется وا = با два раза.

[2] Здесь и далее первая цифра указывает страницы, вторая — строки по изданию: Divanü lûgat-it-türk tıpkıbasımı, «Faksimile», Ankara, 1941.

группе прибавлял еще вāв[3]; но можно думать, что фā' в арабском языке было губно-зубным глухим звуком, так как во всех известных ныне диалектах арабского языка *f* имеет более или менее ярко выраженную губно-зубную артикуляцию. Как выясняется из рассмотрения термина ракӣка (букв. «ломаный, тонкий»), под ним Кāшғарӣ подразумевал слабые звуки. Следовательно, «артикуляция между бā' и фā'» может обозначать то, что звук *f*, сохраняя свою артикуляцию, приобретал звонкость. Так как ни такой фонемы, ни буквы для ее обозначения в арабском языке не было, Кāшғарӣ обозначает ее дополнительными диакритическими точками: ڤ. Наконец, подчеркнутое Махмӯдом противопоставление ڤ (*v*) : و (*w*) сверхслабому губно-губному круглощелевому (плоскощелевому?) звуку позволяет установить, что знак ڤ соответствовал *v* слабому, губно-зубному плоскощелевому звуку.

Смычные. Состояние смычных в начале слова такое же, как и в орхоно-енисейских памятниках, характеризующихся нейтрализацией *p-/b-*; у Кāшғарӣ имеется только фонема *b-*; в четырех словах (не считая новообразований на их базе) можно оспаривать начальное *p-* у К. Брокельманна[4]. Вероятнее всего, они имели начальное *b-*: *pyš-* 'быть готовым', 'приготовлять', 'взбалтывать' (К. Брокельманн основывается на сомнительной этимологии < *aind. pačati* и на Словаре Радлова), в современных языках не-огузской группы имеет *b-* (кирг. *биш-*, тефсир XII—XIII вв. *biš-*). То же относится к *pus-* 'устроить засаду' и *puš-* 'сердиться'. Чтение *baldïr* 'выступ горы' как *paldïr*[5] на основании пометы «бā' с 'ишбā'» неправильно; термин 'ишбā' может относиться только к гласным, а для характеристики *p* сильного//глухого Кāшғарӣ применяет термин бā' ṣулба (266—4,7) [бā' сильное (!) = бā' муфаххима 'насыщенное' у Абӯ Хаййāна[6] и Ибн Муханны[7]]. Два заимствованных слова — بُرْخَنْ *burχan* 'идол' < кит. *foχan* < будд. с чередованием 173—8 فُرْخَنْ и 191—3 بَمُق *bamuq* 'хлопок' < перс. (непосредственно?) پَمْبُوق могли звучать и с начальным *p-* (может быть

---

[3] Al-Khalil ibn Ahmad al-Faraheedi, by M. al-Makhzoumi, Baghdad, 1960, p. 105.

[4] C. Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz*, Leipzig, 1928, S. 138.

[5] C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatiks der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, S. 24.

[6] M. Th. Houtsma, *Ein türkisch-arabisches Glossar*, Leiden, 1894, S. 3.

[7] П. М. Мелиоранский, *Араб-филолог о турецком языке*, СПб., 1900, стр. 314.

P? — ?), но они выпадают из фонологической системы языка Кāшгарӣ.

Противопоставление сильных//глухих слабым//звонким в интервокальном положении остается.

В абсолютном исходе происходит нейтрализация этой оппозиции в сторону оглушения, как это отмечает О. Прицак для старокипчакского и стороосманского языков[8] (*-b*/*-p* = *-P*). Однако оппозиция способна восстанавливаться при наращении слов. Таким образом, оппозиция «рунических» памятников сильного *-p* и слабого *-b* (*ab* 'охота': *ap* 'и' и др.) развилась в языке Кāшгарӣ с появлением щелевых *v*, *w*, *f* в оппозицию сильного взрывного невзрывных//щелевых (*-P* : *-V*): *tap-* 'преклонять колени' (281—17): *tav-* 'распорядиться' (258—17).

Щелевые в анлауте у Кāшгарӣ не встречаются, кроме уже упомянутого заимствования *furχan* и междометия *wa*.

Исследование материала показало, что в середине слова знаки ف и ڤ не отражают фонологической оппозиции: Кāшгарӣ ни разу не выделяет противопоставленные друг другу «отдел фā» и «отдел вā'», зато нередки случаи, когда в «отделе фā» приводятся слова, оканчивающиеся на вā' (433—8), и наоборот. В абсолютном исходе подмена ڤ/ف нормативна (سُوڤْ / سُوفْ), также нормативно появление ف перед глухими согласными: 466—8 تَفْسي 'обеденный столик' — 213—6 تَڤْسي; почти везде написание يُفْقَا 'тонкий' наряду с 413—9 يُفْغَا, 458—15 يُڤْقَا; 93—10 اُفدى 'он крошил' — 93—11 اُڤار, اُڤماك. Видимо, Кāшгарӣ выделял оглушенный вариант фонемы *-v-* (при наличии фонемы *-f-* в арабском языке): глухое *f* отмечается у него в таких случаях, как قَفْتَان 'кафтан', и написание قِفجَاق 'кыпчак' только с ف указывает на глухость джӣма (см. 612—9).

Сильная спирантизация *-v-* (ڤ) в интервокальном положении ощущается Маḥмӯдом как *-w-* (و): написание تَڤَارْ 'товар' так же часто в Дӣвāне, как и تَوَارْ; يَلَاڤَجْ 'посланец' наряду с يَلَاوَجْ; здесь, видимо, не обошлось без влияния диалектных различий, которые отмечает сам Кāшгарӣ, говоря, что «огузы и кто к ним примыкает» заменяют фā' ракӣка на вāв (27—1, 182—13, 571—12). Разница между слабым *v* и сверхслабым *w* (و) четко

---

[8] O. Pritsak, *Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen*, — UAJb, Bd XXXIII, Hft 1—2, 1961, S. 143.

ощущалась древними филологами: Ибн Муханна отмечает наличие ڤ (*v*) у «туркестанцев» в отличие от *w* (و) в его родном (южноогузском) языке[9]. У Абу Ḥайййāна написание только с *w* (و): 6 آوْ 'дом', 6 صُوْ 'вода', 8 قاوُنْ 'дыня' и т. п.

Таким образом, в языке Кāшғарӣ губно-губные взрывные *p*, *b*, губно-зубное *v* и сонорное *m* составляли один локальный лабиальный ряд. В начале слова отношения между ними *B-* (*b-*, *p-*, *v-*): *m-*, т. е. единственно возможный слабый взрывной состоял в одномерной оппозиции с сонантом *m-*, и оба входили в состав многомерной оппозиции со всеми остальными согласными фонемами, как губные к негубным; отсюда возможность чередования (по различным диалектам) *b-*//*m-*, неоднократно отмеченная[10].

В середине слова [(*-p-* : *-b-*): *-v-*], *-m-*, т. е. взрывная пара, противопоставляясь между собой как сильный : слабый, была в оппозиции по взрывности : невзрывности со щелевым *-v-*. Отсюда закономерное чередование перед глухими *-b-*//*-v-*: 459—1 *jubqa* 'тонкий'//266—8, 513—7 *juvγa*//458—15, 16 *juvqa*; 460—7 *jabčün* 'полынь'//460—7 *javčan*; 489—7 *jabčun-* 'приклеить'// 489—8 *javčun-*, 489—8 *javšun-* и пр.

В абсолютном исходе слова [*-P* (*-p*, *-b*) : *-v*]: *-m*, т. е. оппозиция сильный : слабый нейтрализуется [*-P*] и противопоставляется щелевому оглушенному *-v*.

---

9 П. М. Мелиоранский, *Араб-филолог о турецком языке*, стр. XXXI, 81.

10 G. Clauson, *The Initial Sounds in the Turkish Languages*, — «Bulletin of the School of Oriental and African studies of London», vol. XXIV, pt 2, 1961, p. 299.

Э. А. Грунина

ФОРМА ВРЕМЕНИ НА *-a/-e* ПО ПАМЯТНИКАМ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Предметом анализа в данной статье является парадигма, которая обычно толкуется как желательное наклонение (Optativ). В зависимости от взгляда исследователя на характер этой категории состав ее элементов в разных работах представлен по-разному. Так, в грамматиках турецкого языка, изданных в последнее время, в парадигму желательного наклонения включаются следующие формы: *-(y)ayım*[1], *-(y)asın*, *-(y)a*, *-(y)alım*, *-(y)asınız*, *-(y)alar*[2]; *-(y)ayım*, *-(y)asın*, *-sın*, *-(y)alım*, *-(y)asınız*, *-sınlar*[3].

Автор самой ранней дошедшей до нас грамматики турецкого языка приводит сходную парадигму, рассматривая ее как будущее время: *-(y)am*, *-(y)asın*, *-(y)a*, *-(y)avuz*, *-(y)asız*, *-(y)alar*[4].

Ниже мы попытаемся уточнить, в каком отношении находились указанные формы между собой и что представляло так называемое желательное наклонение по тем материалам, которые нам дают письменные памятники турецкого языка.

Спрягаемая основа *-a*, отмеченная уже в первых письменных памятниках турецкого языка, была одним из основных элементов в системе временны́х форм приблизительно до XVII в., постепенно утратив эту роль в связи со значительными сдвигами в кругу форм настоящего и будущего времени. На протяжении этого периода спрягаемые формы данной основы предстают как единая парадигма, состав элементов которой отличается по отдельным памятникам лишь аффиксами лица, что было обуслов-

---

[1] В дальнейшем везде дается лишь один вариант аффикса.

[2] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 246; то же, Muharrem Ergin, *Türk dil bilgisi*, İstanbul, 1962, s. 295.

[3] H. J. Kissling, *Osmanisch-türkische Grammatik*, Wiesbaden, 1960, S. 87.

[4] Bergamalı Kadri, *Müyessiret-ül-Ulûm*, yayınlıyan Besim Atalay, İstanbul, 1946, s. 21.

лено постепенной сменой норм и в кругу этой категории. Примеры: *olavan* (K. D., 16), *gülevem* (S. V., 5), *varam* (K. D., 13), *göresin* (Gülş., 91), *ola* (Kop., 30), *diyevüz* (Kad., 10), *varasız* (Yus. Z., 89), *bileler* (K. D., 3).

Вопрос о характере турецкой формы на *-а* обычно затрагивался исследователями в связи с попытками определить истоки и пути развития форм желательного наклонения (типа турецких *-(y)ayım*, *-(y)alım* с соответствующими вариантами по разным тюркским языкам)[5]. Точки зрения по этому вопросу различны. Большинством исследователей поддерживается взгляд, высказанный Ж. Дени на происхождение формы общетюркского желательного наклонения -[*ä*](*y*)// -[*i*](*y*) из **-käy//*-kiy* «безличного Optativ'а, недифференцированно заключавшего в себе значения приказания, необходимости, повеления, намерения и будущего, которые разделились лишь впоследствии»[6]. Здесь следует заметить, что исследователи, ссылаясь сочувственно или критически на эту мысль французского тюрколога, связывают обычно желательное наклонение с формой *-ġay* современных языков и ряда восточнотюркских памятников, между тем как Ж. Дени и *-ġay* выводил из указанной выше гипотетической формы, намечая один из возможных путей ее развития, и прямой связи между ней и основой желательного наклонения, как нам представляется, не проводил. Но основу общетюркского желательного наклонения Ж. Дени непосредственно связывал с турецкой формой *-а*, рассматривая ее именно как основу желательного наклонения (а также ряда временны́х форм). Против выведения основы желательного наклонения *-a*(*y*) из *-gay* возражал В. Котвич, видя в последней образование более новое, имеющее причастный характер. Однако и В. Котвич основу желательного наклонения отождествлял с турецкой спрягаемой основой *-а*[7]. С точки зрения конечных результатов развития Н. К. Дмитриев считал возможным говорить о двух типах желательного наклонения: с основой на *-а* (отождествляя ее с турецкой формой *-а*) и *-ġay*[8]. Применительно к восточнотюркским памятникам К. Брокельманн различает желательное наклонение (Voluntativ, формы 1-го лица) и основу на *-ġay*, допуская их возможную в процессе истории контаминацию[9].

[5] В дальнейшем, говоря о желательном наклонении, мы будем иметь в виду формы именно этого типа.

[6] J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, Paris, 1921, § 1343.

[7] В. Котвич, *Исследование по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 268—269.

[8] Н. К. Дмитриев, *Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 121—122; *Турецкий язык*, М., 1960, стр. 52.

[9] C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, § 179.

Большинство исследователей, затрагивавших в связи с вопросом о желательном наклонении турецкую форму на *-a*, исходили как из данного, что это основа желательного наклонения, не пытаясь уточнить комплекс ее значений и ее место в кругу других спрягаемых форм. Не находит обычно объяснения и параллельное существование форм типа *ala-m* и *alayım*(< *alayın*). В новейших работах турецких исследователей эти формы рассматриваются как разные по своему происхождению, хотя толкование первой формы остается прежним — желательное наклонение [10].

В определении спрягаемой формы на *-a* в турецком языке мы исходим из того, что она генетически связана с восточнотюркской формой *-ġay*, вариантом которой был аффикс *-ġa*, давший в юго-западных языках форму *-a* в силу закономерного выпадения гуттурального согласного перед широкими гласными в ряде аффиксов и падения конечного *y* [11]. Вместе с тем основа желательного наклонения, общая для большинства тюркских языков, непосредственно не связана с формой на *-ġay* в том ее качестве, как она зафиксирована в памятниках, тем самым желательное наклонение не связано прямым образом и с турецкой спрягаемой основой на *-a*, хотя, возможно, обе категории могут быть ступенчато возведены к общему источнику.

Памятники турецкого языка для 1-го лица единственного числа желательного наклонения зафиксировали две формы: *-(y)ayın* и *-(y)ayım*. Аффикс *-ın* > *-ım*, очевидно, этимологически не был связан с личным местоимением и лишь в процессе истории был переосознан как аффикс лица (отсюда возможные контаминации с собственно аффиксами лица — см. ниже) [12]. Аффикс 1-го лица единственного числа в форме времени на *-a* имел

---

[10] M. Ergin, *Türk dil bilgisi*, İstanbul, 1962, s. 295.

[11] М. Рясенен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 135—136; Г. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 87; в словаре Абу-Хайяна постоянно подчеркивается параллелизм форм типа *kälkäysän* и *kälkäsän*, *kälkäy* и *kälkä* (Abu-Hayyan, *Kitab al-Idrak li-Lisan al-Atrak*, İstanbul, 1931, s. 160). О происхождении турецкой формы *-a* из *-ġa* см. также Talât Tekin («Türk dili», 1954, с. IV, № 38, s. 94). В ранних турецких памятниках, а также в восточнотюркских памятниках, отмеченных огузскими чертами, зафиксированы формы с основой *-ay*, которую можно было бы рассматривать как параллельную *-ġay* (см. также C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik*, § 179). По А. Габэн, *-ġay* < *-ġa* (глагольное имя) + *y* («Alttürkische Grammatik», Leipzig, 1950, Nachträge, 114, 3). Я Шинкевич форму на *-ġa* связывает с глагольным именем *-ġu* (Rabγuzīs Syntax, — MSOS, XXX, 1927, S. 31), та же мысль у Я. Экманна (PhTF, 132).

[12] В. Котвич, *Исследование по алтайским языкам*, стр. 268; Э. В. Севортян, *Категория сказуемости*, — ИСГТЯ, II, М., 1956, стр. 21.

ту «аномалию», что в нем не было соединительной гласной (*-m*). Мы не считаем возможным рассматривать аффикс *-m* как вариант уже существовавшего в ту эпоху аффикса *-(y)am//-(y)em*. Существование последнего было лишь той предпосылкой, благодаря которой форма *-m* стала преобладающей по сравнению с более старой формой *-vän//-väm*. Еще труднее видеть в форме типа *ala-m* результат трансформации аффикса желательного наклонения (в большинстве случаев этот процесс приводит к форме с узкими гласными типа *alıyım//alıym//alīm*). Аффикс *-m* в форме 1-го лица, возможно, следует рассматривать как модификацию полного аффикса *-vän//-väm* так же, как это имело место в случае *-ġa+-män*. Ср. *barġamän*, *tarġamän* (Kutb, 31—32) и наряду с этим *salġa-m* (там же, 151), *ḳılmaġa-m* (там же, 48). Аналогичное явление отмечено в употреблении 1-го лица условного наклонения *alsa-m* и *alsa-män* (Kutb, 224). Ср. также у Абу-Хайяна *aldu-m* и *aldu-män* (указ. соч., стр. 160).

Причины и условия такого функционирования полного аффикса еще нуждаются в объяснении [13]. В форме *-ay*, отмеченной в некоторых памятниках, как и в форме *-ġay*, был только полный вариант аффикса. Ср. *aytaymän* (A. S., 16), *biläymän* (Kutb, 142, 176), *aytaymän* (Kutb, 268). Видеть здесь контаминацию основ времени и желательного наклонения, как это имеет место с контаминацией аффикса лица в формах типа *baġlayın* и *baġlaġayın* (см. ниже), мешает то обстоятельство, что в турецких памятниках сохранились следы той формы времени на *-a*, которая еще имела конечный согласный *y* (модальное слово *bolay* > *bola*, которое с течением времени было вытеснено тоже модальным словом *ola*) [14]. Таким образом, нам кажется, что происхождение *-m* в форме времени на *-a* имело особый характер по сравнению с аффиксом 1-го лица единственного числа в системе аффиксов сказуемости, но в своем проявлении и функционировании в языке испытало влияние этой системы.

Исследователи, анализировавшие форму на *-ġay* по материалам письменных памятников, как правило, разграничивали в ней временнóе и модальное содержание [15]. Турецкая форма на *-a*

---

[13] На это явление обратил внимание П. И. Кузнецов в своей работе «Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках» («Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 46), отметив закономерный процесс возникновения сокращенной формы аффикса как следствие падения конечного согласного основы.

[14] См. также M. Ergin, *Türk dil bilgisi*, I, § 493.

[15] А. Габэн в древнетюркском основным для этой формы полагает значение будущего (указ. раб., § 220), для языка CC — будущее и значение ирреального наклонения (PhTF, 68); А. М. Щербак — будущее («Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана»,

трактовалась обычно, как это уже было указано выше, как форма только модального значения. Единства во взглядах на характер этой категории в более ранние периоды истории турецкого языка также не существует [16].

Имеющиеся материалы письменных памятников турецкого языка позволяют нам в общих чертах выделить два этапа в развитии этой формы: один — XIII—XVI вв. (исходная точка здесь весьма условна и определяется лишь дошедшими до нас источниками), когда форма на *-a* составляла одно из звеньев временно́й системы языка, и второй — последующие века — период угасания данной категории, разрушения парадигмы и превращения формы на *-a* в категорию узкомодального содержания — конечный этап ряда аналогичных образований в тюркских языках. Внимание исследователей к последнему периоду в развитии данной формы, кажется, и обусловило ее преимущественное определение как Optativ, Optativ-Subjonctiv и т. д.

В своем месте мы пытались определить положение формы на *-a* в кругу не-прошедших форм по памятникам турецкого языка [17]. С нашей точки зрения, общим временны́м содержанием данной формы было выражение непрошедшего действия с неразличением плана настоящего и будущего в самой форме, в силу чего в определенных условиях время на *-a* могло относить действие как к плоскости будущего, так и указывать на вневременно́й характер действия. В этом значении формы на *-a* и *-ur* (неотмеченный член) были противопоставлены формам *-(y)ısar* и *-(y)ası*. Функция будущего времени в форме на *-a*, хотя и была ведущей для языка памятников XIII—XVI вв., не составляла ее основного содержания. Между собой формы на *-a* и *-ur* были противопоставлены по признаку реализации действия; первая была отрицательно отмеченным членом и значения настоящего актуального передавать не могла. Признак субъективной обусловленности действия (характеристика наклонения) определял действия, пе-

М.—Л., 1961, стр. 151—152); М. Мансуроглу видит в этой форме значение будущего в старокыпчакском (PhTF, 106); Я. Экманн для языка памятников Хорезма трактует эту форму как будущее-желательное (там же, 133); для Я. Шинкевича основное ее значение — будущее (указ. раб., стр. 37—38) и др.

[16] М. Мансуроглу считал, что форма на *-a* в ранних памятниках выступала как будущее время, желательное наклонение (формы 1-го лица) и долженствовательно-желательное наклонение (S. V., 140—147); В. Кылычоглу видит в ней лишь желательное наклонение (TDAY, Belleten, 1953, s. 182); Х. Долу рассматривает форму на *-a* как настоящее время и желательное наклонение (TDAY, Belleten, 1954, s. 225, 229).

[17] «Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв.» («Тюркская филология», изд. МГ — в печати).

редаваемые формами на *-(y)ısar*, *-(y)ası*, *-ur* как независимые, необусловленные в своем проявлении, в то время как форма на *-a* в этой оппозиции была слабо отмеченным членом, с «пустой» модальной характеристикой, которая в зависимости от условий могла получать разное наполнение. Отсюда ее разнообразные модальные оттенки и употребление в различных модальных конструкциях. Некоторые примеры:

lafẓ oldur ki insan anı dile getüre söyleye (Kad., 8) 'Слово — это то, что человек выражает языком и речью';

Benem ol Rustem cihanda namdar / Kim bir oḳımdan öle Isfendiyar (Gülş., 83) 'Я тот Рустем, славный во всем мире, От одной моей стрелы может погибнуть Исфендияр';

Eger ol göle daşınu bilürseñüz, eminlige ve rahatlıġa... düşesiz (K. D., 21) 'Если вы сможете переселиться в то озеро, то обретете... покой и безопасность';

...baña gelecegi vaḳit ilam edesiz (Neş. Men., 1, 161) '...сообщите мне, когда он пойдет на меня';

Kimsene eski aḳçe ile satu bazar ve muamele etmeye (Bab., 9) 'Никто не должен вести торговлю и операции старыми деньгами';

...dilemedi kim ol yırtıcılar anuñ ḳorḳduġın bileler (K. D., 3) '...не захотел, чтобы те звери знали, что он испугался';

Gizlediler Yusufı ki satalar (Кор., 28) 'Спрятали Юсуфа, чтобы продать';

Ol ḳulaḳ ḳanı ki bu sırlar sıġa (S. V., 21) 'Где то ухо, которое вместило бы эти тайны?'

Нам представляется, что форма на *-a* для периода приблизительно до XVI в. не была категорией собственно желательного наклонения. Невозможно толковать ее по преимущественной функции только как будущее время. Это был особый тип аориста большой семантической емкости, свойственный в целом для определенного периода в развитии тюркских языков, своего рода переходное звено между прямым и косвенным наклонениями, дифференциация между которыми в процессе истории проявлялась все с большей отчетливостью. Потенциально форма на *-a* могла стать желательным наклонением (как стала одним из косвенных наклонений форма на *-ġay* в некоторых тюркских языках). Тенденция к превращению в наклонение гипотаксиса отмечается в дальнейшие периоды существования этой формы (что давало основание авторам европейских грамматик турецкого языка называть эту форму Subjonctiv). Период XVI—XVIII вв. характеризуется сдвигами в системе временны́х форм и прежде всего форм настоящего и будущего времени. Время на *-(y)ısar* постепенно выходит из употребления, в письменный язык входит

3 Заказ № 1037

форма будущего времени на *-(y)acak*, на базе настоящего-будущего времени на *-ur* развивается настоящее время на *-yor*. Все больше претерпевает изменения и форма на *-a*: происходят нарушения в парадигме, суживается сфера и частотность употребления.

Первое нарушение парадигмы началось с форм 1-го лица и прежде всего с формы единственного числа. Близость значения этой формы и форм желательного наклонения обусловливала в ряде случаев их взаимозаменяемость. Вытеснение формой желательного наклонения формы 1-го лица единственного числа времени на *-a* произошло сначала в независимом употреблении, ибо форма на *-a* дольше сохраняется в придаточных предложениях. Следы этого процесса мы находим в некоторых диалектах. Так, в говоре Газиантепа желательное наклонение в 1-м лице единственного числа имеет две формы: типа *olam* и *oluym* < *olayım*. Первая форма никогда не употребляется в самостоятельных предложениях и возможна лишь в придаточных предложениях типа *misafirler oturmalılar ki ben de oturam//oturuym*, а также в конструкциях пожеланий/зложеланий [18]. Употребление форм типа *olam* здесь можно было бы рассматривать как рефлекс прежней временно́й формы на *-a*.

Процесс вытеснения форм 1-го лица времени на *-a* формами желательного наклонения нашел известное отражение в грамматических описаниях турецкого языка XVII—XVIII вв. Так, Мегизер выделяет будущее время с основой на *-a*, но в парадигму для 1-го лица единственного числа введена форма желательного наклонения. Та же парадигма, но уже целиком построенная на основе *-a*, рассматривается автором как Subjunctivus [19]. Отметим, что форма *-(y)alum* в данных парадигмах не участвует: очевидно, автору она представлялась не связанной с ними. Вигье в парадигму Subjonctiv-Optativ для 1-го лица единственного и множественного числа, а также для 3-го лица включает формы собственно желательного и повелительного наклонений, хотя и отмечает само существование форм типа *alam*, *alavız//alayız*, *ala* [20].

В восточнотюркских памятниках также обнаруживается взаимодействие желательного наклонения с формами 1-го лица времени на *-ġay*. В памятниках XIV—XV вв. наряду с преобладающей формой желательного наклонения типа *alayın* отмечены случаи типа *izlägäyin* (Kutb, 154), *yıġlaġayın* (там же, 153), *tökmäkäyin* (там же, 47), *baġlaġayın* (Мух-Н, 124). Думается,

[18] Ömer Asım Aksoy, *Gaziantep ağzı*, İstanbul, 1945, s. 165.

[19] Megiser (Hieronymus), *Institutionum linguae turcicae*, Leipzig, 1612, cap. VII, I.

[20] Viguier, *Éléments de la langue turque*, Constantinople, 1790, p. XVII.

что в данном случае имела место контаминация показателей лица. Подобные примеры обычны для поэтических произведений, где нужная по размеру форма типа *bağlayayın*, для которой нормой письменного языка уже было *bağlayın*, вызывала к жизни форму *bağlağayın*, поскольку формы 1-го лица в данных категориях были семантически близки. Следует заметить, что случаи такого употребления отмечаются в глаголах с основой на гласную и единичны при основах на согласную (типа *mingäyin*, PhTF, 129).

Распад парадигмы времени на *-a* в турецком языке, начавшийся с форм 1-го лица, коснулся и форм 3-го лица, которые постепенно были вытеснены формами повелительного наклонения *-sın*, *-sınlar*. Известную жизнеспособность при узком круге употребления сохранили в современном литературном языке формы 2-го лица, в основном форма единственного числа для передачи значения предостережения, опасения. Форма на *-a* представлена в ряде современных турецких диалектов, которые могут дать интересные материалы для ее изучения.

Таким образом, если исходить из современного состояния формы на *-a*, то для литературного языка можно говорить лишь об осколках прежней парадигмы. Процесс отмирания этой формы начался приблизительно в XVI в. и шел по линии утраты временно́го характера данной формы и превращения ее в категорию модального содержания. Однако этот процесс не привел к созданию новой категории: парадигма распалась, часть ее функций перешла к новым формам времени, часть — к формам желательного и повелительного наклонения, развитие которых шло в сторону расширения сферы относительного употребления. В засвидетельствованную памятниками эпоху форма на *-a* и желательное наклонение существовали как две разные категории и отождествление их представляется неправомерным. Форма на *-a* имела соотносительную восточнотюркскую форму *-ġay//-ġa*, с которой ее сближают общий источник происхождения и сходные тенденции функционирования и развития грамматического значения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A. S. — C. Brockelmann, *Altosmanische Studien* I. *Die Sprache 'Ašyqpāšās und Aḥmedīs*, ZDMG, LXXIII, 1919.

Bab. — F. Babinger, *Sultanische Urkunden zur Geschichte der Osmanischen Wirtschaft und Staatsverwaltung am Ausgang der Herrschaft Mehmedes II, des Erobers*, München, 1956.

Gülş. — Gülşehrî, *Mantıku't-Tayr*, Ankara, 1957.

Kad. — Bergamalı Kadri, *Müyessiret-ül-Ulûm*, yayınlıyan Besim Atalay, İstanbul, 1956.

K. D. — A. Zajączkowski, *Studja nad językiem staroosmańskim.* I, *Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny*, Krakow, 1934.

Kop. — A. Zajączkowski, *Studja nad językiem staroosmanskim.* II, *Wybrane rozdziały z anatolijskotureckiego przekładu Koranu*, Kraków, 1937.

Kutb — A. Zajączkowski, *Najstarsza wersja turecka «Ḫusräv u Šīrīn» Quṭba*, C. I, Warszawa, 1958.

Мух-Н — Хорезми, *Мухаббат-наме*, издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961.

Neş. Men. — «Ğihānnümā», die altosmanische Chronik des Mevlānā Meḥemmed Neschrī im Auftrage der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin nach Vorarbeiten von Theodor Menzel, hrsg. von Franz Taeschner, Bd I—II, Leipzig, 1951—1955.

S. V. — «Sultan Veled'in türkçe manzumeleri», yayınlayan ve işleyen Mecdut Mansuroğlu, İstanbul, 1958.

Yus. Z. — Şeyyad Hamza, *Yusuf ve Zeliha*, nakleden Dehri Dilçin, İstanbul, 1946.

В. Г. Гузев

ОПЫТ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ГРАФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО СПИСКА «СКАЗАНИЯ О МЕЛИКЕ ДАНЫШМЕНДЕ» [1]

Основными источниками сведений о фонетике языка тюрок Малой Азии XIV—XV вв. являются ранние анатолийские памятники, написанные арабским письмом.

Проблемы изучения фонетики какого-либо языка путем анализа письменных текстов на этом языке теоретически начали разрабатываться совсем недавно, уже в текущем десятилетии. Имеются работы, специально посвященные этим вопросам [2]. Их разработка тесно связана с теорией графики, основы которой заложены еще И. А. Бодуэном де Куртенэ и Н. С. Трубецким [3].

Напомним главные теоретические основы использования данных древних письменностей для фонетических исследований.

1. На самых ранних этапах развития письменности, когда писцы средствами заимствованного алфавита стремятся пере-

---

[1] Список хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Датирован 1032 г. х. (1622/23 г.) Само произведение создавалось в XIII—XV вв. По мнению его исследователей, список отражает язык тюрок Малой Азии XIV в. См.: В. Д. Смирнов, *Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей* XVI в. *Calepinus Cyriszelebes*, — ЗВОРАО, XVIII, СПб., 1907, стр. 28—31; I. Mélikoff, *La geste de Melik Dānişmend. Étude critique du Dānişmendnāme*, I, Paris, 1960, p. 176.

[2] H. Penzl, *Methoden der Lautbestimmung in der historischen Sprachwissenschaft*, — «Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences, 1961», «Janua Linguarum», X, 1962, S. 719—721; Л. Р. Зиндер, *К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности*, — «Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б. А. Ларина», Л., 1963, стр. 143—148.

[3] См. И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Об отношении русского письма к русскому языку*, — И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Избранные труды по общему языкознанию*, II, М., 1963, стр. 209—235; доклад Н. С. Трубецкого на Втором международном конгрессе лингвистов: Actes du Deuxième congrès international de linguistes, Paris, 1933, pp. 120—125.

давать звуковую сторону своего языка, наблюдается наибольшее количество колебаний в написаниях слов и формантов. В этот период в письменности отсутствуют твердые принципы написания, но она наиболее верно отражает звуковую сторону языка. С появлением в ней нормализации, с развитием орфографии она отстает от развития звуковой стороны языка; связь между письменностью и фонетикой ослабевает, и написания менее верно передают звучание слов и формантов. Это и обусловливает пригодность памятников древних письменностей для историко-фонетических исследований.

2. Написания слов и формантов отражают их фонемный состав, так как только фонемы осознаются носителем языка. Варианты фонем им, как правило, не осознаются.

3. При переходе знаков алфавита из одного языка в другой — в случае приспособления письменности одного языка для нужд другого — звуковое содержание знаков в той или иной степени сохраняется, и выбор знака для передачи какой-либо фонемы не может быть совершенно произвольным.

В настоящей статье предлагается несколько примеров использования графических особенностей текста «Сказания о Мелике Данышменде» для изучения фонетики языка тюрок Малой Азии XIV в. на основе перечисленных принципов.

I

В тексте наблюдаются случаи использования в написаниях одного и того же слова или аффикса то буквы ب, то буквы پ.

Наиболее часты эти колебания в написаниях деепричастного аффикса *-(y)up/-(y)üp*: كلوب от гл. *gelmek* ‘приходить’, 51v 2[4]; چقوپ от гл. *čïkmak* ‘выходить’, 54v 2′; بغلیوب от гл. *baglamak* ‘вязать, привязывать’, 85v 4; اولوب и اولپدر от вспом. гл. *olmak* ‘быть, становиться’, 52r 5, 51r 1 и др. Заметно чаще в этих написаниях используется буква ب.

В подавляющем же большинстве случаев в употреблении ب и پ наблюдается четкая дифференциация, постоянство, и чаще всего в одних и тех же словах букве ب памятника в современном турецком языке соответствует фонэма /b/, букве پ — фонема /p/: بو = совр. *bu* ‘это’ (встречается часто); بر = совр. *bir* ‘один’ (встречается часто); بشلدی = совр. *bašladï* ‘он начал’, 217r 9 и др., но: قپو = совр. *kapï* ‘дверь’, 221r 8, 9, 5′; قپدی =

[4] При указании страниц рукописи буквой r обозначается recto, буквой v — verso листов. Вторая цифра указывает на строку, из которой взят пример. Штрих рядом с ней означает, что отсчет строк ведется снизу.

совр. *koptu* ‘разразилось (о явлении природы)’, 224v 8; طپراق = совр. *toprak* ‘земля’, 224v 3′ и др.

Постоянство в использовании букв ب и پ в написаниях большинства слов убедительно свидетельствует о том, что ب отражает в тексте памятника фонему /b/, а پ — фонему /p/.

Но чем объяснить то, что в написаниях названного деепричастного аффикса происходят колебания ب ~ پ? Ответить на этот вопрос помогает анализ колебаний: буква ج ~ буква ح.

Эти колебания встречаются в тексте особенно часто, но много слов пишется только с одной из этих букв. Например, слово *čok* = совр. *čok* ‘много, очень’: چوق 67r 6, 169v 3′, 217r 2, 218r 3 и т. д.; слово *ič* = совр. *ič* ‘нутро, внутренняя часть’: اچنده, ایچنده ‘внутри’ 218r 7, 234r 2′, اچنه, اچینه ‘внутрь’ 220v 1, 222v 1 и т. д.; слово *andžak* = совр. *andžak* ‘только’: انجق 179r 2, 179r 3′, 189r 4, 255r 4′ и др.

Это позволяет утверждать, что малоазийские писцы использовали букву ج главным образом для передачи фонемы /dž/, букву ح главным образом для передачи фонемы /č/.

В написаниях слов с конечным /č/ или /dž/, к которым присоединен аффикс с начальным гласным, колебания ج ~ چ почти не наблюдаются: اوچنجی *üčündži* ‘третий’ 197v 6, 212r 2′, 212v 1, 214v 2′ и др.; قلجه *kïlïdža* ‘по мечу’ 185v 7, 8′, 191r 1, 230r 5′, 255v 6′ и др.

Совсем по-другому ведут себя эти буквы, когда они передают фонему в ауслауте. Во-первых, в этих случаях наблюдается наибольшее количество колебаний ج ~ ح; во-вторых, независимо от того, какую фонему имеет слово при наращении аффиксов с начальным гласным, фонема в ауслауте чаще передается буквой ج[5]: اوج = совр. *üč* ‘три’: 68r 1, 170v 6′, 187v 3′, 188r 4, 194r 1′ и т. д.

اوح (то же самое): 182r 2, 222v 3′, 187v 6′, 205r 4 и т. д.

قلج = совр. *kïlïč* ‘меч’: 172v 2′, 185v 8′, 190v 3, 197r 2, 200r 5 и т. д.

قلچ (то же самое): 71r 3′, 80v 8′, 185v 3′ и т. д.

هیج = перс. هیچ ‘нет, совсем, не’: 172v 2, 192r 8, 6′, 193r 7′, 199r 8, 9 и т. д.

---

[5] Ср. T. Banguoğlu, *Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar*, Breslau, 1938, § 69.

هيچ (то же самое): 73r 3′, 73v 2, 217r 1 и т. д.

Поскольку употребление букв ب, پ и ج, چ достаточно дифференцировано, ибо каждая из них служит прежде всего для передачи одной определенной фонемы, то отсутствие этой дифференциации при передаче фонем, находящихся в ауслауте, очевидно, следует объяснять фонологическими условиями, именно отсутствием противоположения соответствующих фонем в исходе слова. Другими словами, описанное поведение названных букв, возможно, отражает нейтрализацию противоположения /b/ — /p/, /dž/ — /č/ в ауслауте[6].

Что касается более частого использования букв ب и ج для передачи конечных фонем, сравнительно с پ и چ, то это, по-видимому, определялось нелингвистическими факторами, например, тем, что ب и ج пишутся с одной точкой, в то время как پ и چ — с тремя.

II

В тексте памятника часто встречаются колебания: буква د ~ буква ط: طوردى = совр. *durdu*, в тексте означает: 'он встал' 216v 1′; طوررلرايدى = совр. *durur lar idi* 'они стояли' 221r 5, но دوررلر 'они стояли' 216r 8; دقندى = совр. *dokundu* 'он дотронулся' 60r 6′, но طوقندى (то же самое) 243v 9 и др.

Анализ функционирования буквы ط показывает, что она используется в написаниях только тех слов, которые имеют гласные заднего ряда. Значит, указанные колебания наблюдаются только в написаниях слов, имеющих задние гласные.

Если предположить, что за этими графическими колебаниями стояли колебания в произношении: /d/ ~ /t/, то следовало бы ожидать, что в тексте по меньшей мере в написаниях слов с передними гласными имелись бы случаи колебаний د ~ ت, ибо главным образом ت передает в тексте фонему /t/. Но такие случаи почти не наблюдаются. Нам удалось зафиксировать названные колебания только в написании слова *bulut* 'облако': بولد 117v 7, بولوط 115r 7, بولت 234v 1. (Ср. сказанное выше о поведении букв ب, پ, ج и چ в тех случаях, когда они передают фонемы в ауслауте)[7]. Это свидетельствует о том, что

6 Ср. там же, § 68, 69, 72.

7 Колебания د ~ ت в написаниях имени Данышменда не могут быть приняты во внимание, ибо, как правило, когда это имя пишется с буквой ت, вместо буквы ن используется ل, что свидетельствует, что само имя произносилось по-разному: دانشمند 131r 7′, 234r 1, تلشمن 131r 7′, تالشمن 136v 2, 138r 9 и т. д.

колебания в произношении /d/ ~ /t/ не были характерны для языка «Сказания». Значит, буква ط в тех случаях, когда она участвует в колебаниях د ~ ط, передает фонему /d/.

Использование буквы ط для передачи фонемы /d/, возможно, связано с особенностями арабской фонемы /ṭ/, передаваемой в арабском языке с помощью ط. Это — апикальный, эмфатический взрывной с твердым отступом, глухой согласный. Звуковой эффект, производимый набуханием корня языка (чем характеризуется артикуляция эмфатических согласных) и твердым отступом, мог ассоциироваться у тюркских писцов со звонкостью фонемы /d/ их родного языка.

Сказанное не означает, что букву ط всегда следует читать как /d/. Глухой согласный /t/ также имеет черты сходства с арабской фонемой /ṭ/, ибо последняя, как было сказано, артикулируется как глухая. Если буква ط использовалась и для передачи тюркской фонемы /t/, то в тексте следует ожидать графические колебания ت ~ ط. Примеры таких колебаний есть: توز = совр. *toz* 'пыль' 57r 7, 168v 2, 8 и др., но طُوزْ (то же самое) 94r 7′, طوزلو *tozlu* 'пыльный' 248r 6.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что графические колебания в ранних памятниках не происходят стихийно, не являются беспорядочными. Они обусловливаются совокупностью различных причин и подчиняются определенным закономерностям, которые можно устанавливать путем тщательного анализа колебаний. При этом важно подчеркнуть, что графические колебания определенным образом связаны с фонемами языка, с их особенностями. Это-то и делает возможным, изучая колебания и их причины, извлекать сведения о фонетике языка.

III

В арабском языке буква خ передает на письме глубоко-задненёбный спирант /ḫ/, а буквы ح и ه — фарингальные (зевный и связочный) согласные /ḥ/ и /h/.

Из этих трех букв в написаниях тюркских слов чаще всего встречается буква خ. Всегда с этой буквой пишутся слова: داخى (= совр. *dahi* 'и, также') 52r 3′, 69v 7, دآخى 73r 3, دَخِى 74r 1, دخى 216v 1 и др.; اخشم (= совр. *akšam* 'вечер') 50r 8′, 74r 9, 176v 3 и др.; اخشام 148r 6′. Обычно с خ пишутся слова: يوخسه = совр. *yoksa* 'или, иначе' 70v 2, 172r 2′, 216r 8 и др., но يُوقْسا (то же самое) 77v 3′, также اختردى *aḫtardï* 'он опро-

кинул, свалил' (ср. совр. *aktarmak* 'перекладывать') 185r 8, 195r 9; اختارلدی *aḫtarïldï* 'он был повергнут наземь' 139r 9, но اقترلدی (то же самое) 138r 8.

Как видно из примеров, в использовании буквы خ наблюдается большое постоянство. Оно нарушается только двумя случаями, когда вместо буквы خ употреблена буква ق.

В написаниях тюркских слов используются также буквы ح и ه: حیقرب *ḥaykïrup* 'крикнув' 227v 1′, حیقرمدن *ḥaykïrmadan* 'от крика' 254r 8; های *hay* (?) 'эй' (при обращении) 207v 8′, 131r 4′; هله *hele* 'в особенности' 216v 2.

Тот факт, что буква خ не участвует в графических колебаниях с буквами ح и ه, свидетельствует о том, что малоазийские тюрки четко отличали звук, который они передавали с помощью خ, от звука или звуков, передававшихся с помощью ح и ه.

Итак, очевидно, что буква خ передает в тексте тюркскую фонему /ḫ/, ассоциировавшуюся у тюркских писцов с арабской фонемой /ḫ/.

Во всех приведенных выше словах фонема /ḫ/ скорее всего возникла из /k/ [8]. Это бесспорно в отношении слов *yoḫsa* и *aḫšam*. Первое происходит из *yok* 'не, нет' + *sa* — аффикс условного наклонения, второе — из *ak* 'белый' + *šam* 'вечер' [9]. Слова *yok* и *ak* еще в орхоно-енисейских памятниках имели /k/ [10] и произносятся с /k/ также в современном турецком языке. В тексте «Сказания» они пишутся с буквой ق: یوق 226r 2′, اق 128v 8.

Слово *daḫï* в орхоно-енисейских памятниках имело фонему /k/ [11]. В тюркских стихах Султана Веледа оно встречается в различных написаниях: с буквами ق, خ и غ [12]. В слове *aḫtarmak* в орхоно-енисейских памятниках также была фонема /k/ [13].

Сопоставим следующие факты: буква خ передает в арабском языке задненёбный согласный; тюркская фонема /ḫ/, передаваемая в тексте с помощью этой буквы, происходит из задненёбной фонемы /k/; буква خ в тюркских словах участвует в ко-

---

[8] Ср. J. Deny, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1921, § 61, p. 64.

[9] В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I, СПб., 1893, клн. 129; т. II, СПб., 1905, клн. 107.

[10] A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 295, 356.

[11] Ibid., S. 338.

[12] M. Mansuroğlu, *Sultan Veled'in türkçe manzumeleri*, İstanbul, 1958, S. 158.

[13] A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, S. 295.

лебаниях с буквой ق[14], передающей задненёбную фонему /k/ (см. примеры выше). Все это позволяет думать, во-первых, что и фонема /h̯/ в языке памятника была задненёбной, во-вторых, что она была близка фонеме /k/ и была ее щелевым коррелятом.

Заметим, что в современном турецком языке фонемы /h̯/ нет; в нем есть только фарингальный /h/[15]. Однако подобная фонема есть в современном азербайджанском языке. Ср.: *ахтармак* ‘искать, добиваться’, *йохса* ‘иначе, или же’, *ахшам* ‘вечер’[16]. Это — задненёбный глухой спирант[17].

* * *

Цель настоящего этюда состояла в том, чтобы показать, что и арабское письмо, крайне неприспособленное для передачи звуковой стороны староанатолийско-тюркского языка, поддается фонологической интерпретации. Возможности ранних малоазийских тюркских памятников как источников сведений о фонетике языка тюрок Малой Азии XIV—XV вв. еще не исчерпаны.

---

[14] Ср. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 61, p. 65.

[15] Э. В. Севортян, *Фонетика турецкого литературного языка*, М., 1955, стр. 44.

[16] Написание приводимых азербайджанских слов соответствует нормам современной азербайджанской орфографии.

[17] Ср. Ә. Дәмирчизаде, *Азәрбайҹан дилинин сөвтийяты*, — «Азәрбайҹан дилинә аид тәдгиглер», Баки, 1947, стр. 20.

Л. В. Дмитриева

МАТЕРИАЛЫ ПО ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА НАРОДОВ АЗИИ АН СССР

ОБЩИЙ ОБЗОР

Рукописи тюркских словарей и других сборников лексического материала, комментариев и пособий к составлению словарей, некоторых грамматических сочинений, неизданных словарей и записей языковедного характера отечественных востоковедов имеют большой интерес для тюркологов-языковедов как ценный и надежный источник для исследований по истории тюркских языков. Обзор этих материалов, находящихся в собрании Института народов Азии АН СССР (ИНА АН СССР), приводится ниже. Они находятся в Рукописном отделе и в Архиве востоковедов института.

Материалы Рукописного отдела представлены двуязычными и трехъязычными словарями, другими сборниками лексических материалов (синонимы, идиомы и т. п.), словарями морфологического типа, комментариями и пособиями к составлению словарей, грамматическими сочинениями и комментариями к ним. Из тюркских языков в этой группе материалов представлены: турецкий, узбекский (преимущественно староузбекский XV—начала XVI в., так называемый чагатайский), татарский, казахский языки.

а) Двуязычные словари

Среди них прежде всего следует выделить редкие, имеющиеся лишь в немногих хранилищах или совсем еще не отмечавшиеся в печатных каталогах словари.

Из довольно редких отметим арабско-турецкий словарь в стихах منتخب («Избранные [слова]») неизвестного составителя[1]. В ИНА АН СССР он представлен списком конца XVIII—начала XIX в. (шифр — В 1089, 116 лл.).

[1] C. J. Tornberg, *Codices arabici, percici et turcici Bibliothecae regiae Universitatis Uppsaliensis*, Uppsala, 1849, s. 16, № 19. Рукопись В 1089 опи-

Неизвестные по каталогам словари:

Арабско-татарский словарь неизвестного автора, построенный по алфавитному принципу. Без названия. Дефектный список — нет начала и конца, XVIII—начала XIX в. (B 2744, 107 лл.).

كنز المطلسم فى ترتيب اللغات على حروف الشريف («Чудесный клад для составления словаря на [основании] священных букв») авторский чистовик турецко-арабского словаря, составленного ʿАбд ал-Ваххāбом аш-Шарфӣ ибн ʿАбд ал-Лаṭӣфом в 1220/1805-06 г. (см. лл. 61б, 148а рукописи). Словарь построен по алфавитному принципу (А 203, лл. 61б—148а).

Автографы латинско-татарского (D 621, 179 лл.) и татарско-латинского (D 649, 177 лл.) словарей, составленных миссионерами, членами францисканского ордена капуцинов в Астрахани, Soter и Gabriele в 1754 (D 621) и 1755 (D 649) гг. для главы ордена. Построение словарей алфавитное, при европейском порядке следования листов и текста. Оба словаря без названий.

Французско-турецкий словарь, составленный А. Г. Влангали, чиновником Министерства иностранных дел (МИД). Словарь построен по алфавитному принципу, с европейским порядком следования листов и текста. Закончен, вероятно, в 1826 г. в Петербурге (D 185, см. л. 02б рукописи, всего в рукописи 306 лл.).

Список казахских слов и некоторых имен личных с татарским (очень редко — русским) пояснением этих слов (А 1469, лл. 19а—34б). Список является автографом неизвестного составителя. Судя по пометкам, слова и имена записаны в местности زاویدین и не ранее 1923 г.

Описанный И. Н. Березиным [2] «Российско-татарский словарь» неизвестного автора (С 323 — конец XVIII—начало XIX в., 329 лл.). Построен по алфавитному принципу, но не закончен (доведен до буквы «п») и неполный (татарские значения русских слов указаны довольно редко).

Известные по каталогам словари, встречающиеся во многих хранилищах рукописей:

Персидско-турецкий словарь ал-Ḥалӣмӣ [3], составленный в 850/1446-47 г. Содержит два построенных по алфавитному принципу раздела — наиболее употребительные слова и редко

сана В. Д. Смирновым в «Collections scientifiques de l'Insitut des Langues orientales du Ministère des Affaires étrangères», SPb., p. 72, № 37 (далее — Coll. sc., VIII).

[2] И. Н. Березин, *Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках Санкт-Петербурга*, оттиск из «Журнала Министерства народного просвещения» за 1846 г., стр. 46.

[3] Описание его — Ch. Rieu, *Catalogue of the Turkish Manuscrpts in the British Museum*, London, 1888, p. 137b (далее — Rieu).

употребляемые слова и фразы, — в одном списке не позже 1216/1801-02 г. (шифр B 554, 148 лл.).

Арабско-турецкий словарь ал-Ахтарӣ [4] в полной авторской редакции 952/1545 г., в алфавитном порядке, — в четырех списках (C 295, 365 лл.; D 561, 263 лл.; D 684, 299 лл.; D 641, 266 лл.), самый ранний из которых датирован 1030/1620-21 г. (C 295). Краткая неавторская редакция этого словаря (1270/1792 г.) представлена в рукописи 1291/1874-75 г. (D 655, 95 лл.). Среди известных кратких редакций словаря ал-Ахтарӣ эта довольно поздняя редакция в описаниях еще не отмечалась.

Тремя списками XVIII и XIX вв. (B 1178—XVIII в., 55 лл.; D 221, 184 лл.; B 562, 256 лл.) представлен популярный «чагатайско»-турецкий словарь к произведениям Нава̄'ӣ, составленный в 959/1551-52 г. неизвестным автором. Построение словаря алфавитное. Так как он не имеет авторского названия, то встречается в литературе под несколькими условными обозначениями — более частое: «Словарь Абӯшқа» (по первому поясняемому слову). Однако в более старых рукописях словаря встречается чаще название, принятое в издании В. В. Вельяминова-Зернова: لغة النوائيّة و الاستشهادات الچغتائيّة («Словарь Нава̄'ӣ, приведенный в качестве [словаря] чагатайского [языка]»). Оно в большей степени отражает содержание сочинения [5]. Сопоставление этого словаря с одним из самых ранних восточных словарей «чагатайского» языка — с «чагатайско»-персидским словарем конца XV в. بدائع اللغات («Редкие слова») Т̣а̄ли' Йма̄нӣ — дало возможность установить, что «Словарь Абӯшқа» является переработкой этого словаря или близкой его редакцией [6]. Многие дополнения, исправления и сокращения внесены автором «Абӯшқа» на основе новых источников — прозаических произведений Нава̄'ӣ и на основе خلاصهٔ عبّاسى («Краткое изложение [для] 'Абба̄са») Мух̣аммада Х̮увайӣӣ — сокращенной редакции известного سنكلاخ мирзы Махдӣ-х̮а̄на, т. е. «чагатайско»-персидского словаря с грамматической вводной частью, состав-

---

[4] Rieu, 135в. Издания: Константинополь, 1242, 1256, 1296, 1298 гг. х. и др.

[5] 297a. Издания: сокращенное — A. Vambery, *Abuska. Csagatajtörök szógyüjtemeny*, Pest, 1862; полное — В. В. Вельяминов-Зернов, *Словарь джагатайско-турецкий*, СПб., 1868; V. Veliaminof-Zernof, *Dictionnaire djaghatai-turc*, SPb., 1869. Рукопись B 1178 описана В. Д. Смирновым: Coll. sc., VIII, p. 165, № 81.

[6] А. К. Боровков, *«Бада̄'и ал-луг̣а̄т». Словарь Т̣а̄ли' Йма̄нӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои*, М., 1961, стр. 21—37.

ленного в 1173/1759-60 г.[7]. Сокращение Мухаммада Хувайӣӣ посвящено правителю Азербайджана ʿАббāсу-мӣрзе, сыну Фатх ʿАлӣ-шāха, жившему в начале XIX в.[8]. В ИНА АН СССР имеется один список этого сокращения (В 1131, 206 лл.).

б) Трехъязычные словари

Редкие и неизвестные словари:

منتخب اللغات («Словарь избранных [слов]») Мухаммада Ризā — узбекский словарь, поясняющий арабские (раздел I), персидские и трудные для понимания староузбекские слова и выражения (раздел II), встречающиеся в произведениях Навā'ӣ и некоторых современных ему узбекских поэтов. В заключении отмечаются достоинства персидской поэзии. Составлен в 1213/1798 г. для знатного жителя Хивы — ʿАвāз-бий-инака. Все эти сведения указаны в предисловии (лл. 150б—153б рукописи), фактически же рукопись содержит раздел I словаря — арабские слова с их параллельными пояснениями по-персидски и по-узбекски, с подтвердительными цитатами из Навā'ӣ и др. (С 1818—1255/1839-40 г., лл. 150б—215а). Три ташкентских списка этого словаря описаны А. А. Семеновым, отметившим большую ценность этого «труда, по-видимому, совершенно неизвестного в науке и нигде, насколько известно, не отмеченного»[9]. Эти списки такого же состава (только предисловие и I часть) и того же времени, что и рукопись ИНА АН СССР. Действительно, сейчас, кроме ташкентских и данного ленинградского списков, других рукописей этого интересного и ценного для истории узбекского языка и изучения лексики Навā'ӣ и современных ему поэтов словаря не обнаружено.

Двумя списками конца XIX в. (В 519, 98 лл.; В 567, 88 лл.) представлен не отмеченный в каталогах арабско-узбекско-персидский словарь سلطان اللغات («Царь словарей»), составленный в Средней Азии в 1285/1868—1869 г. неизвестным лицом. Словарь построен по алфавитному принципу, очень компактно (арабское слово, его узбекский и персидский эквиваленты), без подтвердительных цитат.

Известные словари:

---

[7] Rieu, 264; *Sanglax*. A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī xān, Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson, London, 1960.

[8] Rieu, 266в. Рукопись В 1131 описана В. Д. Смирновым—Coll. sc., VIII, стр. 166, № 82.

[9] «Собрание восточных рукописей АН УзССР», под редакцией и при участии проф. А. А. Семенова, I, Ташкент, 1952, стр. 209, № 476 (далее — Семенов).

سبحۀ صبیان («Четки учеников») — арабско-персидско-турецкий словарь в стихах, неизвестного автора[10]. Содержит наиболее употребительные арабские и персидские слова, поясненные по-турецки. Составлен в 1033/1623 г., в ИНА АН СССР имеется в одном списке 1218/1803-04 г. (А 203, лл. 151б—180б).

تحفۀ شاهدی («Подарок Шāхидӣ») — персидско-турецкий словарь в стихах с расположением словарного материала в виде таблиц. Составлен Шāхидӣ в 920/1514-15 г.[11], но в 1117/1705-06 г. некий ал-Ḥāджж Мӯса аш-Шарафӣ ибн ал-Хāджж Ḥасан ал-ʿАббāсӣ добавил к его словарю арабские эквиваленты приводимых персидских и турецких слов[12]. Эта редакция представлена тремя списками XVIII—XIX вв. (В 569, 84 лл.; А 470, 25 лл.; В 1196, 28 лл.).

* * *

Имеется уже упоминавшийся ранее в литературе[13] список популярного арабского словаря с некоторыми грамматическими разделами مقدمۀ الادب («Введение в [изящную] словесность») аз-Замаḫшāрӣ (умер в 583/1143 г.). Рукописи словаря часто сопровождаются подстрочными глоссами на разных восточных языках, что значительно повышает его ценность. Рукопись ИНА АН СССР (С 291 — конец XVII в. — 80 лл.) имеет старо-персидские и весьма немногочисленные староузбекские глоссы, но она дефектна — нет конца, многие листы перебиты.

в) Собрания лексического материала

Неизвестные по каталогам рукописи:

Собрание персидских идиом и поговорок, объясненных по-турецки ʿАлӣ Маджди, — в одном списке 1163/1749-50 г. (В 572, лл. 3б—76б).

Подобное предшествующему собрание наиболее употребительных персидских слов, идиом и поговорок в турецком их

---

[10] G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Hahdschriften der kaiserlich-königlichen Hofbibliothek zu Wien*, I, Wien, 1865, S. 120, № 116 (далее — Flügel).

[11] Rieu, 139в.

[12] Rieu, 140 в. Рукописи А 470 и В 1196 описаны В. Д. Смирновым: Coll. sc., VIII, pp. 70—71, № 35—35а.

[13] Известия Российской Академии наук, серия IV, VIII, 1914, стр. V, № 25; W. Barthold, *Eine Zamaḫšări-Handschrift mit alttürkischen Glossen*, — «Islamica», II, № 1, 1926, S. 1—4; Н. Н. Поппе, *Монгольский словарь Мукаддимат-ал-адаб*, части I—II, М.—Л., 1938; часть III, М.—Л., 1938 («Труды ИВ АН СССР», XIV); А. К. Боровков, *Тюркские глоссы в Бухарском списке «Мукаддимат ал-адаб»*, — АОН, t. XV, fasc. 1—3, pp. 31—39.

пояснении, неизвестного автора — список конца XVIII—начала XIX в. (В 566, 71 лл.).

Известные по печатным описаниям рукописей других хранилищ:

دقائق الحقائق («Тонкости истин») Шамс ад-дӣна Аҳмада ибн Сулаймāна ибн Kамāл-пāши — собрание персидских синонимов, поясненных по-турецки. Посвящено великому везиру Ибрāхӣм-пāше (годы везирства: 929—942/1522-23—1535-36)[14]. В ИНА АН СССР есть лишь один список этого сочинения (В 576—998/1589-90 г., лл. 5б—84б).

г) Словари морфологического типа

Неизвестные по каталогам:

الصحاح العجمية («Истинная лексика» — словарь персидских имен (часть I) и глаголов (часть II) Муҳаммада ибн Пӣр ʿАлӣ Мухӣ ад-дӣна ал-Баргавӣ (ум. в 981/1573 г.); с подстрочными турецкими пояснениями почти ко всем именам и глаголам — в списке начала XVIII в. (А 533, 48 лл.).

لغة يوسف («Словарь Юсуфа») — очень краткий (9 лл.) арабско-турецкий морфологический справочник; некоторые имена существительные, местоимения — в дефектном списке 1274/1857-58 г. (В 1909).

Краткий (15 лл.) узбекско-персидский словарь наречий и некоторых наречных выражений — в незаконченном списке XIX в. (В 1911).

Известные словари:

وسيلة المقاصد الى احسن المراصد («Способы [осуществления] стремлений к наилучшим наблюдениям») ал-Мавлавӣ — персидский грамматический справочник и словарь глаголов и отглагольных имен, с турецкими пояснениями. Составлен в 903/1498 г.[15]. Представлен списком 944/1537-38 г. (С 320, 57 лл.).

Словарь Ниʿматаллāха, содержащий алфавитные списки персидских инфинитивов (часть I), имен существительных и прилагательных (часть III) с турецкими их соответствиями, и, наконец, небольшой очерк по персидской грамматике, изложенный по-турецки (часть II). Точная дата составления словаря неизвестна, но самые ранние рукописи его датированы 966/1558-59 г., а автор умер в 969/1561 г. В ИНА АН СССР имеется семь списков этого словаря (В 556, 176 лл.; В 555, 269 лл.; В 4325, лл. 1б—143б; С 314, лл. 1б—104а; В 2904, лл. 59б—136а; В 3347, лл. 1б—71б; В 4412, лл. 1б—72б), самый ранний из которых

[14] Rieu, 141b.

[15] Flügel, I, стр. 197, № 479.

4 Заказ № 1037

датирован 966/1558-59 г. (В 556). Одним списком XVIII в. (В 558, лл. 1б—84б) представлена неавторская краткая редакция этого словаря, выполненная, видимо, в 1197/1782-83 г. неким Саййид ал-Ҳāджжем Ибрāҳӣмом Пакӣб-зāда ал-Вихāвӣ (см. печать и приписку на л. 1а рукописи)[16]. Сокращение произведено за счет опущения предисловия и грамматической части.

д) Комментарии и пособия к составлению словарей

Они представлены двумя неизвестными по каталогам рукописями.

Краткий татарский комментарий к известному персидскому толковому словарю XVII в. كشف اللغات و الاصطلاحات («Раскрытие [значений] слов и терминов») ʿАбдарраҳӣма Сӯрӣ, в котором дается пояснение суфийской терминологии[17]. Комментарий составлен Шамс ад-дӣном Муҳаммадом в 1210/1795-96 г. — в списке 1279/1862-63 г. (С 2288, лл. 380б—399б). В колофоне этой рукописи указана точная дата окончания словаря Сӯрӣ — 1129/1716-17 г.

لغة فارسيه يه متعلّق قواعد نافعية («Полезные правила для персидского словаря») — свод правил для составления словаря персидских масдаров и перечень масдаров с турецкими их эквивалентами. Автор не называет себя — в списке 1114/1702-03 г. (С114, лл. 4а—10б).

е) Грамматические сочинения и комментарии к ним

Этот раздел заключает только неизвестные по печатным каталогам рукописи:

مجمع القواعد و مخزن الفوائد («Собрание правил и сокровищница смыслов») — грамматика персидского языка, составленная по-турецки Нāṭуқ Муҳаммадом в 1122/1710 г. — в списке не позже 1140/1727-28 г. (В 552, 53 лл.).

Интересная для истории русской тюркологии грамматика турецкого языка в двух частях: а) записи по грамматике арабского, персидского и турецкого языков с пространным экскурсом (по-арабски) о слове и словосочетании вообще; б) русское изложение грамматики турецкого языка по разделам: I. О роде, числе и падеже имен; II. О склонении имен; III. О степенях уравни-

---

[16] Flügel, I, стр. 137, № 134.

[17] E. Browne, *A catalogue of the Persian Manuscripts un the Library of the University of Cambridge*, Cambridge, 1896, p. 228, № 139. Ср.: Семенов, I, стр. 207, № 468; С. И. Баевский, *Описание таджикских и персидских рукописей Института народов Азии АН СССР*, вып. 4. *Персидские толковые словари (фарханги)*, М., 1962, стр. 27—28, № 14.

тельных; IV. О разных родах имен; V. О местоимениях. Автор не называет себя. Совершенно очевидно, что обе части составлены одним лицом, в России, в XVIII в. (В 503, 58 лл., список не закончен).

Два разных татарских перевода арабского комментария Джāмӣ на популярную арабскую грамматику الكافية في النحو («Достаточное [сочинение] по грамматике») Ибн ал-Ҳāджиба (умер в 646/1248 г.)[18]. Комментарий Джāмӣ составлен в 897/1491-92 г. для его сына — Ḍийа̄ ад-дӣна, поэтому и называется الفوائد الضيائية («Полезные наставления Зия ад-дину»)[19]. Так как этот комментарий долгое время (до XIX в.) являлся главным пособием по арабской грамматике в медресе Средней Азии (чаще под обиходным названием شرح ملّا «Комментарий муллы»), то естественно появление его персидско-таджикских и тюркских переводов и комментариев к нему[20]. Указанные татарские переводы комментария Джāмӣ составлены неизвестным лицом, видимо в конце XVIII—начале XIX в. (В 4133, лл. 1б—55б, 56б—105б; А 1224, лл. 1б—33б).

Материалы Архива востоковедов содержатся в фондах отдельных лиц и разрядах. Некоторые из них нашли свое краткое освещение в литературе. Приводимый ниже список архивных материалов дается в алфавитном перечне соответствующих тюркских языков, с указанием (в скобках) фондов или разрядов, в которых они находятся.

Татарский язык: «Русско-татарский словарь» Сагита Хальфина — в двух томах (1785 г.)[21]; «Русско-татарский словарь», вероятно, некоего Пашкова (вторая половина XIX в.) — в двух экземплярах и материалы к этому словарю (разряд II, опись 4, № 14—15, 4—10)[22]; А. П. Муравьев, *Подробный грамматический разбор книги «Тилим»* (1845 г., разряд I, опись 9, № 27).

Турецкий язык: лексические материалы Х. Ксенофонтова по турецкому языку (XIX в., разряд I, опись 7, № 19); грамматика турецкого и персидского языков, изложенная неизвестным лицом по-гречески (разряд I, опись 9, № 6); «Турецкий лексикон»— турецко-русский словарь 1793 г., неизвестного автора (разряд I,

---

[18] В. Гиргас, *Очерк грамматической системы арабов*, СПб., 1873, стр. 22—23; издание сочинения Ибн ал-Ҳāджиба — Калькутта, 1818, и др.

[19] Flügel, I, стр. 162, № 170; стр. 163—164, № 171, 172; издание комментария Джāмӣ — Стамбул, 1280, 1307 гг. х.; Казань, 1885.

[20] Списки тюркских комментариев — Flügel, I, стр. 170, № 179.

[21] О нем см. А. Н. Кононов, *Из истории отечественной тюркологии*, — «Ученые записки ИВ АН СССР», VI, 1953, стр. 269—272 (далее — А. Н. Кононов, *Из истории. . .*).

[22] А. Н. Кононов, *Из истории. . .*, стр. 272—273.

опись 7, № 18) [23]; «Grammaire Turque par Elhakir Deffin» — турецкая грамматика, составленная в 1752 г. (разряд I, опись 7, № 17); лекции В. Д. Смирнова по турецкому языку и литературе (конец XIX—начало XX вв. — фонд № 50, № 12—13); замечания В. Д. Смирнова по тексту и орфографии рукописи, содержащей историю крымского хана Сахиб-Гирея, составленную Раммал-ходжой (фонд № 50, № 37); «Программа испытаний в турецком языке» И. Н. Березина (фонд № 5, № 1).

Хакасский язык: И. Н. Березин «Слова и речения качинских и сагайских татар Минусинского округа» (фонд № 5, № 5).

Якутский язык: «Северо-восточный словарь или Лексикон. С руским (!) якутского и тонгусского (!) языков, с чистыми грамматическими склонениями переведенный Санкт-Петербургской императорской Академии наук геодезистом Государственной Коллегии коллежским регистратором Иваном Кожевиным. Книга третья (!)» (начало XIX в. — разряд II, опись 4, № 30) [24]; материал Э. К. Пекарского к его «Словарю якутского языка», на карточках (там же, № 32); книги и словари, использованные Э. К. Пекарским при составлении им «Словаря якутского языка», — с его многочисленными пометками (40 книг — там же, № 33); Еремисов «Дополнения к якутскому словарю», с препроводительным письмом Э. К. Пекарского к С. Ф. Ольденбургу от 11.IV.1932 г. (там же, № 25); материалы фонда В. М. Ионова [25]: а) большое количество словарного материала в связи с терминологией по верованиям, этимологизацией отдельных терминов и слов; переписка и замечания В. М. Ионова и Э. К. Пекарского по «Словарю якутского языка» и др.; б) рукопись якутского букваря В. М. Ионова, с приложением рисунков; отдельно — тексты С. А. Новгородова к хрестоматийной части букваря, с его же пометками; в) материалы к транскрипции и орфографии якутского языка; здесь же копии с двух докладов свящ. Ф. Сивцова и протокола Пастырского собрания в Якутске от 24.X.1912 г. о необходимости введения для якутских миссионерских изданий казанской транскрипции (фонд № 22); материалы фонда Н. А. Виташевского [26]: его статья «К вопросу об установлении определенного правописания якутских слов в школьных книгах» (фонд № 11, № 25).

---

[23] Там же, стр. 273—274.

[24] Там же, стр. 274—275.

[25] Л. В. Дмитриева, *Архивные материалы В. М. Ионова*, — «Ученые записки ИНА АН СССР», XVI, 1958, стр. 425—440.

[26] Л. В. Дмитриева, *Рукописные материалы Н. А. Виташевского*, — «Краткие сообщения ИНА АН СССР», XVI, 1955, стр. 72—79.

Общий раздел: «Словарь азербайджанского и крымско-татарского языков» — на карточках (разряд I, опись 9, № 3) [27]; «Армяно-калмыкско-персидско-турецкий словарь» [28]; выписки и материалы для «Словаря тюркских наречий» (разряд I, опись 9, № 2).

* * *

Помимо перечисленных выше тюркских языковедных материалов в Рукописном отделе ИНА АН СССР имеется еще несколько списков различных поздних (часто отрывочных или случайных) записей, конспектов и комментариев к الكافية Ибн ал-Х̣а̄джиба и поздних школьных записей по арабской грамматике.

По мере детального изучения всех тюркских рукописей и всех архивных фондов ИНА АН СССР будут выявлены новые материалы по тюркскому языкознанию.

---

[27] А. Н. Кононов, *Из истории. . .*, стр. 274.
[28] Там же, стр. 274 (и сноска 2 к стр. 274).

В. М. Жирмунский

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ

На V Совещании по вопросам диалектологии тюркских языков в Баку (5—8 октября 1965 г.) принято было решение приступить к работе над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза. В течение 1966 г. должна быть подготовлена пробная анкета, содержащая 50—60 вопросов, результаты которой после камеральной обработки будут опубликованы как «пробный атлас», который может послужить как бы экспериментальной основой для систематического картографирования в большом масштабе.

Нет необходимости в настоящее время останавливаться на том, какое большое значение будет иметь создание такого атласа не только для уточнения различительных признаков современных диалектов, но и для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, для их генетической классификации, для истории тюркоязычных народов, создателей и носителей этих языков [1]. Здесь хотелось бы только коснуться некоторых общих методологических и методических проблем составления атласа, вытекающих из опыта национальных и региональных диалектологических атласов, существующих в настоящее время в достаточно большом числе как за рубежом, так и в нашей стране.

I. Приступая к собиранию материала для диалектологического атласа, мы не вправе исходить из распространенной презумпции, будто современные диалекты тюркских языков представляют замкнутые «ветви», «ветки» и «веточки» родословного древа, ответвившиеся путем последовательной дифференциации от «общетюркского» ствола по прямолинейной схеме распадения

---

[1] См. В. М. Жирмунский, *О диалектологическом атласе тюркских языков*, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 3—19.

на языки — наречия — диалекты и поддиалекты — местные говоры. Лингвистическая география исходит не из замкнутых, спонтанно развившихся диалектных массивов, очерченных совокупностью различительных признаков; она строится на установлении изоглосс как границ отдельных диалектных явлений.

Ограничимся двумя примерами.

1. Как известно, узбекские диалекты подразделяются исследователями на три основных наречия, которым давались различные названия: 1) среднеузбекское (юго-восточное, чагатайское, или карлуко-чигиле-уйгурское); 2) южнохорезмское (юго-западное, или огузское); 3) северо-западное (кыпчакское, шейбанидо-узбекское, или джекающее). Е. Д. Поливанов, первый наметивший это деление, обозначил различие между этими наречиями тремя фонетическими признаками на примерах двух слов: 1) *tag*, *sarьq*; 2) *daƣ*, *sarь* (*sa:rь*); 3) *daƣ*, *sarь* [2]. А. К. Боровков, сохраняя в основном то же деление, перечисляет признаки каждого наречия по отдельности. Для отграничения «шейбанидо-узбекского, или джекающего, диалекта», он приводит восемь признаков, из них два морфологических [3].

В частично уточненном и расширенном списке В. В. Решетова кыпчакский диалект узбекского языка характеризуется 14 признаками (из которых четыре морфологических) [4].

Вряд ли, однако, было бы правильно понимать указанных авторов в том смысле, будто географические границы (изоглоссы) всех перечисленных ими признаков в точности совпадают между собой. Например, из признаков кыпчакского диалекта узбекского языка (по В. В. Решетову) вряд ли джоканье (*джол* < *йол*, *джаман* < *йаман*) имеет одинаковую границу с вокализацией конечного или интервокального *ғ* > [u̯] (*тағ* > *тав*, *ағыз* > *авуз*), или с отпадением конечного *-к* после узких гласных в аффиксах (*сарық* > *сары*, *кичик* > *кичи*), или с дифтонгическим произношением гласного *-и* в словах *ийт* (*ит*), *бийт* (*бит*) и т. п., или с такими грамматическими явлениями, как особые формы дательного падежа единственного числа личных местоимений *маған*, *сағап*, *уған*, как причастие настоящего времени данного момента

[2] Е. Д. Поливанов, *Узбекская диалектология и узбекский литературный язык* (*к современной стадии узбекского языкового строительства*), Ташкент, 1933.

[3] А. К. Боровков, *Вопросы классификации узбекских говоров*, — «Известия АН УзССР», 5, 1953, стр. 73.

[4] В. В. Решетов, *Узбекский язык*, ч. 1, Ташкент, 1959, стр. 59—68; В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, *Ўзбек диалектологияси*, Тошкент, 1962, стр. 79—86.

на *-джатыр* (*-ятыр*) типа *бараджатыр* и т. п.[5]. Можно думать, что каждое из этих явлений имеет свою особую границу (изоглоссу), и даже изоглоссы для вокализации ғ на конце слова и между гласными (*тав — авуз*) не должны совпадать между собой. В точности это может показать только атлас, заранее в своей анкете учитывающий эти различия.

Следует добавить, что по большинству своих признаков кыпчакский диалект узбекского языка объединяется с соседними близкородственными языками, казахским и каракалпакским, южнохорезмские говоры — с туркменским языком и его диалектами, а центральная часть узбекских диалектов — с современным уйгурским [6]. Таким образом, изоглоссы общетюркского диалектологического атласа выходят за рамки современных национальных республик и национальных языков, указывая на более древние генетические связи между племенами и народностями, их диалектами и языками.

С исторической точки зрения эти связи для узбекского языка в наиболее четкой форме объяснил Е. Д. Поливанов. Он писал: «Следовательно, общеузбекского праязыка, как такового, никогда не существовало; узбекский язык (как совокупность говоров узбекского коллектива) возник не из дифференциации (диалектологического дробления) некогда единой (или более или менее единообразной) языковой системы, а, наоборот, путем объединения различных в языковом отношении турецких (т. е. тюркских. — *В. Ж.*) коллективов (на почве усвоения ими единообразной экономической характеристики, т. е. экономических признаков узбекского национального коллектива)» [7].

Разумеется, в этом сложном процессе национальной и языковой консолидации первоначально гетерогенных этнических и языковых элементов, о котором лучше всего могут свидетельствовать диалектологические карты в сопоставлении с историческими, экономический фактор, о котором писал Е. Д. Поливанов, при всей своей важности не является единственным.

2. По сравнению с узбекским языком казахский отличается гораздо меньшей четкостью и глубиной диалектных границ. Долгое время господствовала точка зрения, будто внутри казахского языка вообще отсутствуют диалектные членения. В связи

[5] В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов, *Ўзбек диалектологияси*, стр. 85.

[6] В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 73—74.

[7] Е. Д. Поливанов, *Узбекская диалектология и узбекский литературный язык*, стр. 4. Подробнее см. В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 28—41. Ср. также: А. Н. Кононов, *Грамматика современного узбекского литературного языка*, М.—Л., 1960, стр. 9—10; Н. А. Баскаков, *Тюркские языки*, М., 1960, стр. 160.

с этим, по-видимому, не случайно современные казахские диалектологи предпочитают говорить не о наречиях, а о «говорах» и «группах говоров».

В классификации этих групп между лингвистами Казахстана обнаружились существенные разногласия. С. Аманжолов различал три диалекта — северо-восточный, южный и западный, к которым присоединял несколько «промежуточных», или «переходных», групп («переходные» группы всегда являются свидетельством расхождения изоглосс диалектных явлений, которые, вопреки неправильной теории, часто не совпадают между собой). Различительными признаками служит у него, как и у остальных авторов, сложная совокупность фонетических, морфологических и лексических явлений [8].

Ему возражает Ж. Доскараев, который устанавливает две большие группы говоров — юго-восточную и северо-западную. Третью группу, частично соответствующую северо-восточной у Аманжолова, он относит к «переходным» говорам [9].

Н. Сауранбаев в основном придерживался двучленной классификации Доскараева [10]. Однако в статье, написанной совместно с Ш. Сарыбаевым, он возражает против географических границ этих говоров, установленных преимущественно на основании их фонетических особенностей: «. . .такая классификация не оправдывается с точки зрения лексических и грамматических особенностей. Грамматические формы *баражақ* 'должен идти', *барулы* 'поехал', 'пошел', *баражатырған* 'шедший' и др., присущие западным областям Казахстана, не отмечены в Карагандинской и Семипалатинской областях. А в классификационной схеме Западно-Казахстанская область отнесена вместе с Карагандинской к одной группе говоров» [11]. Пример этот сам по себе очень характерен: он показывает, что группы изоглосс, на которых строится единство диалекта, фактически не совпадают между собой.

В своей последней статье Ш. Сарыбаев возвращается, с некоторыми модификациями, к трехчленной классификации Аманжолова и к его терминологии. Он различает три группы: южную (соответствующую юго-восточной у Доскараева и Сауранбаева),

---

[8] С. Аманжолов, *Вопросы диалектологии и истории казахского языка*, ч. 1, Алма-Ата, 1959, стр. 169—349. См. карту диалектов казахского языка, там же, стр. 351.

[9] Ж. Д. Доскараев, *Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка*, — ВЯ, 1954, № 2, стр. 83—92.

[10] Н. Т. Сауранбаев, *Диалекты в современном казахском языке*, — ВЯ, 1955, № 5, стр. 43—51.

[11] Н. Т. Сауранбаев и Ш. Ш. Сарыбаев, *К изучению казахских диалектов*, — «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», Алма-Ата, 1958, стр. 14—15.

западную (лишь частично совпадающую с северо-западной у тех же авторов) и центрально-северную (которая в большей своей части покрывается северо-восточным диалектом Аманжолова). Первая группа, по словам автора, характеризуется (очевидно при сопоставлении с литературным языком?) своими фонетическими и грамматическими особенностями, вторая — прежде всего своими специфическими грамматическими формами, третья — своей лексикой. «В фонетическом отношении центрально-северная группа говоров больше приближается к западным группам, чем к остальным, а в грамматическом отношении — к восточным группам говоров» [12]. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что изоглоссы отдельных различительных признаков диалектных групп перекрещиваются между собой.

Из сказанного видно, что споры, которые велись между казахскими диалектологами по вопросу о разграничении основных диалектных групп, в сущности были вызваны разногласиями в вопросе, какую изоглоссу или группу изоглосс считать абсолютной границей данного диалекта. Такая точка зрения могла бы быть оправдана только в том случае, если «группа говоров» представляла собой самостоятельное наречие, «ответвившееся» от общеказахского языка. Между тем методика атласа несомненно покажет нам большое число расходящихся и перекрывающихся изоглосс отдельных диалектных явлений, лежащих в основе различных возможных группировок и отличающихся друг от друга по своему географическому происхождению и относительной хронологии.

Было бы преждевременно до завершения картографирования всех соответствующих различительных признаков настаивать на том, где именно эти признаки объединяются в наиболее плотные пучки. Но еще более преждевременны и малоубедительны попытки исторического обоснования тех или иных группировок путем отождествления их с древним родоплеменным делением казахского народа или с более поздним их политическим объединением в рамках Большой, Средней и Малой орды, как это в свое время пытался сделать Аманжолов. По справедливому критическому замечанию Н. Сауранбаева, «смешение и слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов» [13].

---

[12] Ш. Ш. Сарыбаев, *К вопросу о диалектном членении казахского языка*, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 45—53.

[13] Н. Сауранбаев, *Диалекты в современном казахском языке*, стр. 44.

Во всяком случае лишь сопоставительное изучение изоглосс будущего атласа позволит нам с некоторой вероятностью судить о возможной древности тех или иных диалектных границ, притом не в их совокупности, а при условии дифференцированного рассмотрения их географии и хронологии.

II. Другим существенным выводом из работы над лингвистическими атласами является наличествующая во многих случаях неравномерность лексического охвата в пределах фонетического или морфологического ряда, выпадение отдельных слов из общих географических границ данного ряда, индивидуальные изоглоссы отдельных слов, идущие своими особыми путями [14]. Ограничимся и здесь двумя примерами.

1. Как известно, языки казахский, каракалпакский, киргизский, а также кыпчакское наречие узбекского языка отличаются от узбекского литературного языка и его центрального наречия («чагатайского», или «карлуко-чигиле-уйгурского») так называемым джоканьем (или джеканьем), т. е. заменой начального *й-* > *ж-*, *дж-* [*җ-*]. Ряд этот обычно иллюстрируется такими «классическими» примерами, как *джок* [*жок*] — *йўк*, *джол (жол)* — *йўл*, *джаман (жаман)* — *ёмон* и др. Однако уже В. В. Решетов мимоходом отметил «наличие в ташкентском говоре факультативного чередования начальных [й || дж] в таких словах, как *йур* || *джур* 'иди', *йун* || *джун* 'шерсть' и т. п.» [15]. В своей статье, посвященной проблемам диалектологического атласа тюркских языков, я отметил целый ряд таких слов, вошедших в состав современного узбекского литературного языка, например: *жун* [дж-] 'шерсть', *жилов* 'поводья', *жар* 'овраг' (улица «Жар-куча» в Ташкенте в старом городе!), *жилмоқ* 'двигаться', *жилдирмоқ* 'двигать', *жайналмоқ* 'цвести' и некоторые другие [16].

В настоящее время узбекский диалектолог К. Данияров (Самарканд), занимающийся вопросом о кыпчакских элементах в литературном узбекском языке, познакомил меня с целым списком таких слов (около пятидесяти), который он любезно составил по моей просьбе. Сюда относятся, например: *жиян* 'племянник, -ица' (каз. *жиен*, кирг. *жээн* — др.-тюрк. *jägin* 'племянник', 'внук'); *жағ* 'челюсть', 'щека' (каз. *жак*, кирг. *жаак* — *jaŋak* 'щека' МК); *йилға* || *жилға* 'ручей (в овраге)'; *жийрон*

[14] В. М. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, М.—Л., 1956, стр. 116—118, 122—127.

[15] В. В. Решетов, *Узбекский язык*, стр. 36.

[16] В. М. Жирмунский, *О диалектологическом атласе тюркских языков СССР*, стр. 14.

'рыжий (о лошади)' (каз. *жирен* — др.-тюрк. *jegrän*); *жўнамоқ* 'отправляться', *жўнатмоқ*, *жўнашмоқ* (кирг. *жөнөө-*, *жөнөт-*, *жөнөш-*, каз. *жөнелу*, *жөнелту* — тат. *юнәлу* 'направляться'); *жилмоқ* 'двигаться' (каз. *жылжу*, кирг. *жылжы-* — *jil-* чагат., *јыл-* алт. и др. 'скользить', 'извиваться', 'ползти'; см. Радл. III, 481, 518; отсюда узб. *йилон* 'змея', но *жилон жуда* 'змеиная джуда' — каз., кирг. *жылан* и ряд других)[17].

Наличие в узбекском языке большого числа слов арабского и персидского происхождения, содержащих фонему *дж-* [ӂ], сделало вполне возможным проникновение в его состав отдельных слов с «кыпчакской» аффрикатой. Можно было бы подумать, что это проникновение относится к сравнительно недавнему времени, однако Г. Ф. Благова, работающая в области «чагатайского» (староузбекского) литературного языка, обратила мое внимание на статью акад. А. Н. Самойловича, затерянную в малодоступном издании [18], в которой 13 слов с начальным *дж-* засвидетельствованы им для «чагатайского» периода по показаниям словаря «Абушка» [19], «Бабур-наме», «Шейбани-наме» Мухаммеда Салиха, Абулгази и других источников.

Приведем примеры А. Н. Самойловича (стр. 13), сохраняя его транскрипцию (*ç*=*дж*):

1) **çөр** 'правильный', 'верный', 'соответствующий': Аб. 246, Баб., Шб. (Радл. IV, 103) — *jöп* алт. и др. (Радл. III, 454);

2) **çьƃ-** 'плач' 'стенание', 'вопль': Аб. 245 (Радл. IV, 116) — ср. узб. *йиғламоқ* 'плакать', 'рыдать';

3) **çum** 'весь', 'всё', 'совсем': Аб. 253 (Радл. IV, 175) — ср. др.-уйг. *јумƃы* 'всё', *јумут-* 'собирать' (Радл. III, 576—584);

4) **çar** 'извещение': Аб. 230 (Радл. IV, 25) — ср. *јар* алт. и др. (Радл. III, 100);

5) **çerge** 'круг', 'ряд', 'облава': Аб. 230 (Радл. IV, 75) — ср. *јерге* алт. (Радл. III, 341), вероятно, от *йер* ~ *жер* 'земля';

6) **çьldam** 'скоро', 'быстро': Аб. 242 (Радл. IV, 130) — ср. *ildам* н.-уйг. и др. (Радл. I, 1379, 1495 — с отпадением начального *j*), вероятно, от *йил* ~ *жыл* 'год';

7) **çьlau** 'поводья': Аб. 242, Баб. *çilausiz* 'без поводьев' (Радл. IV, 145) — ср. каз. *жылау*, кирг. *жылоо*;

8) **çucun** 'часть': Аб. 248.

---

[17] Консультациями по вопросам этимологии по материалам «Древнетюркского словаря» я обязан А. М. Щербаку.

[18] А. Н. Самойлович, *Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке*, — «Научная мысль», вып. 1, Самарканд—Ташкент, 1930, № 1, стр. 11—14.

[19] «Словарь джагатайско-турецкий», изданный В. В. Вельяминовым-Зерновым, СПб., 1868. — Словарь составлен в середине XVI в., в основном по сочинениям Алишера Навои.

Следующие два номера по списку А. Н. Самойловича отпадают, так как арабская буква ج обозначает здесь не *дж*, а *ч*[20];

9) **çyrke** ʽчирок': Аб. 250 (надо *cyrke*) — ср. каз. *шүрегей*, карк. *шүреней* (Радл. III, 2194 *чӱрӓкӓі* ʽрод уток');

10) **çyldy** ʽнаграда', ʽподарок': Аб. 252 (надо *culdu*, ср. Радл. III, 2178 *чулду* ʽдобыча', ʽнаграда' тур., чагат.).

Еще три слова, отсутствующих в «Абушка», А. Н. Самойлович добавляет по литературным источникам:

11) **çar** ʽяр', ʽобрыв': Баб. (Радл. IV, 26) — *jар* (Радл. III, 99), алт., тат., тур. и др.;

12) **çau** ʽвраг', ʽвойско', ʽвойна': Шб. неоднократно (Радл. IV, 7) — ср. *jау* Абг., бараб., тат. и др. (Радл. III, 16);

13) **çojmaq** ʽуничтожать': Шб. (Радл. IV, 92) — каз. *жою*, кирг. *жоюу* — ср. МК *jоδ*- ʽпрятать', ʽсобирать', ʽуничтожать', др.-уйг. *jod*-, *joj*- (Радл. III, 397 чагат.).

Таким образом, из отмеченных нами в современном узбекском языке «джекающих» слов два, по крайней мере, — *жар* ʽовраг', *жилов* ʽповодья' (а может быть, и некоторые другие) наличествовали уже в староузбекском литературном языке XV—XVI вв.[21]

Отсюда вывод, обязательный для будущей анкеты диалектологического атласа: наряду с примерами на джоканье, по-видимому, «регулярными» по своим границам (*джок*, *джул*, *джаман* и т. п.), она должна включить и несколько «нерегулярных» примеров типа узб. *жун*, *жар* ʽовраг' и некоторые другие. Установление границ этих явлений разъяснит их происхождение и место в истории языка.

2. Еще большую сложность в смысле лексического охвата представляет вопрос о звонком произношении смычных согласных в начальном положении. Озвончение начальных *т*, *к* считается одним из древних признаков огузского наречия. Оно было отмечено (для *д* — *т*) уже Махмудом Кашгарским: «Каждое *t* гуззы и родственные им народы обращают в *d*, например: *tävä* ʽверблюд' — *dävä*, *ot* ʽдыра' — *od*»[22]. Однако, как отмечает

[20] Ср. об этом А. Н. Самойлович, *Элементы диалекта «джокчи» в литературном чагатайском языке*, стр. 12.

[21] Ряд других «джокающих» слов в «Бабур-наме» приводится в неопубликованной работе Г. Ф. Благовой и Х. Д. Даниярова «Говоры „тюрков" Узбекистана в их современных и исторических отношениях». Слово *джылау* ʽповодья' следует, по-видимому, исключить из списка А. Н. Самойловича как «раннее монгольское заимствование». См. C. Brockelmann, *Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Leiden, 1954, S. 36 (прим. 3).

[22] См. C. Brockelmann, *Mahmud al-Kašgari über die Sprachen und Stämme der Türken im 11. Jahrhundert*, — «Körösi Csoma Archivum», I, 1, Budapest, 1921, S. 39.

Рясянен, «большая путаница в этом вопросе наблюдается даже в юго-западных тюркских языках»[23]. В статье В. М. Иллича-Свитыча, написанной на широкой сравнительно-грамматической основе, вопрос этот ставится на материале огузских языков (турецкого, гагаузского, азербайджанского, туркменского) в сопоставлении с тувинским и карагасским[24]. В таблицах слов, приведенных автором[25], в 28 случаях все огузские языки совпадают между собой. Например, тур., аз., туркм. *daγ* 'гора'; тур., аз., туркм. *duman* 'туман'; тур., аз., туркм. *dil* 'язык'. Зато в других 36 случаях совпадение отсутствует, причем *t*- сохраняется то в одном, то в двух из названных языков. Ср. тур. *taš* 'камень' — аз. *daš*, туркм. *dāš*,; тур. *tuz* 'соль' — аз. *duz*, туркм. *dūz*; аз. *tän* 'равный' — тур. *denk*, туркм. *deŋ*; аз., туркм. *tik*- 'шить' — тур. *dik*-; тур., туркм. *tün* 'вечер', 'ночь' — аз. *dünän*; тур. *ter* 'пот', аз. *tär* — туркм. *där* и ряд других. Пестрота эта еще увеличивается, если от литературных языков обратиться к диалектам, где расхождения в лексическом охвате озвончения очень значительны и могут быть показаны только методом изоглосс. В списке В. М. Иллича-Свитыча диалектные отклонения представлены лишь малым числом примеров: ср. тур. *tün* — *dün*, аз. *diš* 'зуб' — *tiš*, туркм. *düš*- 'падать' — *tüš*- и др.

Напомним, что начальное *d*- вместо *t*- спорадически встречается и в некоторых языках, которые не причисляются к огузским, например: тат., башк. *dürt* 'четыре' (ср. туркм. *düört*, тур. *dört*, аз. *dərd* — узб. *тўрт*, каз., кирг. *төрт*) и некоторые другие[26].

Автор пытается внести в эти несоответствия некоторый порядок, исходя, вслед за Рясяненом и рядом других тюркологов [27], из закономерных фонетических отражений трех, а не двух общетюркских (и общеалтайских) переднеязычных фонем *t*, *d*, * δ* (глухой, звонкий и полузвонкий). Однако с точки зрения лексического распределения этих соответствий по языкам и диалектам он сам вынужден признать, что они «сейчас затемнены в результате действия аналогии и межплеменных смешений» [28].

Иными словами, границы лексических отражений этих фонем

---

[23] М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 133 (прим.).

[24] В. Иллич-Свитыч, *Алтайские дентальные*: *t*, *d*, *δ*, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 37—56.

[25] Там же, стр. 38—42.

[26] См. М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, стр. 138.

[27] Там же, стр. 141.

[28] В. М. Иллич-Свитыч, *Алтайские дентальные*: *t*, *d*, *δ*, стр. 43.

требуют каждый раз специального изучения, и в еще большей степени, чем в случае с «джоканьем», анкета должна учитывать, наряду с «регулярными» случаями, также примеры на случаи «иррегулярные».

Только атлас, позволяющий сопоставить ряд закономерных и индивидуальных изоглосс, покажет, имеем ли мы основание за каждым лексическим отклонением видеть результат этнического смешения древних огузов и кыпчаков или контактного взаимодействия более раннего или более позднего времени.

Составленные по этим принципам анкеты атласа позволят, таким образом, установить: 1) географические границы (изоглоссы) отдельных фонетических и грамматических явлений, которые в своей совокупности, далеко не всегда совпадая между собой, характеризуют различия диалектов или говоров; 2) в ряде случаев также индивидуальные границы слов, выпадающих из закономерной системы фонетических и грамматических соответствий данного диалекта.

Чтобы обеспечить максимальную дифференцированность всей этой совокупности различительных признаков, необходима достаточно густая сеть опорных пунктов опроса, иначе отдельные существенные отклонения от традиционно понимаемого диалектного единства не будут уловлены при картографировании.

Вопросы географии слов (Wortgeographie) требуют более специального рассмотрения. Скажем только, что в этом случае могли бы оказать помощь и диалектологические словари, если бы по отношению к диалектным синонимам они освоили технику систематического опроса на местах, практикуемую некоторыми немецкими областными словарями (например, гессен-нассауским, рейнским и др.) [29]. Такой опрос позволил бы снабдить соответствующие словарные статьи небольшими картами или упрощенными схемами, позволяющими уточнить географическое распространение конкурирующих на данной территории диалектных синонимов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Названия языков: **аз.** — азербайджанский, **алт.** — алтайский (и родственные диалекты), **бараб.** — барабинский, **башк.** — башкирский, **др.-тюрк.** — древнетюркский, **др.-уйг.** — древнеуйгурский, **каз.** — казахский, **карк.** — каракалпакский, **кирг.** — киргизский, **н.-уйг.** — новоуйгурский, **тат.** — татарский, **тур.** — турецкий, **туркм.** — туркменский, **чагат.** — чагатайский (староузбекский), **узб.** — узбекский.

Названия источников: **Аб.** — словарь «Абушка», **Абг.** — Абулгази, **Баб.** — Бабур-наме, **Шб.** — Шейбани-наме; Радл. I—IV — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, тт. I—IV, СПб., 1893—1911.

[29] См. В. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, стр. 100.

И. В. Кормушин

О ГРАММАТИЧЕСКОМ И ЛЕКСИЧЕСКОМ В ГЛАГОЛЬНЫХ КАУЗАТИВАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Образования, которые в тюркологии и монголистике традиционно [1] относят к побудительному (понудительному и т. п.) залогу, не являются функционально однородными, что создает известные трудности при выяснении места и роли их в системе грамматических средств языка. Вот почему квалификация каузативов и категории каузатива, как единства абстрактно-грамматического значения каузативности и выражающих его формальных средств, столь различна. Во-первых, некоторые лингвисты, в отличие от сторонников традиционной точки зрения, исключают каузатив из разряда залоговых форм, настаивая на автономности оппозиции каузатив — некаузатив от оппозиции действительный залог — страдательный залог [2]. Во-вторых, существует проблема отнесения категории каузатива к средствам словообразования, либо, напротив, к средствам словоизменения (точнее — формообразования) [3]. Дальнейшее изложение будет попыткой показать, что эти две проблемы взаимосвязаны, и что помимо субъективных моментов в различных решениях этих проблем отражается объективное противоречие лексико-грамматической природы анализируемого разряда глаголов.

---

[1] Подобная традиция идет, видимо, от А. Бобровникова (ср. его «Грамматику монгольско-калмыцкого языка», Казань, 1849, стр. 123), которая затем через труды П. М. Мелиоранского получила всеобщее признание.

[2] Ср. А. Г. Шанидзе, *Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка*, — ИАН ОЛЯ, т. V, вып. 2, 1946, стр. 171—172. См. также Б. А. Серебренников, *О залоге в финно-угорских и тюркских языках*, — «Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР», Уфа, 1958, стр. 61—72, 112—113.

[3] Ср., например, полемическую статью В. С. Храковского «Существует ли словоизменительная категория залога в арабском языке?» (в кн. «Семитские языки», М., 1965, ч. 2, стр. 395—411).

Содержание каузативных (побудительных) форм описывается довольно единообразно: «. . . в понудительном залоге стоит такое действие, которое совершается его органическим субъектом как бы по принуждению другого субъекта, . . . при понудительном залоге мы наблюдаем как бы вмешательство одного субъекта в действие другого. Вмешательство это может выражаться в различных формах, и поэтому вместо: „заставляет читать" по-русски в зависимости от стиля можно перевести: „заставляет // велит // позволяет // допускает. . . читать"» [4].

В подобного рода описаниях признаки лексического и грамматического порядка являются неразграниченными. Широкое разнообразие лексических эквивалентов каузативной формы свидетельствует о том, что ее грамматической семантикой следует считать не каждый из этих эквивалентов и не сумму их, а то, что является инвариантным, т. е. то, что есть общего во всех этих эквивалентах. Инвариантным содержанием во всех употреблениях каузативных форм есть указание на то, что субъект выполняет действие через посредство особого — будем называть его фактитивным — объекта. Опосредствованная контактность действия по отношению к своему субъекту [5] — таково грамматическое содержание каузативных форм, которое в таком виде обладает двумя основными признаками грамматического значения: абстрактности и инвариантности.

Реализованность грамматического значения каузативности имеет место далеко не всегда, что связано с модификацией лексического значения производной формы (каузатива) по сравнению с непроизводной (некаузативом), которая заключается в изменении имплицитно выражаемых объектно-обстоятельственных характеристик. Указанная модификация бывает двух видов: либо в каузативе по сравнению со значением исходной формы появляется избирательность в отношении лексического типа объектов и обстоятельств осуществления действия, либо, наоборот, наблюдается расширение количества типов объектов и обстоятельств, соотносимых с действием и составляющих, формирующих лексическое содержание глагола. Несколько поясняющих примеров.

От глагола *ağ-* [6] '1) подниматься вверх; подыматься, вздыматься; 2) испаряться' образована каузативная форма *ağdır-* 'уваривать (сироп)'. Значение каузатива сужено тем, что действие,

[4] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 181.

[5] См. А. Г. Шанидзе, *Глагольные категории акта и контакта. . .*, стр. 171.

[6] Глаголы даются в форме основы. Значения берутся из «Турецко-русского словаря» Д. А. Магазаника (М., 1945).

5 Заказ № 1037

выражаемое исходной основой, в каузативе осуществляется только по отношению к определенному типу объектов — к жидкостям, даже к определенному виду жидкостей, поэтому значение каузатива соотносимо только со вторым значением исходного глагола. Кроме того, значение каузатива сужено еще и тем, что в нем действие осуществляется вполне определенным специфическим способом или в специфических обстоятельствах в широком смысле слова: уваривать — значит испарять воду путем кипячения.

От глагола *aban-* '1) наваливаться; 2) опираться; 3) наклоняться, свешиваться' каузатив *abandır-* 'заставить лечь (верблюда)', как видим, конкретизировал значение как в отношении типа объекта — реального исполнителя, так и в отношении самого характера действия.

Каузатив *andır-* 'напоминать кого-либо, походить на кого-либо или что-либо' от глагола *an-* 'вспоминать, припоминать, упоминать' модифицировал свое значение, включив в него конкретные условия и обстоятельства осуществления действия: походить на кого-либо или что-либо — значит вызывать воспоминание о ком-то или о чем-то своим сходством с этим человеком или предметом.

Çok yağmur yağdığı bir gündü. Mahalle arası bir gölü andırıyordu (F. Baysal, Kestaneci Rahim). 'В этот день прошел сильный дождь. Улица наша напоминала озеро'.

Действие, выражаемое каузативным глаголом *bildir-* от глагола *bil-* '1) знать; 2) предполагать, считать, думать; 3) уметь, мочь', ограничено рамками первого значения исходного глагола, да к тому же в нем имплицитно подчеркнуто следующее обстоятельство: распространение действия на объект преследует цель вызвать в нем знание чисто внешнего информационного характера, поэтому каузатив имеет значение 'давать знать, извещать, оповещать'.

Geleceğimi eve telgrafla bildirmiştim, herhalde hazırlık yapmışlardır (S. Ali, Kürk mantolu madonna) 'О своем приезде я сообщил домой по телеграфу, наверняка они подготовились'.

Информационность как имплицитный признак, выраженный в значении каузатива, рельефно выступает при сравнении с возможным, но не развившимся значением: заставлять знать — обучать, где в последнем случае предполагается «вызвать» знание, касающееся существа познаваемого.

Второй вид семантической модификации каузативов, как было сказано выше, состоит в расширении количества имплицитных для глагола лексических типов объектов и обстоятельств действия, причем, как правило, подобное расширение связно с суже-

нием в части объектно-обстоятельственных характеристик, составляющих лексическое содержание исходного глагола.

Так, например, в глаголе *ağar-* '1) белеть, становиться белым; 2) седеть, стариться; 3) бледнеть, выцветать' система значений создается имплицитным выражением соотношения нерасчлененности по признаку типа объекта [7]: «становиться белым» вообще, о чем угодно — первое значение, и расчлененности этого признака, конкретизирующей тип объекта: «становиться белым» о волосах человека — второе значение; о вещах, имеющих какую-либо окраску и теряющих эту окраску, — третье значение глагола. В каузативной форме *ağart-* '1) белить, делать белым; 2) чистить, очищать; 3) обелить, признать невинным' нерасчлененность признака типа объекта сохранилась при соответствующей грамматической модификации — первое значение каузатива, тогда как расчлененность этого признака в том конкретном виде, в каком она наблюдалась в исходном глаголе, исчезла и заменена расчлененностью выражения иных типов объектов, а также особых обстоятельств действия, создающих по существу переносные значения, — второе и третье значения каузатива.

В каузативе *bindir-* '1) посадить верхом; посадить (на пароход и пр.); 2) ставить вперед (часы); 3) прибавлять, увеличивать' от глагола *bin-* '1) садиться верхом; садиться (на пароход, поезд и пр.); 2) подниматься, взбираться; 3) принимать тот или иной оборот (о деле)' произошло изменение в номенклатуре имплицитно выражаемых объектно-обстоятельственных характеристик действия по сравнению с номенклатурой таковых в исходном глаголе, которое проявляется в том, что второе и третье значения исходного глагола нельзя соотнести с лексическим значением каузатива, и наоборот, второе и третье значения каузатива несоотносимы с лексическим значением исходной формы [8].

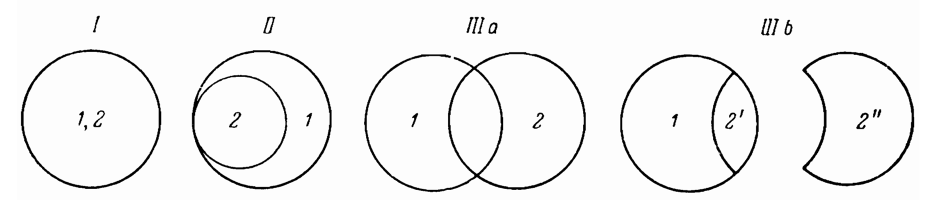
От глагола *oyna-* '1) играть, забавляться; 2) плясать, танцевать; 3) прыгать; 4) двигаться, шевелиться; 5) трепетать, дрожать, биться (о пульсе, сердце); 6) колебаться, быть неустойчивым; 7) тратить время попусту; бить баклуши; 8) играть (в карты и т. п.); проиграть (в карты и т. п.)' каузатив *oynat-* '1) заставить (велеть, дать) играть, забавляться; 2) заставить (велеть, дать) плясать, танцевать; 3) заставить (велеть, дать) прыгать, скакать, гарцевать; 4) перемещать с одного места на другое; двигать, шевелить; 5) ставить (на сцене); 6) разыгрывать, дурачить, вводить в заблужде-

[7] Который при реализации в речи может выступить в предложении только грамматическим субъектом, так как глагол непереходный.

[8] Размеры статьи ограничивают автора не только в количестве иллюстративных примеров, но и делают невозможным их достаточно подробное комментирование во всех случаях.

ние'. Седьмое и восьмое значения исходного глагола не реализованы в каузативе, а пятое и шестое значения каузатива не соотносятся с системой значений исходного глагола.

Соотношение каузативных форм, не подвергшихся семантической модификации, и форм, семантически модифицированных, можно в целях наглядности изобразить следующим образом:

I — нулевая ступень,
II — первая ступень,
III (IIIа, IIIб) — вторая ступень.

Окружности символизируют объем лексического значения исходного глагола — арабская цифра 1, и каузатива — цифра 2.

Под цифрой I изображен тот случай, когда каузативные формы глаголов не подвергаются семантической модификации и объемы их лексического значения равны (разница в грамматическом значении во всех случаях подразумевается): каузатив *acıktır-* 'заставить голодать, морить голодом' от глагола *acık-* 'быть голодным, проголодаться' и каузатив *biçtir-* '1) заставить резать; 2) заставить косить, жать; 3) заставить кроить' от глагола *biç-* '1) резать; 2) косить, жать; 3) кроить' могут служить иллюстрацией этой исходной стадии соотношения каузатива и некаузатива — нулевой ступени модификации.

К первой ступени модификации — схема под цифрой II — относятся уже разбиравшиеся выше каузативные глаголы *abandır-*, *ağdır-*, *andır-*, *bildir-*.

Ко второй ступени модификации — схемы под цифрой III — относятся также разобранные выше каузативы *ağart-*, *bindir-*, *oynat-*.

Особенность второй ступени состоит в том, что та часть лексического значения каузатива, которая не соотносится с лексическим значением исходного глагола (часть круга 2, выступающая за круг 1), представляет собой по существу отдельный от другой части каузатива омонимичный глагол, что и изображено на схеме IIIб. В словаре в таком случае нужно бы подавать эти слова следующим образом: *ağart-* I 'белить, делать белым', *ağart-* II '1) чистить, очищать; 2) *перен.* обелить, признать невин-

ным'; *bindir-* I 'посадить верхом; посадить (на пароход и пр.)'; *bindirt-* II '1) ставить вперед (часы); 2) прибавлять, увеличивать' и т. д.

Семантическая модификация каузативных образований складывалась, конечно, исторически, вырастая из фактов особенного употребления их в соотнесении с необычными для исходной формы типами обстоятельств и объектов действия. Подобные употребления закрепились общественно-языковой практикой данного народа — носителя языка, стали поэтому внутренне присущими имплицитными признаками глагольного действия, выражаемого каузативной формой, что и совершило действительное переосмысление лексического содержания исходного глагола в каузативе. Объем значения семантически модифицированного каузатива, оказывается, уже невозможно предсказать на основе формулы: значение каузативного глагола равно лексическому значению исходного некаузативного глагола плюс грамматическое значение каузативности, благодаря чему такое модифицированное значение каузатива оказывается всецело словарным. Следует считать в таком случае каузативный глагол лексикализованным, а грамматическое значение каузативности (опосредствованной контактности) в нем нейтрализованным или снятым.

Лексикализация каузативных образований и нейтрализованность грамматического значения каузативности затрагивает одинаково, хотя и не в равной мере, переходные и непереходные глаголы с переосмыслением типов объектов и обстоятельств в определенном выше смысле. Правда, количественно здесь преобладают непереходные глаголы, а наиболее частое переосмысление — по типу объекта: объектом становится неодушевленный предмет, который не может мыслиться реальным исполнителем действия. Частое не значит абсолютное. Например, от глагола *öl-* 'умирать' каузатив *öldür-* 'убивать' лексикализован, хотя объектом лексического применения глагола остается одушевленный предмет: просто здравый смысл не допускает того, чтобы какое-либо живое существо можно было «заставить» осуществить свою смерть. Поэтому в глаголе *öldür-* и инициатива действия, и его реальное исполнение приписывается только субъекту. И все же статистически частая смысловая модификация каузативов — соотнесение с объектом — неодушевленным предметом, а вместе с тем и под влиянием этого иногда одушевленный предмет в определенных условиях может мыслиться как неодушевленный, что в обоих случаях приводит к нейтрализации каузативности. Все это свидетельствует о сложности выявления степени и границ лексикализации, требующего тщательного учета всех особенностей употребления каждого каузативного глагола в отдельности. А в том, что

такая работа важна, убеждает приблизительная оценка масштабности процесса лексикализации.

Помимо семантически модифицированных каузативов, образованных продуктивными аффиксами *-tır-* и *-t-*, к разряду лексикализованных должны быть отнесены и все каузативы, образованные непродуктивными суффиксами *-ar-*, *-ır-*, *-tar-* и их фонетическими вариантами [9], даже независимо от того или иного их лексического значения. Всего же процессом лексикализации охвачено свыше половины каузативных образований, и есть тенденция к вовлечению в этот процесс все новых каузативов.

При учете явления лексикализации удовлетворительно объясняется возможность образования от каузативных глаголов страдательного залога и новых каузативов — каузативов второй степени, так как это все случаи образования новых форм от лексикализованных каузативов: *bildiril-* 'быть извещаемым' (а не 'быть заставленным знать'); *bildirt-* 'заставлять извещать' (а не 'заставлять заставлять знать') [10].

На фоне некоторых особых случаев лексикализации объяснимыми становятся параллельно употребляющиеся формы с одним и с двумя аффиксами каузативности: *akıttır-* в том же значении, что и *akıt-*, *arattır-* // *arat-*, *beklettir-* // *beklet-* и т. д., из которых формы с двумя аффиксами следует считать опрощенными, так как первый аффикс по существу не несет в них никакого значения. Лексикализация и опрощение, как особый случай лексикализации — полный возврат к исходной семантике, — способны пролить свет на историю сложения некоторых каузативных аффиксов и целого ряда основ, однако все эти вопросы могут быть предметом отдельного рассмотрения. Здесь же мы ограничиваемся лишь описанием основных моментов, характеризующих явление лексикализации, и краткими замечаниями о ее довольно масштабном характере в системе языка.

В случаях лексикализации каузативные формативы бесспорно выполняют роль словообразовательных средств. Сложнее квалифицировать их роль в формах, не подвергшихся лексикализации, когда они выражают собственно каузативное значение.

Дело в том, что присоединение каузативного аффикса к глаголу вызывает появление в глагольной конструкции объекта, функции которого тесно связаны с задачами выражения значения опосредствованной контактности: если таковая налицо, то объект

---

[9] См. А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 201—202.

[10] Ср. совершенно иную трактовку у Н. К. Дмитриева (*Грамматика кумыкского языка*, М.—Л., 1940, стр. 135—136 и у других исследователей.

является реальным исполнителем действия, т. е. он — фактитивный объект; если контактность нейтрализована, что имеет место при лексикализации каузатива, то фактитивный объект превращается в обычный объект глагольного действия. Таким образом, субъектные и объектные связи каузативного глагола оказываются тесно спаянными и взаимозависимыми, тем не менее и в каузативе, и в других формах глагола объектные и субъектные связи являются двумя лежащими в разных плоскостях особыми аспектами глагольной семантики.

Видоизменение и возникновение объектных связей означает подведение глагола-действия под определенный тип сочетаемости с объектами глагольного действия. Глаголы с этой точки зрения могут быть безобъектными (нулевая сочетаемость), с одним объектом, с двумя объектами и т. п. Изменение в типе сочетаемости варьирует границы конкретного в слове, и тем самым слово получает возможность для изменения своей соотнесенности с реальностью, что означает модификацию грамматическими средствами лексического содержания слова. Каузативные, страдательные и иные формативы [11], которые, безусловно, изменяют объектные связи глаголов, являются с этой точки зрения словообразовательным элементом слова. В субъектной же линии своего функционирования эти формативы служат выражению определенного типа отношений между словами, а именно отношения действия к его субъекту.

В ряду фраз *Ben aldım* 'Я взял', *Ben alındım* 'Я был взят', *Ben aldırdım* 'Я заставил взять' соотношение действия со своим субъектом каждый раз иное: в третьей фразе указывается на опосредствованную контактность действия по отношению к субъекту, во второй — на центростремительность [12] действия, в первой не выражается (не подчеркивается) противоположностью второй и третьей фразам значение центробежности и непосредственной контактности, что и говорит о неотмеченности [13] первой формы по отношению ко второй и третьей.

Функция выражения типа отношений принципиально разнится от функции выражения типа сочетаемости. В первом случае постоянное сочетание компонентов глагольной конструкции «дей-

---

[11] Под словами «и иные», «и другие» здесь и далее в аналогичных случаях имеются в виду остальные залоговые формативы, которые не являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

[12] См. М. М. Гухман, *Развитие залоговых противопоставлений в германских языках*, М., 1964, стр. 8—9.

[13] См. А. В. Исаченко, *О грамматическом значении*, — ВЯ, 1961, № 1, стр. 31 и 35—36.

ствие»—«субъект» [14] получает различную «окрашенность» своего соотношения. Во втором случае компонент «действие» остается постоянным, а наличие или отсутствие компонентов «глагольных объектов» регулируется формативами каузативности, страдательности и др.

Сравнивая далее функции выражения типа отношений и типа сочетаемости, скажем, что первая составляет более высокую, чем вторая, ступень грамматической абстракции, и поэтому категория, содержание которой она составляет, относится к средствам формообразования (или шире — словоизменения). Каузативные, страдательные и другие формативы являются в таком случае с л о в о и з м е н и т е л ь н ы м (формообразовательным) э л е м е н т о м слова, а вместе они составляют единый ряд, соотнесенный общностью выражения типа грамматических отношений — отношения действия к субъекту; этот ряд и составляет многочленную оппозицию категории залога. Таким образом, каузативные, страдательные и другие формативы о д н о в р е м е н н о являются и средствами словообразования, и средствами словоизменения. Усмотреть в этом положении формальнологическое противоречие, или же сказать компромиссное: одна из функций доминирует — нельзя. Здесь противоречие диалектическое. В одном отношении исследуемые форманты выступают в одном качестве (показ границ сочетаемости слова, границ лексического — словообразование), в другом отношении это же (эти форманты) выступает в другом, противоположном первому, качестве (показ типа отношений между словами — словоизменение) [15].

Взаимосвязанность обеих функций каузативных формативов, обусловленная их осуществлением в рамках единой глагольной конструкции и единого глагольного форманта, приводит к тому, что очень часто лингвисты не расчленяют эти функции и включают объектные связи в характеристику залога. Всесторонняя критика этого неправильного приема и связанной с ним «логической» интерпретации залоговых отношений с подробной библиографией содержится в книге Э. В. Севортяна [16]. Кроме того, включение объектных связей в характеристику залога приводит к признанию «лексико-грамматического» характера категории залога [17].

---

[14] Постоянное в том смысле, что у глагольного действия обязательно есть свой субъект, выраженный отдельным словом или личным окончанием; безличные глаголы должны быть рассмотрены особо.

[15] См., например, Б. Фогараши, *Логика*, М., 1959 (о диалектическом понимании принципа непротиворечия см. стр. 84—107 и особенно 94—95).

[16] Э. В. Севортян, *Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке*, М., 1962, стр. 448—456.

[17] Ср. С. Н. Иванов, *О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах*, — «Ученые записки ЛГУ», вып. 12 (№ 294), 1961, стр. 3—11

«Лексико-грамматическая» категория — это уже хотя и очень распространенная, но все же лингвистическая фикция, основанная на смешении двух различных ступеней абстракции: лексического и грамматического. Как мы пытались показать выше, в глагольном каузативе, как и в любом, видимо, грамматическом классе и разряде слов, лексическое и грамматическое взаимосвязаны, но невозможно определить зависимость чего-либо одного от другого. Каузативные форманты в глаголе устанавливают его сочетаемость с объектом, а далее отношения глагола с объектом регулируются лексическим значением глагола, тогда как внешне это выглядит наоборот: типом объекта определяется лексическое содержание глагола. Те же формативы указывают на определенное отношение действия к субъекту. Конъюнкция этих двух функций в одном аффиксе такова же, как и соединение в одном показателе выражения категорий наклонения и времени или падежа и числа.

Таковы кратко некоторые предпосылки для расчленения лексического и грамматического и выявления особенностей их взаимодействия в каузативных образованиях, что составляет важную часть научного анализа грамматического строя турецкого и родственных ему языков.

Н. И. Летягина

О МЕРНЫХ СЛОВАХ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В тувинском, как и в других тюркских языках, при выражении количественных понятий употребляется особая группа слов, называемых обычно в тюркологической литературе нумеративными [1] или счетными [2].

Вместе с тем в этой большой группе нумеративов следует выделить особую по семантике подгруппу единиц измерения, или мерных слов [3].

Человек в процессе своей деятельности вычленяет части или группы каких-либо предметов, и это их выделение очень часто связано с теми или иными единицами исчисления или измерения, с мерами выделенных предметов. «За единой категорией отвлеченного множества лежат разнообразные категории конкретных специфических множеств, отличных в зависимости как от характера предметов, составляющих множество, от принадлежности их к тому или иному «классу» имен, так и от различий в количественной мощности множества. . .» [4].

Так возникают и употребляются в различных языках единицы измерения, закрепляющиеся за особыми группами мерных слов: скот исчисляется по головам, различные ткани — по штукам и т. п.

Особый интерес представляют мерные слова в тувинском языке, который, находясь длительное время в некоторой изоляции

---

[1] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, стр. 165.

[2] Н. П. Дыренкова, *Грамматика шорского языка*, М.—Л., 1941, стр. 109—113.

[3] Лекции по тувинскому языку, читанные В. М. Наделяевым на Восточном ф-те ЛГУ в 1954 г.

[4] И. М. Тронский, *К семантике множественного числа в греческом и латинском языках*, — «Ученые записки ЛГУ», серия филологических наук, 1946, вып. 10, стр. 57.

от других тюркских языков, испытывал значительное влияние китайского, монгольского и русского языков, что нашло свое отражение в тувинской лексике вообще и в мерных словах особенно.

Летом 1964 г. во время экспедиции в Туву автору этой заметки удалось записать у тувинцев — представителей старшего поколения (70—80 лет) — примеры на употребление нескольких разрядов мерных слов. При этом выяснилось, что употребление мерных слов раньше было гораздо более широким, чем в современном тувинском языке. В настоящее время многие мерные слова, бывшие употребительными лет пятьдесят назад, постепенно забываются. Молодые тувинцы ими почти не пользуются и не могут объяснить значение большинства из этих слов, хотя некоторые мерные слова продолжают сохраняться с прежним значением, например: *кулаш* 'сажень'. Впрочем, эта мера тоже часто заменяется метрической, например: *12 kulaş ъjaştь xap turguzar tep xyleelgeni algaş* 'Приняли обязательство заготовить 12 саженей (или 24 *куб. м*) дров' (Aş 1944, № 14, 2)[5]; *1938 cьlda şkolanьŋ taraa tarььr* 1 *ga cerin kazaalaar* 100 *kulaş ьjastь* 4 *ajnь egezinde şuptuzun søørttyp peer poor* 'В 1938 г. в начале четвертого месяца (т. е. в апреле) загородим школьный участок в 1 *га*, привезем 100 саженей (200 *куб. м*) дров для школы' (Aş 1938, № 21, 2) и т. п.

Следует сказать, что в современном тувинском языке, особенно в его литературной форме, широко употребительна система мерных слов, заимствованная из русского языка, которая органически вливается в тувинский язык: метр, литр, пуд, тонна, гектар и т. п.

Примеры: *бир эвес чурттуӊ анаа инээ чылдын иштинде* 700—800 *литр сүт берип турда ол инек чылда* 2700 *литр сүт берип турар* 'Если местная корова за год дает по 700—800 *л* молока, то эта корова дает за год 2700 *л* молока' (Ш 1946, № 6, 3); *чүгле аванса кылдыр безин 100—100 пуд тарааны алганнар* 'Только по авансу получили по сто пудов зерна' (Ш 1949, № 4; 1); *Cys-cys toon taraalarnь azaagaş corudup şьdaarьnь cizee polur tur* 'Это (является) примером возможности сдать сотни тонн зерна' (Aş 1944, № 14, 2); *олар хүнде ажыл нормазын* 100—100 *хуу күүседип турарлар* 'Они выполнили дневную рабочую норму на сто процентов' (Aş 1944, № 33, 1); *taraacьn azьl-agьjlarnьŋ* 75 *xии xirezi tus-tuzunda pir-pir ga cerlerlioq poor turar* 'Каждое

[5] См. список сокращений; цифры указывают на страницы соответствующих изданий. Часть примеров дана на латинице, так как тувинцы только в 1945 г. полностью перешли на русский алфавит.

из 75 процентов крестьянских хозяйств имеет земли по одному гектару (Aş 1938, № 28, 4); *arga ьjaş ezelep turar ceriniŋ şөly* 7,5 *milion ga ijik-pe, azь pygy tebiskeeriniŋ* 44,1 *xuu polur* 'Лесной массив Тувы — 7,5 млн. *га*, или 44,1 процента всей территории' (Т 6); *ийи чус метр хире чоруй барганывыста...* 'Когда мы прошли метров двести...' (СТ БК 10); *11 тонна, азы 660 пуд сигенни кышка белеткээр тургаш* 'К зиме приготовили одиннадцать тонн, или 660 пудов сена' (СТ БК 93).

Но старая система мер еще употребительна, причем название единиц измерений и их использование специфичны для каждого отдельного говора тувинцев.

Показательны в этом отношении, например, единицы измерения плиточного чая:

Единицы измерения для чая	Бий-Хемский р-н	Тес-Хемский р-н
плитка чая	*баш шай*	*баш шай*
1/2 плитки чая	*кезек шай*	*хугус~кус шай* (монг. *xuγus* 'часть; половина ч.-л.')
1/4 плитки чая	*улдуң шай*	*сең шай* (? кит. *шэ̄н* — мера объема)
1/8 плитки чая	*барыл шай*	*пың шай* (кит. *фэ̄н* — 'название меры; доля, часть')
1/16 плитки чая	*керчим~докпе шай*	
1/40 плитки чая		*туга* (монг. *toγa* 'число', 'количество', 'счет', 'реестр', 'счисление', 'привески на четках')

В пограничных с Монголией районах, где была развита торговля с монголами и китайцами, которые меняли чай, табак, материю на соболей, панты и пр., поставлявшиеся тувинцами, чай являлся эквивалентом при товарном обмене.

При купле-продаже употреблялись весы-безмен с делениями, которые соответствовали весовым единицам для измерения чая: *пуң* — 1 *г*, *сең* — 10 *г*, *лаң* — 1 *кг*.

Каждая вещь при купле-продаже могла исчисляться в весовых единицах либо чая, либо золота и серебра. Соотношения между единицами измерения строго определялись.

ийи баш шай 'две плитки чая' = *бир лаң мөңгүн* 'один лан серебра';

бир пуң алдын 'один пун золота' = *бир лаң мөңгүн* 'один лан серебра';

бир сең алдын 'один сен золота' = *он лаң мөңгүн* 'десять лан серебра';

бир имби 'серебро величиной с руку' = *бежен лаң мөңгүн* 'пятьдесят лан серебра';

Например, если от хвоста до шеи быка было *тос харыш* ('девять пядей'), то такой бык стоил *50 лаң мөңгүн* ('50 лан серебра'), или, что то же самое, *бир имби мөңгүн*.

Серебряные монеты, которые привозили купцы из России, тувинцы называли *янча* (кит. *цянь* 'деньги', 'монета'; 'десятая часть лана'), что соответствовало, примерно, русскому червонцу. Исходя из этого соотношения денежных единиц, определялась стоимость различных товаров:

бир киш 'один соболь' = *чүс лаң мөңгүн* 'сто лан серебра' = *ийи чүс янча* 'двести янча';

сес панты 'восемь пантов' (отростки с рогов одного марала в среднем) = *ийи чүс он алды баш шай* 'двести шестнадцать плиток чая' = *бир чүс сес лаң мөңгүн* 'сто восемь лан серебра';

бир панты 'один пант' = *чээрби чеди баш шай* 'двадцать семь плиток чая (т. е. один ящик чая)' = *дөрт тунзе* 'четыре коробки табака';

ийи баш хой 'две (головы) овцы' = *ийи баш шай* 'две плитки чая';

дөрт баш өшку 'четыре (головы) козы' = *бир баш шай* 'одна плитка чая';

дөрт дииң (*кежи*) 'четыре белки (шкурки)' = *бир баш шай* 'одна плитка чая' и т. д.

Кроме приведенных выше мерных слов, названия которых различаются по районам, в тувинском языке есть большая группа мерных слов, употребляемых всеми тувинцами (лишь с небольшими фонетическими отклонениями по отдельным говорам), хотя нужно сказать, что и эта группа мерных слов вытесняется русской системой мер, особенно в литературном языке.

Меры длины

илиг 'мера длины, равная ширине одного пальца';
сөөм 'четверть, пядь';
он илиг 'десять илигов' или *мугур сөөм* 'малая (букв. тупая) четверть' (расстояние между концами вытянутого большого и согнутого указательного пальцев);
улуг сөөм 'большая четверть' (расстояние между большим и вытянутым указательным пальцами);
карыш (~*харыш*) 'расстояние между большим и средним пальцами';
кулаш 'сажень' (расстояние между пальцами вытянутых в стороны рук);
төш чартыы 'полмаха' (расстояние от середины груди до вытянутых пальцев);
дугай 'локоть' (расстояние от локтя до суставов кисти руки, сжатой в кулак);
улуг дугай 'большой локоть' (расстояние от локтя до вытянутых пальцев);
дугай дурты ~ *кыры дугайы* 'малый локоть' (расстояние от локтя до запястья — единица измерения выделанной кожи для подошвы обуви);
шаң 'мера земельной площади, равная примерно гектару' (в настоящее время малоупотребительна).

Меры объема

барба 'мешок' (мера для измерения зерна весом в 50—60 *кг*);
тооргу хап 'малый мешок' (весом в 10 *кг*);
тоңга 'кринка объемом в 3 *л*';
тоскаар 'бочка объемом в 8 ведер, предназначенная обычно для хойтпака (кислое молоко)'.

Как видно из приведенных выше примеров, числительные, выступая в своей основной функции количественного определителя измеряемых предметов, обычно не прямо выражают идею множества соответствующих предметов, а через определенную меру, свойственную тому или иному разряду предметов. Как названия мер эти слова являются именами существительными, но, выражая собой количественный признак предметов, эти слова входят в сложные определительные словосочетания.

Мерные слова выступают здесь уточнителями количества при имени существительном, образуя вместе с числительным как бы сложное слово. Так образуются своеобразные сложные прилагательные типа *беш метр* 'пятиметровый', *чээрби метр* 'двадцатиметровый'. Количественные числительные в таких кон-

струкциях могут быть целыми, дробными или приблизительными (см. примеры выше).

На сложный характер этих образований, представляющих собой устойчивую синтаксическую конструкцию, указывает также постановка вопроса *кандыг?* 'какой?', который можно задать только ко всему словосочетанию, но никак не к отдельным его компонентам. Так, словосочетание *беш метр торгу* в буквальном русском переводе означает 'пятиметровый шелк'.

В связи с изложенной здесь трактовкой сочетания мерных слов с количественными числительными можно возразить Н. К. Дмитриеву в его понимании подобных сочетаний [6] в башкирском языке, когда он относит мерные слова к их определяемому, объединяя с последним и отделяя от количественных числительных, в то время как значение этих сочетаний нерасчленимо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Aş — газета *«Arattïŋ revolustuq evileldiŋ şьnь»*.
СТ БК — Салчак Тока, *Боттанган кузел*.
Ш — газета «Шын».

---

[6] Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 92.

Э. Н. Наджип

«ХОСРАУ И ШИРИН» КУТБА И ЕГО ЯЗЫК

Одним из наиболее ценных памятников художественной литературы XIV в. на тюркском языке является «Хосрау и Ширин» Кутба, который считается вольным переводом одноименного поэтического романа азербайджанского поэта Низами, написанного на персидском языке. Единственный дошедший до нас список этого произведения хранится в Национальной библиотеке в Париже, в Ancien Fond Turk под № 312. Сохранившаяся копия снята в 1383 г. в Египте, в Александрии, при последних кыпчакских правителях поэтом-кыпчаком Берке Факихом.

А. Н. Самойлович определил эту рукопись и ее язык как золотоордынские и отнес ее к наиболее ранним памятникам этого государства [1]. Он считал, что памятник создан на территории Золотой Орды, а в Египте снята дефектная копия. Этот памятник в литературоведческом плане у нас впервые был изучен в Ленинграде А. Т. Тагирджановым (см. его канд. дисс.).

Будучи в Париже, с рукописью бегло познакомился покойный Е. Э. Бертельс, он считал труд Кутба неудачным переводом [2].

В 1934 г. А. Н. Самойлович в Стамбуле на Втором языковедческом конгрессе сделал на эту тему доклад, который в 1935 г. был опубликован на турецком языке [3].

Памятник в целом во многих отношениях изучен крупным польским востоковедом А. Зайончковским. Результаты этого изучения отражены в ряде работ.

В 1945 г. он впервые опубликовал факсимиле отдельных страниц с вступительной статьей, где подвергает рукопись деталь-

[1] А. Н. Самойлович, *К истории литературного среднеазиатского турецкого языка*, — «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 6.

[2] Е. Э. Бертельс, *Навои*, М.—Л., 1948, стр. 54.

[3] Cuci Ulusu veya Altın Ordu edebi dili, — «Türk Dili Beleteni», Ankara, 1935, s. 34—49.

ному изучению, сопоставляя ее с персидским оригиналом, и дает беглые сведения о языке рукописи. Приводятся им в этом издании наиболее интересные лексические материалы [4].

Вопрос о языке рукописи был затронут и М. Ф. Кёпрюлю-заде в 1945 г. Он определил его как смешанный огузско-кыпчакский литературный язык XIV в. Золотой Орды [5].

В 1948 г. А. Зайончковский выпускает в двух частях факсимиле рукописи и транскрипцию, а в 1961 г. полный словарь тюркской части лексики. Словарь составлен на латинской основе в алфавитном порядке с соответствующими примерами, а в нужных случаях и с краткими ссылками на другие памятники и словари [6]. В 1961 г. Зайончковский публикует первую часть своего исследования, посвященную стилистике и поэтике этого произведения [7].

А. Зайончковский не соглашается с мнением А. Н. Самойловича о дефектности дошедшей до нас копии поэмы и считает ее полноценной. К такому выводу он пришел, сличив перевод Кутба, раздел за разделом, с персидским оригиналом.

Рукопись «Хосрау и Ширин» Кутба состоит из 280 страниц по 42 стихотворные строки на странице и разбита на 90 глав. Содержание почти всех глав соответствует содержанию соответствующих глав романа Низами. В соответствии со средневековой литературной традицией роман начинается славословием бога и его пророков. Затем в романе Низами идет славословие в честь Шаха Музаффар-ад-дина Кызыл-Арслана, а Кутб заменяет эти главы славословием в честь шах-заде Тени-бека, сына Узбека, правившего после отца в Ак-Орде, которая находилась в вассальной зависимости от Кок-Орды, и посвящает свой труд ему, вскоре убитому его братом Джани-беком, правившим в столице Золотой Орды Сарае, и жене Тени-бека. Следует отметить, что в заглавии этого последнего раздела она названа «покойной» (*мархума*). Безусловно, это заглавие вставлено впоследствии переписчиком Берке. Быть может, жена Тени-бека была убита одновременно с мужем подосланными из Сарая убийцами. Как видно из содержания раздела, посвящение написано при жизни Тени-бека и его жены.

---

[4] A. Zajączkowski, *Zabytek językowy ze Złotey Ordy «Husrev u Šīrīn» Qutba*, Warszawa, 1954.

[5] «İslam Ansiklopedisi», 3 cilt, İstanbul, 1945, s. 278 (статья «Çagatay edebiyatı»).

[6] A. Zajączkowski, *Najstarcza wersja turecka «Ḫusräv u Šīrīn» Qutba*, t. I (текст), Warszama, 1958; t. II (факсимиле), 1958; t. III (словарь), 1961.

[7] A. Zajączkowski, *Studia nad stylistyką i poetyką tureckiej wersji «Ḫusräw u Širin» Qutba*, — RO, 1961, pp. 31—82.

6 Заказ № 1037

Представляет интерес, почему труд посвящен Тени-беку, а не правившему одновременно с ним в Сарае, в столице Золотой Орды, его брату Джани-беку. Этот факт, очевидно, свидетельствует о том, что книга написана не в Сарае. Мало того, по-видимому, даже за пределами Кок-Орды, где-то, быть может, вне территории Ак-Орды. С другой стороны, Тени-бек назван в посвящении *Шахзада Тени-бек хан* («Царевич Тени-бек хан»). Почему, если он в это время правил в Белой Орде и был почти самостоятельным ханом этой части Золотой Орды, он назван царевичем? Быть может, книга преподнесена была до его восшествия на трон, когда он еще был царевичем, при жизни отца — Узбека? Если так, то она могла бы быть написана и в Кок-Орде. Однако она завершена в 1341 г., а Узбек умер за год до этого, в 1340 г. В этом же году в Сарае начал править его сын Джани-бек, а его брат Тени-бек уже правил как полновластный правитель далеко отсюда, в Белой Орде. Он назван одновременно ханом. Действительно, он в это время уже правил, а назван царевичем, нам представляется, просто для того, чтобы подчеркнуть его феодальную зависимость от Кок-Орды, или, быть может, это следует рассматривать как второй компонент составного собственного имени, который указывает лишь на его ханское происхождение.

Египет был связан непосредственно с Сараем, а Тени-бек никогда не правил в столице всего государства. Тем более вызывает удивление следующий бейт поэта:

Йӳрисӳн Мыср-у Шам да йарлығыңыз
'Пусть ваши приказы действуют в Египте и Сирии'.

Этот бейт, это пожелание поэта наводит на мысль о том, что, по-видимому, в этот период между двумя царевичами шла упорная борьба за ханский престол в Сарае, что и привело к трагической гибели Тени-бека и его жены. Поэт, по всей вероятности, поддерживал партию Тени-бека — акордынцев. Поэт, когда завершил свой перевод, был уже в пожилом возрасте, ибо в конце славословия он говорит о том, что благодаря покровительству Тени-бека Кутб проводил бы время как юноша и жил бы при хане.

Тени-бек правил в Белой Орде немногим более двух лет. Из славословия, посвященного царице, мы узнаем, что поэт специально приехал к Тени-беку. Обычно при убийстве хана страдали и окружающие его люди. Быть может, тогда же, вскоре после окончания книги и преподнесения ее Тени-беку, поэт погиб при дворе хана вместе с ним. В результате этого в дальнейшем рукопись могла попасть в Сарай и оттуда в Египет, где через 42 года была снята Берке данная копия.

Расхождение с персидским оригиналом имеется и в разделе о причинах, побудивших поэта взяться за перо. Здесь речь шла уже не о составлении, а о переводе и о тех причинах, которые побудили его «сварить из меда Низами халву» и созданную таким образом книгу преподнести Тени-беку и прославить его имя.

Далее поэт пишет о мучительном пути, проделанном им ко двору хана:

Мурадым ерди ким бу қäпуғда
Келип йол тäпсамäн теп бу тäпуғда.
Сäфäр рäнҗин кöрӱп қäч äййам,
Тäпуғқа йеттим емди ош сäрäнҗам
'Моей мечтой было к тому двору
Добраться и найти дорогу к услужению в нем.
Испытав [в продолжении] стольких дней трудности пути,
Добрался я до службы, теперь конец всему'.

Ясно, что если ставка Тени-бека была где-то в низовьях Сыр-Дарьи, то поэт не местный житель, а специально приехал к ханскому двору издалека, испытав трудности пути.

Вторая половина этого раздела — замечательное прославление любви, перекликающееся со стихами Низами.

А. Зайончковский, как мы упоминали выше, раздел за разделом, сличил перевод Кутба с персидским оригиналом Низами и пришел к выводу, что это полноценный, но вольный перевод, что содержание тюркоязычной рукописи полностью совпадает с содержанием поэтического романа Низами.

Следует, однако, отметить, что более детальное сличение тюркоязычного «Хосрау и Ширин» Кутба с персоязычным Низами не по заглавиям разделов, а по содержанию всего романа ясно показывает, что его канва, сюжет и его развитие остаются такими же, как в персидском оригинале, но в процессе перевода было внесено столько изменений, что роман на новой почве фактически превратился в назиру, т. е. в ответ на роман Низами, в результате мы видим полуоригинальный самостоятельный роман. В отдельных местах Кутб вводит в роман описания роскошной светской жизни золотоордынского двора, затрагивает отдельные бытовые и нравственные стороны жизни государства в целом. Таким образом, поэт дает не простой перевод романа Низами, а творчески его перерабатывает в соответствии с условиями жизни своей страны. Оставляя без изменения композицию и сюжет романа Низами, поэт смело пользуется в передаче образов романа изобразительно-выразительными средствами, понятными в мест-

ных условиях. Роман Низами содержит 7000 бейтов и написан по типу месневи размером хазадж. Кутб же, сохраняя форму стиха и размер шестистопного укороченного хазаджа, парадигм которого ◡ — — — | ◡ — — |, сократил его до 4700 бейтов.

Дошедший до нас список относится к 785/1383 г. К роману приложено послесловие переписчика Берке-Факиха, кыпчака, жившего тогда в Египте, где и указана дата переписки.

Что же представляет собой данный памятник в языковом отношении? Каково отношение языка данного памятника к языку некоторых других памятников, как «Мухаббат-наме» Хорезми, среднеазиатский «Тефсир», «Нахдж аль-Фарадис» и т. д., которые в основном были созданы в том же XIV в., на той же территории? Для выяснения этого мы детально изучили тюркскую часть лексики памятника.

Всего в романе оказалось 2500 слов тюркского происхождения. В это число входят варианты, связанные с неустойчивостью орфографии и диалектальным разнобоем.

Сравнительное изучение языка ряда памятников, созданных в XIV в., показывает, что язык «Хосрау и Ширин» Кутба как по фонетике, так и в отношении морфологии и лексики значительно отличается от языка таких памятников XIV в., как «Мухаббат-наме» Хорезми или «Гулистан» Сейфа Сараи. С другой стороны, язык Кутба во многих отношениях близок к языку среднеазиатского памятника того же XIV в. «Кысас» Рабгузи, памятника неизвестного происхождения «Нахдж аль-Фарадис» и др. К этой же группе памятников относится также памятник неизвестного происхождения «Сирадж аль-Кулуб» и среднеазиатский «Тефсир». Все они имеют общую языковую основу.

Тюркская часть лексики языка Кутба значительно отличается от лексики «Гулистана» и «Мухаббат-наме» прежде всего количеством архаических элементов, наличием значительного количества таких слов, которые не зафиксированы даже в «Диване» Махмуда Кашгари. Это одна из наиболее характерных особенностей лексики Кутба. Отличается его лексика еще и тем, что она содержит значительно большее количество уйгурских элементов. Многие производные слова образуются от общетюркских основ при помощи явно уйгурских аффиксов. Это увеличивает в языке памятника количество уйгуризмов.

Мы не делим анализируемую лексику на семантические разряды, ибо объем ее ограничен содержанием и характером данного памятника. Что касается употребления разнодиалектных и иноязычных слов, то это также в значительной степени зависит от характера поэтического произведения. Данный поэтический роман написан арабо-персидским размером аруз, основанным на чере-

довании долгих и кратких слогов в стихотворных строках. Поэтому поэту часто приходится в нужных случаях (по требованию размера) прибегать к использованию синонимов самого разного происхождения. Так обогащается язык поэта разнодиалектной и разноязычной лексикой. Конечно, в этом отношении немаловажную роль играет обстановка, в которой жил и творил поэт, а также существующая литературная среда, литературная традиция, и диалектальная принадлежность самого поэта.

Подсчет диалектальной части лексики Кутба показывает, что в основе языка поэта лежит не кыпчакский, а огузский диалект; огузских элементов в романе гораздо больше, чем кыпчакских. Их больше не только в сравнении с языком Сейфа Сараи или Хорезми, но значительно больше, чем в произведениях среднеазиатских тюркоязычных поэтов, предшественников Навои и самого Навои. Почти такое же место занимают в языке памятника уйгурские элементы. Однако уйгуризмы в языке Кутба являются результатом влияния уйгурской литературной традиции караханидского периода. Они не характерны для местных диалектов, а являются принадлежностью книжного языка. Что касается кыпчакских элементов, то употребление их является естественным, поскольку они — принадлежность языка определенной части местного населения, поэтому, исходя из данных лексики языка Кутба, в отличие от языка Сейфа Сараи и Хорезми, его можно было бы назвать о г у з с к о - к ы п ч а к с к и м, испытавшим очень сильное влияние уйгурской литературной традиции.

Для того чтобы иметь представление о диалектальном разнообразии лексического материала нашего памятника, мы выделили группу непроизводных имен и глаголов, начинающихся с гласного звука, в количестве 650 слов и получили данные, приводимые нами ниже. Конечно, такой метод подсчета дает результаты лишь в первом приближении. Следовало бы привлечь к анализу большее количество материала, даже всю лексику. Кроме того, безусловно, отнесение того или иного слова к тому или иному диалекту — дело очень трудное и сложное, ибо слова, которые раньше употреблялись в том или ином диалекте, в дальнейшем могли перестать употребляться в этом диалекте. Слова, которые являлись общетюркскими или были принадлежностью нескольких диалектов, в дальнейшем могли сохраниться не во всех этих диалектах. И, наоборот, слова, употреблявшиеся лишь в каком-либо диалекте, могли в дальнейшем проникнуть и в другие диалекты. Так, например, в современном туркменском языке немаловажное место занимают кыпчакские, а в азербайджанском кроме кыпчакских еще уйгурские элементы. Следует отметить, что не всегда помогают и исторические данные для определения диалектальной

принадлежности того или иного слова. Поэтому полученные нами данные в некоторой степени являются условными.

Лексика языка поэта по диалектам распределяется следующим образом:

	Имена	Глаголы	Всего
1. Огузские	8%	4%	12%
2. Юго-восточные	16%	5%	21%
3. Кыпчакские	6%	2%	8%
4. Огузо-восточные	2%	1%	3%
5. Огузско-кыпчакские	2%	1%	3%
6. Восточно-кыпчакские	7%	7%	14%
7. Общетюркские	28%	11%	39%
	69%	31%	100%

Эта таблица очень показательна. Естественно, в языке Кутба общетюркские элементы составляют две пятых проанализированного количества слов, причем простых имен в два с половиной раза больше, чем непроизводных глаголов. За общетюркскими следуют слова юго-восточной группы, которые составляют немногим больше одной пятой части тюркской части лексики памятника. Отношение имен к глаголу — три к одному. Необходимо учесть еще то, что восточные элементы в языке Кутба в основном не являются принадлежностью языка каких-нибудь местных племен, а являются результатом влияния литературной традиции. Среди восточных элементов солидное место занимают архаизмы. Все это убедительно показывает, как сильно было влияние литературной традиции караханидского периода на лексику литературных деятелей в XIV в. Кроме того, не следует забывать, что определенное количество восточных слов является общим с огузскими и кыпчакскими языками. При присоединении их получаем для восточной группы 21%+3%+14%=38%. При 8% кыпчакских огузские составляют 12%, т. е. в полтора раза больше кыпчакских. При присоединении слов общих для огузского получаем 12%+3%+3%=18%, а для кыпчакского — 8%+3%+14%=25%. При таком подсчете картина резко меняется, и, наоборот, кыпчакских слов оказывается в полтора раза больше. Вот такое процентное соотношение и дает нам право называть язык Кутба в лексическом отношении весьма смешанным, а учитывая основные данные, считать его огузско-кыпчакским, испытавшим сильное влияние восточной литературной традиции, традиции книжного языка, привнесенной на территорию Золотой Орды из Средней Азии.

Язык Кутба богат синонимами. Синонимы разноязычные и разноплеменные. Представляют интерес разноплеменные сино-

нимы. Особо следует отметить синонимичное употребление архаических слов. Так, например:

аҙын-азын и параллельно *öнгин-öңин* ‘другой, кроме’,
öкӱш и *ингäн*, *талим-телим* ‘много’,
иди и *иҙи* ‘бог, господин, хозяин’,
аймаҡ и *айдмаҡ* ‘говорить’,
битикли и явно монгольское *бижҗикли* ‘написанный’,
таҡы и *таҡын*, *дағы* ‘еще’,
тäнуҡ и *тäнығ* ‘свидетель’,
тапу и *тапуғ* ‘поклонение, служба’,
текрӱ и *теки* ‘до’,
зäндӱач и *сäндӱач* ‘соловей’,
сарғармаҡ и *сäрармаҡ* ‘желтеть’,
ҡäлаш и *кäйаш* ‘родня, родственник’,
ҡäта и *ҡурла* ‘раз’,
куҙуғ и *ҡуйуғ* ‘колодец’,
кäҙ, *äҙгӱ* и *йиг* ‘хороший’,
йару, *йары*, *йансы (йан + сы)* и *йöн* ‘сторона’,
йäшрӱ и *йäшнӱ* ‘тайно, скрытно’,
йора и *йорағ* ‘толкование’,
йигли и *сöгäл* ‘болезнь, больной’ и т. д.

Часто параллельно с архаическими элементами выступают в качестве синонима неархаические:

I. *аҙаҡ* и *айаҡ* ‘нога, ноги’,
II. *аҙаҡ* и *айаҡ* ‘чаша’,
аҙ и *ат* ‘имя’,
аҙырмаҡ и *айырмаҡ* ‘отделить, разлучить’,
аҙын и *бäшҡа* ‘другой, кроме’,
ашну и *бурун* ‘раньше’,
ӱчӱнч и *ӱчӱнчи* ‘третий’,
уҙымаҡ и *уйумаҡ*, ‘спать, уснуть’,
öкӱш и *кöп* ‘много’,
äҙäрлäмäк ‘оседлать’ и *ийäр* и *иййар* ‘седло’,
ичрä и *ичиндä* ‘внутри’,
аймаҡ и *айтмаҡ* ‘говорить’,
инжҗӱ и *йинжҗу*, *йинжҗи* ‘жемчуг’,
боҙ и *бой* ‘стан, фигура’,
бäлгӱтмак, *бäлгӱртмак*, *бäлгӱрмäк* и *бäлӱрмäк* ‘выявить’,
тäба и *тäбару* ‘в сторону’,
тäшра и *тäшҡару* ‘вне’,
толун, *толуғ* и *толу* ‘полный’,
тыҙмаҡ и *тыймаҡ* ‘запрещать’,

текрӳ и *тек* ʽдо’,
тейӳ и *теп* ʽговоря, думая’,
мäңиз и *чырай* ʽлицо, физиономия’,
қолмақ, *сорамақ* и *сормақ* ʽпросить’,
қанда, *қайда*, *қäйда* ʽкуда, где’,
қäӡғу и *қäйғу* ʽгоре, печаль’,
қымырса и *қäрынча* ʽмуравей’,
қоӡмақ и *қоймақ* ʽкласть, положить’,
қäршу и *утру* ʽпротив, напротив’,
қурла и *қäт* ʽраз’,
кäӡ и *йäхшы* ʽхороший’,
киӡмäк ʽодевать’ и *кäйдӳрмäк* ʽнадевать’,
кӳйӳрмäк и *кӳйдӳрмäк* ʽсжигать’,
кирмäк ʽвходить’ и *кäйгӳрмäк* ʽвводить’,
йару и *йӧн* ʽсторона’,
йäпурғақ и *йäпрақ* ʽлист’,
йалғуз и *йалғузун* ʽодиноко’,
йäшнӳ и *йäшрӳн* ʽтайно, скрытно’ и т. д.

Если в архаической части в качестве синонимов выступают разнодиалектные по тому времени слова, то во втором списке, когда приводятся архаические и неархаические синонимы, один из них обычно является словом, относящимся к юго-восточной группе, а иногда оба являются юго-восточными.

В качестве синонимов используются и разнодиалектные слова, которые употребляются и в наши дни в огузской, кыпчакской и восточной группах языков. Таковы, например:

ачы и *ачығ* ʽгорький’,
ары и *арығ* ʽчистый’,
ағач и *йäғач* ʽдерево’,
äркли и *äрклиг* ʽвольный’
атлы и *атлығ* ʽконный, верховой’,
алар, *анлар* и *олар* ʽони’,
андан и *андын* ʽот него, оттуда, затем’,
узақ, *алыс* и *ырақ* ʽдалеко’,
ӳзрä и *ӳст* ʽна, над, верх’,
улу и *улуғ* ʽбольшой, великий’,
отурмақ и *олтурмақ* ʽсидеть, жить’,
ойанмақ и *ойғанмақ* ʽпросыпаться, проснуться’,
уйумақ и *уйуқламақ* ʽуснуть, спать’,
исси и *иссиг* ʽжарко’,
издäмäк и *излäмäк* ʽискать’,
ығламақ и *йығламақ* ʽплакать’,
ел и *елиг* ʽрука, руки’,

ел и *улус* ‘народ’,
баѓлы, *баѓлыѓ* и *баѓлыķ* ‘связанный’,
булмаķ и *тапмаķ* ‘находить’,
булунмаķ и *табулмаķ* ‘находиться, обнаружиться, быть найденным’,
татмаķ ‘пробовать на вкус’ и *татыѓ* ‘вкус’,
татлы и *татлыѓ* ‘вкусный’,
тӳрлӳ и *тӳрлӳг* ‘разный’,
толу и *толуѓ* ‘полный’,
тилли и *тиллиг* ‘имеющий язык’,
чыра и *чыраѓ* ‘лучинка, светильник’,
сары и *сарыѓ* ‘желтый’,
сычан и *сычķан* ‘мышь’,
сорамаķ и *сормаķ* ‘просить’,
ķаты и *ķатыѓ* ‘твердый, жесткий’,
бӧрӳ, *бӧри* и *ķурт* ‘волк’,
ķуртķарѓу ‘избавление’, *ķутķармаķ* и *ķутармаķ* ‘избавлять, спасать’,
ķучаķламаķ и *ķучамаķ* ‘обнимать’,
ķонаķ и *ķонуķ* ‘гость’,
ķонаķламаķ и *ķонуķламаķ* ‘гостить’,
ķой и *ķойун* ‘овца’,
ķуру, *ķуры* и *куруѓ* ‘сухой’,
кӧпрӳ и *кӧпрӳк* ‘мост’,
кӧрклӳ, *кӧркли* и *кӧрклӳг* ‘красивый’,
кäлтӳрмäк и *келтӳрмäк* ‘приносить’,
кӧргäзмäк, *кӧргӳзмäк* и *кӧстäрмäк* ‘показать’,
кӧлäнкä и *кӧлигä* ‘тень’,
кичи и *кичиг* ‘маленький’,
муңлы и *муңлуѓ* ‘печальный’,
йарлы и *йарлыѓ* ‘бедный’,
йашлы и *йашлыѓ* ‘пожилой’,
йазмаķ и *йаңылмаķ* ‘ошибаться’,
йӳклӳ и *йӳклӳг* ‘нагруженный’,
йуванмаķ и *йупанмаķ* ‘утешаться’ и т. д.

И в данном случае один из синонимов неизменно юго-восточный, а другой общетюркский, огузский или кыпчакский.

В памятнике богато представлены парные слова. Синонимичные парные слова обычно разноязычны. Когда оба компонента — тюркские слова, они могут быть и антонимами. Может иметь место простой повтор. Компоненты могут выступать в основной форме и в сочетании с аффиксами, частицами, союзами. Они образуются от различных форм глагола как личных, так и неличных и т. д.

Приведем несколько примеров:

арты-арķасы ʻопораʼ,
аш-су ʻеда, пищаʼ,
алтун-кӱмӱш ʻзолото и сереброʼ, ʻденьгиʼ,
уршу-уршу ʻбеспрерывно воюяʼ,
улус-ел ʻнародʼ,
айаķ-чанаķ ʻпосудаʼ,
ичи-ташы ʻсо всех сторонʼ,
еркäк-тиши ʻсовокупность людейʼ; ʻмужчины и женщиныʼ,
барым-йоķум ʻвсе мое богатствоʼ,
бир-ӱ бар ʻодин и сущ богʼ,
таӻ-таш ʻкаменистое местоʼ,
тӱн-кӱн ʻдень и ночь, круглый деньʼ,
тӱнма-кӱндӱз ʻднем и ночьюʼ,
кӧз-ķулаķ ʻприсмотр, надзорʼ,
мал-у тäӱар ʻбогатствоʼ,
кӱлä-ойнайу ʻвеселясьʼ,
йемäк-ичмäк ʻеда, пищаʼ,
ерта-кечä ʻутром и вечеромʼ,
артуķ-ӧксӱк ʻнеопределенное количество чего-либоʼ,
азын-азын ʻпонемногуʼ,
аķрун-аķрун ʻпотихонькуʼ и т. д.

Как мы отметили выше, язык памятника богат архаическими элементами. Значительный интерес в этом отношении представляют и некоторые фонетические и морфологические показатели. Таковы, например, слова с *ӱ̊-(w)*-признаком, *ӻлы*-показателем, *ӻу*-показателем, деепричастные формы на *-у* и т. д.

Значительно количество слов, которые, не являясь архаизмами, носят какие-либо архаические признаки. Таковы, например, слова с *ȥ*-показателем. *Аȥ* ʻимяʼ лишь по фонетическому признаку *ȥ* является архаическим. Так и *аȥäрлäмäķ* ʻоседлатьʼ по *ȥ*-признаку является архаическим и противостоит современным *ийäрлäмäķ* — *эгäрлäмäк* и т. д.

Аналогичным образом такие слова, как *ķутķарӻу*, *ķутулӻу* и т. п., являются архаическими не только по способу своего образования, но и по выполняемой функции в определительных сочетаниях.

Немало в памятнике и таких архаических элементов, которые в наши дни, в современных тюркских языках, совершенно не встречаются; таковы, например, *äбсäм* ʻспокойно, молчаливоʼ, *äрдäм* ʻмастерство, знание, образование, искусствоʼ, *арсыķмаķ* ʻсоблазняться, дать себя обманутьʼ, *арķун* ʻтихо, медленно, спокойноʼ,

ажун 'мир', *асры* 'много' и т. д. Имеется некоторое количество слов, которые по своему значению являются архаическими, но со временем значительно изменили свою семантику и в наши дни приобрели новое значение. Некоторые же архаические элементы встречаются лишь в составе фразеологизмов, устойчивых сочетаний. Архаические элементы встречаются и в составе парных слов, где второй компонент просто дублирует первый для усиления значения, или же является как бы переводом первого.

По своему происхождению эти архаизмы восходят к разным группам тюркских языков, к восточному, огузскому, кыпчакскому и к периоду тюрко-монгольской общности языков.

Такова краткая характеристика тюркской части лексики этого весьма ценного памятника XIV в., памятника огузско-кыпчакского письменного литературного языка ȝ-группы тюркских языков. Более подробный анализ лексики памятника дан нами в первом томе нашего трехтомного сравнительно-исторического словаря тюркских языков по материалам «Хосрау и Ширин» Кутба, который в настоящее время находится в печати.

Д. М. Насилов

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ НА *-jük/-juq* В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО РЕФЛЕКСЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В структуре времен индикатива в древнем уйгурском языке форма времени на *-juq* занимала особое место. В исследуемых памятниках [1] эта форма встречалась относительно редко: на ее долю падало лишь 8% всех случаев употребления форм прошедших времен. Ограниченное количество материала несколько осложняет анализ данной формы, однако ее специфическое употребление в текстах позволяет все же достаточно точно выяснить семантику и место формы времени на *-juq* среди других временны́х форм.

Парадигма спряжения глагола *kel-* 'приходить' в этой форме времени следующая:

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	*kel-jük men*	*kel-jük biz*
2-е л.	*kel-jük sen*	*kel-jük siz*
3-е л.	*kel-jük (ol)*	*kel jük (-lär ol)*

Отрицательная форма образовывалась при помощи глагольного отрицания *-ma-*: *käl-mä-jük men*; *kel-mäjük siz; käl-mäjük (ol).*

Как verbum finitum эта форма в памятниках уйгурского письма встречалась исключительно в прямой речи; употребление ее в авторской речи не отмечается. Такая ограниченная сфера применения говорит, очевидно, за то, что форма на *-juq* либо

[1] Для исследования привлекается группа памятников буддийского содержания на уйгурском алфавите: A. v. Gabain, *Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs*, V. Kap., SBAW, Berlin, 1935 (в дальнейшем — СЦ. 5); A. v. Gabain, *Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie*, — SBAW, Berlin, 1938 (в дальнейшем — СЦ. 7); A. v. Gabain, *Türkische Turfan-Texte*, *X*, Berlin, 1959 (в дальнейшем — ТТ. 10); F. W. K. Müller, *Uigurica*, II—IV, Berlin, 1910—1931 (в дальнейшем — Уйг. 2, 3, 4). Примеры из рунических текстов даны по изданию: С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*, М.—Л., 1951 («Памятник в честь Кюль-тегина» в дальнейшем — КТ). Примеры из памятников даются в транскрипции, которая принята в группе «Древнетюркского словаря». Цифры перед тире обозначают номер выпуска, после тире — страницу издания памятника.

обладала совершенно особым видо-временным значением по сравнению с другими формами времени, либо имела некую модальную окраску, которая реализовалась именно в прямой речи. Как показало исследование, эти предположения находят свое подтверждение.

По своему общему временнóму значению форма на *-juq* являлась формой прошедшего времени, передавая действие, имевшее место до момента речи.

Обратимся к примерам, которые даются в достаточно широком контексте:

ötrü atasï k i l i m b i . . . ordusïŋa kelip amraq qïzïn bulmatïn ïnča tep tedi: meniŋ qïzïm qanča ***barjuq ol*** *tep, tegräki teri jeklär ïnča tep tedilär: siziŋ qïzïŋïznï a r č u n i toŋa qunup eltü bardï* 'Затем ее отец Хидимба. . ., придя в свой дворец и не найдя своей любимой дочери, так сказал: «Куда же **ушла** моя дочь?» Демоны из его свиты так ответили [ему]: «Вашу дочь унес, похитив, герой Арчуна»' (Уйг., 2—25).

В данном отрывке форма *barjuq ol* 'ушла' выражает прошедшее действие. Это подтверждается также и употреблением прошедшего времени на *-di* в ответе демонов: *eltü bardï* 'он унес'. Важно отметить употребление формы на *-juq* в вопросительном предложении прямой речи и ситуацию вопроса: спрашивает отец, не нашедший дома своей дочери.

ol kejikčilär elig begniŋ bu muntaγ jarlïqïn ešidip ertiŋü qorqup ïnča tep ötüntilär: uluγ elig-ä bašïmïzdaqï qara sačïmïz učï bölüki ***qïrγïlatjuq ol*** *telim ükuš jïl aj ertdi uzatï biz av avlamaqa. . .* ***qarïjuq biz*** (Уйг., 3—55) 'Те охотники, услышав вот такое повеление правителя и сильно испугавшись так взмолились: «О великий правитель! Пряди наших черных волос на голове **поседели**. Прошли многие годы и месяцы, пока мы охотились. . . Мы **постарели**»'.

Здесь глаголы *qïrγïlatjuq ol* 'поседели' и *qarïjuq biz* 'мы постарели' указывают на действия, уже законченные к моменту речи. Сообщение об истечении большого срока времени содержится в предложении, где сказуемое *ertdi uzatï* 'минули — продлились' стоит в прошедшем времени на *-juq*. Подчеркнем эмоциональный план приведенного высказывания, содержащего ответ людей, опасающихся за свою жизнь.

ne üčün tep tesär körgil amtï jeklär begi v a j š i r v a n i - a š a k i l ä r n i ŋ aržisi on küčlüg täŋri burχan atavaki jekniŋ ornïnta tebränčsiz jarp ***olurjuq ol. . .*** *ančaqïja jemä qorqmatïn ajmanmatïn olurur. . . a t a v a k i jek eki közintin ört jalïn üntürüp täŋri burχan üzä ïdu turur* (ТТ., 10—24) 'Если [ты] спросишь, почему, то вот смотри, о Вайшравана, правитель демонов! Святой Шакйас,

десятисильный божественный будда, **воссел** непоколебимо крепко на трон демона Атавака. Он сидит, нисколько не боясь. Демон Атавака, извлекая из обоих своих глаз огонь и пламя, направляет их на божественного будду'.

Если в предыдущих примерах время на *-juq* употреблялось рядом с прошедшим на *-di*, то в этом примере за ним следуют формы настоящего времени. Особенно интересно соотношение форм *olurjuq* и *olurur* в двух следующих друг за другом предложениях. Первая из них показывает имевшее место до момента речи действие, вторая указывает на то же действие, но уже продолжающееся в плоскости настоящего времени.

ötrü anasï p r a č a p a t i... oγlïntïn adrïlmaqlïγ emgäkin qoγšap barïp teginkä ïnča tep tedi: amraq oγlum-a ne iš išlägäli ***oγrajuq sen*** *isig özüŋin meni birlä titip ïdalap ekinti ažunqa barγalï* ***saqïnjuq sen*** *senitin adrïlγuluq savïγ köŋülümtä arïtï saqïnmaz ertim... anta ötrü s u p r i j a qïz ïnča tep tedi: begim-ä maŋa amranmaq köŋülüŋizni janturu kim ketärdi erki meni aγïr uluγ emgäklig tilgän arasïnta kemišgäli* ***oγrajuq siz*** (Уйг., 3—48) 'Затем его мать Прачапати..., переживая страдания разлуки с сыном, пришла и так сказала принцу: «О мой любимый сын! Что за дело ты **задумал** совершить? Ты **задумал**, разлучив свою жизнь со мной, перейти в другой мир! Я совершенно не думала в своем сердце о разлуке с тобой...». Затем девушка Сиприя так сказала [принцу]: «О мой любимый правитель! Кто же опять отвратил от меня ваше любящее меня сердце? Вы **вознамерились** бросить меня под колесо тяжелых, великих страданий!»'. Эмоциональный характер прямой речи в приведенном тексте несомненен.

Определенную экспрессивность содержат и все другие предложения, где применяется эта форма, например: *qatïγ köŋül öritip qorqïnčsïz ajïnčsïz köŋülin sizlärni birlä süŋüšgäli* ***keljük men*** (Уйг., 4—684) 'Возбудив [в себе] жестокость, я с бесстрашным сердцем пришел, чтобы сразиться с вами'; *nom bitiglärin telim* ***jïγjuq men*** *bularnï alïp anïŋ küči üzä tegürgäj erki men* (СЦ., 5—158) 'Я **собрал** много [священных] книг, донесу ли я все это из-за тяжести'; *burχan törüsüz toqusuz amranmaq teginmäkig artuqraq* ***jerjük ol*** (Уйг., 3—83) 'Будда очень **порицал** незаконную любовь и связь'; *bu muntaγ tül* ***tüsäjük men*** (Уйг., 3—54) 'Я **видела** вот такой **сон**'.

Теперь сравним ряд аналогичных предложений со сказуемыми в различных формах прошедших времен:

ïnča tep tedi: meni jemä saŋa-oq urunčaq ***ïdjuq ol*** (ТТ., 10—32) 'Он сказал: «Он **послал** также и меня [в качестве] залога»' — *jana p r a t č a d i v i ačariqa bitig* ***ïtdï*** (СЦ., 7—383) 'Еще он

направил учителю Прачнадева письмо' — *eki böz . . .* ***ïdmïš erür*** (СЦ., 7—375) 'Он **послал** две [штуки] материи'.

В этих предложениях сказуемые выражены формой времени на *-juq*, формой на *-di* и на *-miš + erür*. Все эти формы являются формами прошедших времен. Прошедшее на *-juq* употреблено в прямой речи, характеризующейся определенной экспрессией, прошедшее на *-di* сообщает о происшедшем действии, находящемся в цепи других действий. Прошедшее на *-miš*, являясь формой перфекта, ставит в центр внимания сам факт совершения действия, подчеркивает, что действующее лицо было т а к о в ы м, которое у ж е п о с л а л о, которое кроме письма послало и подарок.

Сходные отношения можно усмотреть и в следующей группе предложений: *bujruqlar ïnča tep ötüntilär: uluγ elig negü gïlγalï* ***oγrajuq*** *erki* (Уйг.,3—68) 'Приказные так взмолились: «Каким же образом **собрался** поступить великий правитель?»' — *anta ötrü elig beg. . . bušï bergäli* ***oγradï*** (Уйг., 3—11) 'Затем правитель **вознамерился** раздать милостыню'; *ol üč ešläri jaqïn kelip. . . tavïšqanqa ïnča tep ötündilär: seni körgäli küsüšin saŋγaru jaqïn* ***keljük biz*** (Уйг., 4—716) 'Те три его товарища, приблизившись, так сказали зайцу: «Мы **пришли** к тебе с желанием посмотреть на тебя»' — *bu bečin ulatï üčägüni adaš üzä atajur men, bular jemä ïraqtïn berü maŋa teggäli meni körgäli* ***keltilär*** (Уйг., 4—718) 'Эту обезьяну и всех [их] троих я называю товарищами. Они **пришли** издалека, чтобы встретиться со мной, чтобы посмотреть на меня'. Здесь ясно видно противопоставление взволнованной речи зверей, пришедших к будде, и его спокойной проповеди. Очевидно, что для передачи действий, отличающихся модальной окраской, применена особая глагольная форма.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать следующие выводы: 1) форма времени на *-juq* употреблялась исключительно в прямой речи; 2) как правило, высказывания, где встречается эта форма, эмоционально окрашены, экспрессивны; 3) данная форма по своему временно́му содержанию является формой прошедшего времени; 4) отрицательная форма образуется при помощи глагольного отрицания *-ma-*; 5) в качестве показателей лица используются аффиксы лица местоименной группы; 6) глаголы, от которых образована форма на *-juq* в указанных памятниках, по своему лексическому содержанию выражают либо психическое состояние (*saqïn-* 'думать', *oγra-* 'намереваться'), либо конкретные действия, которые могут мыслиться как достигающие предела, полноты исполнения (*ba-* 'связывать', *jïγ-* 'собирать', *ïd-* 'посылать', *olur-* 'садиться'), либо изменение признака (*qïrγïlat-* 'седеть', *qarï-* 'стареть', *bol-* 'становиться').

Исследование также показало, что форма прошедшего времени на *-juq* в древнеуйгурском языке противопоставлялась другим временным формам по модальным признакам. Но каково ее модальное содержание? В отношении этого пока можно высказать лишь предположения. Наши памятники, к сожалению, не дают исчерпывающих данных. На основании же имеющихся фактов можно заключить, что время на *-juq* выражало известную категоричность совершения действия, точнее, подчеркивало его важность, особенность, яркость, характерность; с другой стороны, наличествовало указание и на определенную исчерпанность, полноту этого действия, что и выдвигало его на особое место. Если это так, то данная форма относилась к общему прошедшему времени на *-di* как прошедшее конкретное, определенное, а к прошедшему на *-miš* как обычное прошедшее, т. е. не перфект, но с оттенком некоторой законченности действия. В самом деле, *barjuq ol* в первом примере можно понять в том смысле, что отец спрашивает конкретно, определенно, куда ушла дочь, т. е. где она; слуги же отвечают, что ее унес демон; но, с другой стороны, *barjuq* показывает и исчерпанность действия: дочь ушла (отец ведь искал ее), ее уже нет, но тогда — где же она? Во втором примере подтекст говорит: мы ведь поседели и постарели, т. е. мы изменились, мы уже не те, что раньше были. То же можно выявить и в других примерах.

Подобное объяснение значения формы древнеуйгурского прошедшего времени на *-juq* подтверждается также сравнением ее с некоторыми формами в современных тюркских языках. Мы имеем в виду форму прошедшего времени на *-чык* в тувинском языке и прошедшего на *-чых* в хакасском языке.

Тувинское прошедшее время на *-чык* впервые достаточно полно описано А. А. Пальмбахом в «Грамматике тувинского языка»: «Основное значение формы на *-чык* — категорическое утверждение или подтверждение (напоминание) того, что данное действие было в прошлом совершено. Формальная особеппость употребления этой формы в тувинском языке: она сочетается обычно с вопросительными словами. . . Форма прошедшего риторического времени на *-чык* характерна для диалогической речи, особенно для речи сценической, — там, где одно из действующих лиц, возражая другому, что-либо утверждает или подтверждает. Эта форма характерна для аналогичных реплик в ораторской и бытовой речи. В предложениях вопросительных форма на *-чык* придает вопросу эмоционально-экспрессивный характер и часто сопровождается эмоционально окрашенными частицами» [2].

[2] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, *Грамматика тувинского языка. Фонетика* и *морфология*, М., 1961, стр. 376—378.

Значительное место анализу тувинской формы прошедшего времени на *-чык* уделено в работе Д. А. Монгуша [3]. Выводы Д. А. Монгуша относительно значения и употребления этой формы в целом совпадают с выводами А. А. Пальмбаха. Анализируя время на *-чык*, Д. А. Монгуш указывает также, что это время нейтрально в видовом отношении и может выражать любое действие независимо от его видовой характеристики и давности [4].

Это время в тувинском языке образуется при помощи аффикса *-чык* с фонетическими вариантами *-чик*, *-чук*//*-чүк*, *-жык*//*-жик*, *-жук*//*-жүк*, например: *Аалында келчик бе, келбежик бе?* (Т., 3—19) [5] 'Он пришел в селение или не пришел?' (смысловой перевод 'он же в конце концов пришел в селение!') *Канчап баржык ирги? Сугга дүже бержик ирги бе азы каржы бөрүлер алгаш баржыктар ирги бе?* (АС., 54) 'Куда же он пошел? Утонул в реке или злые волки его унесли?!'; *Мээң адамны чүге өлүржүк сен, мээң ара албаты ак малымны кым хоозурады олчалай бержик?* (Т., 4—67) 'Зачем ты убил моего отца, а кто ограбил и опустошил моих подданных, мой белый скот?'; *Оон ам чүү болчук ирги ынчаш?* (УХ., 16—53) 'Что же там теперь случилось?'.

Уже простое сопоставление тувинских и древнеуйгурских примеров, а также сравнение условий употребления и семантики прошедшего времени на *-чык* и прошедшего на *-juq* указывает на функциональную и семантическую близость этих форм времени.

Что же касается тувинского аффикса *-ч(ы)к*, то его следует рассматривать как закономерное фонетическое соответствие древнеуйгурскому аффиксу *-j(u)q*. Таким образом, сохранившееся в современном тувинском языке прошедшее время на *-чык* исторически соответствует прошедшему времени на *-juq*, зарегистрированному в памятниках древнего уйгурского языка [6].

Теперь уместно обратить внимание на другую интересную форму в современном тувинском языке. Почти регулярно прошедшее время на *-чык* может быть заменено аналитической конструкцией, состоящей из причастия на *-ган* и частицы *ийик*. Например, *чүү болчук* 'что же случилось?' равносильно *чүү болган ийик* 'случилось что?'. Некоторые тувинцы отмечают в последнем выражении большую категоричность и экспрессию. Возможность

---

[3] Д. А. Монгуш, *Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке*, Кызыл, 1963, стр. 137—140.

[4] Там же, стр. 144.

[5] Принятые обозначения: Т. 3, 4, 5 — «Тыва тоолдар», вып. 3, 4, 5, Кызыл; АС. — С. Тока, *Араттың сөзү*, Кызыл, 1951; УХ. — альманах «Улуг Хем», Кызыл. В скобках — номер выпуска, после тире — страница издания.

[6] Ср. K. H. Menges, *Das Sojonische und Karagassische*, — PhTF, S. 664.

такой замены говорит, вероятно, за перекрещивание значений форм на *-чык* и на *-ган.*

С другой стороны, частица *ийик* участвует в образовании сослагательной конструкции: причастие будущего времени + *ийик* [7], например: *Тыва бай болза, бир янзы коор ийик, кижи кылдыр санаар ийик* (АС., 140) «Если бы тувинец был богатым, то на него смотрели бы по-другому, считали бы человеком'; *Сен моон чоруй барзыңза, дээре болур ийик* (АС., 29) 'Если бы ты отсюда ушел, было бы лучше'.

Наконец, частица *ийик* в некоторых предложениях имеет только усилительное значение, например: *Кым билир ону, билдиңер ийик бе ол* (УХ., 9—44) 'Кто его знает, вы разве ж узнали?'; *Кижиде каш салаа бар ийик? — он ийик!* (УХ., 13—131) 'Сколько же пальцев у человека? — конечно, десять!'; *Ук-ызыгуур, бижик-билик кымда ийик?* (УХ., 13—141) 'А именитость, грамотность у кого?'; *Чуглур база бай кижи, хей дээр ийик сен чоп* (УХ., 13—143) 'Чуглур же богатый, ты зря ведь говоришь!'.

А. А. Пальмбах связывает происхождение времени на *-чык* с этой частицей *ийик* и рассматривает аффикс *-чык* как результат фонетического развития исторически возможного сочетания формы на *-ган* с *ийик* через ступени усечения *-ган*, полного слияния компонентов сочетания и закономерного перехода *j* > *ч* [8]. К этой гипотезе присоединяется и Д. А. Монгуш, считая ее наиболее убедительной. Однако данная гипотеза вызывает ряд возражений: в ней прежде всего остается необъясненным происхождение самой частицы *ийик.* Ниже излагается иная гипотеза.

Из изложенного выше можно заключить, что прошедшее на *-чык* в тувинском языке является самостоятельной формой времени, исторически соотносимой с древнеуйгурской формой *-juq*, а аффикс *-чык* фонетически соответствует аффиксу *-juq*. Представляется, что тувинская частица *ийик* восходит к той же форме прошедшего времени на *-чык* (resp. *-juq*) от глагола *эр-* 'быть', который в современном тувинском языке как самостоятельный не сохранился, а вычленяется только исторически в застывших морфологических образованиях (*ирги*, *иргин*, *эртик* и др.)[9]. Поскольку *ийик* < **эр-j(ү ~ и)к* — образование очень древнее и оно рано выпало из всей системы форм глагола *эр-*, в *ийик* сохранился исторический фонетический облик аффикса с *j*. Так как форма **эр-j(и)к* > *ийик* имела определенное модальное значение

[7] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах, *Грамматика тувинского языка*, стр. 404.
[8] Там же, стр. 379.
[9] О словах *ирги* и *иргин* см. нашу статью «Несколько замечаний о модальных частицах *ирги* и *иргин*» («Ученые записки ТувНИИЯЛИ», вып. XI, Кызыл, 1964).

категоричности, то в тувинском языке она, перестав осознаваться как глагольная, перешла в разряд частиц в качестве частицы усиления. Историческое же ее значение (как формы прошедшего времени вспомогательного глагола) проявляется лишь в сочетаниях *ийик* с причастием на *-р* при образовании сослагательной конструкции (ср. соответствующие сочетания с *эди* < *эр-ди* в других тюркских языках).

Сходные явления отмечаются и в хакасском языке. Одно из прошедших времен в нем образуется посредством присоединения к основе глагола аффиксов *-чых//-чіх*, *-ҷых//-ҷіх*. Эту форму отмечал еще М. А. Кастрен, называя ее претеритом III, который «чередуется с первым и вторым претеритом и обозначает обычно действие, происшедшее неожиданно» [10]. Н. Г. Доможаков регистрирует прошедшее на *-чых* в кызыльском диалекте хакасского языка [11]; А. И. Инкижекова — в сагайском диалекте («форма передает прошедшее время со следующими оттенками: 1) действие, совершившееся только что, и результат которого ощущается в настоящем; 2) внезапность, однократность действия; данное прошедшее время всегда выражает совершенный вид» [12]). Характерно, что сагайский диалект знает только единственный вариант аффикса с узким губным гласным: *-чук*. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул указывают, что форма на *-чых* «образуется от любой основы глагола и обозначает недавно совершившееся действие» [13]. Они сопоставляют ее с монгольской формой времени на *-чээ* и киргизской на *-чу* и генетически связывают с формами *-дығ*, *-дык* в других тюркских языках и с формой *-сык*, отмечаемой в орхонских текстах.

Подробно исследовал прошедшее на *-чых* В. Г. Карпов в своей работе «Изъявительное наклонение в хакасском языке». Он пришел к выводу, что эта форма «в современном литературном хакасском языке употребляется в значении прошедшего времени с оттенком некоторой категоричности. ., она употребляется в одних случаях в значениях, близких к значению формы на *-ган*, в других — в значении, близком к значению формы на *-ды*»[14].

В. Г. Карпов далее замечает, что в хакасском языке так же

---

[10] М. А. Castren, *Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre*, SPb., 1857, S. 35.

[11] Н. Г. Доможаков, *Описание кызыльского диалекта хакасского языка*, канд. дисс., Абакан, 1948, стр. 87.

[12] А. И. Инкижекова, *Сагайский диалект хакасского языка*, канд. дисс., М., 1948, стр. 125.

[13] Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакасский язык*, — в кн. «Хакасско-русский словарь», М., 1953, стр. 458.

[14] В. Г. Карпов, *Изъявительное наклонение в хакасском языке*, канд. дисс., М., 1955, стр. 228—229.

трудно разрешимым остается вопрос о том, в каком отношении между собой (с точки зрения этимологии) находятся общие по звучанию аффиксы: 1) сослагательного наклонения *-чых* — *парарҷыхпын* 'я пошел бы'; 2) *-чых*, образующий от глаголов имена — *хоптанҷых* 'ябедник', *махтанҷых* 'хвастун'; 3) *-чых* как показатель прошедшего времени глагола — *парҷыхпын* 'я ходил'. Необходимо отметить и случаи употребления *-чых* в сочетаниях с формой на *-ган*: *андағ хыялға мин кіргенҷіхпін* 'в такое неудобное положение я попал', *иреелeнгенҷіх* 'он мучился'[15].

Приведем несколько примеров с формой времени на *-чых*: *сарығ адым саалада кістеҷік* 'Соловый мой конь, получив свободу, заржал'; *ирі мылтых артынып алып аңнап сыхчых* 'Муж положил себе на плечо ружье и отправился бить зверей'; *хуба чардаң хыс килбеҷік* 'Не пришла сюда девица с бледной горки'[16]; *позым ибіре хара чібек ойлаҷых* 'Я перетянут черной шелковой ниткой' («Хакасско-русский словарь», стр. 124); *анымҷохтасчадып харахтарын хайди кӧрҷіх хол тутханда хайдағ чағын тынҷых* 'Как она смотрела, когда прощались, каким близким было ее дыхание, когда взялись за руки'[17].

Сказанное выше позволяет хакасскую форму прошедшего времени на *-чых* сопоставлять прежде всего с тувинской формой времени на *-чык*, а затем и с древнеуйгурской формой на *-juq*. Детальное же сравнение времен тувинского и хакасского языков, проведенное Д. А. Монгушем в его монографии, показало, что их основное различие проходит по модальным признакам: первое выражает очевидное действие, второе — любое[18]. Иными словами, форма времени на *-чык* входит в строгую систему противопоставлений тувинских временны́х форм по признаку очевидности действия. В тувинском языке отмечается большая близость формы на *-чык* к древнеуйгурской. В диалектах хакасского языка возникли новые оттенки значений этого времени, однако оно все-таки сохранило и основные модальные значения категоричности, уверенности.

Отвечая на вопрос, поставленный В. Г. Карповым относительно участия аффикса *-чых* в сослагательном наклонении, я предполагаю, что эта форма восходит к историческому сочетанию причастия на *-р* с вспомогательным глаголом *и(р)-* < *эр-* 'быть' в форме прошедшего на *-чых* — **бар-ар+и(р)-чіх*. Это образование

---

[15] Там же, стр. 225.

[16] Н. Ф. Катанов, *Хакасский фольклор*, Абакан, 1963, стр. 18 и сл.

[17] В. Г. Карпов, *Изъявительное наклонение в хакасском языке*, автореф. канд. дисс., М., 1955, стр. 10.

[18] Д. А. Монгуш, *Формы прошедшего времени...*, стр. 145; ср. также С. Е. Малов, Ф. А. Фиельструп, *К изучению турецких абаканских наречий*, — ЗКВ, т. 3, вып. 2, Л., 1928, стр. 296.

можно сравнить с аналогичным в тувинском языке (ср. *-р+ийик*). Иначе как же можно объяснить непосредственное присоединение показателя времени *-чых* к причастной основе? Видимо, по той же модели построена и форма *паргайҷых* 'пошел бы' (по М. А. Кастрену, «оптатив II») < **пар-гай+и(р)-чіх*.

Итак, возвращаясь снова к древнеуйгурскому времени на *-juq*[19], мы еще раз подчеркиваем, что среди других прошедших времен оно, по всей вероятности, выделялось характерным модальным значением усиления, категоричности, придающим выражаемому действию-состоянию эмоциональную весомость и подчеркнутость среди других действий. Такой модальный характер формы определял и условия ее применения. Эта эмоциональная окраска могла наиболее полно и ясно проявиться лишь в прямой речи, где мы и встречаем форму прошедшего времени на *-juq*.

Сам же модальный характер противопоставлений глагольных временны́х форм даже внутри изъявительного наклонения не чужд тюркским языкам. Достаточно взять системы времен почти в любом тюркском языке, чтобы увидеть, что там существуют различия между формами и в модальном плане: прошедшее очевидное и неочевидное, прошедшее объективное и субъективное, будущее определенное, категорическое и будущее неопределенное, предположительное. Можно сказать, что в тюркских языках существуют как бы два типа корреляций глагольных форм: по видовременны́м и по модальным признакам. Они взаимодействуют между собой, переплетаются друг с другом, образуя сложную систему. Поэтому нельзя не предполагать, что подобные отношения пронизывали и систему древнетюркского глагола, так что модальный характер прошедшего времени на *-juq* вполне допустим.

При изучении древнеуйгурской формы прошедшего времени на *-juq* возникает и другой интересный вопрос: в каком отношении находилась она с формой на *-duq*, отмечаемой в памятниках орхоно-енисейской письменности и в памятниках древнеуйгурского языка.

Как известно, К. Мюллер считал их фонетическими вариантами, указывая, что «формы на *-jük* и *-juq* представляют собой смягчение *-dük* и *-duq*, как это подтверждается многочисленными примерами; следовательно, *käljük=käldük*, *bulγanjuq=bulγanduq*»[20].

---

[19] Ср.: В. М. Насилов, *Древнеуйгурский язык*, М., 1963; A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950; A. v. Gabain, *Das Alttürkische*, — PhTF; А. М. Щербак, *Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана*, М.—Л., 1961, стр. 141; O. Pritsak, *Das Alttürkische*, — «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., V. Bd, Altaistik, I. Abschnitt, Turkologie, Leiden—Köln, 1963.

[20] F. M. K. Müller, *Uigurica*, II, Berlin, 1910, S. 91.

В. Банг высказывал совершенно отличную точку зрения. Он писал: «Все мы раньше форму на *-juq* связывали с формой на *-duq*. Но после «Уйгурики III» К. Мюллера это предположение нельзя больше сохранять, так как там *-juq* встречается рядом с *-duq*. Мы, следовательно, отделяем *-juq* от *-duq* и сравниваем *-juq* с претеритом III абаканского диалекта (Кастрен, § 77, 83). В уйгурском языке форма на *-juq* очень редко употреблялась адъективно. Весьма часто она применялась в «чистых» глагольных формах: *-juq män*, *-juq sän*, *-juq ol*. Именно эта функция и отделяет *-juq* совершенно определенно от *-duq*» [21].

Действительно, преобладающей функцией формы на *-juq* была предикативная, что и показано выше. Однако форма выступала иногда как определение. Например: *övkä köŋül* ***öritmäjük*** *tïnlïγ men* (Уйг., 3—42) 'Я существо, которое не возбудило в себе гнев'; *edgü* ***tetjük*** *nomluγ erdäni* (ТТ., 3—194) 'Драгоценность учения, называемого «благо»'. Встречались также случаи ее субстантивации: *sav söz* ***ötmäjükiŋä****... usmaqïmïz suvsamaqïmïz turdï* (СЦ., 7—384) 'Так как известия не доходили..., то нам оставалось лишь блекнуть и жаждать'; *beš bilgä bilig bilmäk atlïγ šastrlar siziŋä edi* ***bilmäjüki*** *qalmadï* (СЦ., 7—373) 'Для вас не остались абсолютно неизвестными трактаты под именем «Познание пяти премудростей»'.

И напротив, в памятниках енисейско-орхонской письменности имя на *-duq* обычно «выражает атрибутивные признаки определяемого им слова, когда оно является объектом действия» [22] или выступает как субстантив.

В. В. Радлов считал, что в этих памятниках форма на *-duq* никогда не выступала как verbum finitum [23]. Другие же исследователи допускают для этой формы и предикативное употребление, ссылаясь на следующие примеры [24]: *etinü jaratunu umaduq jana ičikmiš* 'Они не смогли создать [союз] и опять подчинились' (КТб., 10); *inisi ečisin teg qïlïnmaduq erinč* 'Их младшие братья не были подобны старшим' (КТб., 5). Относительно этих примеров заметим, что во всех них встречаются только отрицательные формы *-maduq*.

---

[21] W. Bang, A. v. Gabain, *Türkische Turfan-Texte*, III, Berlin, 1930, S. 29.

[22] В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, М., 1960, стр. 52.

[23] W. W. Radloff, *Die alttürkische Inschriften*, Neue Folge, Spb., 1897, S. 116.

[24] Ср.: В. М. Насилов, *Язык орхоно-енисейских памятников*, стр. 54; П. И. Кузнецов, *Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках*, — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1962; В. Котвич, *Исследования по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 288—295; O. Pritsak, *Das Alttürkische*, S. 43.

В памятниках уйгурского письма форма на *-duq* встречается значительно реже. Употребление же формы на *-duq* в древнеуйгурском языке не отличалось, как показывают наблюдения, от употребления ее в памятниках енисейско-орхонского языка.

Из имеющихся фактов можно заключить только то, что непредикативное употребление формы на *-juq* — весьма редкое явление, и наоборот, отмечаются лишь единичные случаи применения формы на *-duq* в качестве личной (и то только 3-е лицо!) [25]. Установить действительное взаимоотношение между этими двумя формами пока не удается. Здесь можно высказать лишь некоторые догадки и предположения. Поскольку образование с *-juq*, являясь глагольным именем, субстантивировалось или выступало как определение, а в предикативной позиции служило основой личной формы глагола, передающей прошедшее действие, допустимо, что именно в предикативном употреблении эта форма могла, потеряв связь с исходным образованием, закрепиться в качестве особой формы времени древнеуйгурского языка и уже развиваться вполне самостоятельно, что и подтверждается данными современного тувинского и хакасского языков.

Хочется обратить также внимание на осторожность, с какой приходится подходить к решению вопроса о соотношении форм на *-duq* и на *-juq* в древнетюркских памятниках. Некритичный подход к этому может привести к весьма спорным построениям: имеется в виду следующий ряд допущений и вытекающий из них вывод. П. И. Кузнецов вполне определенно высказывается, что «прошедшее время на *-ды* исторически было прошедшим временем на *-дык*» [26]. С другой стороны, некоторые тюркологи считают, что *-duq* и *-juq* — фонетические варианты одного и того же аффикса [27]. Если принять, что форма на *-dïq* — образование одного ряда с формой на *-duq* (это допускает П. И. Кузнецов), то, естественно, в этот ряд включается и форма на *-juq*, тогда имеем ряд -dïq/-duq/-juq. Древнеуйгурское *-juq* в свою очередь сопоставляется выше с тувинским *-чык* и хакасским *-чых*. Логическим завершением такого ряда допущений и сопоставлений является вывод о связи тувинской и хакасской форм с образованиями на *-dïq/-duq* в древнетюркских памятниках, с одной стороны, а с другой — о связи форм прошедшего времени на *-чык* в тувинском языке и

[25] В данной статье мы не касаемся проблемы соотношения указанных форм с формой на *-miš*, которая представляет значительный интерес, особенно в плане сопоставления положительной формы на *-miš* и *-juq* с отрицательной формой *-maduq* и *-majuq*.

[26] Ср. П. И. Кузнецов, *Происхождение прошедшего времени на -ды...*, стр. 50.

[27] Ср. В. М. Насилов, *Древнеуйгурский язык*, стр. 60.

на *-чых* в хакасском с формой прошедшего времени на *-ды*. Вряд ли теперь обо всем этом можно судить столь определенно и достоверно.

В связи с вопросом предикативного употребления формы на *-diq* здесь только упомянем об одной очень интересной сослагательной конструкции в тувинском языке, которая образуется сочетанием формы на *-гай* и частицы *эртик*. А. А. Пальмбах называет *эртик* модальной частицей, служащей для образования сослагательной формы глагола. Например: *кежээниӊ хаяазынга чедир кылаштап кээр болза, канчап баргай эртик бо* (АС., 12) 'Если бы он шагал до самого заката, то как бы он пошел»'. Конструкцию с *-гай* + *эртик* можно сопоставить, с одной стороны, с сослагательной конструкцией *-р+ийик*, а с другой — с сочетанием *-гай* с формой *эди* < *эр-ди* в других тюркских языках. Саму же тувинскую частицу *эртик* можно разложить **эр-+-тик*, где выделяется глагол бытия *эр-* и аффикс *-тик* < *-dik*//*-diq* (?); частица *эртик* имела, видимо, когда-то значение прошедшего времени.

При сопоставлении форм прошедших времен на *-чык* и *-чых* тувинского и хакасского языков с формой на *-juq* в древнеуйгурском языке встает еще одна проблема — соотношение их всех с формой прошедшего времени на *-чу* в современном киргизском языке и с формой времени на *-чээ*//*-жээ* в монгольском языке. Некоторые исследователи высказывают предположение об их генетической связи [28] и даже прямом соответствии [29]. Н. А. Баскаков, устанавливая общий генезис форм *-дык*//*-чых*//*-чу*//*-жээ*//*-чы*, допускает, что формы на *-чык*//*-чых* в тувинском и хакасском языках являются «относительно новым заимствованием из монгольского языка» [30]. Однако факты, которые дает нам древнеуйгурский язык, позволяют несколько по-иному взглянуть на соотношение указанных форм.

В заключение следует указать, что в памятниках уйгурского письма встречаются случаи употребления аналитической конструкции *-juq+erdi*. Эта конструкция имела временно́е значение и как форма времени входила в систему относительных времен [31].

---

[28] Ср. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, *Хакасский язык*, стр. 458; Н. [А.] Баскаков, *Формы глагола на -чых*//*-чик* ∾ *-чу*//*-чү в хакасском, тувинском и киргизском языках*, — «Вопросы тюркологии», Ташкент, 1965.

[29] Ср. Б. О. Орузбаева, *Формы прошедшего времени в киргизском языке*, Фрунзе, 1955, стр. 42—43.

[30] Н. [А.] Баскаков, *Формы глагола на -чых*//*-чик* ∾ *-чу*//*-чү*. . ., стр. 9—10.

[31] См. Д. М. Насилов, *Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма)*, автореф. канд. дисс., М., 1963, стр. 13.

Ю. Немет

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО СЛОВА «КАРАНДАШ»

ФОРМА, ЗНАЧЕНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Русское слово *карандаш*, по известным мне сведениям, впервые встречается в первой половине XVIII в. В «Словаре современного русского литературного языка» читаем: «Вейсманнов Лекс. 1731, с. 510: к а р а н д а ш; Росс. Целлариус 1771, с. 198: к а р а н д а ш»[1]. Это слово было известно в русском языке еще раньше. Оно не представляет интереса с фонетической точки зрения: в русском языке оно всегда произносилось *карандаш*. Тем многообразнее проблемы, которые возникают в связи со значением этого слова. Современное значение оно получило только в XIX в. До этого оно означало свинцовый, шиферный или графитовый стержень. Подробные сведения о развитии семантики этого слова были бы очень важны для решения затрагиваемых вопросов, но я не могу сказать об этом ничего, имеющего большое значение.

В языках народов Советского Союза это слово нашло очень широкое распространение, в том числе и в тюркских, в которых орудие письма, о котором идет речь, обычно называется *карандаш*. Вот некоторые необычные формы этого слова: як. *харандāс*, казах. *қарындаш*, тат. *karəndeš*[2] — *карындаш*[3], чув. *кăранташ*.

Миклошич находит это слово также в болгарском языке (см. ниже)[4]. В болгарско-немецком словаре Вейганда-Дорича нахо-

---

[1] «Словарь современного русского литературного языка», т. V, М.—Л., 1956, клн. 802.

[2] G. Bálint, *Kazáni-tatár nyelvtanulmányok*, I—III, Budapest, 1875—1877 (Словарь, стр. 45).

[3] А. А. Воскресенский, *Русско-татарский словарь*, Казань, 1894, стр.100.

[4] Ср. E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1908—1913 (см. слово *карандаш*).

дим: «карандашъ Т [!] 'Bleistift' [5]». Но этого слова нет ни в словаре современного болгарского литературного языка Болгарской Академии [6], ни в болгарском толковом словаре Младенова [7]. Нет его и в этимологическом словаре Младенова [8].

Мне кажется, возможно безосновательно, что я слышал слово *карандаш* также в турецком языке. Может быть, в Болгарии. Было ли это болгарское заимствование в языке моего собеседника или вообще речь идет о каком-нибудь заблуждении? Я не сделал записи, и в моих турецких источниках я не нахожу этого слова. Я спросил профессора Хасана Эрена, который в ответ на мой вопрос в письме от 19 августа 1965 г. сообщил следующее: «Насколько мне известно, в турецком языке этого слова нет. В четвертом томе SDD (стр. 1679) приводится пример его использования в Сарыкамыше. Но там оно, очевидно, представляет собой заимствование из русского языка. На это уже указывал А. Титце (Oriens, X, 14). В SDD (стр. 840) приводится также форма *karınkaç* („'kalem'/Aydınlı aşireti-Adana/“), которая, кажется, имеет что-то общее со словом *karandaş*. Я спрашивал многих, но никто не знает слова *karandaş* в турецком языке».

Когда Вейганд в своем словаре предполагает, что болгарское слово *карандаш* имеет тюркское происхождение, то едва ли речь идет о турецком (?) слове *karandaş*. Он имеет в виду старую этимологию: из тюркского *qara-taş* 'черный камень'.

СТАРОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Как я только что сказал, слово *карандаш* возводят к тюркскому *qara-taş* 'черный камень, шифер'.

Сначала мы встречаем это объяснение в одной книге и одной статье Ант. Матценауера, которые написаны по-чешски и не доступны для меня [9]. Я попросил моих друзей Йозефа Блашковича в Праге и профессора Белу Шулана в Дебрецене сообщить мне текст этих двух мест, и они любезно удовлетворили мое желание. Я выражаю им, а также госпоже Каталине Хорват, сотруднице

---

[5] G. Weigand, *Bulgarisch-deutsches Wörterbuch*, 6. Aufl., hrsg. A. Dorič, Leipzig, 1943.

[6] «Речник на съвременния български книжовен език», I, София, 1955, стр. 586.

[7] Ст. Младенов, *Български тълковен речник — с оглед към народните говори*, София, I, 1951.

[8] Ст. Младенов, *Етимологически и правописен речник на Българския книжовен език*, София, 1941.

[9] Упоминается М. Фасмером. См. M. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1953, S. 527.

Института славистики в Дебрецене, мою искреннюю благодарность.

Вот текст этих двух мест:

1. Ant. Matzenauer, *Cizí slova ve slovanských řečech*, Brno, 1870, стр. 195: «карандашь (sic!). karandaš, m. rus. stylus cerussatus, olůvko, tužka Bleistift, původu orientál [восточного происхождения]».

2. Listy filologické a paedagogické, VIII (1881), Praha, стр. 45: «карандашъ rus. 1. le graphite, 2. le crayon tužka, grafitka; z turko-tat.: turc. kara taš lapis schistus lupný kámen, břidlice; kara černý taš káman». Название статьи: «Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu» [Проблемы славянского языкознания], автор: Ант. Матценауер.

Итак, автором этой старой этимологии является Антон Матценауер.

Это объяснение содержится также в следующих работах (будет полезным указать на них):

Фр. Миклошич, «Тюркские элементы в юго-восточно- и восточноевропейских языках[10]: «*karataš* قرطاش t. Schiefer, lapis schistus, bulg. čer *karandaš* plombagine bog. russ. *karandašъ* Graphit, Bleistift. Matzen. 195»[11].

Фр. Миклошич, «Этимологический словарь славянских языков»: «*karandašĭ*: r. *karandašъ* 'Bleistift', b. čer. *karandaš*. — türk. *karataš*»[12].

Из этимологического словаря Бернекера я цитирую место, где он говорит о мнимом болгарском слове *карандаш*: «...bg. [nach MEW. 112 čer /'schwarz'/ *karandáš* ds., jedenfalls aus dem R.]»[13].

Ф. Корш в рецензии на труд Миклошича, Türk. Elem.: «neben *kara*... fehlt das vorauszusetzende kara daš (eig. schwarzer Stein) — russ. karandášъ Bleistift (Reiff)»[14].

Ф. ф. Крелитц-Грейфенхорст: «*karataš* قرطاش türk. Schiefer; wird im Osman.-Türk. قرهطاش (mit ه nach ر), osttürk. قراتاش (قارااتاش) geschrieben (Samy Bey, Vámbéry, Čag.). Ḳaraṭaš heisst im Türk. eigentlich 'Schwarzer Stein' (ḳara — schwarz, ṭaš — Stein)»[15].

---

[10] Fr. Miklosich, *Die türkischen Elemente in den süd-ost- und osteuropäischen Sprachen*, I, II, — «Denkschriften der Wiener Akademie der Wissenschaften», 34 (1884), 35 (1885), 38 (1890).

[11] Ibid., II, S. 327.

[12] Fr. Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886, S. 112.

[13] E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, I, 1924, S. 489.

[14] «Archiv für slavische Philologie», Bd 9, 1886, S. 509—510.

[15] F. v. Kraelitz-Greifenhorst, *Corollarien zu F. Miklosich*, «Die türk. Elem. ... 1884—1890», — SBAW, Wien, 166. Bd, 4. Abh., S. 30.

Опираясь на приведенные высказывания, Фасмер присоединяется к мнению Матценауера.

К этому я могу еще добавить рассуждения Н. К. Дмитриева: «Карандаш... Бернекер, ссылаясь на Корша... производит это от осм. *karataş* 'Schiefer'. Ближе было бы азерб. или туркм. *гара-даш*. Однако здесь перед нами две трудности: во-первых, неизвестно, чтобы тюрки играли основную роль в деле изобретения карандаша, а во-вторых, с фонетической стороны трудно объяснить звук *н* в середине слова (параллельная форма *qarañ* при *qara* в тюркских языках существует, но имеет исключительно абстрактное значение: зловещий, мрачный). Поэтому вопрос остается открытым»[16].

Что касается теперь моего мнения об этой попытке этимологии, то я соглашаюсь с выводом Н. К. Дмитриева и хочу подчеркнуть следующие обстоятельства:

1. Переход *-d-* > *-nd-* не является сам собой разумеющимся, но он очень часто встречается в иностранных и заимствованных словах[17].

2. Культурно-исторический момент является важным, но он не исключает возможности заимствования. И вообще заимствованию слов часто бывает присущ элемент случайности, но в данном случае речь не идет о чистой случайности. Мусульманская культура играла в Золотой Орде определенную роль. Там имелись школы, учреждения, литература, торговля и ремесла. Письменное дело было развито. Слово для шиферного или свинцового стержня уже могло употребляться в языке.

3. Основная трудность заключается в том, что слово *qarataš* в тюркских языках не означает стержня для письма, а при ближайшем рассмотрении даже оказывается, что мы сталкиваемся с определенными трудностями и обращаясь к турецкому слову *kara-taş* 'шифер'. Для языкознания это выражение существует больше в связи с этимологией Матценауера, о которой говорилось выше (такие случаи в лингвистике нередки). Если я сопоставляю lege artis сведения о слове *kara-taş* 'шифер', то прежде всего бросается в глаза, что его нет в официальном словаре Турецкого языкового общества «Türkçe Sözlük». Я иду дальше: Хлорос, Ценкер, Диран Келекян — слова *kara-taş* нет. Наконец, Редхаус сообщает: *kara taş* 'any black stone, especially slate'[18].

---

[16] Н. К. Дмитриев, *Строй тюркских языков*, М., 1962, стр. 559.

[17] J. Eckmann, *Türkçede D, Tve Nseslerinin türemesi*, — TDAY, 1955, s. 18 (тур. *fursa(n)t* 'удобный случай,' *me(n)clis* 'собрание'; кирг. *sancıra* 'šedžere'; туркм. *e(n)tek* 'подол' и т. д.).

[18] J. W. Redhouse, *A Turkish and English Lexicon*, Constantinople, 1890, p. 1222 (см. слово *taş*).

На этом основании выражение *kara-taş* включается в некоторые словари. Так, например, в словари Ружички-Остоич[19], Юсуфа[20], Паштинского[21] и др. Но, например, в составленном с большой тщательностью немецко-турецком словаре Омера Фаика[22] значение слова 'шифер' (Schiefer) передается описательно, а также с помощью французского слова *arduvaz*, которое приводится также в «Türkçe Sözlük».

Таким образом, *kara-taş* является не специальным, а всего лишь случайным названием шифера. Я не хочу заниматься относящимися к этому мелкими семантическими вопросами (к тому же имеющиеся у меня материалы недостаточны), все же надо подчеркнуть, что имеется также выражение из туркменского языка: *qara-daaş* 'аспид'[23]. Специальное название шифера в турецком языке *kayağantaş* (в словаре В. В. Радлова: 'точило, сланец'; *kara kayağan* 'аспидная доска'; TS: *kayağan* 'schlüpfrig', *kayağantaş* = arduvaz). Таким образом, маловероятно, что на территории Золотой Орды использовалось специальное слово *qara-daş* 'шифер', и абсолютно невероятно, чтобы оно имело значение 'карандаш'.

КАРАНДАШ ПРОИСХОДИТ ОТ ТЮРКСКОГО **qalam-daš*

Теперь уже уместно искать другое объяснение слова *карандаш*. Я сопоставляю его с тюркским **qalam-daš* 'перо-камень', 'письменный камень'.

Итак, *каран* в слове *карандаш* соответствует древнему слову: греч. κάλαμος, лат. *calamus*, арабск. *qalam* 'kalem, roseau taillè pour écrire', с первоначальным значением 'тростник'. Арабская форма слова нашла чрезвычайно широкое распространение особенно после распространения ислама. Естественно, что оно известно почти на всей области расселения тюркских народов. В форме *kelim*, *kelem* оно встречается уже в уйгурских памятниках[24]. Малов приводит его из сочинения Рабгузи: *qalam* 'инструмент для письма (камышовая палочка или китайская кисточка)'[25]. В Codex Cumanicus *qalam* означает перо (для

[19] Camilla Ružička-Ostoić, *Türkisch-deutsches Wörterbuch*, Wien, 1879.
[20] R. Youssouf, *Dictionnaire turc-français*, Constantinople, 1888.
[21] János Pastinszky, *Gyakorlati magyar-török Szótár*, I, Budapest, 1922.
[22] 'Ömer Fā'iq, *Almancadan türkçeye luğāt kitābı*, Konstantinopel, 1898.
[23] А. Алиев, К. Бориев, *Русско-туркменский словарь*, Ашхабад, 1929, стр. 11.
[24] F. W. K. Müller, *Uigurica*, III, — ABAW, 1922, p. 92.
[25] С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 410.

письма), кисточку. В других памятниках и диалектах оно имеет формы *qalam*, *qalem*, *qälem* (башк.), *qalam*, *kelem* (тат.), *kelem* (бар.). Оно главным образом обозначает перо-трубку, которым обычно писали по-арабски, в более позднее время — также перо для письма (гусиное перо), ручку, стальное перо, авторучку с различными атрибутами: кирг. *болот калем* 'стальное перо', *камыш калем* 'перо-трубка', *карандаш калем* 'карандаш'[26], башк. *кауырhын калем* 'гусиное перо', *тимер калем* 'стальное перо', *карандаш калем* 'карандаш'[27].

Наше слово **qaran-daş* не употребляется в тюркских языках, оно не используется даже в форме *qalam-taš*, зато в многочисленных источниках встречается форма *taš-qalam*. Мы находим ее в башкирском языке [*таш ка(ä)лäм*][28], казахском (*таскалам*)[29], в каракалпакском (*тас қалем*)[30], киргизском (*таш калем*)[31], в узбекском *тошқалам*[32], в туркменском *daaş qalam*[33], в османском *taš qalem*[34] и повсюду в значении 'грифель'. Эта группа образует историческое единство, и нельзя сказать, чтобы отдельные выражения возникали независимо друг от друга. (Возможно, что сведения, приводимые Ценкером, восходят к восточному источнику).

Таким образом, необходимо в известной степени отличать это слово *taš-qalem* 'грифель' от нашего слова **qalam-taš* > *карандаш*, и с грамматической точки зрения можно подчеркнуть, что последовательность слов в **qalam-daš* > *карандаш* не совпадает с последовательностью слов в *taš-qalem*. Однако едва ли это возражение представляет собой серьезное препятствие для нашего объяснения: *taš-qalem* 'грифель' — специальное образование, и что касается порядка слов, то оба варианта возможны. В новоуйгурском языке мы имеем слово *таш көму(р)* 'каменный уголь'[35]. В тувинском языке с тем же самым значением: *хөмур*

[26] К. К. Юдахин, *Киргизско-русский словарь*, М., 1940, стр. 355.
[27] В. Катаринский, *Башкирско-русский словарь*, Оренбург, 1900, стр. 116.
[28] Там же.
[29] М. Б. Балакаев, *Русско-казахский словарь*, т. I, Алма-Ата, 1946, стр. 108.
[30] «Русско-каракалпакский словарь», под ред. Н. А. Баскакова, М., 1947 (см. слово *грифель*).
[31] Х. К. Карасев, Ш. Шукуров, К. К. Юдахин, *Русско-киргизский словарь*, под ред. К. К. Юдахина, М., 1944 (см. слово *грифель*).
[32] Р. Абдурахманов, *Русско-узбекский словарь*, М., 1954, стр. 145.
[33] А. Алиев, К. Бориев, *Русско-туркменский словарь*, Ашхабад, 1929, стр. 46.
[34] J. Th. Zenker, *Dictionnaire turc-arabe-persan*, I—II, Leipzig, 1866—1876, p. 707. См. A. Bodrogligeti, *Early Turkish Terms Connected with Books and Writing*, — AOH, XVIII, p. 105.
[35] Н. А. Баскаков, В. М. Насилов, *Уйгурско-русский словарь*, М., 1939.

даш[36]. Я нашел даже в казахском языке выражение, которое полностью соответствует конструкции **qalam-daš* > *карандаш*: *қарындаш тас*[37], которому в кумыкском языке соответствует *таш қарандаш*[38]. Среди этих пестрых форм имеется также узбекская *карандаш-қалам* 'карандаш'[39].

Итак, ничто не препятствует предположению, что какой-нибудь вид каменного или металлического стержня для письма (свинцовый стержень) назывался на территории Золотой Орды **qalam-daš*.

Остается еще решить некоторые фонетические вопросы. При этом мы должны рассматривать кыпчакские диалекты, главным образом диалекты области распространения Золотой Орды. Советская тюркология накопила в последние десятилетия обширный материал о диалектных особенностях этой области, который, правда, еще не подвергался систематической обработке. Далее, при оценке того, что будет сказано ниже, следует принимать во внимание, что речь идет о слове, которое в XV в. уже употреблялось в кыпчакском языке, так как определенно наряду с каламом для письма чернилами имелся также инструмент из свинца или подобного материала, который употреблялся для некоторых записей, для начертания знаков, например в производстве, в торговле.

Соответствие вокализма безупречно. Формы слова *qalam* мы видели выше. В Codex Cumanicus, в казахском, узбекском, туркменском языках это слово имеет гласные *a—a*. Нет необходимости говорить об *a* в слове *taš*.

Звуку *r* русской формы *карандаш* в тюркских языках соответствует *l*. Где произошло изменение *l* > *r*? Вероятно, в тюркских языках.

Подчеркиваю, что слово **qalam(-daš)*, как и те, о которых речь пойдет ниже, представляет собой заимствованное слово.

Старый пример перехода *l* > *r* представляет собой форма *kirit* 'ключ' (*kiritle-* 'замыкать', *kiritlig* 'замкнутый', 'замок') у Махмуда Кашгарского[40], из персидского *kelīd*, *kilīd*, которое

---

[36] «Тувинско-русский словарь», под ред. А. А. Пальмбаха, М., 1955, стр. 471.

[37] Н. Т. Сауранбаев, *Русско-казахский словарь*, М., 1954 (см. слово *грифель*).

[38] З. З. Бамматов, *Русско-кумыкский словарь*, М., 1960, стр. 163.

[39] Р. Абдурахманов, *Русско-узбекский словарь*, стр. 283.

[40] C. Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšgharīs Dīvān Lughāt at-turk*, Budapest — Leipzig, 1928, S. 108 (Bibliotheca Orientalis Hungarica I.).

в свою очередь происходит из греческого. В турецком мы имеем *kilid(t)* 'замок', в казахском *kilt* 'ключ'[41], *kėlt* 'замок'[42].

В туркменском языке мы имеем *kelem* ~ *kerem* 'капуста' из персидского *kalam* 'cabbage cauliflower'[43].

Турецкое слово *güreş* 'борьба' восходит к *güleş* (незаимствованное слово)[44].

Довольно часто встречается переход *l* > *r* также и в тюркских словах — в звуковых комплексах *-lp-*, *-lb-*, *-lm-*, *-lt-*, *-ld-*, *-ldž-*, *-lk-*, *-lg-*, которые не следует рассматривать вне связи с вышеупомянутым случаем, где речь шла об интервокальном *-l-* и которые встречаются как в кыпчакских, так и в огузских языках[45].

Я хочу здесь отдельно упомянуть кыпчакское слово, которое иллюстрирует переход *l* > *r*. Оно вошло в венгерский язык и живет до настоящего времени в названиях населенных пунктов. В языке народов Золотой Орды оно уже было известно задолго до XIII в. В Венгрии оно впервые обнаруживается в 1325 г. Это — слово *müsülman*, венгерское *böszörmény* (*sz*=*s*, *ny*=*ń*). Это слово, имеющее очень большое значение также и с исторической точки зрения, подробно рассматривается в этимологическом словаре Гомбоца-Мелиха[46]. Многосторонние связи данного слова известны. Оно употребляется в кыпчакском, огузских, русском, венгерском, польском, сербо-хорватском, немецком, румынском языках. Здесь не место повторять подробности. Я хочу только подчеркнуть, что различные формы восходят к кыпчакской форме *büsürman*.

Вместо *mt* тюркской формы в русском языке мы имеем *nd*. Форма с *nd* возникла в тюркских языках закономерным образом. В описании диалекта Паркента Афзалов упоминает форму *шандэн* < *шамдон* 'подсвечник'[47]. Широко известно турецкое слово *şindi* < *şimdi* 'сейчас'. Суффикс порядковых числительных *-nč-* происходит из *-mč-*. Эти примеры, которые могут быть умножены, объясняют *н* в слове *карандаш*.

---

[41] Н. Т. Сауранбаев, *Русско-казахский словарь*, стр. 278.

[42] В. Катаринский, *Русско-киргизский словарь*, Оренбург, 1900, стр. 125.

[43] E. Steingass, *A Comprehensive Persian-English Dictionary*, London, [S. a.], p. 1043.

[44] В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. II, клн. 1637.

[45] См. примеры в кн.: В. В. Решетов, *Узбекский язык*, I, Ташкент, 1959, стр. 259—260; J. Deny, *Principes de grammaire turque* («*Turk*» *de Turquie*), Paris, 1955, p. 39; M. Ә. Ширәлиев, *Азәрбайҹан диалектолокиясынын әсаслары*, Баки, 1962, стр. 92; Н. Нартыев, *Түркмен дилиниң сарык диалекти*, Чәрҗев, 1959, стр. 69.

[46] Gombocz-Melich, *Magyar Etymologiai Szótár*, Budapest, 1914.

[47] Ш. А. Афзалов, *Ўзбек диалектологиясидан материаллар*, I, Ташкент, 1959, стр. 134.

Слово со значением 'камень' произносится в большинстве тюркских языков *taš*, но форма *daš* также распространена на довольно большой территории. По сообщению Исхакова, она употребляется в тувинском, азербайджанском, туркменском [48], а кроме того, конечно, в турецких диалектах и языковых памятниках [49]. В форме *taš* мы находим это слово в Codex Cumanicus. В мамлюкских и в армяно-кыпчакских памятниках это слово также имеет глухое начало.

При объяснении *-d-* в русском слове *карандаш* мы должны прежде всего иметь в виду, что есть кыпчакские диалекты, в которых в ряде случаев *-d-* заменяет *-t-*, как в киргизском [50]. В башкирском языке мы также наблюдаем замену начального *t* начальным *d* [51]. Но самым важным для нас является то, что пишет А. Габен по интересующему нас вопросу. По ее наблюдениям, *d* в анлауте встречается в Codex Cumanicus только в иностранных или заимствованных словах, а также в некоторых куманских словах, «die fast als Enklitika anzusehen sind»: *taγï* ~*daγï* 'также', *daγïn* 'и' (союз), *de-* 'сказать', *degri* 'до', *dey* ~*dek* 'как', *deyin* 'до', *deül* 'не' [52].

В свете сказанного ясно, что мы можем предполагать наличие в тюркском языке Золотой Орды приблизительно XV в. формы **qaran-daš*.

CARAN D'ACHE

Раньше я тоже думал о том, что в истории слова *karandaš* сыграли роль и карандаши швейцарской фабрики «Caran D'Ache» [53]. Но при ближайшем рассмотрении все же выяснилось, что это не так.

Вместе с войсками Наполеона в Россию попал француз по имени Пуаре, который остался в России после отступления Наполеона. В 1859 г. у него в Москве родился сын Эманюель. Когда Пуаре-младший подрос, он уехал во Францию и там достиг мировой славы как художник-график как раз под именем Caran

---

[48] Ф. Г. Исхаков, *Тувинский язык. Очерк по фонетике*, М.—Л., 1957, стр. 71.

[49] Ср. также: С. Е. Малов, *Язык желтых уйгуров*, Алма-Ата, 1957, стр. 113 (см. слово *tas*).

[50] Е. Абдулдаев, Л. Мукамбаев, *Кыргыз диалектологиясынын очерки*, Фрунзе, 1959, стр. 72, 82.

[51] «Башкирская диалектология», Уфа, 1963, стр. 22 (Н. Х. Ишбулатов), стр. 80—81 (Н. Х. Максютова); Н. К. Дмитриев, *Грамматика башкирского языка*, М.—Л., 1948, стр. 30.

[52] A. v. Gabain, *Die Sprache des Codex Cumanicus*, — PhTF, p. 53.

[53] Ср. Мефкюре Моллова: «Български Език», XIV, София, 1964, стр. 535.

8 Заказ № 1037

d'Ache, которое представляет собой не что иное, как русское слово *карандаш*. Это известное и благозвучное имя художника присвоила себе потом, в 1924 г., новооснованная карандашная фабрика в Женеве: Fabrique Suisse de Crayon Caran d'Ache. Я обратился к фирме с просьбой сообщить мне некоторые сведения, и они были любезно сообщены мне господином директором X. Эгли в письме от 20 августа 1965 г. Г-н директор Эгли сообщил мне [54], что фирма экспортировала в Турцию карандаши, на которых было написано название «Caran d'Ache». Но о том, чтобы эти карандаши называли словом *karandaş*, нет сведений.

В качестве курьеза я хочу еще упомянуть одно место из письма г-на Робера Сеньё (Сюрен [55]), которое он направил фирме Caran d'Ache по вопросу о связи названия Caran d'Ache и слова *карандаш* (письмо было опубликовано в упомянутой статье журнала «Vie et langage»). Автор письма сообщает, что он получил разъяснение, что название фирмы Caran d'Ache восходит к имени художника. Затем он продолжает: «Je m'en doutais naturellement. . . Mais quel rapport avec le mot russe? Est-ce que les Russes ont pris le nom du dessinateur français pour désigner un crayon, c'est-*à*-dire l'outil de travail qui l'a rendu illustre? — Cela me parait bien invraisemblable». Сомнения г-на Сеньё были вполне справедливы, потому что слово «карандаш» в течение многих столетий является достоянием русского языка.

---

[54] Письмо имело два ценных приложения: брошюра фирмы под названием «Die Herstellung der Schweizer Bleistifte Caran d'Ache — Die Bedeutung des Namens Caran d'Ache» (4°, 44 S.), далее фотокопия статьи, озаглавленной «Caran d'Ache», которая была помещена в месячнике «Vie et langage», № 151, Oktobre 1964, стр. 573—574. Оба приложения оказались для меня очень полезными.

[55] Сюрен — город во Франции, западный пригород Парижа.

Э. В. Севортян

ТЮРКСКИЕ *ас, аскыр-, аст, асы* и др.[1]

АС тур., кум., кар., тат., хак., **ағаз** кбал., **ағас** алт., **а:с** Рр I, 535 — алт., тел., **арс** тур. *диал.* DS I, кир., **арыс** кир., **аҫ** баш., **аҳ** баш. *диал.* Байназар., 203, **йус** чув.; также в древних языках: **ās** ДТС, Brock., Kāš. D., Bul. I, TS I, Бад., Pav. C.

1. 1. горностай (тур., кум., кбал., кир., тат., баш., алт., чув., ДТС, Brock. — 13, Kāš. D. — 40, Pav. C — 19);
2. ласка (тур. *диал.* DS I — 331, хак., чув., TS I — 243, Bul. I — 18);
3. хорек (тур. DS I — 331, TS I — 243);
4. сурок (Бад., 72);

2. 1. *перен. неодобр.* хитрый, изворотливый человек, проныра (чув.);
2. рабыня (ДТС)

ас < **арс** 'горностай' (тур., кир.), 'ласка', 'хорек' (тур.). Древнетюркское и алт. **а:с** — переходная форма от **арс** к **ас**. Кбал. и алт. **ағаз** ~ **ағас** восходят к ***ak арс** *'белая ласка' (или *'белый хорек').

В чув. **йус** начальный **й-** имеет протетический характер: **as** < ***i̯as** 'горностай' (Поппе, ИРАН, 1925, 19, № 1—5, 24)

АСКЫР- турк., аз., **аксыр-** тур., **añsır-**, **anksır-**, **ansır-**, **ağsır-** тур. *диал.* DS I — 112, 267, **аkсыр-** ктат., **ахсыр-** кар., к., **асыр-** сюг., **азыр-** тув., **апсыр-** хак., **ытырт-** як.; также в древних языках: **asur-** ДТС, **ağsur-/ağsır-/ah̯sur-/ah̯sır-** TS I — 58

---

[1] Из материалов к «Этимологическому словарю тюркских языков». Ограниченные рамки статьи не позволили включить в конце список сокращений, встречающихся в словарных статьях. Сведения о них читатель может найти в «Пробных статьях к „Этимологическому словарю тюркских языков" (Обще- и межтюркские основы)», М., 1965.

1. чихать (*во всех языках и памятниках*);

2. кашлять (тур. DS I, 267)

асkыр- ~ **аkсыр-**... < подражательного корня **аң** > **аг**, **аг** > **аk**, **ах**+аффикс **-сы** с уподобительным значением+глаголообр. аффикс **-р-**. Турк. и аз. **асkыр-** — метатеза **-kс-** > **-сk-**. Наиболее стяженной формой является древнетюркская **asur-** (< **a-sur-**)

АСТ турк., ктат., кар. к., кир., каз., ног., ккал., уйг., **ас(т)** тат., **аҫ(т)** баш., **а°ст** уз.; **аст** также в древних языках Мал. — 301, KW — 43, Абуш. — 18, Pav. C. — 19

1. низ, нижняя часть или сторона (*предмета*) (во всех языках и памятниках);

2. пространство под ч.-л. (KW, 43)

аст входит в систему пространственных обозначений вместе с **ал-т**, **ал-д үс-т**, в которых **-т** является показателем с пространственным значением. Таким образом, **аст** < ***ас-т** [едва ли из ***асы-т** (ср. **асыра** — USp, 263); **-ы-** здесь скорее вторичное].

Возможно, от корня ***ас** (если не **аст**) образовано тур. *диал.* **asra** (<***as**+показатель направительности **-ra**) (DS I) в старых и древних языках (Малов, Gab., USp, Ateb. — 5) 'внизу' (тур. DS I — 347, Gab. — 296, USp. — 263) 'низ' (USp — 263, Ateb. — V)

***as** сопоставляли с **az** 'малый', **jaz-** 'ошибаться', перс. **astar** 'подкладка', что лишено основания (Vámbéry, 21)

Производное от **аст** — с аффиксом оруд. пад. **астин** уйг., уз. **а°стин** в **а°стин-устин** ('один над другим', 'в два этажа', 'вверх дном'), в древних языках **astın** (Мал., Brock., Kāš. D., Pav. C. — 20 استين) 'внизу' (уйг., Brok. — 13, Kāš. D. — 41), 'нижний', 'находящийся внизу' (уйг., Мал., 361, Pav. C. — 20); 'низ' (Мал., 361).

Производное с аффиксом **-ки** от **астын**: **астыңkы** кир. (< **астын**+**-ки**, **ң** в соседстве с **k**), **астынгы** каз., 'нижний', 'находящийся под ч.-л.' (кир., каз.), 'передний', 'находящийся впереди' (кир.)

АСЛАМ кбал., ккал., **астам** (< **аслам**) кир., алт., **услам** чув.; также в древних языках: **astylan** KW

1. больше, свыше (кбал., кир., ккал.);

2. 1. прибыль, выгода, барыш (алт., чув.);
   2. проценты (P I, 547 — казан., тоб., бар., кар.; Буд. I, 55);
   3. нажива, ростовщичество (KW, 43)

аслам — глагольное имя на -(**а**)м от ***асла-** < ***ассыла-**. Форма **астлам** — глагольное имя с тем же аффиксом от ***асты-ла-** > ***астла-**

см. **АСЫ**

АСЫ тур., **а:сый** (в составе **а:сый вәр-** 'приносить пользу' — уз. *диал.* Хор. III), **ассы** уйг. *диал.*, **усӑ** чув.; также в древних языках: **asıγ** ДТС, Мал., Brock., Kāš. D., Pelliot, **asov** (в составе **asov etiz-** 'оказывать помощь', KW), **assyγ** (Houts.), **assı** (Şeyhi, St. I, V ve Z — в составном глаголе **assı kılmak** 'обеспечить пользу', 'приносить доход'), **aṣṣy** (Bul. I); **асыӻ-** АФ

1. польза (тур., уз. Хор. III, 20, чув., ДТС, Мал., 361, Brock. — 13, Kāš. D. 40, Pelliot — 263, Şeyhi — 8, St. I — 104, Bul. 1—9); прибыль (тур., уйг. Jarring — 27, Kāš. D. — 40, Y ve Z — 146, Houts. — 49, Bul. 1, 9); доход (уйг. Jarring — 27, Y ve Z — 146); выгода (тур., Мал., 361, Kāš. D. — 40); барыш (тур.); выигрыш (Brock., 13); процент (*полученный заимодавцем от должника*, ДТС);
2. расположение, благосклонность (уйг. Jarring, 27);
3. заслуга, преимущество (уйг. Jarring, 27);
4. помощь (KW, 42);
5. быть полезным (АФ, 068)

асы ~ **а:сый** ~ **assıγ** ~ **assı**. . . — название результата действия, образованное аффиксом -(*α*) **ғ** > ***α*** от глагола ***ас-ыт-*** *'приносить пользу' с корнем **ас** 'польза'. Таким образом, **асыт-** < **ас+-ыт-**. Ср. уз. *диал-* **ас гөр-** 'приносить пользу' (Хор. Ш., 20), як. **ас** 'прок', 'польза' (П I, 164),

Форма **assyγ** < **astyγ** < **as-yt-yγ**. Для *-t-* в ***astyγ*** ср. **ас-т-лам** 'больше' (ср. **АСЛАМ**).

Форма **asyγ** из **assyγ**, формы с конечными **-ы** ~ **-у** (уйг., чув.) — то же самое или же из ***ас-ыт-ы-*** > ***асты*** > **ассы** > **асы**.

Долгое **а:** в уз. *диал.* **а:сый**, возможно, за счет сокращения геминаты **-сс-** (заместительная долгота): **ассығ** > **а:сый**

asık 'польза', 'выгода', сопоставляется с **as** 'польза', 'заработок', **kas-** (?), **kaz-** (?) 'выигрывать', 'накоплять' и т. д. (?), а также **asıkmak** 'годиться', 'быть полезным', **astam** 'выигрыш' (Vambery, 18).

В другой работе тюрк. as-yγ 'польза', 'выгода' > монг. **asig**, маньчж. **aisi**, гольд. **hasa-**, **hasa-si-** 'гнать', 'преследовать', тунг. **asa-** **asa-kta-** id., маньчж. **asa-k-** id. (G. Ramstedt — P. Aalto, Addit. Korean Etymologies, JSFOu, 57, 1953—54, 15)

асыг и проч. ср. с монг. **asiγ** / **ашиг** 'прибыль', 'выигрыш', 'доход', 'выгода' и т. п. (Lessing, 57); с тунг.-маньчж. **ajси** 'польза', **ajси-** 'помогать', 'защищать' и пр., **ajсила-** 'приносить пользу', 'помогать' 'одолжить' (ТМС)

АТАЛҒЫ кир., каз. *диал.*, тат., **аталға** кир., **адалғы** алт., **адалға** як.

1. топорик с вогнутым лезвием (*инструмент седельного мастера*, кир.);
2. скобель (тат.);
3. инструмент для долбления дерева (як.);
4. мотыжка (каз. Аманж., 357);
5. весло (алт.)

аталғы/а ~ **адалғы/а** (< **аталғы/а**) — название орудия, образованное аффиксом -**алғы/а** от глагола **а:т-** 'бить(ся)'. Ср. тур. **at**, древнетюркское **а:т-** (ДТС) 'биться' (*о пульсе, сердце* — тур., ДТС)

Производным от **а:т-** ~ **ат-** является учащат. глагол **атла-** ккал., тат. 'бить' (ср. еще Буд. I, 10 'качать'), образованный аффиксом **-ла-**. От **атла-** образованы названия орудий действия **атлав**^{o} 'мутовка для сбивания масла' (ккал.), **атлав**^{o}**ыч** то же+'пест' (тат.)

АТАМАН турк., аз., ног., кир., каз., тат., чув. (из русского, татарского?), **утаман** тат. (из чув.?), чув.

1. атаман (турк., аз., ног., кир., ккал., тат., чув.), предводитель (чув.), главарь (тат.);
2. главарь в играх, коновод (тат.);
3. глава (чув.);
4. самец (ног.)

атаман — производное с аффиксом **-ман** в уподобительном значении от **ата** 'отец'.

Хотя слово по своему морфемному составу должно быть признано собственно тюркским, нельзя исключить того, что первое из перечисленных значений в отдельные тюркские языки могло перейти из русского.

АТАН турк. *диал.* Ёмут. — 292, Ставр. II — 237, кир., каз., ног., ккал. (в двух последних языках — в составе словосочетания **атан түйе**), **адан** тув.; также в древних языках: **atan** ДТС, Brock., 15, Kāš. D. — 48

холощеный (рабочий) верблюд (*во всех языках и памятниках*)

атан — глагольное имя с аффиксом **-ан** в значении признака объекта ('холощеный') от глагола ***ат-*** 'холостить' ~**ат** 'холощеный конь'. Ср. **ат** 'легченый жеребец', 'мерин' (Р I, 441 — кир.-каз., алт.); ср. также **атан түйе** 'холощеный верблюд'

Ю. Немет также видит в основе слова корень **ат** с указанным выше значением+аффикс **-н** (J. Németh, Die Volksna-

men quman und qūn, KCsA III, I, 109). То же у H. Eren'а (MNy, XXXIX, I, 229).

В том же значении **атан** известно также в монгольских языках (Lessing, 58)

АТКЫ-, ыtkы- каз., **ыткӑн-** (< **ыткӑ-+-н-**) чув.

1. 1. выбрасываться; хлынуть (*о воде*), бить фонтаном, бить сильной струей (каз.);
   2. умчаться, бросаться вскачь (каз.); метнуться (*в сторону*, чув.), устремляться, бросаться, кидаться (чув.);
2. *перен.* вознестись, возгордиться (чув.)

аtkы- ~ ыткӑн- < **ат-** (чув. ***ыт-**[2]) 'бросать', 'кидать'+аффикс **-кы-** в медиальном и учащательном значении.

Хак. **атых-** 'прыгать', 'перепрыгивать', 'соскакивать' образовано с помощью аффикса **-(ы)х-** [< **-(ы)k-**] в учащательном значении от другого значения глагола **ат-** *'прыгать' или же от омонимичного глагола ***ат-** 'прыгать'. Последний можно было бы сравнить с тур. **atla-**, 'бросаться', 'прыгать', 'скакать', 'соскакивать', 'перепрыгивать', 'перебрасываться', 'упускать (*случай*)' и др., но **atla-** вероятнее всего образовано от **at** 'конь' + аффикс **-la-** с исходным значением *'вскакивать на коня'

АТЛЫК- ккал., тат., тат., баш., уз. *диал.*, **аттыk-** тув.

1. вскакивать, вспрыгивать (ккал.), подскакивать (уз. Хор. Ш., 20);

2. соскакивать (ккал., уз. Хор. Ш., 20); *перен.* вылетать (напр., *о пробке*, ккал);

3. *перен.* бить, вытекать стремительной струей (баш., тув.); извергаться (*о вулкане*, тув.);

4. лететь стрелой (тув.);

5. стремиться, рваться (тат., баш.); жаждать (тат.)

атлыk- < **ат-** 'бросать', 'пускать', 'кидать'+аффикс **-лыk-** с медиальным значением

---

[2] В современном чувашском языке для «бросать», «кидать» известны глаголы **ыват-**, *диал.* **ут-**.

Л. Ю. Тугушева

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Вопрос о порядке слов как проблема в отношении каждого языка возникает уже потому, что речь по природе своей линейна и слова в речи произносятся всегда в какой-то последовательности. Нетрудно заметить, что слова в речи не нагромождаются в хаотическом беспорядке, а сгруппированы согласно определенным правилам, правилам организации предложения. Неизменным организующим звеном любого предложения, словосочетания, синтагмы или иного отрезка речи выступает порядок слов.

Организуя предложение, порядок слов может выполнять в нем разноплановые функции, выступая: в функции выражения членов предложения, т. е. синтаксической, в коммуникативно-синтаксической (выражение «данного» и «нового») или в стилистической функции.

Для порядка слов в тюркских языках характерны все перечисленные функции, и в этом смысле общая теория порядка слов в полной мере приложима и к тюркским языкам. Вся проблема порядка слов в отдельных языках обычно сводится к тому, чтобы выявить, какой из этих функций в данном языке отдается предпочтение. Сопоставляя в этом плане тюркские языки с другими, Н. К. Дмитриев пишет: «. . .если тюркские языки не допускают такого свободного порядка слов, как русский. . , то они и не соотносятся, например, с французским языком с его связанным порядком слов. Так, например, в татарском предложении *тегуче кием тегә* 'портной платье шьет' только определенный порядок слов (подлежащее — дополнение — сказуемое) позволяет нам определить падежную функцию слова *кием*, которое формально ничем не отличается от слова *тегуче*: единственным дифференцирующим фактором служит здесь порядок слов» [1]. В настоящее время, пожалуй, не вызывает сомнений то, что тюркские языки нельзя безоговорочно отнести к категории языков со связанным

---

[1] Н. К. Дмитриев, *Детали простого предложения*, — ИСГТЯ, ч. III, М., 1961, стр. 19.

порядком слов, в которых сугубо синтаксическая (грамматическая) функция порядка слов выдвигается на первый план в ущерб функции коммуникативной и стилистической. Роль порядка слов в тюркских языках многообразна. И вопрос сводится лишь к тому, чтобы показать конкретно назначение и функции порядка слов как организующего звена в словосочетаниях и предложениях.

Использование порядка слов в целях грамматических в тюркских языках строго регламентировано. В многочисленных работах о порядке слов в конкретных тюркских языках высказано много оригинальных суждений по этому поводу, но суть их в общих чертах сводится к тому, что сказано в следующей цитате: «Грамматическая роль порядка слов проявляется: 1) во всех случаях использования приема примыкания как одного из способов выражения синтаксических отношений; в этом случае порядок слов получает морфологическое значение; 2) в словосочетаниях, при перемене мест членов которых получается иная синтаксическая структура: *güzel at* 'красивая лошадь', *at guzel* 'лошадь — красива'» [2].

Как мы видели выше, Н. К. Дмитриев приводит еще третий случай, когда с помощью порядка слов устанавливаются синтаксические функции подлежащего и дополнения: *тегуче кием тегә* 'портной шьет платье', *балыкчы балык тота* 'рыбак ловит рыбу'. Однако в примерах этого типа синтаксическую функцию порядка слов можно было бы признать лишь с некоторыми оговорками следующего характера: данный тип предложения — это, строго говоря, не типическая модель тюркского предложения. Это скорее хрестоматийный пример, кратчайший вариант обычно более полной модели. В более развернутом варианте этой модели синтаксическая функция его членов выявляется и без участия порядка слов. Ср.: *без белгән тегуче өске кием тегә* 'портной, которого мы знаем, шьет верхнее платье'; *өске кием без белгән тегуче тегә* 'верхнее платье шьет (тот) портной, которого мы знаем'. В этом случае, как мы видим, инверсия не приводит к изменению синтаксического значения компонентов предложения. При перестановке вносится лишь дополнительный стилистический оттенок.

Немаловажную роль играет также семантика сочетающихся слов (например, то, выражают ли они одушевленные или неодушевленные предметы), что также способствует синтаксической дифференциации неоформленного объекта и субъекта действия: *әби сөт сата* 'бабушка продает молоко' и *сөт әби сата* 'молоко продает бабушка'. В этом случае перестановка также не меняет синтаксической роли подлежащего и прямого дополнения, лишь ло-

---

[2] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературно языка*, М.—Л., 1956, стр. 433.

гическое ударение переносится с одного слова на другое, с субъекта на объект.

И еще один фактор: в предложениях указанного типа перестановка подлежащего и дополнения часто сопровождается оформлением прямого дополнения аффиксом винительного падежа. Например: *эби бала карый* 'бабушка смотрит за ребенком' и *бала эбисен карый* 'ребенок смотрит за (своей) бабушкой', но не *бала эби карый*. Происходит это в силу того, что словосочетания типа *бала карау* 'смотреть за ребенком', 'нянчить ребенка' — это уже не в полной мере свободные словосочетания. Это тот тип словосочетаний, в которых в силу повышенной частотности совместного употребления происходит стяжение их элементов — явление довольно частое в языках разных типов. Вот что, к примеру, пишет В. Г. Гак об аналогичном явлении во французском языке: «. . . широта семантики многих французских слов, особенно глаголов, приводит к тому, что слово уточняет свое значение только в контексте, что делает более тесной и обязательной связь этого слова с относящимися к нему другими словами. Это в свою очередь ведет к установлению более тесной связи между компонентами синтаксических групп» [3].

В аналогичных по структуре предложениях, в которых, однако, не фигурируют подобного рода стяженные словосочетания, объект, как правило, выступает оформленным: *иске яңаны саклый* 'старое бережет новое', т. е. в предложениях этого типа грамматическая функция порядка слов, строго говоря, отсутствует. Ведь «о подлинно грамматической функции порядка слов можно говорить лишь там, где разным расположением слова в предложении реализуется противопоставление двух синтаксических категорий» [4], а в данном случае этого мы не наблюдаем.

Вновь возвращаясь к тому, что говорилось о стяженных синтаксических группах, отметим, что процесс стяжения синтаксических групп в тюркских языках имеет место. В этом нетрудно убедиться, сопоставив некоторые древнетюркские синтаксические модели с моделями современных тюркских языков.

В древнетюркских языках синтаксис по сравнению с синтаксисом современных тюркских языков выглядит более компактным, «упрощенным». Это впечатление создается целым рядом специфических черт древнетюркского синтаксиса, таких, как: упо-

---

[3] В. Г. Гак, *О стяжении синтаксических групп во французском языке*, — НДВШ. Филологические науки, 1959, № 4, стр. 54.

[4] F. Daneš, K otázce pořádku slov v slovanských jazycích, — «Slovo a slovesnost», 1, 1959 (резюме на русск. яз., стр. 101).

требление некоторых глаголов, которые в современных тюркских языках выступают в качестве вспомогательных как полнозначимых: *näŋ näŋ sabïm ärsär* (КТм$_{11}$) 'все, что я имел сказать'; *tört buluŋ qop jaγï ärmis* (КТб$_{2}$) 'по четырем направлениям врагов у них было много' (глагол *är-* в этих примерах употребляется не как вспомогательный, каковым мы привыкли видеть его в современных языках, а как полнозначимый в свободной синтаксической конструкции); отсутствие формального показателя подчинения (управления) там, где в современных языках он неизбежен: *qaγan olurtïm* (КТм$_{9}$) 'я сел на царство каганом'; *ötükän jer olurïp* (КТм$_{8}$) 'живя в отюкенской стране'; употребление именных определителей непосредственно при глаголе: *kim isiz qïlïq tutsa öldi tirig* (QBK 354$_{9}$) 'тот, кто подвержен поступкам дурным, умер живым'. Т. е. в древнетюркских языках фигурируют свободные словосочетания там, где в современных языках употребляются аналитические, «связанные» или стяженные конструкции, которые представляют собой не что иное, как результат последующего развития тюркских языков.

Какова роль и значение стяженных синтаксических групп для синтаксического членения и понимания текста, можно продемонстрировать на следующем примере: древнетюркское словосочетание *jaγïz jer topraγïï* (Suv 412$_{2}$) можно перевести двояко: 'прах бурой земли' или 'бурый прах земли' в зависимости от того, какую пару в этом словосочетании, состоящем из трех элементов, мы примем как более устойчивую в своих связях: *jaγız jer* или же *jer topraγï*, так как наши сведения об устойчивых и фразеологизированных сочетаниях в древнетюркских языках пока не позволяют нам с полным основанием отдать предпочтение тому или другому варианту, а по материалам современных тюркских языков оба они в одинаковой мере допустимы как устойчивые.

Однако определенный, заранее заданный порядок слов даже в языках с довольно свободным порядком слов существует для всякого предложения вот в каком смысле: «. . .в основе каждого законченного предложения лежит готовый образец предложения — тип, характеризуемый определенными формальными чертами. Эти определенные типы или как бы фундаменты предложений могут служить основой для любых предложений, потребных говорящему или пишущему, но сами они в законченном виде «даны» традицией, подобно корневым и грамматическим элементам, абстрагируемым из отдельного законченного слова» [5].

Модели прямого порядка слов в разных тюркских языках

---

[5] Э. Сепир, *Язык*, М.—Л., 1934, стр. 30.

в принципе могут быть разными. В большинстве тюркских языков сказуемое в предложении занимает конечную позицию. Однако существуют языки, как, например, гагаузский, где согласно нормам прямого порядка слов сказуемое занимает второе или третье место перед прямым и косвенным дополнением: *Бешалма — бир бÿÿк кöйдÿр Чадыр районунда* 'Бешалма — это большая деревня в Чадырском районе'; *Николай тракторист, ÿренер докизунжу класста авшам школасында* 'тракторист Николай учится в девятом классе вечерней школы' [6]. Иные требования и нормы в отношении порядка слов часто устанавливаются в поэтической и разговорной речи. В поэтической речи в обычном повествовательном предложении сказуемое может быть вынесено на первое место:

Таппадым көмек өзіме
Көп наданмен алысып
'Я поддержки себе не нашел
В борьбе со скопом невежд'.
(А. Кунанбаев)

Такого рода перестановка не привносит никакого дополнительного значения, а следовательно, это нельзя назвать инверсией в обычном смысле этого слова. Это своего рода типическая норма порядка слов в стихотворной речи.

Изложенные выше факты свидетельствуют о том, что структура модели не всегда диктуется синтаксической необходимостью, а имеет условно-традиционный характер. Но, вычленившись в ходе развития языка, модель порядка слов, как и всякая другая языковая модель, получает определенную грамматическую значимость и в дальнейшем перемещение слов внутри модели влечет за собой смысловое изменение данного словосочетательного комплекса. Обычная модель прямого порядка слов (подлежащее — дополнение — обстоятельство — сказуемое) [7] может нарушаться по требованиям логико-грамматического (актуального) членения и стилистическим требованиям. Например, предложение *мин Казанга киттем* 'я поехал в Казань' может иметь четыре варианта словоразмещения: *мин киттем Казанга* 'я поехал в Казань', *киттем мин Казанга* 'поехал я в Казань', *Казанга мин киттем* 'в Казань я поехал' в зависимости от того, какой член предложения мы принимаем за «данное» и что «нового» мы о нем хотим сообщить, т. е. от актуального членения.

Актуальное или логико-грамматическое членение предложения есть такое членение, при котором в предложении выделяются синтагматические группы (синтагмы) — единицы логико-грам-

[6] Примеры взяты из сб. «Буджактан сеслар», Кишинев, 1959.
[7] А. П. Поцелуевский, *Основы синтаксиса туркменского литературного языка*, Ашхабад, 1943, стр. 123—124.

матического членения, порядок следования которых зависит от коммуникативной нагрузки последних. Синтагматический отрезок по емкости может соответствовать слову, словосочетанию и реже более обширному словосочетательному комплексу. На уровне логико-грамматическом следовало бы говорить не о порядке слов, а о порядке расположения синтагм.

Словосочетания, которые очень часто формально соответствуют синтагмам, являются единицами грамматического членения предложения. Будучи номинативной единицей языка, они не выражают законченного суждения, не заключают в себе отношений предикативных и, значит, не подвергаются актуальному членению. Следовательно, в применении к словосочетаниям можно говорить лишь о двух функциях порядка слов: о функции грамматической и функции стилистической. В дальнейшем, говоря о словорасположении в словосочетаниях, мы будем касаться главным образом определительных словосочетаний, так как глагольные словосочетания, начиная от зависимого элемента третьей степени, автоматически превращаются в словосочетания определительные. Ср.: *йорт табылмый* 'не найдется дома' и *уңайлы йорт табылмый* 'не найдется подходящего дома'; *бакчага караган* 'обращен в сторону сада', *Волга ярындагы бакчага караган* 'обращен в сторону сада на волжском яру'. Для того чтобы решить, в какой мере порядок слов в определительных словосочетаниях может стать средством выражения грамматических отношений или стилистическим приемом, необходимо установить, наличествуют ли в словосочетаниях, так же как и в предложениях, модели прямого порядка слов, изменение которых приводит к изменению значения словосочетания или усилению логического акцента на том или ином слове.

Прежде всего укажем, что возможны такие случаи, когда определение ставится после определяемого, и тем не менее словосочетание не превращается, как следовало бы ожидать, в предикативное, а остается атрибутивным. Такая постпозиция определения часто наблюдается в изафетных словосочетаниях третьего типа: *жаның бар мы узеңнең* (Г. Ибрагимов) 'А душа в тебе есть?'. В этом случае, когда определение или группа определения следует за определяемым, сохраняя свою синтаксическую функцию, наблюдается так называемая парцелляция определения; перед нами уже не целое словосочетание, а два члена предложения, каждый из которых может нести самостоятельную коммуникативную нагрузку, т. е. модель нарушается, и словосочетание теряет свою целостность.

Во всех остальных случаях определение всегда располагается перед определяемым.

Среди определительных словосочетаний можно выделить три основных типа, модели: словосочетания с однородными определениями (*урмансыз, тавсыз, елгасыз сахра* 'степь без леса, без гор, без рек'), словосочетания с последовательно подчиненными определениями (*уртадагы вагонның ишеге* 'дверь среднего вагона') и словосочетания с раздельно подчиненными определениями (*августның жилле- яңгырлы караңгы бер көне* 'ветреный и дождливый, мрачный августовский день'). С точки зрения порядка размещения элементов внутри них эти три типа определительных словосочетаний могут быть охарактеризованы следующим образом: первый тип — словосочетания с однородными определениями характеризуются наибольшей подвижностью входящих в их состав определений, скажем ли мы: *урмансыз, тавсыз, елгасыз сахра* или же *тавсыз, урмансыз, елгасыз сахра* или *елгасыз, тавсыз, урмансыз сахра*, грамматическое и стилистическое соотношение значений членов словосочетания от этого не изменится.

В словосочетаниях с последовательно подчиненными определениями изменение порядка определений влечет за собой изменение общего значения словосочетания: *уртадагы вагонның ишеге* 'дверь среднего вагона', но *вагонның уртадагы ишеге* 'средняя дверь вагона'. Если в словосочетаниях первого типа порядок слов не несет никакой функции — ни грамматической, ни стилистической, то во втором случае, как мы видим, он несет грамматическую функцию.

В словосочетаниях третьего типа состав определений семантически и грамматически разнороден и позиция каждого члена словосочетания определяется множеством причин. С одной стороны, определения, не оформленные специальными атрибутивными аффиксами, примыкающие определения ставятся непосредственно перед определяемым, так как контактное по отношению к определяемому расположение и есть их синтаксический показатель, а определения, оформленные специальными аффиксами (причастия, относительные прилагательные, имена в форме принадлежности), ставятся в начале словосочетания (*ауылдың ақсақ қарт күтушісі* 'хромой старый аульный пастух'). С другой стороны, поскольку каждое определение служит конкретизации определяемого им предмета (понятия), вырабатывается перекрестное правило, согласно которому ближе к определяемому ставятся определения, выражающие признаки более общие, дальше от него — признаки более конкретные, т. е. фактор формальный корректируется фактором семантическим.

Хотя некоторые авторы (А. Гулямов, Дж. Чакенов) выделяют среди разных видов определений такие, которые всегда выражают только общие (постоянные) признаки, и определения, выражаю-

щие признаки случайные (конкретные), однако чаще общий или случайный характер признака определяется субъективно, и расположение определений зависит от воли говорящего, т. е. вводится фактор стилистический.

В качестве примера можно сослаться на любопытные рассуждения Г. Г. Сеитбатталова[8] о трех вариантах перевода на башкирский язык словосочетания «новый цветной художественный фильм» (*яңы художестволы төсле фильм, художестволы яңы төсле фильм, яңы төсле художестволы фильм*), которые достаточно хорошо иллюстрируют, насколько субъективным часто может быть выбор того или иного порядка расположения определений в словосочетаниях данного типа. И тем не менее даже в определительных словосочетаниях третьего типа расположение определений по формальному признаку является основным «прямым» порядком, а все другие варианты инверсивными. В том же примере *ауылдың аҡсаҡ ҡарт күтушісі*, если мы расположим определители в ином порядке, как, например: *аҡсаҡ ҡарт ауылдың күтушісі*, то логический акцент падает на примыкающие определения *аҡсаҡ, ҡарт*, так как они оказываются в необычной для них позиции в начале словосочетания и стилистически выделяются. И эта инверсивность уловима и заметна лишь потому, что она соотносится с определенным, в ходе развития языка установившимся основным порядком.

И в этом смысле при описании порядка слов какого-либо языка экономичнее и компактнее все словорасположение представить в форме синтаксических моделей, как это делает, к примеру, Л. Б. Свифт в своей грамматике турецкого языка[9], чем пытаться перечислить все правила и варианты расположения слов в предложениях и словосочетаниях, тем более что существуют такие модели, как, например, трехчленная определительная конструкция типа *менің барған өйім* (или: *мен барған өй*) 'дом, в который я пошел'[10] или же синтаксически синкретичные конструкции, как *jemiš dolu bahçe* 'сад, полный плодов'[11], которые бесполезно было бы пытаться анализировать по членам предложения и устанавливать в них какие-то правила словопорядка.

---

[8] Г. Г. Сеитбатталов, *Һөйләмнең эйәрсен кисәктәре һәм уларҙың синтаксик тәбиғәте*, — «Ученые записки Башкирского Гос. университета», башкирская филологическая серия № 2, вып. III, Уфа, 1958

[9] L. B. Swift, *A reference grammar of modern turkish*, Bloomington, 1963.

[10] Е. А. Поцелуевский, *Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации*, — «Исследования по синтаксису тюркских языков», М., 1962.

[11] Э. В. Севортян, *О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках*, — ИСГТЯ, ч. III, М.—Л., 1961, стр. 8.

Г. Хазаи

ТУРЕЦКИЙ ТРАНСКРИПЦИОННЫЙ ТЕКСТ, НАПИСАННЫЙ КИРИЛЛИЦЕЙ

В связи с 60-летием А. Н. Кононова мы бы хотели внести скромный вклад в историю турецкого языка и тем самым выразить наше глубокое уважение к деятельности юбиляра в области турецкого языкознания.

Публикуемый памятник принадлежит к материалам, которые мы обнаружили в Болгарии в 1956—1957 гг. Позже мы об этом поставили в известность научную общественность [1]. По сведениям Б. Цонева, текст написан в XIX в.[2] Судя по языку этого известного по своему содержанию библейского текста, он был записан не турком, а лицом, говорившим по-турецки. Принимая во внимание все обстоятельства, мы, вероятно, не будем далеки от истины, если, несмотря на возможные связи этого текста с караманской литературой, будем рассматривать его вместе с другими текстами как памятник особого турецкого койне Балканского полуострова. Следовательно, само собой разумеется, что текст содержит интересные данные и с точки зрения истории балкано-турецких говоров.

ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕКСТА

(ж = ă; у = u̇; ϒ = u; u = i; ï = ï; î = î; û = ĭ; ŭ = j; т = ṭ; ш = t; щ = št; ϒ = dž; ю = ju; ѧ = ja; я = ja; io = io; ъ = ъ).

Îisůs Îrodisъ padišahănъ gjunlerinde Jahudistanănъ Vitleemъ šeherinde doundža ište gjunduu taraflarindan medžuslerъ Kudusъ šerife gelipъ dedilerъ:

[1] Ср. AOH XI, 1960, p. 221—233; «VIII. Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler 1957», Ankara, 1960, стр. 83—86.

[2] Б. Цонев, *Опис на ръкописите и старопечатните книги в народната библиотека в София*, София, 1910—1923, № 762.

«Nerededirъ jahudilerinъ dogmušъ padišahă. Zere bizъ onunъ ildizini mašrikta giordukъ ve ona sečţe etmee geldikъ». Ve Îrodisъ padišah[ъ] bunu ešiţţikţe šašţă ve bilesindž[e] bjuţjunъ Kudusъ šerifъ daha. Ve džumle bašъ kjahinleri ve kavminъ kjaţiplerini džemъ idupъ onlardanъ Hrî[s]ţosъ nerede dogadžaănă ţaasih soraridi. Onlarda[1] ona dedilerki[2] Jahudisţanăn[ъ] Viţleeminde, zere pejgamberdenъ bojle jazălmăšţărъ: «Ve senъ ja Îuda vilaeţïninъ Viţleemi, Îuda beglerininъ arasănda asla en kiočukъ dïilsinъ, zere sendenъ bir kalavusъ čikadžakţirъ ki benimъ kavmimъ Izraile gjudedžekţirъ». O-vakăţъ Îrodisъ medžusleri ţenhaja čaărăpъ, ildăzănъ ne zemanъ gjurunduunu onlardanъ dikaţlă ţaasih ejledi. Ve onlară Viţleeme[3] salăveripъ dedi: «Varănъ čudžuunъ hakănda dikatъ ile tefţisъ idin de ve onu bulduunusъ zemanъ bana heberъ ejleunъ ki ben de gelipъ ona sečde îdeimъ». Ve onlarъ padišahă dinlediktenъ sora giţţilerъ, ve ïšţe mašrăkda gjurdukleri ïldizъ junlerinde giderdi, ve vare vare maasuminъ îeri[4] juzerinde durdu. Ve îldăzi gjurduklerindenъ gageţdenъ čokъ sevïndilerъ.

Ve eve giripъ maasumŭ anasă Mariamъ ile buldularъ, ve ere djušjupъ ona sečda[5] ejledilerъ, ve haznelerini ačăpъ ona alţănъ ve gunlukъ ve mŭrisafi hedielerъ suldular[6]. Ve dušlerinde allahtanъ tekrarъ Îrodise donmeelerъ deju emrъ olunmaila, baška ioldan vîlaeţlerine giţţiler.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Верно: onlar da. 2. Верно: dediler[ъ]ki. 3. Ошибочно в рукописи: Vitleele. 4. Ошибочно в рукописи: îerin. 5. В рукописи: ejd: del. 6. Верно: sundularъ (?).

ПЕРЕВОД

Когда Иисус родился в Иудее, в городе Вифлееме, во времена царя Ирода, вот тогда с Востока в Иерусалим пришли маги и сказали:

«Где новорожденный царь иудеев? Ведь мы увидели его звезду на Востоке и пришли, чтобы помолиться ему». И когда это услышал царь Ирод, он был поражен, а с ним и весь Иерусалим. Он повелел собраться всем высшим сановникам, книжникам на-

рода и спрашивал у них, где должен был родиться Христос. И тогда они ему сказали: в Вифлееме, в Иудее, потому что ведь написано пророком: «А ты, Вифлеем в Иудее, ты не самый маленький среди князей Иуды, потому что из тебя должен выйти предводитель, который поведет мой народ, израиль». Тогда Ирод тайно призвал мудрых и с усердием выведал у них, когда должна появиться звезда, и повелел им быстро отправиться в Вифлеем и сказал: «Идите туда и ищите ребенка, и если вы его найдете, сообщите мне, чтобы я тоже мог прийти и помолиться ему». Выслушав царя, они отправились в путь; и вот звезда, которую они видели на Востоке, уже двигалась перед ними, пока не приблизилась и не остановилась над тем местом, где было дитя. И, увидев звезду, они очень обрадовались. Они вошли в дом и нашли дитя с Марией, его матерью, и пали ниц, и молились ему, и раскрыли свои драгоценности, и передали ему свои подарки, золото, фимиам, мирру. И так как им во сне Богом было указано не возвращаться опять к Ироду, они по другой дороге отправились в свои страны.

ЯЗЫК ТЕКСТА. ОБОЗНАЧЕНИЕ И ПОДМЕНА ЗВУКОВ

В нашем тексте ï передается с помощью ă или i, î и ĭ, ü и ö — с помощью j͜u или o и i͜o. Независимо от графической стороны вопроса передача одних звуков с помощью других в направлении: ï → ă, i; ö → o; ü → u, в зависимости от степени знания говорящим турецкого языка, хорошо известна из балканских языков, в частности из болгарского. К сожалению, и здесь нельзя установить точное звуковое содержание. В отношении звука ö также трудно решить, имеем ли мы в данном случае дело с явлением филологическим или относящимся к истории языка: o > (?) ü → u; или просто ö → (j͜u, i͜o =) o (ср. gj͜urduklerindenъ, gj͜urunduunu, gj͜urdukleri ≠ görmek 'видеть'; j͜unlerinde ≠ ön 'передняя часть чего-либо').

ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА

Несколько примеров — если их не следует отнести за счет влияния орфографии — свидетельствуют о сохранении закрытого ė: idin, îdeimъ, но etmee ≠ etmek 'делать'. Ср. еще dedilerъ, dedi ≠ demek 'сказать'.

Упомянем здесь также соответствие e ≠ i: ešiṭṭikṭe ≠ iṣitmek 'слышать'.

ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА. ВЫПАДЕНИЕ ğ И y

Много примеров свидетельствует о выпадении ğ: bulduunusъ ≠ bulmak 'находить'; čaărăpъ ≠ čağırmak 'звать'; dïilsinъ ≠ değil 'нет'; doundža, dogadžaănă ≠ doğmak 'родиться' etmee ≠ etmek 'делать'; gjunduu ≠ gündoğu 'восток'; gjurunduunu ≠ görünmek 'показываться'; olunmaile ≠ olmak 'быть, становиться', даже в качестве гиперурбанизма: gageṭden ≠ gayet 'очень'.

Что касается ŋ, то мы не находим в тексте следов этого звука. Пример: sora ≠ sonra 'после' свидетельствует даже о ступени ø известного развития.

ОГЛУШЕНИЕ

-z > s: bulduunusъ ≠ bulmak 'находить'; kalavusъ ≠ kılavuz 'проводник'.

ДРУГИЕ ЯВЛЕНИЯ

y > ø: ildizini, ĭldizъ, ildăzănъ, îldăži ≠ yıldız 'звезда'. Не исключено, что формы с ø следует отнести за счет орфографии, сложившейся на базе кириллицы, и что они не имеют лингвистической ценности.

kk > k: dikatъ ile, dikatlă ≠ dikkat 'внимание'; hakănda ≠ hákkında 'о' (предлог).

džd > čt > čd: sečṭe, sečda, sečde ≠ secde 'земной поклон'. Возможно, что в обоих последних случаях следует допускать возможность влияния орфографии.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ. АССИМИЛЯЦИЯ

e — i > e — e: šeherinde ≠ ṣehir 'город'; a — e > e — e: heberъ ≠ haber 'известие'; ï — a — u > a — a — u: kalavusъ ≠ kılavuz 'проводник'; o — u > u — u: čudžuunъ ≠ cocuk 'дитя'; gjunduu = gündoğu 'восток'; i — ā > i — e > e — e: zere ≠ zira 'потому что'.

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ СОВРЕМЕННОГО ВОКАЛИЗМА

e — ā ≠ a — ā: sečṭe, sečda, sečde ≠ secda 'земной поклон'; zemanъ ≠ zaman 'время'.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ В АФФИКСАХ. ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ПРАВИЛ ПАЛАТАЛЬНО-ВЕЛЯРНОЙ ГАРМОНИИ

medžuslerъ, medžusleri [medžüs?] ≠ mecus 'маг'; vare vare ≠ vara vara 'шаг за шагом'.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ПРАВИЛ ЛАБИАЛЬНО-ИЛЛАБИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

deju ≠ demek 'сказать'; ejleunь ≠ eylemek 'делать'; maasuminъ (но ср. maasumu̇) ≠ masum 'невинный'.

ДРУГИЕ ЯВЛЕНИЯ

Неясно, что представляет собой форма kavmimъ (acc.) kavim 'народ' — известное явление, характерное для староосманского языка, или просто языковую ошибку.

Следует отметить также интересную архаическую форму bilesindže ≠ староосм. bile 'также, вместе'.

М. Ш. Ширалиев

АФФИКСЫ 1-го и 2-го ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА С ШИРОКИМИ ГЛАСНЫМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Детальное ознакомление с опубликованными материалами по тюркским языкам показывает, что всюду аффиксы 1-го и 2-го лица множественного числа выступают с узкими гласными и благодаря гармонии гласных бывают или четырехвариантными или двухвариантными, например: *-ыг*, *-ик*, *-уг*, *-үк* (1-е лицо); *-сыныз*, *-синиз*, *-сунуз*, *-сүнүз*; *-уг*, *-үк*; *-суз*, *-сүз*.

До настоящего времени обследованные монографическим путем материалы диалектов и говоров азербайджанского языка представляли аффиксы 1-го и 2-го лица множественного числа только с узкими гласными.

В некоторых диалектах аффиксы 1-го и 2-го лица множественного числа выступают одновариантными, не подчиняясь гармонии гласных, например: *-ых*, *-сыз* (*алырых* ʽмы покупаемʼ, *кәлирых* ʽмы идемʼ, *алырсыз* ʽвы покупаетеʼ, *кәлирсыз* ʽвы идетеʼ).

Однако при исследовании айрумского говора азербайджанского языка были обнаружены аффиксы 1-го и 2-го лица множественного числа с широкими нёбными гласными: *-ах*, *-әх*, *-саңыз*, *-сәңиз* (*алмышах* ʽмы купилиʼ, *ичмишәх* ʽмы пилиʼ, *алмысаңыз* ʽвы купилиʼ, *ичмисәңиз* ʽвы пилиʼ).

Таким образом, материалы айрумского говора показали, что в диалектах и говорах азербайджанского языка наряду с аффиксами 1-го и 2-го лица множественного числа с узкими гласными существуют также аффиксы с широкими гласными.

Любопытно, что в азербайджанском языке аффиксы 1-го и 2-го лица единственного числа выступают только с широкими гласными: *-ам*, *-әм*, *-сан*, *-сән* (*алмышам* ʽя купилʼ, *кәлмишәм* ʽя пришелʼ, *алмышсан* ʽты купилʼ, *кәлмишсән* ʽты пришелʼ).

Как известно, общенародный азербайджанский язык образовался на базе огузских и кипчакских племенных языков. Ввиду

этого при анализе грамматического строя современного азербайджанского языка в разных его секторах наблюдаются огузские и кипчакские основы.

При своем образовании общенародный азербайджанский язык избрал те основы, которые являлись более общими и более распространенными.

И так как для общенародного азербайджанского языка более общим явилось употребление в единственном числе 1-го и 2-го лица аффиксов огузского типа с широкими гласными, то, естественно, выбор пал на огузские типы для выражения 1-го и 2-го лица единственного числа. Наоборот, для выражения 1-го и 2-го лица множественного числа общенародный азербайджанский язык предпочел более распространенную кипчакскую форму аффиксов с узкими гласными.

Таким образом, на современном этапе развития азербайджанского языка употребление аффиксов 1-го и 2-го лица множественного числа с широкими гласными является узкодиалектной чертой.

Что касается этимологии аффиксов 1-го лица множественного числа (*-ах* < *аг* < *аq*, *-ых* < *ыг* < *ыq*), то можно отметить, что в тюркологии этот вопрос до настоящего времени остается невыясненным. Известно, что в одних тюркских языках множественность 1-го и 2-го лица выражается элементом *з*, а в других — элементом *г* < *q*.

Нам кажется, что элемент множественности в 1-м лице имеет именное происхождение, так как для указания собирательности, совокупности к именам прибавляется аффикс *-л-аг*(*ах*), как, например: *су-л-аг* 'места, обильные водой (влагой)', 'болотистые места' и т. д.

Как видно, в аффиксе *л-аг* как бы соединились два элемента множественности: с одной стороны, *-л* < *лар*, а с другой — *-аг*(*ах*).

Таким образом, в дальнейшем аффикс *-аг*(*ах*) указывал на совокупность и множественность не только предметов, но и действующих лиц со включением говорящего.

А. Дж. Шукюров

ПЕРВООБРАЗНЫЕ НАРЕЧИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В азербайджанском языке бытуют наречия, состоящие из неразложимого корня, которые воспринимаются как непроизводные. Слова подобного рода лингвисты определяют обычно терминами «первообразные наречия», «непроизводные наречия» или же «собственные наречия». Несмотря на то что все эти термины уязвимы, так как наречия, неразложимые с точки зрения современного языкознания, исторически были производными, придется и на этот раз воспользоваться одним из них за неимением лучшего. Наиболее удачным мне представляется термин «первообразные наречия», ибо как раз он отражает производность этих слов и их глубокую древность.

Исторически проследив процесс образования так называемых первообразных наречий, нетрудно убедиться в том, что разряд этих слов на протяжении веков пополнялся следующим образом:

1) словами, изменяющимися за счет живых морфологических показателей. Со временем такие слова отрывались от общего фонда и застывали в одной лексической форме. Аффиксы, утрачивая свою грамматическую роль, превращались в составную часть этих слов.

Примеры:

нiјä 'почему' (по-видимому, < *нä* 'что' + *кä* — афф. дат. пад.);

бiркä 'вместе' (по-видимому, < *бiрiк* 'соединяться' + *ä* — афф. деепр., букв. 'присоединяясь');

јанашы 'рядом' (по-видимому, < *јанаш-* 'подходить вплотную' + *ы* — афф. деепр., букв. 'подходя вплотную') и т. п.;

2) словами, сочетающимися синтаксическим путем и выполняющими функцию обстоятельства. В ходе развития языка компо-

ненты этих словосочетаний утрачивали собственное ударение и сливались в одну лексическую единицу.

Примеры:

інішіl 'в позапрошлом году' (по-видимому, < *öн* 'перед', 'передний' + *ӱч* 'три' + *il* 'год', букв. 'передний из трех лет'), ср. в диалектах современного азербайджанского языка:

даһанішіl (< *даһа* 'еще' + *öн* + *ӱч* + *il*, букв. 'еще год впереди третьего года');

дӱнӓн 'вчера' (по-видимому, < *дӱн* 'ночь', 'ночью', 'вчера' + *кӱн* 'день') и т. п.;

3) наречными словосочетаниями, образованными морфолого-синтаксическим способом, которые в ходе развития языка становились неразложимыми.

Пример:

кӱнашыры 'через день' (по-видимому, < *кӱн* 'день' + *ашар-* 'переваливаться' + *ы* — афф. деепр., букв. 'день переваливаясь').

В диалектах современного азербайджанского языка:

ilajузуну 'вечно', 'постоянно' (по-видимому, < *il* 'год' + *aj* 'месяц' + *узун* 'длинный' + *у* — афф. принадл. 3-го лица ед. ч., букв. 'длина года и месяца');

öзкӓндӓ 'в другие времена' (по-видимому, < *öзкӓ* 'другой' + *кӱн* 'день' + *дӓ* — афф. местн. пад., букв. 'в другой день') и т. п.

Первообразные наречия в староазербайджанском языке представлены небольшой группой слов. К числу их относятся: *аңару* 'туда', *бajак* 'совсем недавно', *бӓрӱ* 'сюда', *бечід* 'быстро', *варын* 'много', *еркӓн* 'рано', *еjін* 'быстро', *аркуру* 'поперек', *імін* 'спокойно', *jалабыдак* 'быстро', 'сразу', *jарын* 'завтра', *канчару* 'куда', *тӱркӱн* 'быстро', *шімді* 'теперь' и т. п.

Переходим к рассмотрению перечисленных выше слов в отдельности.

Аңару 'туда', 'в ту сторону'. Ср. МЧ. *ынаӻару* 'туда', 'дальше' (35, 10), Тон. *аңару* 'по направлению к нему' (60, 20), алт. *анаар*, каз. *әри* 'дальше', 'там', тув. *ынаар*, уйг. *нери*, ойр., тат. *ары*. В староазербайджанском языке употреблялось в следующих вариантах: *аңару*, *оңа*, *аңа*, выражающих одни и те же значения.

Примеры:

...*jöнӱн* ***аңару***... *дöндӱрӱр* (КДК: 9, 9) '...она поворачивается боком в другую сторону...';

...***оңа*** *ірӱб гондулар* (КДК: 202, 11) '...дойдя туда, они остановились';

Шејх Азäрбајҹандан һäркiз ***аңа*** *вармыјубдур* (СС: 314, 7) 'Шейх никогда не ездил туда из Азербайджана'.

Это наречие в диалектах сохраняется в следующих вариантах: *аңры* (газ.), *аңңыры* (нух.), *аңары* (караб.).

По поводу этимологии слова *аңару* существуют различные точки зрения[1]. Думаю, что толкование А. фон Габэн, которая производила это наречие от *ол > ан + кару*[2], вносит существенное уточнение в высказывания других авторов.

Бајах 'совсем недавно'. Ср. кирг. *байа*, якут. *маа*.

В письменных памятниках обнаруживается в вариантах *бајах* и *баја*.

Примеры:

...***баја*** *мырлардi* (КДК: 160, 3) 'Он недавно ворчал [подобно собаке]...';

...*еј Муса,* ***бајах***... (АН: 21б, 77) '...о Муса, совсем недавно...'.

В диалектах употребляется в виде *бiјах*, *бäјах*, *бајых*.

Старейшая форма употребления этого слова, зарегистрированная Махмудом Кашгарским в виде *баја ок* 'это время'[3], позволяет предположить, что *бајах* образовалось из сочетания слов *бу + јак + ок*, букв. 'это ближайшее время' [*бу + ја(к) + + (о)к > бајак//бајах//****баја(к)***][4].

Бечiд 'быстро', 'поскорее'. Данное наречие обнаруживается только в ранних письменных памятниках, язык которых близок к живой разговорной речи.

Примеры:

Оғул, сäн мала ***бечiд*** *ол јығ*... (КДК: 172, 6). 'Сын, ты позаботься о деньгах, быстро копи [их]...';

...*ол* ***бечiд*** *дура*... (СС: 202б, 18) '...[если] он быстро поднимется [с места]...'.

Бечiд сохраняется в бакинском, ордубадском и кубинском диалектах современного азербайджанского языка. Это древнее

---

[1] По мнению В. В. Радлова, слово *аңару* образовалось при помощи аффикса древнего директивного падежа *-ру* от местоимения *ол* 'он', 'тот'. См. W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zw. F., SPb., 1899, стр. 49. М. Рясянен придерживается совершенно другого мнения; он предполагает, что данное наречие образовалось с помощью послелога *кар* 'обратная сторона' *+у*. См. M. Räsänen, *Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen*, Helsinki, 1957, S. 65.

[2] A. von Gabain, *Türkische Turfantexte*, X, Berlin, 1959, S. 40.

[3] Mahmud Kašğâri, *Divânü luğat-it-türk tercümesi*, t. I, Istanbul, 1939, s. 37.

[4] Наречие *бајак* обычно производится лингвистами от сочетания слов *у+јак* (букв. 'эта близость').

слово подверглось таким существенным изменениям, что его происхождение остается загадочным.

Бäру*//*Бäрі 'сюда'. Ср. мог. *Бäрігäрӱ* (ХС: 19, 11), *барiјä* 'на юг', 'направо' (61, 7), M. Uig. IV: *bärü* (8—2), алт. *бери*, тув. *бээр*, хак. *пеер*.

Примеры:

Бäрӱ *käl*... (КДК: 28, 4) 'Приди сюда...';

Käl ***бäрі*** *фäтh ет бу шähрі, käl* ***бäрӱ*** (ИП, 36, 16) 'Иди сюда, захвати этот город, иди сюда'.

Ж. Дени слово *бäрӱ*//*бäрі* делил на *бäн* 'я' + *га-ру*[5]. На мой взгляд, мнение автора близко к истине[6].

Еjін 'поскорее', 'торопясь': ...***еjін*** *häзрäт Шеjхӱн, хідмäтінä варурдук* (СС: 299, 5) '...мы торопясь шли к почтенному Шейху'.

В современном языке сохраняется в виде *јеjин*, и интересно, что преимущественно выражает качество предмета, например:

јеjин *ат* 'быстро скачущая лошадь';

јеjин *адам* 'быстро движущийся человек'.

Чтобы подчеркнуть качество действия, это слово в основном употребляется в удвоенной форме: *јеjин-јеjин* 'быстро'.

По всей вероятности, наречие *еjін* образовалось следующим путем: *еjі* 'хороший' + *-ін* — афф. инстр. пад.

Аркуру 'поперек'. Ср. башк. *аркыры*//*аркырыга*, тат. *аркылы*, гаг. *айкыры*. Встречается только в ранних письменных источниках.

Примеры:

...*гапу ешікі ӱзäрінä* ***аркуру*** *буракмышлар* (КДК: 141, 13) '...бросили его поперек у порога ворот';

---

[5] J. Deny, *Grammaire de la lanque turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1921, p. 616.

[6] Если не ошибаюсь, о происхождении наречия *бäрӱ* впервые высказался В. Банг. Он разбил это слово на *бу+äр+ӱ* 'этого человека'. См. W. Bang, *Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen...*, Frankfurt, 1916, XXXVII, S. 922. Н. А. Баскаков оспаривал точку зрения Г. И. Рамстедта, делившего данное наречие на *бäн+га+ру* (букв. 'ко мне') и отмечал, что слово *бäрӱ* скорее произошло от соответствующего указательного местоимения *бул* 'этот', чем от личного местоимения *бäн* 'я'. См. Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 44, 229, прим. 30. Наконец, А. К. Боровков, а позднее и А. М. Щербак связывали это слово с *бу* 'это'+*јэру* 'место', 'земля' (букв. 'эта местность'). См.: А. К. Боровков, *Очерки карачаево-балкарской грамматики*, — «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М.—Л., 1935, стр. 36; А. М. Щербак, *Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана*, М.—Л., 1961, стр. 158. А. Н. Кононов отнесся к этой гипотезе весьма критично и поддержал мнение Ж. Дени. См. А. Н. Кононов, *Рецензия...*, — ВЯ, 1963, № 5, стр. 137.

Аркуру *јатан ала таѓдан бетäр аша, ханлар ханы Бајындыра хäбäр вара...* (19, 7) 'Поднимаясь на поперек лежащую гору, дойдет молва до хана ханов Баюндура...'

В современном азербайджанском языке вместо *аркуру* употребляется прилагательное *көндәлән* 'поперечный' (='поперек').

Происхождение слова *аркуру* для меня остается непонятным.

Јарын 'завтра'. Ср. ГК *јачуп* 'утром' (80, 1). Встречается в ранних письменных памятниках.

Примеры:

...***јарын***... *кäлӳр* (КДК: 25, 13) '... он ... завтра придет';

...***јарын*** *бäнӳм* һӳзурумдасан (ХС: 75б, 16) '... завтра ты должен быть в моем распоряжении'.

Позже было вытеснено существительным *сабаһ* 'утро', заимствованным из арабского языка, которое оказалось способным выполнять и функцию обстоятельства времени (*сабаһ* 'завтра').

Думаю, А. Н. Кононов справедливо заметил, что в основе *јарын* лежит существительное *ір* 'утро' (+ *-іп* — афф. инстр. пад.) [7].

В начале XX в. обнаруживается попытка возродить это слово в азербайджанском литературном языке. Однако все усилия в этом направлении со стороны журналистов и писателей не увенчались успехом. Наречие *јарын* не удалось вновь закрепить в словарном составе азербайджанского языка.

Јалабыдак 'сразу', 'моментально' (букв. 'как молния'). Обнаруживается только в ранних письменных источниках.

Примеры:

...***көксӳндäн јалабыдак*** *öтä кечді* (КДК: 302, 11) '... он сразу пробил его грудь'.

[Оѓлан] ***јалабыдак*** *кöзӳн ачды* (КДК: 28, 2) '[Юноша] сразу открыл свои глаза'.

В диалектах сохраняется в форме *jelbä тäк* 'очень быстро'.

По-видимому, слово *јалабыдак* образовалось следующим образом: *јыл* 'свет', 'молния' + (*?бы*) *дак* (послелог) 'подобный', 'подобно'.

Канчару 'куда', 'в каком направлении'. Встречается во все периоды развития азербайджанского языка.

---

[7] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, М.—Л., 1956, § 598.

В. В. Радлов отождествлял наречие *јарын* с древним словом *јары* 'блестеть'. На мой взгляд, такое толкование уязвимо. См. W. Radloff, *Alttürkische Studien*, — «Известия Имп. Академии наук», СПб., 1912, № 12, серия IV, стр. 754.

Примеры:

А бäклäр оғлан ***канчару*** *кетди?* (КДК: 134, 10) 'Беки, куда ушел юноша?';

Деді кäсдін ***канчару*** *еј пак дін?* (АН: 9, 10) 'Он сказал: «О человек с чистой верой, куда ты намерен идти?»'.

Это слово в диалектах современного языка сохраняется в виде *häнчäрі//hанчары*. Любопытно отметить, что там оно употребляется не в обстоятельственной, а в определительной функции, например:

Тахылы ***hанчары*** *нічēллäр?* 'Каким образом жнут хлеба?' (тав.).

Думаю, что этимология наречия *канчару* может быть разъяснена так: *кај* 'какой', 'который' + *јан* 'бок', 'сторона' + *-ча* — наречеобр. афф. + *-ру* — афф. напр. пад.

Ташра 'наружу'. Ср. КТб. *ташра* (29, 11), Вел.-Зерн. *ташкари* (170), башк. *тышка*, чув. *дашкаар*, уйг. *тышкара*, каз. *тыскары* 'снаружи'.

В староазербайджанском языке оно употреблялось в следующих вариантах: *ташра*, *дäшрä*, *тішрä*, *дішрä*, *дышкарі//дышкару*, *дышхарі//дышхару*, *дышарі//тышару*. Варианты *ташра*, *дäшрä*, *тішрä*, *дішрä* встречаются в основном в ранних письменных памятниках. Что касается остальных форм, то они главным образом наблюдаются в письменных источниках более позднего времени.

Примеры:

Пäс ол Тäкÿр гäл'äдäн ***ташра*** *чыкды* (КДК: 203, 9) 'Потом тот Таговор вышел из крепости';

Мähäллä ушаглaрі чағырдылар кі ***дышхарі*** *кäл* (ШН: 46, 8) 'Детвора вызвала его наружу'.

Варианты *ташра*, *дішрä//...*, по-видимому, образовались при помощи аффикса древнего направительного падежа *-ру*, а варианты *тышкару*, *дышхару//...* — при помощи послелога-аффикса *-кару*[8].

В современном азербайджанском языке употребляется в одном варианте — *дышары*.

[8] О происхождении наречия *ташра* впервые высказал свое мнение В. В. Радлов. Ученый производил его от сочетания слов *таш* 'наружность' + *ара* 'промежуток'. См. W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, SPb., 1895, S. 124. В. В. Радлов позднее отказался от своего мнения и выдвинул предположение о том, что это наречие образовалось с помощью аффикса директ. падежа *-ра* (*тыш+ра*). См. W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, SPb., 1897, S. 85. Позже относительно происхождения слова *ташра* высказался К. Брокельман. Он утверждал, что данное наречие (с его вариантами *tašqaru* ~ *taškarï* — *tïšγari*) образовалось с помощью деепричастной формы *-u*, *-ü*, *-ï*, *-i*. См. C. Brockelmann, *Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen*, — ZDMG, Bd 70, 1916, S. 202 (прим. 1).

Тўркўн 'быстро', 'поскорее'. Ср. M. Uig. IV: *tärkin* (10, 43), *trkin* (14, 146), МК, т. I: *тўркўн* (456), *тўрўк* (350), тув. *дурген* 'быстро', 'быстрый', *дургенбиле* 'быстро'.

Тўркўн встречается только в ранних письменных источниках.

Примеры:

Тўркўн *Шејхӓ вардым* (СС: 103, 2) 'Я немедленно отправился к Шейху';

Атам кӓндi атын ***тўркўн*** *сўрдi* (СС: 245, 9) 'Мой отец быстрее погнал своего коня'.

В современном азербайджанском языке не употребляется.

Наречие *тўркўн*, по всей вероятности, появилось из *тўрк* ~ *тўрўк*[9] прибавлением аффикса инструментального падежа *-ўн*.

Сыравардi 'по очереди'.

На старых материалах это наречие удалось проследить только в «Китаб-и Деде Коркут»: ...***сыравардi*** *кејiнiн* (КДК: 89, 13) '...одевайтесь по очереди'.

В современном азербайджанском языке не употребляется.

Можно полагать, что *сыравардi* появилось следующим образом: *сыра* 'ряд', 'линия' + *вар* 'ходить' + *ды* — афф. деепр. (букв. 'идя по линии').

Шiмдi 'теперь', 'сейчас'. Это слово характерно для огузской группы тюркских языков. Ср. тур. *şimdi*, туркм., гаг. *шинди*.

Примеры:

...*јохса* ***шiмдi*** *бојнун, урурам* (КДК: 108, 8) '...не то я сейчас же отрублю тебе голову';

Ханчарудан варур оңа ***шiмдi*** *јол?* (АН: 3, 5) 'Теперь откуда можно пройти туда?'.

В современном азербайджанском языке не употребляется.

А. Н. Кононов обоснованно производил наречие *шiмдi* от сочетания местоимения *öш* 'это', 'этот' и наречия *iмдi*[10]. Это мнение, думается, окончательно утверждает точку зрения Махмуда Кашгарского, который неоднократно писал, что слово *ўш* в тюркских языках употребляется и в значении 'теперь' (***ўш*** *kelaiкўм бу* 'я только что пришел')[11].

---

[9] В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. III, СПб., 1905, клн. 1560.

[10] А. Н. Кононов, *Грамматика современного турецкого литературного языка*, стр. 289, § 598.

[11] Mahmud Kaşğâri, *Divânü luğat-it-türk tercümesi*, t. I, s. 36. Относительно происхождения слова *шiмдi* существуют и другие точки зрения. По мнению Ж. Дени, *шiмдi* образовалось с помощью какого-то древнего префикса (*ш*) от наречия *iмдi*. См. J. Deny, *Grammaire de la langue turque*, § 396. С мнением Ж. Дени соглашается А. П. Поцелуевский. См. А. П. Поцелуевский, *Происхождение личных и указательных местоимений*, Ашхабад,

Ударение в первообразных наречиях

Первообразные наречия в азербайджанском языке, как правило, имеют ударение на первом слоге, например: *бу́ра* 'сюда', *о́ра* 'туда', *һа́ра* 'куда', *ју́хары* 'наверх'. Но когда наречия выступают в роли имени существительного, ударение передвигается с первого слога на последний: *бура́* 'вот это место', *ора́* 'то место', *һара́* 'какое место', *јухары́* 'верхняя сторона'. Вследствие этого упомянутые выше наречия, подобно именам, изменяются по падежам и числам, а иногда по лицам, и выполняют функции различных членов предложения.

Необходимо отметить, что лингвисты часто, исходя из этих особенностей, рассматривают названные выше слова как существительные, выполняющие в предложении функцию обстоятельства. Однако нельзя упускать из виду, что место ударения в первообразных наречиях меняется только в предложении, а вне предложения они произносятся с ударением на первом слоге, выражая только место, направление, время, причину или способ совершения действия.

В отдельных случаях в результате перемещения ударения с последнего слога на первый имена существительные в свою очередь также могут выполнять функцию обстоятельства.

Например:

саба́һ 'утро' — *са́баһ* 'завтра', *сәһә́р* 'утро' — *сә́һәр* 'утром', *күнорта́* 'полдень' — *кү́норта* 'в полдень' и т. п.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

алт. — алтайский язык.
АН. — «Асрар-наме». Рукопись АН Азерб. ССР (XV в.). Факсимильное издание, Баку, 1963.
башк. — башкирский язык.
Вел.—Зерн. — Вельяминов—Зернов, *Словарь джагатайско-турецкий*, СПб, 1868.
гаг. — гагаузский язык.
газ. — газахский диалект азербайджанского языка.
ГК. — Гадательная книжка (С. Е Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 80—85).
ИН. — Имадеддин Насими, автор сочинений XIV в. Рукопись АН Азерб. ССР № М-227.
каз. — казахский язык
караб. — карабахский диалект азербайджанского языка.
КДК — «Китаб-и Деде Коркут», рукопись XV—XVI вв. Дрезденский список. Факсимильное издание, Анкара, 1958.

1947, стр. 9; М. Рясянен делил его на *шу* 'это', 'этот' + *imдi*. См. M. Räsänen, *Materialen zur Morphologie*. . ., S. 242.

КТб., КТм., — большой и малый текст памятника Кюль-Тегину (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 19—55).
M. Uig. — F. W. K. Müller, *Uigurica*, t. IV, Berlin, 1931.
МК. — Mahmud Kaşğâri, *Divanü luğat-it-türk tercümesi*, I—III, Istanbul, 1939—1941.
МЧ — Памятник в честь Муюн-Чура (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 30—43).
нух. — нухинский диалект азербайджанского языка.
ойр. — ойротский язык.
СС. — «Сахват ус-Сафа». Рукопись ЛО ИНА АН СССР, № С-568 (XVI в.)
тав. — тавузский диалект азербайджанского языка.
тат. — татарский язык.
Тон. — Памятник в честь Тоньюкука (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 56—73).
тув. — тувинский язык.
тур. — турецкий язык.
уйг. — уйгурский язык.
ХС. — «Хадигат ус-суада». Рукопись ЛО ИНА АН СССР, № 6540 (XVI в.).
ШН. — «Шухада-наме». Рукопись АН Азерб. ССР, № 135 (XVI в.).
якут. — якутский язык.

10 Заказ № 1037

А. М. Щербак

ТЮРКСКИЕ ГЛАСНЫЕ В КОЛИЧЕСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ[1]

Тюркские гласные характеризуются наличием трех ступеней длительности и в соответствии с этим образуют три группы: долгие, краткие (нормальные) и сверхкраткие [2]. Однако на фонологическом уровне трехступенчатое распределение гласных по признаку количества не представлено ни в одном из тюркских языков. Имеет место либо противопоставление долгих и кратких, либо противопоставление кратких и сверхкратких.

Краткие гласные реализуются как нормальные монофтонги [3]. Долгие гласные могут реализоваться в виде монофтонгов или дифтонгов [4] (в количественном отношении долгие гласные независимо от конкретных форм реализации представляют нечто единое) [5]. Сверхкраткие гласные реализуются в виде монофтон-

---

[1] В данной статье рассматриваются только гласные односложных слов.

[2] См. А. П. Поцелуевский, *Фонетика туркменского языка*, Ашхабад, 1936, стр. 29.

[3] Это правило не распространяется на краткие гласные в начальном положении в таких языках, как казахский, каракалпакский, ногайский, кумыкский и гагаузский.

[4] Имеются в виду дифтонги, которые по тем или иным причинам не могут интерпретироваться как двухфонемные сочетания. Дифтонги, представляющие собой сочетания гласных с ослабленными сонантами *в*, *j* (> *y̯*, *i̯*), мы рассматриваем как фонетическую реализацию фонемных групп, состоящих из двух фонем. О фонологической интерпретации дифтонгов см.: J. Vachek, *Über die phonologische Interpretation der Diphthonge mit besonderer Berücksichtigung des Englischen*, — «Práce z vědeckých ústavů», XXXIII, 4, Prague, 1933, стр. 87—170; Н. С. Трубецкой, *Основы фонологии*, М., 1960, стр. 62 и сл.

[5] См. Е. Д. Поливанов, *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, Л., 1928, стр. 205, 206; Н. Д. Дьячковский, *Долгие и краткие фонемы якутского языка*, — «Труды ИЯЛИ», 4 (9), Якутск, 1963, стр. 36; Н. Д. Дьячковский, *Длительность якутских гласных в односложных словах*, — там же, стр. 69.

гов неполного образования, подвергающихся существенной качественной трансформации (изменение ступени раствора, утрата огубленности).

I. Противопоставление долгих и кратких гласных играет важную роль в фонологических системах алтайского, гагаузского, киргизского, тофаларского, тувинского, туркменского, хакасского, шорского и якутского языков. При этом, как справедливо отмечают многие тюркологи, в рассматриваемой оппозиции определяющее значение имеет не абсолютная, а относительная длительность гласных. При наличии одинаковых фонетических условий долгие гласные в среднем в два раза продолжительнее кратких (нормальных) [6].

Число кратких и долгих гласных может не совпадать, т. е., иначе говоря, не во всех языках, имеющих данную оппозицию, каждому краткому гласному соответствует долгий. Так, в якутском языке — восемь кратких и восемь долгих гласных, в гагаузском — восемь кратких и семь долгих (отсутствует *ȫ*), в киргизском — восемь кратких и шесть долгих (отсутствуют *ї̄* и *ī*) [7], в азербайджанском — девять кратких и шесть долгих (отсутствуют *ō*, *ӱ̄*, *ї̄*).

Долгие гласные в тюркских языках принято делить на вторичные и первичные. Вторичные долгие гласные образовывались в ходе обособленного развития тюркских языков и поэтому не отражают их истории в целом. Первичные долгие восходят к эпохе существования праязыка и таким образом должны рассматриваться как общетюркское явление.

Разумеется, «первичность» и «вторичность» долгих гласных являются фактами диахронического порядка и при сохранении в том или ином современном тюркском языке соответствующей общетюркской оппозиции никаких фонологических различий между первичными и вторичными гласными не наблюдается. Тем не менее разграничение тех и других имеет важное значение и совершенно необходимо для понимания некоторых «экзотических» особенностей фонологических систем разных тюркских языков.

I. 1. Вторичная долгота гласных развилась в результате выпадения согласных и последующего стяжения гласных, или в результате выпадения любого звука в целях восстановления общей просодической меры слова, или, наконец, как следствие

---

[6] См. Н. Д. Дьячковский, *О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке*, Якутск, 1962, стр. 23.

[7] В говорах киргизского языка количество долгих гласных доходит до семи за счет широкого *ā*. См. Г. Бикинова, *Киргизский говор Октябрьского района*, автореф. канд. дисс., Фрунзе, 1953, стр. 8.

количественного различения ударных и неударных гласных в заимствованных словах.

Долгота гласных первого типа прослеживается почти во всех названных выше языках[8], ср. алт. *тӯ* 'гора' (< *тāγ), *сӯ* 'вода' (< *суγ), *мӱ̄с* 'рог' (< *пӱңӱс*); гагауз. *ча̄р-* 'звать' (< *ча̄кїр-*), *сӣр* 'корова' (< *сїγїр*), *бӱ̄н* 'сегодня' (< *пу‿кӱн*), *kӯ-* 'гнать' (< *kуγ-*), *дōру* 'прямо' (< *тоγуру*); кирг. *сӧ̄к* 'кость' (< *сӧңӱк*), *тō* 'гора' (< *тāγ*), *бōр* 'печень' (< *паγїр*), *ōр* 'тяжелый' (< *āγїр*); тув. *ōл* 'мальчик' (< *оγул*), *āл* 'аул' (< *аγїл*), *ча̄* 'война' (< *ϑāγї*); тур. *jӣт* 'мо́лодец' (< *ϑiγ'iт*); хак. *кӣс* 'войлок' (< *кiγ'iс*); якут. *ӯ* 'вода' (< *суγ*), *їа-* 'доить' (< *саγ-*), *ӱөр* 'стадо, табун' (< *ӧγ'ӱр*), *ӱөт* 'ива, тальник' (< *сӧγ'ӱт*), *уор-* 'воровать' (< *оγур-*).

Долгота второго типа, или так называемое вознаградительное удлинение, может быть проиллюстрирована примером из хакасского языка: *тə̄р* 'кожа' (< *тäрi*).

Последний тип характерен для якутского языка, в котором ударные гласные в словах, заимствованных из русского языка, передаются как долгие или дифтонги[9], ср.: *буоjлаk* 'войлок', *пӯk* 'пух', *буоkkа* 'водка', *бӯт* 'пуд', *бухāтаj* 'богатый', *бӣл* 'пыль', *дуодар* 'лодырь', *оруомна* 'ровно', *уоба* 'оба', *чiə̈рбə̈* 'червь'.

Особое положение занимает эмфатическая долгота, которая, будучи ситуационно обусловленной, проявляется факультативно, ср. туркм. (диалект.) *ǰāн бāлам* 'милое мое дитя', *ӡāра гӧ̄дӱм* 'моя черноглазая'[10].

В некоторых тюркских языках наряду с природной вторичной долготой существует долгота искусственная, условная, связанная с усвоением количественного метра арабо-персидской поэтики. Одним из основных принципов выделения такой долготы является структурное своеобразие слога, т. е. его открытость или закрытость: открытый слог может быть долгим и кратким, закрытый слог, если он не оканчивается на ن, как правило, долгий, ср. в староузбекском языке (размер — هزج مثمّن سالم):

---

[8] См.: Н. К. Дмитриев, *Вторичные долготы в тюркских языках*, — ИСГТЯ, I, М., 1955, стр. 198—202; Н. К. Дмитриев, *Долгие гласные в гагаузском языке*, — там же, стр. 203—207; Б. Г. Гафаров, *К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка*, — «Труды ИЯ АН Туркменской ССР», IV, Ашхабад, 1962, стр. 10, 11; Л. А. Покровская, *Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология*, М., 1964, стр. 30—37.

[9] См. Н. Д. Дьячковский, *О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке*, стр. 10—25.

[10] См. Х. Мухиев, *Нохурский диалект туркменского языка*, автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1959, стр. 4.

فلکدین گر منگا هر لحظه یوز قایغو کیلور اوترو
— — — ◡ — — — ◡ — — — ◡ — — — ◡
اگر هر قایغودین سونگ بیر سیوونماك بار ایماس قایغو
— — — ◡ — — — ◡ — — — ◡ — — — ◡

'Если судьба посылает мне в каждое мгновение сотню печалей, печали нет, коль за каждой печалью будет следовать радость'[11].

Во многих тюркских языках вторичная долгота семасиологизировалась, т. е. стала компонентом дифференциального признака, в некоторых — имела чисто фонетическое значение и постепенно исчезла, например, в говорах татарского языка: *тӯмä* 'пуговица' (< *тӯ̄мä* < *тŏi̯мä*), *сӯлä-* 'говорить' (< *сӯ̄лä-* < < *сŏi̯лä-*), *ӯрäн-* 'учиться' (< *ӯ̄рäн-* < *ŏi̯рäн-*), *ӯ* 'дом' (< *ӯ̄* < *ŏi̯*)[12].

I. 2. Существование первичной долготы в той трактовке ее, которая была изложена в начале данного раздела («пратюркская или общетюркская долгота»), продолжительное время подвергалось сомнению и отдельными тюркологами отрицается вплоть до настоящего времени.

Пионером в области установления наличия первичных долгих гласных в тюркских языках был О. Бётлингк, открывший параллельные факты в длительности гласных у якутов и нижегородских татар[13]. Большая заслуга в этом принадлежит также И. Буденцу, сравнившему отдельные случаи противопоставления долгих и кратких гласных в узбекском, якутском и чувашском языках, ср.:

Узб. (диал.)	Якут.	Чуваш.
āт 'имя'	*āт*	*jат*
ат 'лошадь'	*ат*	*ут*[14]

Наиболее убедительные аргументы в пользу выделения первичных или общетюркских долгих гласных привел в свое время Е. Д. Поливанов, который первым отметил, что при восстановлении пратюркской долготы должны быть учтены туркмено-якутские соответствия[15]. Е. Д. Поливанов назвал вместе с тем языки и диалекты, в которых по его мнению сохранились долгие гласные

---

[11] «*The Mabâni 'l-Lughat being a Grammar of the Turki Language in Persian*», by Mirza Mehdi Khân, Calcutta, 1910, p. 131 («Bibliotheca Indica», publ. by the Asiatic Society of Bengal, ed. Denison Ross, New Series, Nr. 1225).

[12] См. Н. Б. Бурганова, *Особенности говора татар нагорной стороны* ТатАССР, — «Материалы по диалектологии», Казань, 1955, стр. 34, 42, 61.

[13] O. Böhtlingk, *Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch*, SPb., 1851, S. 39.

[14] J. Budenz, *Khivai tatárság*, NyK, IV, Budapest, 1865, p. 316.

[15] Е. Д. Поливанов, *К вопросу об обще-турецкой долготе гласных*, — «Бюллетень 1-го Среднеазиатского гос. университета», Ташкент, 1924, апрель, № 6, стр. 157. См. также: А. П. Поцелуевский, *Диалекты туркменского языка*, Ашхабад, 1936, стр. 9, 31.

общетюркского происхождения, а также языки, в которых количественное различие заменилось качественным [16].

Большой вклад в дело изучения вопроса о пратюркской долготе гласных сделал Л. Лигети, значительно увеличивший список языков со следами разграничения первичных долгих и кратких [17].

Пратюркские долгие на основании учета туркмено-якутских соответствий восстанавливаются в следующих словах [18]:

	Туркм.	Якут.
**ар-* 'уставать', 'худеть'	*ар-*	*ī̄р-*
**ат* 'имя'	*ат*	*ат*
**ач* 'голодный'	*ач*	*ас*
**аш-* 'переходить, переваливать, проходить'	*аш-*	*ас-*
**ā̄н* 'ширина'	*īн*	*iэн*
**īл-* 'вешать, зацеплять(ся)'	*īл-*	*īл-*
**īн* 'нора, берлога', 'гнездо'	*hīн*	*īн*
**ī̄ш* 'работа, дело'	*īш*	*ī̄с* 'рукоделие'
**kал-* 'оставаться'	*ҕал-*	*хал-*
**kан* 'кровь'	*ҕан*	*хан*
**kан-* 'утолять жажду, удовлетворяться'	*ҕан-*	*хан-*
**kар* 'снег'	*ҕар*	*хар*
**kас* 'гусь'	*ҕад*	*хас*
**kаш* 'бровь'	*ҕаш*	*хас*
**kā̄ң* 'широкий'	*гīң*	*кiэң*
**kā̄п* 'форма, шаблон, чучело'	*гā̄п*	*кiэп*
**kā̄ч* 'вечер', 'поздно'	*гīч*	*кiэсэ*
**kīр-* 'входить'	*гīр-*	*кīр-*
**kī̄н* 'ножны'	*ҕī̄н*	*kī̄н*
**kī̄с* 'девушка'	*ҕī̄д*	*kī̄с*

[16] Е. Д. Поливанов, *К вопросу о долгих гласных в обще-турецком праязыке*, ДАН-В, Л., 1927, № 7, стр. 151—152.

[17] L. Ligeti, *Les voyelles longues en turc*, — JA, CCXXX, Paris, 1938, pp. 177—204. Эта же статья была опубликована в 1938 г. в Венгрии (на венгерском языке) и в 1942 г. в Турции (на турецком языке).

[18] Перечни слов с долгими гласными приводятся в работах: M. Räsänen, *Türkische Miszellen*, StO, XXV, 1, Helsinki, 1960, S. 5—19; Н. К. Дмитриев, *Долгие гласные в туркменском языке*, — ИСГТЯ, I, стр. 182—191; Н. К. Дмитриев, *Долгие гласные в якутском языке*, — там же, стр. 192—197; Ф. Г. Исхаков, *Долгие гласные в тюркских языках*, — там же, стр. 160—174; А. Биишев, *«Первичные» долгие гласные в тюркских языках*, Уфа, 1963, стр. 34—46; А. Аннануров, *Туркмен дилиниң эрсары диалектинде узын ве гысга чекимлилериң уланылыш айратынлыклары*, — «Труды ИЯ АН ТССР» IV, Ашхабад, 1962, стр. 207—214.

**кӧ̄к* 'синий, голубой'	*гӧ̄к*	*кӳӧх*
**кӧ̄л* 'озеро'	*кӧ̄л*	*кӳӧл*
**кӧ̄рт* ~ **кӧ̄рӳк* 'кузнечные мехи'	*кӧ̄рӳк*	*кӳӧрт*
**kӯр(у)-* 'сохнуть'	*ҕӯра-*	*kӯр-*
**кӳч* 'сила'	*гӳі̯ч*	*кӳс*
**ōн* 'десять'	*ōн*	*уон*
**ōт* 'огонь'	*ōт*	*уот*
**ӧ̄л* 'сырой, мокрый'	*ӧ̄л (hӧ̄л)*	*ӳӧл*
**ӧ̄с* 'сам'	*ӧ̄д*	*ӳӧс* 'середина'
**ӧ̄т* 'желчь'	*ӧ̄т*	*ӳӧс*
**пāγ-* (*пā-γ-*) 'связывать'	*бāҕ* 'связка'	*бāј-*
**пāј* 'богатый'	*бāј*	*бāј*
**пāр* 'есть, имеется'	*бāр*	*бāр*
**пāш* 'рана, язва'	*бāш*	*бāс*
**пǟл* 'поясница'	*бі̄л*	*бі̄л*
**пǟш* 'пять'	*бǟш*	*біӭс*
**пōр* 'мел, глина'	*бōр*	*буор*
**пӯс* 'лед'	*бӯд*	*бӯс*
**пӯт* 'бедро, нога'	*бӯт*	*бӯт*
**сāγ-* (*сā-γ-*) 'считать'	*ϑāј-*	*āх-*
**сāл* 'плот, судно'	*ϑāл*	*āл*
**сӧ̄к* 'ругать'	*ϑӧ̄к-*	*ӳӧх-*
**сӳт* 'молоко'	*ϑӳі̯т*	*ӳт*
**ϑāј* 'лук'	*јāј*	*сā*
**ϑāл* 'грива'	*јāл*	*сāл* 'жир на загривке'
	—	*сіӭл* 'грива'
**ϑāр* 'овраг', 'крутой берег'	*јāр*	*сі̄р*
**ϑāс* 'весна'	*јāд*	*сāс*
**ϑāс-* 'срываться, промахиваться, ошибаться'	*јāд-*	*сі̄с-*
**ϑāш* 'молодой', 'год жизни'	*јāш*	*сāс*
**ϑǟ-* 'есть, кушать'	*іі̯-*	*сіӭ-*
**ϑǟт-* 'вести на поводу', 'вести за руку'	*і̄т-*	*сіӭт-*
**ϑі̄н* 'тело'	*і̄н*	*сі̄н* (в сочетании *эт-сі̄н*)
**ϑōk* 'нет, отсутствующий'	*јōk*	*суох*
**ϑōл* 'дорога'	*јōл*	*суол*
**ϑōн-* 'тесать, строгать'	*јōн-*	*суор*
**ϑӯрт* 'жилище, стойбище'	*јӯрт* 'страна'	*сӯрт*
**тāл* 'селезенка'	*дāлаk*	*тāл*

*тāл- 'остолбенеть', 'погрузиться в забытье'	*дāл-*	*тāл-*
*тāр 'узкий, тесный'	*дāр*	*тāр*
*тāш 'камень'	*дāш*	*тāс*
*тīт- 'вычесывать, теребить (шерсть)'	*туі̯т-*	*тīт-* 'раздирать на части'
*тā̆- 'говорить'	*діі̯-*	*діэ-*
*тā̆с 1. 'быстрый, скорый'; 2. 'бегать'	*тīд* 'быстро, скоро'	*тіэсін-* 'часто ходить, непрерывно ходить взад и вперед',
*тī̆н- 'дышать', 'жизнь'	*дī̆н-* 'успокаиваться'	*тī̆н* 'дыхание' 'жизнь'
*тīш 'зуб'	*дīш*	*тīс*
*тōл- 'наполняться'	*дōл-*	*туол-*
*тȫр- 'взрыхлять, ковырять, рыть'	*дȫр-*	*тӱӧр-*
*тȫрт 'четыре'	*дȫрт*	*тӱӧрт*
*тȫш 'грудь'	*дȫш*	*тӱӧс*
*тӯс 'соль'	*дӯд*	*тӯс*
*тӱ̄н 'ночь', 'вчера'	*дӱі̯н*	*тӱ̄н*
*тӱ̄р- 'свертывать, завертывать'	*дӱі̯р-*	*тӱ̄р-*
*тӱ̄ш 'сон, сновидение'	*дӱі̯ш*	*тӱ̄л*
*ӱ̄н- 'подниматься, расти'	*ȫн-*	*ӱ̄н-*
*чīγ' 'сырой, невареный'	*чīг*	*сīкэj*

Поразительные совпадения с примерами из туркменского и якутского языков обнаруживаются в материалах южнохорезмского[19] и в особенности иканского и карабулакского говоров узбекского языка, ср.: *āk* 'белый', *āт* 'имя', *āч* (*āш*) 'голодный', *бāр* 'есть, имеется', *ҕāз* 'гусь', *jāз* 'лето', *jōk* 'нет', *jōл* 'дорога', *kāн* 'кровь', *kāр* 'снег', *kī̆з* 'девочка', *kī̆н* 'ножны', *kōk* 'синий', 'зеленый', *kӱ̄з* 'осень', *ōт* 'огонь', *тāш* 'камень', *тӯз* 'соль', *тӱ̄н* 'ночь', *тӱ̄ш* 'сновидение'[20].

Далее могут быть приведены примеры из тофаларского (карагасского) языка, ср.: *ӱі̯ш* 'три', *аі̯ш* 'голодный', *баі̯ш* 'рана', *бэі̯ш* 'пять', *дī-* 'говорить', *дīш* 'зуб', *дӧі̯ш* 'грудь', *дӱ̄н* 'ночь',

---

[19] См. словарь в книге: Ф. Абдуллаев, *Хоразм шевалари*, I, Тошкент, 1961, стр. 16—104. Долгие гласные южнохорезмского говора в основном встречаются в тех же словах, что и в туркменском языке.

[20] См. Е. Д. Поливанов, *Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка*, — ИАН, серия VII, Отделение гуманитарных наук, Л., 1929, № 7, стр. 514, 528—532; К. К. Юдахин, *Некоторые особенности карабулакского говора*, — «Ўзбек диалектологиясидан материаллар», I, Ташкент, 1957, стр. 32—33, 47.

kāc 'гусь', *ōн* 'десять', *таı̯ш* 'камень', *тȫрт* 'четыре'[21]; из западно-анатолийских говоров турецкого языка[22]; из диалектов азербайджанского[23], гагаузского[24] и других языков[25].

Заслуживают особого внимания материалы древних тюркских языков, в которых долгие гласные в отдельных случаях имели свое графическое выражение[26], например, в памятниках рунической письменности: 𐰖𐰍𐰃𐰢 *jāġïм* 'мои враги' (ЕП 25_7), 𐰍𐰴𐰢

[21] См. M. Alexander Castrén's Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre, SPb., 1857; K. H. Menges, *Die türkischen Sprachen Süd-Sibiriens*, III: *Tuba* (*Sojon und Karaγas*), I, CAJ, IV, 2, Wiesbaden, 1959, S. 121—125.

[22] См. Z. Korkmaz, *Batı Anadolu ağızlarında asli vokal uzunlukları hakkında*, — TDAУ, Belleten, Ankara, 1953, s. 197—203. Однако в примерах из западноанатолийских говоров устойчивое сохранение первичной долготы является сомнительным. Любопытно, что М. Н. Оздарендели полностью отвергает возможность наличия долгих гласных в турецком языке, — M. N. Özdarendeli, *Türkçede uzun ünlüler*, — «Turk Dili», c. V, № 54, Ankara, 1956, s. 348—354.

[23] См. Р. А. Рустамов, *О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка*, — «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1960, стр. 86.

[24] См. Б. Г. Гафаров, *К вопросу о фонетических особенностях некоторых гласных гагаузского языка*, стр. 9.

[25] О. Прицак, опираясь на материалы В. И. Филоненко, выделяет группу слов с первичными долгими гласными в балкарском языке: O. Pritsak, *Die ursprünglichen türkischen Vokallängen im Balkarischen*, — «J. Deny armağanı», Ankara, 1958, S. 203—207; В. И. Филоненко, *Грамматика балкарского языка*, Нальчик, 1940, стр. 13. Предварительная проверка соответствующих слов показала, что такое выделение было произведено без достаточных оснований, разумеется, если не принимать в расчет данные других тюркских языков, позволяющие восстанавливать первичные долготы во всех случаях их утраты. См. И. Х. Урусбиев, *Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке*, Черкесск, 1963, стр. 39.]

О долгих гласных в тюркских языках см. также: K. Menges, *Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen*, — AO, XI, 1, Praha, 1939, S. 16—20; A. C. Emre, *Türkçede uzun vokaller*, — «Türk dili», seri III, № 10—11, İstanbul, 1948; Takeuchi Kazuo, *On the long vowels in turkic languages*, — «Gengo Kenkyu», Tokyo, 1957, pp. 43—59 (к сожалению, содержание этой работы нам неизвестно); К. Дыйканов, *Кыргыз тилиндеги үндүүлөр*, Фрунзе, 1959, стр. 50—63.

[26] Проблеме долгих гласных в памятниках рунической и уйгурской письменности посвящена статья О. Н. Туна, в которой наряду с вполне определенными приемами обозначения долгот называются и весьма сомнительные, например, специальная графическая передача любых гласных в рунических текстах (как известно, гласные *о*, *ӧ*, *у*, *ӱ*, *ï*, *i* в первом слоге всегда обозначаются независимо от того, долгие они или нет). — См. O. N. Tuna, *Köktürk yazılı belgelerinde ve uygurcada uzun vokaller*, — TDAУ, Belleten, Ankara, 1960, s. 213—282. Напротив, К. Дыйканов считает, что вообще нет никаких оснований говорить о наличии долгих гласных в древнетюркском языке. См. К. Дыйканов, *Кыргыз тилиндеги үндүүлөр*, стр. 54.

āтїм ʽмое имя’ (ЕП 32_{16}), 𐰉𐰀𐰖 *бāј* ʽбогатый’ (ЕП 39_{6}), 𐰖𐰀𐰽 *јāш* ʽгод’ (при указании на возраст; ЕП 45_{2}), 𐱃𐰀𐰽 *тāш* ʽвнешняя сторона’ (ЕП 45_{4}), 𐰀𐰲𐰾𐰚 *āчсїк* ʽголодный’ (КТм$_{8}$), *ē̄лт-* ʽтащить, уводить’ (КТб$_{23}$), 𐰀𐰺𐰴𐰑𐰀 *āрkада* ʽсзади’ (Тон$_{5}$) (соответствующий краткий гласный, как правило, графически не обозначен); ср. в первом томе дивана Махмуда Кашгарского: اٰتْ *āт* ʽимя’ (78), اٰچْ *āч* ʽголодный’ (79), اٰذْ *ē̄д* ʽдобро’ (79), اٰرْ *āр* ʽкаштановый, оранжевый’ (79), اٰزْ *āз* ʽмало’ (80), اٰزْ *āз* ʽгорностай’ (80), اٰشْ *āш* ʽеда, пища’ (80), اٰغْ *āҕ* ʽпромежность’ (80), اٰوْ *āв* ʽохота’ (81), اٰقْ *āk* ʽбелый’ (81), اٰلْ *āл* ʽрозовый, алый’ (81), اٰلْ *āл* ʽхитрость’ (81), اٰيْ *āј* ʽлуна’ (82); ср. также удвоенное обозначение долгих гласных в текстах уйгурского и манихейского письма: *ō̄з-* ʽспасаться, избавляться’ (Man III 40_{2}), *јӯл* ʽисточник, ручей’ (Suv 529_{4}); *јē̄л* ʽветер’ (Suv 617_{3}; Uig II 39_{90}), *ōт* ʽогонь’ (Man III 23_{1}; Suv 316_{22}; TT $I_{19,70}$; Uig I 9_{4}), *јӯз* ʽлицо’ (TT VII 23_{6}), *кӯн* ʽсветило, солнце’ (TT VII 40_{121}), *кӯ* ʽслава’ (Uig I 19_{13}), *бӯ* ʽэтот’ (QBH 23_{24}), *ō̄ч* ʽместь, ненависть, злоба’ (Suv 417_{2}), *ӯл* ʽоснование, подошва’ (Suv 450_{16}; ЮгА$_{341}$), *ō̄л* ʽсырой, свежий (о фруктах)’ (QBN 213_{13}), *сӯ* ʽвойско’ (Uig II 69_{5}; Suv 89_{20}), *тōз* ʽпыль’ (TT III_{27}), *тōр* ʽсеть’ (Suv 123_{2}), *кӯ-* ʽохранять, оберегать’ (Ṭiš 50a), *kōр* ʽвред, ущерб’ (Suv 342_{8}), *kōш* ʽпара’ (Suv 32_{15}), *kōш-* ʽсоединять, добавлять’ (QBH 125_{42}), *kōл* ʽрука’ (Suv 369_{9}), *kōлї̈чак* (*kōл-ї̈чак*) ʽручка, ручонка’ (Uig III 64_{13}), *јӯ* ʽсок’ (Rach I_{153}), *мī* ʽпостоянно, всегда’ (TT III_{96}).

Наконец, примечательно совпадение долгих гласных в туркменском и якутском языках, с одной стороны, и в венгерском языке — с другой, в словах, заимствованных из тюркских языков, ср.:

Венг.	Туркм.	Якут.
ál ʽложный’	*āl* ʽложь’	—
gyász ʽтраур’	*јāϑ*	—
kék ʽсиний’	*гӧ̄к*	*кӱӧх*
sár ʽгрязь’	*ϑāд* ʽболото’	—
sárga ʽжелтый’	*ϑāрї̈ꞔ*	—
szál ʽплот, барка’	*ϑāл*	*āл*
szám ʽчисло’	*ϑāн*	*āх-* ʽсчитать’ и т. д.[27].

[27] См. M. Räsänen, *Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im ungarischen*, — FUF, XXIV, Helsinki, 1937, s. 246—255.

В пользу точки зрения, высказанной О. Бётлингком, Е. Д. Поливановым и Л. Лигети, свидетельствуют не только приведенные выше параллели с долгими гласными из разных тюркских и нетюркских языков. Важное значение имеют факты к а ч е с т в е н н о г о отражения количественных различий.

Так, в тувинском языке пратюркские долгие не подверглись фарингализации и совпали с краткими, тогда как краткие, за исключением особых случаев, обусловленных действием позиционных или комбинаторных факторов, оказались фарингализованными [28].

Несомненно наличие связи между пратюркской долготой и озвончением последующих смычных согласных перед гласными аффиксов в турецком языке [29], например: *оду* ‘его огонь’, *от* ‘огонь’ (< **ōт*; ср.: *оту* ‘его трава’, *от* ‘трава’ < **от*), *адї* ‘его имя’, *ат* ‘имя’ (< **āт*; ср. *атї* ‘его лошадь’, *ат* ‘лошадь’ < **ат*), *гӱјӱ* ‘его сила’, *гӱч* ‘сила’ (< **кӱ̄ч*), *kабї* ‘его сосуд, чехол, тара’, *kап* ‘сосуд, чехол, тара’ (< **kāп*), *гӧгӱ* ‘его небо’, *гӧк* ‘небо’ (< **кӧ̄к*), и в абсолютном конечном положении в азербайджанском языке, ср.:

д (слабый, полузвонкий)	*т* (сильный, с придыханием)
ад ‘имя’ (< **āт*)	*ат* ‘лошадь’ (< **ат*)
буд ‘бедро’ (< **пӯт*)	—
гӱд- ‘следить, преследовать’ (< **кӱ̄т-*)	—
дад ‘вкус’ (< **тāт*)	—
дїд- ‘теребить, трепать’ (< **тї̄т-*)	—
—	*іт* ‘собака’ (< **їјт*)
јад ‘чужой’ (< **ϑāт*)	*јат-* ‘лежать’ (< **ϑат-*)
од ‘огонь’ (< **ōт*)	*от* ‘трава’ (< **от*)
ӧд ‘желчь’ (< **ӧ̄т*)	*ӧт-* ‘проходить’ (< **ӧт-*)
сӱд ‘молоко’ (< **сӯт*)	—
уд- ‘глотать’ (< **ϑӯт-*)	—
уд- ‘выиграть’ (< **ϑӯт-*)	—
ҕаб ‘посуда’, ‘сосуд’ (< **kāп*)	*ҕап-* ‘хватать, кусать’ (< **kап-*)
дїб ‘дно’ (< **тї̄п*)	—

[28] См. А. М. Щербак, *О тюркском вокализме*, — «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 26—28.

[29] Впервые эта связь была установлена В. Грёнбехом: V. Grönbech, *Forstudier til tyrkisk lydhistorie*, Köbenhavn, 1902. Подробное изложение в журн. «Keleti Szemle», (IV, Budapest, 1903, стр 230)

таб ʽмочь, сила’ (< ? перс.)	*тап-* ʽнаходить’ (< **тап-*)
—	*чап-* ʽскакать’ (< **чап-*)
—	*чӧп* ʽсоломинка, палочка’ (< **чӧп*)
ij ʽверетено’ (< **ī к*)	—
гӧj ʽсиний, голубой’ (< **кӧ̄к*)	*кӧк* ʽкорень’ (< **кӧк*)
—	*чӧк-* ʽопускаться, приседать’ (< **чӧк-*)
сӧj- ʽругать, бранить’ (< **сӧ̄к-*)	*сӧк-* ʽраспарывать’ (< **сӧк-*)
аǰ ʽголодный’ (< **ā ч*)	*ач-* ʽоткрывать’ (< **ач-*)
гэ̌ǰ ʽпоздно’ (< **кā̈ч*)	*кӭч-* ʽпроходить’ (< **кäч-*)
гӱ̄ǰ ʽсила’ (< **кӱ̄ч*)	—
уǰ ʽконец’ (< **ӯч*)	*уч-* ʽлетать’ (< **уч-*)

Обнаруживается также связь между первичной долготой и появлением звука *з* (*д*), развившегося в чувашском языке в *р*. В огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках *з* (*д*) появился вследствие ослабления *с*, вызванного наличием первичной долготы у предшествующего ему гласного, ср.:

Чуваш.	Кирг.	Туркм.	Якут.
варă ʽсередина’	*ӧз* ʽсам’	*ӧ̄д* ʽсам’	*ӱöс* ʽсередина’
кĕр ʽосень’	*кӱз*	*гӱ̄i̯д*	*кӱс*
хур ʽгусь’	*kаз*	*ҕāд*	*хāс*
хĕр ʽдевушка’	*kïз*	*ҕї̄i̯д*	*kї̄с*
пір ʽбязь’	*бӧз*	*бī д*	—
пăр ʽлед’	*муз*	*бӯд*	*бӯс* (*мӯс*)
шур ʽболото’	*саз*	*ϑāд*	—
ćур ʽвесна’	*ǰаз*	*jāд*	*сāс*
ćĕр ʽсто’	*ǰӱз*	*jӱ̄д*	*сӱ̄с*
чĕр ʽколено’	*тізӭ*	*ðї̄д*	—
тăвар ʽсоль’	*туз*	*ðӯд*	*тӯс*

Аналогичная связь может быть установлена между первичной долготой и появлением в чувашском языке вторичного *л* (< **ж* < **ш*), ср.:

Чуваш.	Туркм.	Якут.
пілĕк ʽпять’	*бā̆ш*	*біэс*
ćул ʽслеза’	*jāш*	—
тĕл ʽоколо, мимо’	*ðӯш*	*тус* ʽпротивоположная сторона’

тĕл 'место, место встречи' (ср. *тĕл пул-* 'встречаться')	*дӯш-* 'встречаться'		—
тĕлĕк 'сон, сновидение'	*дӯі̯ш-*	*тӯл*	
тул- 'переливаться через край, выходить из берегов'	*дāш-*		—
чул 'камень'	*дāш*	*тāс*	
шăл 'зуб'	*дīш*	*тīс*	

Другое «качественное» свидетельство в пользу существования пратюркских долгих — противопоставление *ӓ/ӭ* в азербайджанском языке: *ӓ* восходит к **ӓ*, *ӭ* — к **ӓ̄*, ср.:

ӭл 'страна, народ, административная единица' (< **ӓ̄л*)	*ӓл* 'рука' (< **ӓл*)
бӭз- 'испытывать отвращение' (< **пӓ̄с-*)	*ӓс-* 'дуть' (< **ӓс-*)
сӭз 'чувствовать' (< **сӓ̄с-*)	*кӓс-* 'резать' (< **кӓс-*)
јӭң 'рукав' (< **ϑӓ̄ң*)	*тӓн* 'равный' (< **тӓң*)
вӭр- 'давать' (< **пӓ̄р-*)	*сӓр-* 'расстилать' (< **сӓр-*)
бӭл 'поясница' (< **пӓ̄л*)	*гӓл-* 'прийти' (< **кӓл-*)

Данный признак иногда находится в противоречии с другими признаками, ср. азерб. *ӓз-* 'давить, мять', *гӓз-* 'гулять' (учитывая наличие *з* следовало бы ожидать *ӭз-* и *гӭз-*), *ӓр* 'мужчина', *гӓмі* 'судно, корабль' (ср. туркм. *ӓ̄р*, *гӓ̄мі* с долгим *ӓ̄*, которому в азербайджанском языке обычно соответствует *ӭ*), но это говорит лишь о том, что фонетическая эволюция долгих гласных была многообразной, и в азербайджанском языке совместились разные диалектные типы.

Совершенно своеобразно отразилось существование первичных долгих гласных в кыпчакских языках, в которых утрата общетюркской оппозиции долгих и кратких вызвала региональную фонологизацию признака краткости/сверхкраткости.

Опираясь на все изложенное, можно прийти к совершенно определенному выводу о наличии на стадии праязыка общетюркской количественной оппозиции гласных. Приведенные выше факты позволяют также сделать вывод о том, что противопоставление первичных долгих и кратких гласных уже на протяжении значительного периода времени не образует цельной системы.

Процесс стирания или качественной трансформации первичной долготы охватил в той или иной мере все тюркские языки,

поэтому в ряде слов первичные долгие гласные, или дифтонги, сохранились только в туркменском, или только в якутском, или в каких-либо других языках, ср.:

Туркм.

ā̄в 'охота', 'дичь'
ā̄ɧ- 'наклоняться', 'переходить через какой-либо предел'
ā̄д 'мало'
ā̄д- 'сбиваться с пути'
ā̄j 'луна'
ā̄к 'белый'
ā̄л 'обман'
ā̄л 'светло-красный'
ā̄рт 'зад, задняя часть'
ā̄ϑ 'ящерица'
ā̄р 'мужчина'
ā̄т- 'шагать'
бо̄л- 'делить'
бӯɧ 'пар'
ɧā̄j- 'носиться по поверхности, скользить'
ɧā̄п 'мешок, сумка'
ɧā̄р- 'мешать, смешивать'
ɧā̄ш 'лука седла'
ɧī̄р 'серый'
ɧо̄л 'низина, овраг'
ɧо̄р 'горящий уголь, жар'
ɧӯрт 'волк', 'червь'
гā̄р 'палевый'
го̄н 'выделанная кожа'
гӯ̆ід 'осень'
гӯ̆іл- 'связать четыре конечности'
дā̄т- 'вкушать, пробовать'
дā̄ш- 'переливаться через край, выходить из берегов'
дī̄д 'колено'
до̄н 'халат, одежда'
до̄р 'гнедой'
до̄н- 'возвращаться', 'переворачиваться', 'обращаться'
дӯл- 'сторона кибитки'
дӯш 'около, мимо'
дӯш- 'встречаться'
дӯ̆іп 'дно'
дӯ̆іт 'дым'
ī̄д 'след'
ī̄к- 'идти по ветру'
īк- 'веретено'
īл 'страна, народ'
īн- 'сходить, спускаться'
ī̄р 'рано'
ī̄р- 'испытывать отвращение'
īш- 'вить, скручивать'
jā̄ɧ 'масло, жир'
jā̄д- 'расстегивать, распутывать'
jā̄j- 'раскатывать (о тесте)'
jāн 'бок, сторона'
jā̄р- 'рубить, разбивать, резать'
jāт 'чужой'
jāш 'слеза'
jӯт- (*jувут-*) 'глотать'
нā̄ 'что'
о̄j 'мысль, дума'
о̄j- 'долбить'
о̄р- 'плести'
о̄ч 'месть', 'злоба'
ϑā̄ɧ 'здоровый'
ϑā̄д 'болото'
ϑī̄н 'проверка'
ϑī̄н- 'ломаться, разбиваться'
ϑо̄л 'левый'
ϑо̄р- 'сосать'
ϑӯр 'серый'
ϑӯ̆і- 'растягивать'
тā̄j 'сторона'
тā̄j- 'скользить'
тā̄л 'тальник'
тā̄м 'комната'
тā̄ң 'удивительный, необычный'

тāп 'состояние, сила' [30]
тīр- 'собирать'
тōд 'пыль'
тӧ̄р 'почетное место'
ӯк 'жерди, на которых держится верх кибитки'
ӯн 'мука'
ӯч 'конец'
ӱ̄і̯н 'звук, голос'
ӱ̄і̯р- 'лаять'
чāҕ 'время'
чāл 'седой, серый'
чāш- 'теряться, опешить'
чāк 'граница, рубеж'
чīҕ 'мокрый, влажный'
чīш 'вертел'
чīш 'нарыв, опухоль'
чōј- 'греть, согревать'
чӧ̄р 'овечий, козий помет'

Якут.

āн 'начало, начальный'
āр 'лучший в своем роде, чистый, священный'
бīс 'загородка, межа'
біэр- 'давать'
бīр 'один'
буол- 'быть, становиться'
бӱӧс- 'замерзать'
īр- 'раскалывать, разъединять'
īт- 'посылать, отпускать'
іэх- 'гнуть, сгибать'
īр- 'свертываться (о молоке)'
īт- 'заряжать ружье'
kīм 'искра'
kīс- 'накаляться, краснеть'
kуот- 'избегать, бежать, опережать'
kӯс- 'обнимать'
кіэн 'украшение'
кīн 'пупок'
кīс 'соболь'
кӱ̄р- 'возбуждаться, подниматься, напрягаться'
кӱ̄т- 'ожидать'
мīн- 'садиться верхом'
мōј 'шея'
ōл (уол) 'он'
сāн- 'угрожать'
сāт 'стыд'
сāх 'помет, кал, шлак'
сīл- 'двигаться, ползти'
сīӊ 'сопля'
сіэл- 'бежать рысью'
сіэх 'рукав'
сīк 'шов'
сīр- 'прорывать, разрывать'
сӯј- 'мыть'
сӱ̄ј- 'терять, лишаться'
сӱӧк 'шерсть в конце бычьего penis'а'
сӱӧр- 'развязывать, распутывать'
сӱ̄с 'лоб', 'сто'
тāл 'селезенка'
тīт 'лиственница'
тӯн 'первенец'
туој 'глина'
туор- 'тощать'
туос 'береста'
тӯр- 'выдергивать'
тӱӧн 'прижигательный трут'
ӯн- 'вытягивать, протягивать руку'
уоп- 'брать в рот'
ӯр- 'класть, ставить'
ӯс 'мастер'
ӱӧј- 'не забывать, держать в уме'

---

[30] Такие слова, как *тāп* 'состояние, сила', *тāм* 'крыша' и некоторые другие, возможно, не являются тюркскими по происхождению.

ӱӧт- 'ворковать'
ӱ̄р- 'гнать'
ӱ̄с 'соболь, куница, рысь'
ӱ̄сӓ̄ (*ӱӧсӓ*) 'вверх'
ӱ̄т 'дыра, отверстие'
хо̄ј 'подмышечная пазуха'

Тур. (диал.) [31]

бо̄з- 'портить'
гэ̄т- 'уходить'
го̄з 'глаз'
гӱ̄н 'день'
ја̄з 'писать'

Гагауз.

бо̄з 'серый' *со̄з* 'слово'

Койб.

ко̄с- 'добавлять'

Туркм. (диал.)

ҕо̄н- 'садиться, спускаться (о птицах)'.

II. Противопоставление кратких (нормальных) и сверхкратких гласных, отмечаемое главным образом в чувашском и кыпчакских языках, осуществляется в такой форме, когда количественный момент не является единственным признаком, конструирующим фонологическую оппозицию, а выступает в тесном взаимодействии с определенными качественными данными. Это взаимодействие выразилось в некотором расширении сверхкратких гласных и в ослаблении их артикуляции. В чувашском языке и отдельных говорах татарского языка качественная трансформация сверхкратких достигла максимальных размеров: образовались редуцированные гласные, различающиеся только по признаку ряда (твердорядные / мягкорядные).

Здесь необходимо отметить, что в тюркских языках длительность гласных тесно связана со степенью подъема языка. Узкие гласные обычно более краткие, чем широкие, и они в наибольшей мере подвержены качественным изменениям [32]. Так, в якутском языке, согласно данным Н. Д. Дьячковского, узкие гласные в закрытом слоге типа $C+Г+C$ короче широких в среднем на 2,9 σ, в закрытом слоге типа $Г+C$ — на 2,3 σ, в от-

---

[31] По материалам, приведенным в статье З. Коркмаз.

[32] Ср. предположение В. А. Богородицкого о том, что *ӧ* и *ӱ* в тюркском праязыке имели задатки неодинаковой длительности (**ӧ* в тарском, ишимском, тобольском, туринском и тюменском говорах сузился в *ӱ̄*, а **ӱ* отражается в виде *ӱ*): В. А. Богородицкий, *О долгом и недолгом ӱ в западно-сибирских тюркских диалектах и сродных явлениях в других тюркских языках*, — ДАН-В, Л., 1927, стр. 75—78.

крытом слоге — на 1,3 σ[33]. В казахском языке это различие более значительное, ср.: *іт* 'собака' (18,3 σ), *эт* 'мясо' (25,9 σ), *от* 'трава' (27,2 σ), *ат* 'брось' (33,7 σ), *ат* 'лошадь' (38,8 σ)[34]. В татарском языке длительность узких гласных относится к длительности широких в целом как один к двум[35]. В туркменском языке средняя длительность узких — 8 σ, широких и полушироких — около 15 σ[36]. Очень краткими являются узкие гласные также в уйгурском[37] и гагаузском[38] языках.

Как уже указывалось выше, противопоставление кратких (нормальных) и сверхкратких гласных обнаруживается почти исключительно в тех тюркских языках, в которых исчезли пратюркские долготы и отсутствуют так называемые вторичные долгие, образующиеся в результате выпадения согласных и слияния кратких (нормальных) гласных. К таким тюркским языкам относятся прежде всего башкирский, казахский, каракалпакский, ногайский, татарский и чувашский [39].

III. Помимо устойчивой долготы и краткости гласные в тюркских языках могут иметь долготу и краткость непостоянную, находящуюся в большой зависимости от комбинаторных и позиционных условий. Колебания количества обусловлены отношением к ударению (ударные гласные имеют бóльшую длительность, чем безударные), структурой слога (в открытых слогах гласные более долгие, чем в закрытых), а также характером последующих согласных (перед щелевыми согласными гласные более долгие, чем перед смычными)[40]. Да-

---

[33] Н. Д. Дьячковский, *Длительность якутских гласных в односложных словах*, стр. 58.

[34] У. Ш. Байчура, *Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк*, ч. I, Казань, 1959, стр. 94. См. также В. М. Шварцман, *Сходства и различия в системе гласных французского и казахского языков*, — «Труды Казахского гос. университета», I, Алма-Ата, 1960, стр. 65.

[35] У. Ш. Байчура, *Звуковой строй татарского языка*, стр. 59.

[36] Там же, стр. 89.

[37] См. А. Кайдаров, Ғ. Сәдвақасов, Т. Талипов, *Һазирқи заман уйғур тили*, I қисим, *Лексика вә фонетика*, Алмута, 1963, стр. 195, 196, 234.

[38] См. Л. А. Покровская, *Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология*, стр. 46.

[39] См. В. А. Богородицкий, *О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте*, — «Вестник научного об-ва татароведения», № 8, Казань, 1928, стр. 115, 116.

[40] См. П. Е. Кузнецов, *Продолжительность гласных в живом узбекском языке*, — сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 430—434; Г. Шараф, *Сонорная длительность татарских гласных*, — «Вестник научного об-ва татароведения», № 8, Казань, 1928, стр. 189 и сл.; У. Ш. Байчура, *Звуковой строй татарского языка*, стр. 54, 59; Т. Талипов, *Сонорная длительность казахских и уйгурских гласных (акустико-артикуляционная характеристика и описание их сонорной длительности по данным слуховых наблюдений)* (ру-

лее, узкие гласные подвергаются более или менее сильному стяжению перед *ш* и глухими смычными согласными, ср. узб. *тӥш* ʽзуб’, *тӱш* ʽслезай’; уйг. *кӥш* ʽзима’, *чӱш* ʽсон’, *чӥ*ш ʽзуб’, *кӱш* ʽптица’; туркм. *ӥт* ʽсобака’[41]; перед *з* (*д*), ср. туркм. *бӥд*, узб. *бӥз* ʽмы’; перед *л*. Все эти случаи носят, однако, частный характер. Особая разновидность позиционной длительности широких гласных наблюдается в первом слоге многосложного слова.

копись); Н. Д. Дьячковский, *Длительность якутских гласных в односложных словах*, стр. 64.

[41] В этом положении узкие гласные нередко оглушаются. См. Е. Д. Поливанов, *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, стр. 100.

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

С. М. Абрамзон

ИЗ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗОВ

Среди этнических групп киргизов особое место занимает одна из наиболее древних — группа *дёёлёс* [*тёёлёс*]. Хотя по существующей родо-племенной структуре ее относят к числу южнокиргизских групп, объединяемых общим названием *ичкилик*, некоторые знатоки генеалогий из стариков дёёлёсцев считают, что группа *дёёлёс* — самостоятельного происхождения. Ее предком называют Кызыл-уула — старшего сына легендарного родоначальника киргизов Долон-бия (или Доолан-бия), брата Агуула (Ак-ул) и Кубула (Куу-уул), с именами которых связывают возникновение деления на два «крыла»: правое (*оң*) и левое (*сол*).

Группа *дёёлёс* расселена на нескольких удаленных друг от друга территориях: в ряде селений Джеты-Огузского района (Прииссыккулье), в колхозе «Пограничник» Ат-Башинского района (Тянь-Шань) и в нескольких селениях Янги-Наукатского и Уч-Курганского районов Ошской области.

В 1953 г., во время работ этнографического отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции, нам удалось записать рассказ об обстоятельствах появления предков этой группы в Прииссыккулье. По словам Султана Кыдыралиева (65 лет, сел. Ангёстён Джеты-Огузского района), сыном Кызыл-уула был Кыпчак, от Кыпчака произошел Дёёлёс, а от последнего — Толуман. У Толумана насчитывалось девять сыновей и одна дочь. Однажды калмыцкий хан потребовал, чтобы Толуман выдал за него свою красавицу дочь и заодно отдал своего знаменитого гнедого жеребца Тору-айгыра. Этого коня считали духом-покровителем (*Камбарата*) всех лошадей. Он охранял табуны от болезней, особенно сапа, и поэтому у Толумана было много лошадей.

Толуман выполнил требование хана и отправил ему дочь на Тору-айгыре. Лишившись дочери и коня, Толуман обеднел,

его табуны стали гибнуть от болезней. Тогда ему посоветовали добыть хотя бы один волос из гривы Тору-айгыра. Через два года Толуман послал к дочери своего младшего сына по имени Чулум-кашка. Тот однажды незаметно отрезал немного волос от челки Тору-айгыра и сплел из них недоуздок. После этого среди лошадей Толумана прекратился падеж. Когда калмыцкий хан узнал об этом, он приказал схватить юношу, но тот убежал и добрался до Иссык-Куля. Здесь он женился. Его потомками и считаются живущие здесь дёёлёсцы.

С тех пор у дёёлёсцев существует обычай: когда отдают девушку замуж, ее не сажают на гнедую лошадь и не дают в приданое коня этой масти.

Продолжая свою работу, названный отряд в 1955 г. побывал на юге Киргизии в селениях, где живут киргизы, относящие себя к той же группе *тёёлёс*. Среди них — селение Толаман Янги-Наукатского района. Собравшиеся на беседу старики рассказали, что одним из сыновей их предка Толамана был Чулум-кашка, но о предании, бытующем в Прииссыккулье, они услышали впервые.

В селении Толаман от Ашима Досматова (73 лет) мы записали другую историю, связанную с ближайшим предком жителей этого селения Калчабаем.

Калчабай был беден. Однажды после дождя Калчабай взошел на бугор, чтобы полюбоваться радугой. Видит, на бугре лежит новорожденный жеребенок, а рядом нет даже лошадиного следа. Калчабай вернулся домой, зарезал овцу и устроил угощение (*кудайы*). После этого опять пришел на бугор и на том же месте увидел гнедого жеребца Тору-Кашка, окруженного девятью кобылицами. Снова Калчабай устроил угощение и в третий раз поднялся на бугор. Там уже было много лошадей. Тору-Кашка, у которого на бедре была белая отметина в форме луны (*ай тамга*), а на лбу белое пятно, скакал посреди бесчисленных табунов. Так Калчабай стал богатым.

У Калчабая была единственная дочь. Ее засватали в соседний род *Саруу*. Но знатный человек, за которого должна была выйти девушка, потребовал, чтобы она приехала на Тору-Кашка, и Калчабаю пришлось отдать жеребца. Его табуны начали гибнуть, а люди его рода умирать. Калчабай решил любым способом вернуть Тору-Кашка, но это ему не удалось. Тогда один человек по его поручению убил жеребца, а его голову доставил Калчабаю. С тех пор удача вернулась к Калчабаю.

Тору-Кашка называли духом-покровителем лошадей (*Камбарата* или *Жылкынын камбары*). Все роды, близкие к роду Калчабая (*Додон*, *Кенжетукум и Дукён*), развели лошадей от Тору-

Кашка, еще в те времена, когда им владел Калчабай. С тех пор эта группа родов стала носить название *ай тамга*.

И действительно, главной подгруппой *тёёлёс* считают *ай тамга*. К остальным принадлежат *меркит*, *мўркўт*, *герейит*, *шорон*.

Сходство сюжетов обоих преданий свидетельствует об исконных генетических связях между ныне изолированными частями группы *дёёлёс*. На основании некоторых деталей, содержащихся в этих преданиях и в их вариантах, можно предположить, что предки прииссыккульской группы дёёлёсцев пришли на Иссык-Куль с юга, по всей вероятности, в середине XVIII в. В свою очередь южнокиргизские тёёлёсцы предполагают, что их предки являются выходцами из южной части современного Синьцзяна.

В записанных преданиях обращают на себя внимание любопытные пережитки представлений о духах — покровителях животных (в данном случае — лошадей), а также о магических силах, заключенных не только в самом животном, но и в отдельных частях его (голове, шерсти, крови и т. д.). Эти следы домусульманских верований вполне согласуются с другими данными о древнем мировоззрении киргизов.

Г. Ф. Благова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ *БАБУР-НАМЕ* В РОССИИ

Интерес к *Бабур-наме*, выдающемуся произведению мемуарной литературы средневековья, как к историческому источнику, начал проявляться на Востоке еще при жизни автора Захир эд-дина Мухаммеда Бабура [1], и именно стремлением ознакомить с этим произведением более широкие круги людей просвещенных была вызвана работа по переводу *Бабур-наме* на персидский язык [2].

На Запад сведения о Бабуре и его мемуарах проникли в XVII в.[3], а с конца 20-х годов XIX в. ориенталисты Европы

[1] См. об этом: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Хондамир и «Записки» Бабура*, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963; ср. также *Histoire de la Grande Bukharie, par Mouhammed Youssouf el Mounschi*, — в кн.: J. Senkowski, *Supplement à l'histoire générale des huns, des turks et des mogols...*, St.-Pbg., 1824, p. 9 sq.). Об использовании языковых материалов *Бабур-наме* персидским историком и филологом XVIII в. Мирзой Махди Ханом при составлении чагатайско-персидского словаря см.: K. H. Menges, *Das Čaγatajische in der persischen Darstellung von Mīrzā Mahdī Xān*, — «Abhandlungen des geistes- und socialwissenschaftlichen Klasse [der Akademie der Wissenschaft und Literatur]», 1956, № 9, Wiesbaden, 1957, S. 646.

[2] Персидский перевод *Бабур-наме*, по признанию А. Н. Самойловича имеющий наибольшее распространение, был выполнен Абдур-Рахимом Хан Хананом и представлен императору Акбару в 998/1590 г. (см. H. M. Elliot, *The history of India, as told its own historians*, IV, London, 1872, p. 218). По-видимому, коренную рукопись этого перевода описывал Камол Айни («Вопросы литературы», 1964, № 6, стр. 251) среди экспонатов Национального музея Индии в Дели; отмечая, что список этот «выполнен Хани Ханан», он ошибочно датирует его 1530 годом и относит ко времени Хумаюна. Более старый период *Бабур-наме* выполнен совместно Мирзой Паянде-Хасаном и Мухаммедом Кули (см. F. Teufel, *Bâbur und Abû l-Fazl*, — ZDMG, Bd 37, 1883, S. 141), а первый по времени персидский перевод осуществлен Шейхом Зейн эд-дином через три года после смерти Бабура.

[3] См., например: D'Herbelot, *Babur ou Babor*, — «Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient», Paris, 1697, p. 163.

вновь и вновь обращались к *Бабур-наме* — то к переводу его на западноевропейские языки, то к исследованию в связи с проблемами истории, источниковедения, филологии.

В России, сопредельной с описываемыми в *Бабур-наме* районами Востока, неизменный интерес правительственных кругов к этим районам, поддерживаемый и историческими фактами попытки Бабура завязать торговые и дипломатические отношения между его державой — Индией — и Россией [4], своеобразно преломлялся в ученой среде. Свидетельством того, что легенда о былом контакте с Бабуром была жива на Руси, может служить использованное И. С. Тургеневым в повести «Пунин и Бабурин» предание о происхождении Бабурина, «восточный склад» облика которого в повести подчеркивается особо: «по другим известиям, родоначальником Парамона Семеныча (Бабурина. — *Г. Б.*) был некий индийский шах Бабур Белая Кость» [5], причем как раз о Бабурине Тургенев говорил в беседе с Н. А. Островской, что он «списан с живого лица».[6] Показательно также существование в русской личной ономастике фамилий *Бабурин*, *Бабуров*, *Забабурин*, *Бабурченок*, *Бабура*, прозвища *Бабурка*, а в топонимике — пустошь *Нижнее Бабурино* [7], *Бабуринский хутор* [8], сельцо *Бабурино* [9]; деревни под названием Бабурино существуют и в настоящее время неподалеку от г. Мурома и г. Киржача.

Приглашенный в Россию для службы в Коллегии иностранных дел (в его функции входила переводческая деятельность и «обучение молодых людей в восточных языках») крупный знаток ближневосточных (в особенности — арабского) языков Георг-Якоб Кер (1692—1740) [10], стремясь усовершенствовать свои познания в чагатайском языке, занялся переписыванием *Бабур-наме*, которое и закончил в 1737 г., с имевшейся у него рукописи, сведений о которой не сохранилось. Сам Кер «не делает никаких существенных замечаний о рукописи, с которой он сделал свой

[4] См. об этом: «Полное собрание русских летописей», т. 8, ч. VII, СПб., 1859, стр. 280; В. А. Уляницкий, *Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв.*, кн. 3, М., 1889, стр. 3.

[5] И. С. Тургенев, Собр. соч., т. 8, стр. 219. На этот литературный факт в свое время автору любезно указал ныне покойный проф. Н. К. Дмитриев.

[6] «Тургеневский сборник», под ред. Н. К. Пиксанова, Пг., 1915, стр. 132.

[7] «Писцовые книги XVI в.», ч. I, СПб., 1872, стр. 882.

[8] «Список населенных мест Владимирской губернии», 1896, № 293; ср. *Russisches geographisches Namenbuch*, hrsg. von M. Vasmer, Wiesbaden, 1962, стр. 222.

[9] «Списки населенных мест (Владимирская губерния)», СПб., 1863, стр. 126. Автор благодарит В. И. Тагунову за пополнение имевшихся в нашем распоряжении сведений о топонимах указанного типа.

[10] П. Пекарский, *История Имп. Академии наук*, т. I, СПб., 1870, стр. 313, 314 (далее — Пекарский).

список; упоминает только, что она заключала 420 листов; на конце его списка слова по-арабски: окончена 1126 года (хиджры / 1714 г. — *Г. Б.*), по всей вероятности, указывают год написания коренной рукописи. Впрочем, по орфографическим приемам и некоторым значкам, которые Кер старался удержать в своем списке, должно полагать, что коренная рукопись написана в Мавераннахре» [11].

Снабдив часть списанного им текста *Бабур-наме* латинским переводом, Г.-Я. Кер предполагал впоследствии перевести это произведение до конца, для чего вклеил в свой список чистые белые листы [12]. Основываясь на анализе этого латинского перевода, Н. И. Ильминский делал вывод, что Кер «не вполне знал джагатайское наречие. Хотя повсюду видны признаки добросовестной и заботливой копировки, Кер, по местам не разобрав слов, не могши угадать их по смыслу, должен был писать наобум какие-то неявственные черты; его непривычное к джагатайской грамоте перо не могло не делать ошибок и упущений» [13]. Следует, однако, заметить, что переписывание *Бабур-наме* и перевод части его текста — не первый опыт Г.-Я. Кера в области работы над памятниками «чагатайского» языка: еще в 1733 г. он собственноручно снял копию списка «Родословной тюрок», а также перевел это произведение на немецкий язык [14]; «перевод был сделан непосредственно с татарского оригинала. . . очень близко к подлиннику, причем были верно переданы не совсем приличные для европейского слуха выражения, за что Кера и винили как чудака» [15].

Почти через 90 лет интерес к *Бабур-наме* возобновился. Русско-польский ориенталист О. И. Сенковский, по отзывам современников блестяще владевший турецким и арабским языками, приступив к изучению восточных тюркских языков, «собственноручно переписал (в мае 1824 г.) с рукописи одного бухар-

---

[11] *Бабер-намэ, или Записки султана Бабера.* Изданы в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857, стр. III [предисловие Н. Ильминского] (далее — Ильминский).

[12] Керовский список, как издавна называют его отечественные востоковеды, принадлежал Учебному отделению восточных языков Азиатского департамента (см. ЗИАН, т. 47, кн. 1, СПб., 1883, стр. 72), а в настоящее время хранится в Рукописном отделе ЛО ИНА АН СССР под шифром Д 685; в каталоге Азиатского музея, составленном в 1846 г. д-ром Б. Дорном, фигурирует латинский перевод части его текста.

[13] Н. Ильминский, стр. IV. Любопытно, что такое упущение Керовского списка, как пропуск диакритики, по мнению А. А. Зайончковского, типично именно для европейца.

[14] См. об этом: А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского*, М.—Л., 1958, стр. 23 и прим. 83.

[15] Пекарский, стр. 617.

ского купца (Назар-бая Туркестани. — *Г. Б.*) том «Записок султана Бабера», который намеревался издать в подлиннике и переводе» [16]. Детальное ознакомление с произведением при его переписке позволило О. И. Сенковскому свободно оперировать сведениями из *Бабур-наме*. В принадлежащей его перу статье «Джагатайский язык» использовано, например, свидетельство Бабура о том, что «самый чистый язык тюркú, или, если угодно, джагатайский, сохранялся в области Андеджане (Фергане)»; здесь же, в издании, рассчитанном на читателя-неспециалиста, впервые была дана беглая характеристика произведения [17]. Далее следует отсылка через статьи *Бабер* [18], *Бабер-наме* к статье *Бабериды*, написанной молодым тогда В. В. Григорьевым под руководством О. И. Сенковского. В. В. Григорьев впервые в русской литературе излагает биографию и историю походов Бабура по *Бабур-наме*; здесь же это произведение характеризуется довольно подробно в тех аспектах, которые представляли интерес для современности [19].

В 1857 г. текст *Бабур-наме* по Керовскому списку был издан Н. И. Ильминским [20], которому впоследствии, в 1884 г., Имп. Академия наук предлагала «звание своего члена по части истории и древностей азиатских народов» [21]. Полагая, что «Керовский список, при недостатке лучших рукописей, может быть хорошим источником для издания Бабер-намэ, при посторонних пособиях, но не в такой степени, чтобы безусловно водиться его авторитетом», издатель поставил перед собой трудную задачу «очистить текст Бабер-намэ от всего, что, п о и с с л е д о в а н и ю (разрядка

---

[16] *Собрание сочинений Сенковского* (*Барона Брамбеуса*), т. I, СПб., 1858, стр. XVII [вступит. ст. П. Савельева]; Ср. приписку, сделанную рукой О. И. Сенковского на последней странице его рукописи (рукопись хранится в ЛО ИНА АН СССР под инвентарным номером Д 117): «NB. J'ai achevé cette copie le 4 mai 1824, à St.-Peterbourg: elle a été faite d'après un exemplaire appartenant à Nazar Baj Turkéstani, négociant Boukhare, qui était venu cette année à St.-Peterbourg».

[17] «Энциклопедический лексикон», т. XVI, СПб., 1839, стр. 232, 233.

[18] Интересно отметить, что вначале О. И. Сенковский употреблял чтение *Бабур* (ср. «Supplément à l'histoire générale. . .», *Bâbour*, стр. 9, и даже *Babor*, стр. 3); впоследствии же он использует преимущественно написание *Бабер*.

[19] «Энциклопедический лексикон», т. I, стр. 10, 11, 13.

[20] *Бабер-намэ, или Записки султана Бабера*. Изданы в подлинном тексте Н. И., Казань, 1857. Издание это в конце прошлого века характеризовалось как «весьма важное в науке, обратившее на себя внимание западных ориенталистов, которые с течением времени занялись его лингвистической разработкой, издали к нему грамматические примечания, словари и проч.». (П. Знаменский, *На память о Н. И. Ильминском*, Казань, 1892, стр. 312; далее — Знаменский).

[21] Знаменский, стр. 318.

наша. — *Г. Б.*), мне представлялось ошибочным в списке Кера» [22]. Это касалось прежде всего ошибок и описок, допущенных самим Кером. Материалом для палеографического исследования, о котором писал Н. И. Ильминский, служил ему прежде всего самый список: в правильном написании какого-либо слова, формы, оборота он «убеждался большинством случаев их употребления в списке. Затем необходимым и постоянным пособием был английский перевод Memoirs of Baber etc., наконец, списки словарей джагатайско-персидского, изданного в Калькутте, и джагатайско-турецкого на сочинения Мир Али-шира» [23]. В то же время Н. И. Ильминский отчетливо сознавал, что «этих пособий не достаточно, чтобы довести издание до полной точности и правильности: для этого надлежало бы сличить несколько хороших туземных рукописей Бабер-намэ» [24]. Отметим, что уже через четыре года после издания им текста *Бабур-наме* Н. И. Ильминский, основываясь на материале «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина, куда были включены отрывок из *Бабур-наме* и фрагменты поэтических произведений Бабура [25], пересматривает свою точку зрения на чтение имени: *Бабер* > *Бабур* [26].

В связи с выходом в свет печатного текста *Бабур-наме* внимание русских востоковедов привлекла рукопись О. И. Сенковского. В 1859 г. по предложению и под руководством В. В. Вельяминова-Зернова в типографии имп. Академии наук было начато печатание «Вариантов», извлеченных из сделанного проф. Сенковским списка к изданному Н. И. Ильминским чагатайскому тексту *Бабур-наме* [27]. Издание это было доведено до седьмого

---

[22] Ильминский, стр. IV.

[23] Там же.

[24] Там же. Такое трезвое критическое отношение Н. И. Ильминского к издаваемому списку и к своему изданию почти через полвека вызвало у английской исследовательницы *Бабур-наме* А. Беверидж недоверие к этому изданию и к его источнику — Керовскому списку, недоверие, частично основанное на превратно понятых положениях «Предисловия» Ильминского (см. особенно: A. S. Beveridge, *Further notes on Baburiana*, — JRAS, January 1923, pp. 75, 77; *The Babur-nama in English*, transl. by A. Beveridge, vol. I, London, 1922, p. 1).

[25] И. Н. Березин, *Турецкая хрестоматия*, ч. I, Казань, 1857.

В отличие от И. Н. Березина, который издал отрывок из *Бабур-наме* по Керовскому списку и предложил собственное чтение некоторых неясно написанных Кером слов и грамматических форм, Л. М. Лазарев в своей «Сравнительной хрестоматии турецкого языка наречий османлы и Адербиджана» (М., 1866) опубликовал фрагмент по изданию Н. И. Ильминского, выбрав для этого его стр. 73—82.

[26] Н. Ильминский, *Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка*, — «Уч. зап., издаваемые Имп. Казанским университетом», кн. III, 1861, стр. 39, прим. 1.

[27] В статье «Восточные рукописи в библиотеке покойного В. В. Вельяминова- Зернова» («Изв. Росс. Акад. наук», серия VI, т. XIII, 1919, стр. 858).

листа [28]. Отвечая на запрос непременного секретаря Историко-филологического отделения Имп. Академии наук относительно издания вариантов к *Бабур-наме*, Н. И. Ильминский, «судя по напечатанным вариантам», характеризует список О. И. Сенковского как «другую редакцию Бабер-намэ», хотя тут же отмечает, что «самый текст составляет точную копию записок Бабера, за исключением неизбежных во всякой рукописи маленьких изменений», и что «многие варианты Сенковского несомненно исправляют текст», представленный в казанском издании, не решая, однако, «окончательного вопроса об исправлении напечатанного текста Бабер-намэ, ибо эти варианты не все правильны, а иные могут быть ошибочны».

Чтобы подвинуть вперед исправление текста (а Ильминский полагал, что после трудов Радлова можно было бы многое исправить в напечатанном ранее тексте), Ильминский предложил снова провести сопоставление рукописи проф. Кера и рукописи Сенковского. Отделение приняло предложение Н. И. Ильминского и решило оказать ему в этом содействие [29]. Рукопись О. И. Сенковского была послана Н. И. Ильминскому, а в марте 1885 г. им возвращена. Занятый переводческой и просветительской деятельностью, Н. И. Ильминский не продолжил для издания сопоставлений Керовского списка и рукописи Сенковского. Тем временем в отношении изданных «Вариантов к Бабер-намэ», долгие годы хранившихся на типографских складах, в 1882 г. было принято постановление: «. . . из числа отпечатанных листов. . . брошировать по 20 экз. каждого и сдать для хранения в Азиатский музей Академии, а остальные экземпляры их уничтожить обращением их в макулатуру» [30].

Публикуя в 1904 г. письмо в редакцию А. Беверидж, в котором она просила русских ориенталистов оказать ей содействие в розысках исчезнувшей рукописи (так называемой Elphinstone's MSS) или любой другой рукописи *Бабур-наме* [31],

---

А. А. Семенов среди прочих редкостей отмечает ««Бабер-намэ» в издании Н. И. Ильминского (Казань, 1857 г.) с рукописными вариантами на полях, взятыми из рукописи Сенковского, поступившей потом в Академию наук (как это отмечено на карточке)».

[28] ЗИАН, т. 46, СПб., 1883, стр. 24—25. Интересно, что в 1-й кн. тома I ЗИАН (СПб., 1862, стр. 56) опубликован «Список изданий Имп. Академии наук, печатавшихся с 1-го янв. по 31-е дек. 1861 года, но еще не выпущенных в свет», куда включено также: «Вельяминов-Зернов, Варианты к «Бабер-намэ», 7 л.».

[29] ЗИАН, т. 47, кн. I, СПб., 1883, стр. 71, 72.

[30] Там же, стр. 70.

[31] В «Протоколе заседания Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества 16-го марта 1900 года» имеется запись о запросе А. Беверидж относительно «быть может, имеющегося в Москве тюркского списка

редакция ЗВОРАО отмечала, что «о существовании превосходного списка в Бухаре давно ходили и ходят слухи, но ни один европеец его не видел» [32]. Уже в 1911 г. А. Н. Самойлович к спискам *Бабур-наме*, известным А. Беверидж, прибавляет еще три, которые он лично видел: «1) в библиотеке недавно умершего хивинского хана (г. Хива. Этот список новый и, может быть, сделан с издания Ильминского), 2) в библиотеке русского дипломатического агента в Бухаре, г. Лютша (новый список) и 3) в Имп. Публичной библиотеке (тоже новый список: шкаф II, полка 6, № 34, год 1862)» [33].

А. Н. Самойлович, который, по его собственным словам, изучал «Материалы» Вельяминова-Зернова «с лингвистическими целями в связи с подготовлявшимся мною тогда исследованием произведений Бабура (осталось незаконченным)» [34], сетуя, что не может «исполнить своего давнишнего намерения отозваться на это издание (т. е. издание Хайдарабадского списка *Бабур-наме*, осуществленное А. Беверидж. — *Г. Б.*) и на ряд статей того же автора касательно *Бабур-наме* (JRAS, 1900—1908)», ставил под сомнение скептическую оценку, которую давала А. Беверидж Керовскому списку и изданию *Бабур-наме* Ильминского («сплошной перевод с персидского») [35]. (Заметим, что скепсис А. Беверидж в отношении издания Н. И. Ильминского объясним не только с точки зрения результатов исследования ею различных рукописей *Бабур-наме*, но и как реакция на некритическое

Bābernāme. А. Е. Крымский сообщил, что в Москве соответствующей рукописи нет, а также взялся сообщить письмом некоторые сведения, которые могут быть полезны для Miss A. Beveridge» («Древности восточные», т. 2, вып. III, М., 1903, стр. 202).

[32] См. ЗВОРАО, т. XV, вып. IV, 1904; ср. сведения о рукописи *Бабур-наме*, которой, по словам акад. К. Г. Залемана, владел брат Бухарского эмира (А. Самойлович, [рец. на кн.:] Поляков С. И., *Записки Бабура*, — ЗВОРАО, т. XVII, вып. I, СПб., 1906, стр. 075, прим. 2), и о «всего одной рукописи записок Бабура, принадлежащей Г. А. Арандаренко», которая известна автору в Туркестане (Н. В., [рец. на кн.:] *Жизнь Тимура*, Соч. Л. Лянглэ, — ЗВОРАО, т. V, вып. I—IV, 1892, стр. 345).

[33] А. Самойлович, [рец. на кн.:] E. Denison Ross, *A collection of poems by the Emperor Babur*, — ЗВОРАО, т. XX, вып. I, 1911, стр. 093—094, прим. 1 (далее — Самойлович, рец.). Первый из перечисленных списков ныне хранится в Институте востоковедения АН УзССР под инвентарным номером 1329; последний — в Гос. Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур НС 104.

[34] А. Н. Самойлович, *О «пайза» — «байса» в Джучиевом улусе*, — ИАН СССР, серия VI, т. XX, № 12, 1926, стр. 1107, 1120. По сообщению Ф. Д. Ашнина, архив А. Н. Самойловича содержал в свое время картотеку-роспись лингвистического материала *Бабур-наме*.

[35] Самойлович, рец., стр. 093—094, прим. 1. Любопытно отметить, что в «Протоколах заседаний Восточного отделения РАО» (ЗВОРАО, т. XXII, вып. 3—4, 1915, стр. XL) записано: «А. Н. Самойлович прочел сообщение:

приятие этого издания такими западноевропейскими ориенталистами, как, например, Паве де Куртей). При этом А. Н. Самойлович обращал внимание именно «на поразительное согласие текстов fac-simile (т. е. издания Хайдарабадского списка. — *Г. Б.*) и казанского издания с рукописи Кера» [36], указывая в то же время, что ни издание Ильминского, ни издание Беверидж «не дают неоспоримого текста мемуаров „великого могола“ и ожидают соединенного критического переиздания» [37].

Эта задача остается невыполненной до сих пор. Подготовленные П. Шамсиевым и С. Мирзаевым ташкентские издания *Бабур-наме* [38], в которых наряду с изданием Н. И. Ильминского особенно используется Хайдарабадский список в издании А. Беверидж, представляют собой только первые шаги в этом направлении. Во втором, переработанном издании ссылочный аппарат значительно увеличился за счет приводимых разночтений по лондонскому и казанскому изданиям; однако и здесь постраничные примечания не охватывают всего обилия разночтений, наблюдаемых только в лондонском и казанском изданиях, не говоря уже о доступных нам рукописях или хотя бы о Керовском списке. В выборе приводимых разночтений П. Шамсиев, их подготовивший, руководствовался в основном субъективными моментами, приводя исключительно «различия и варианты, важные в смысловом отношении» [39]. В результате, как это признают и сами издатели, опубликованный ими текст нельзя считать научно подготовленным, критическим.

Другой аспект изучения *Бабур-наме*, привлекавший внимание многих ученых, — это перевод произведения на русский язык. Однако долгое время переводились лишь отдельные фрагменты *Бабур-наме* [40]. Лишь в 1958 г. вышел в свет полный перевод

«О новом английском переводе записок султана Бабура». По поводу прослушанного сообщения высказались Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд и А. И. Иванов».

[36] Самойлович, рец., стр. 0100, прим. 2.

[37] А. Н. Самойлович, *Собрание стихотворений императора Бабура*, ч. I, Пг., 1917, стр. 13.

[38] *Бобирнома*, I, Тошкент, 1948; II, 1949; *Бобирнома*, Тошкент, 1960.

[39] П. Шамсиев, *Нашр ҳақида*, — в кн.: *Бобирнома*, 1960, стр. 56. О количестве разночтений только между двумя изданиями — лондонским и казанским — можно судить хотя бы по материалам сверки двух сравнительно небольших фрагментов *Бабур-наме* (см. «Краткие сообщения Института народов Азии [АН СССР]», XLIV, М., 1961, стр. 100—105).

[40] См.: Н. Н. Пантусов, *Фергана. По «Запискам» султана Бабура*, СПб., 1884 (отдельный оттиск из «Записок Имп. Русского географического общества, по отделению этнографии», т. VI); В. Островский, *Самарканд по «Запискам» султана Бабура*, — «Туркестанские ведомости», 1895, № 71;

произведения, выполненный М. Салье [41]. Перевод этот, как указывается С. А. Азимджановой в «Предисловии», «не преследует научно-филологических целей»; в основу его положен Хайдарабадский список в издании А. Беверидж. В 1960 г. С. Тюляев издал миниатюры из разрозненных листов рукописи персидского перевода *Бабур-наме*, которые в настоящее время хранятся в Музее восточных культур в Москве [42], а в прошлом, судя по всему, принадлежали книгохранилищу иранского шаха, были подарены матерью шаха Наср эд-дина русскому посланнику князю Долгорукову и в 1899 г. представлены С. Н. Кологривовым на рассмотрение Восточной комиссии Имп. Московского Археологического общества [43].

Возобновившееся в последнее десятилетие внимание ученых Ленинграда, Москвы, Узбекистана к изучению *Бабур-наме* [44] продолжает давние традиции отечественного востоковедения.

В. Вяткин, *Самарканд и его местности в прошлом, по описанию Султана Бабура мирзы (перевод из кн. Бабур-намы)*, — «Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г.», вып. IV, Самарканд, 1896; С. И. Поляков, *Записки Бабера*. Перевод с джагатайского (узбекского), — «Ежегодник Ферганской области», т. III, Новый Маргелан, 1904. А. Н. Самойлович подверг перевод Полякова резкой критике за ненаучный подход к поставленной задаче, особо подчеркнув отсутствие хотя бы «нескольких вступительных строк, из которых читатель узнал бы, пользовался ли переводчик какими-либо пособиями, гарантирующими возможную правильность, полноту, точность и ясность перевода», имел ли под рукой «достаточный для своего капитального труда подбор словарей и историко-географических пособий», «имел ли. . . возможность ознакомиться с предыдущими переводами „Бабер-намэ“, как полными, так и частичными» (Самойлович, рец., стр. 074, 075).

[41] *Бабур-наме*. Перевод М. Салье, Ташкент, 1958.

[42] «Миниатюры рукописи „Бабур-наме“» (сост. С. Тюляев), М., 1960.

[43] «Древности восточные», т. II, вып. II, М., 1901, стр. 179.

[44] Из недавних работ можно назвать труд С. А. Азимджановой «К истории Ферганы второй половины XV в.» (Ташкент, 1957), выполненный в основном по материалам *Бабур-наме*, а также литературоведческое исследование: С. Жамолов, *Бобирноманинг бадий қиммати ҳақида*, — («Уч. зап. [Ташкентского пед. ин-та им. Низами]», вып. XXV, 1961). Делаются попытки систематического лингвистического описания языка *Бабур-наме*, основы которого были намечены уже в трудах Н. И. Ильминского, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, Л. Будагова, А. Н. Самойловича. В частности, синтаксис простого предложения в *Бабур-наме* явился темой двух статей Х. Назаровой, — см. «Уч. зап. [Ташкентского пед. ин-та им. Низами]», т. 42, кн. 1 (1963), кн. 2 (1964). Значителен удельный вес языкового материала *Бабур-наме* в «Грамматике староузбекского языка» А. М. Щербака (М.—Л., 1962). Материалы этого энциклопедического по охвату описываемых явлений произведения используются, как и прежде, для толкования отдельных слов и терминов, — см., например, А. З. Розенфельд, *Название «лянгар» в топонимике Таджикистана*, — «Изв. Всесоюзного Географического об-ва», т. LXXII, вып. 6, 1940; Р. Г. Мукминова, *Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.)*, — сб. «Памяти М. С. Андреева», Сталинабад, 1960, и др.

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков

ОБ ОБЛИКЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

В тюркологической литературе многократно и в разной связи затрагивались отдельные аспекты вопроса об облике древних тюрков, их физическом типе, прическе, одежде, украшениях и др. Однако выводы, основанные, как правило, на каком-либо одном виде источников — письменных, археологических, этнографических и др., были нередко весьма противоречивыми. Между тем наука располагает в настоящее время достаточным количеством исторических свидетельств, чтобы попытаться на основе комплексного привлечения источников реконструировать основные черты облика древних тюрков.

Известный исследователь Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло в 1926 г. писал: «. . . физический тип древних турок нам неизвестен. . . Нет также надежды, что он когда-либо будет обнаружен, так как трупы умерших сжигались» [1]. Грумм-Гржимайло был прав лишь в том, что вопрос об облике древних тюрков трудно разрешим для времени ранее VII в., когда в соответствии с погребальными обычаями их трупы сжигались. Но при кагане Хели (620—630), а возможно и ранее, погребальные обычаи тюрков меняются — они отказываются от сжигания умерших и хоронят их в земле [2].

Раскопки древнетюркских погребений, проведенные в Туве, на Алтае, в Монголии, Средней Азии и на других территориях, подтверждают это.

Накоплен сравнительно большой палеоантропологический материал из древнетюркских погребений, значительная часть

---

[1] Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. II, Л., 1926, стр. 211 (далее — Грумм-Гржимайло).

[2] Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken* (*Tu-küe*), Bd I, Wiesbaden, 1958, S. 193 (далее — Liu Mau-tsai). В каганском роде обычай сжигания трупов сохранялся позднее; по крайней мере каган Хели, умерший в 634 г. в Китае, был по тюркскому обычаю сожжен, а над его могилой на восточном берегу р. Ба насыпан курган (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 256 (далее — Бичурин).

которого исследована Г. Ф. Дебецом [3], В. В. Гинзбургом [4] и В. П. Алексеевым [5]. Палеоантропологические исследования позволили прийти к выводу, что древние тюрки на востоке своего расселения (Тува, забайкальские и монгольские степи) характеризуются преобладанием монгольского расового типа, а на крайних западных территориях своего проникновения (вплоть до восточноевропейских степей) имеют наибольшую европеоидную примесь [6]. Однако и на восточных территориях расселения древних тюрков, в том числе на востоке Казахстана, на Алтае и в Туве, при преобладании в целом монголоидности, на палеоантропологическом материале отчетливо фиксируется расовая неоднородность и значительная европеоидная примесь [7].

Неоднородный антропологический тип несомненно явился отражением сложной этнической истории древних тюрков, основное ядро которых составляло племя ашина [8]. Вместе с тем можно полагать, что в период своего расселения на огромной территории евразийских степей во времена Тюркского каганата древние тюрки были носителями монголоидного расового типа. В период проникновения древних тюрков в Туву (VI—VII вв.) здесь заметно увеличивается удельный вес монголоидного компонента [9].

Ценным источником для суждения об облике древних тюрков могут служить древнетюркские каменные изваяния Тувы, Алтая и Монголии. Мы разделяем точку зрения Л. А. Евтюховой о том, что изваяния, в которых обнаруживается стремление передать индивидуальный портрет, украшения и другие черты конкретного человека, являются изображениями самого умершего [10]. Нужно заметить, что еще С. В. Киселев указывал, что древнетюркские изваяния Алтая могут служить источником для суждения о внеш-

---

[3] Г. Ф. Дебец, *Палеоантропология СССР*, М.—Л., 1948, стр. 72—73, 199—208, 261—263.

[4] В. В. Гинзбург, *Краниологические материалы из Северного Казахстана, и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников*, — КСИЭ, XXXV, 1961, стр. 95—99; его же, *Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана*, — МАЭ, т. XXI, 1963, стр. 297—337 (далее — Гинзбург, *Материалы к антропологии*).

[5] В. П. Алексеев, *Основные этапы истории антропологических типов Тувы*, — СЭ, 1962, 3, стр. 49—58 (далее — Алексеев).

[6] Гинзбург, *Материалы к антропологии*, стр. 315—317.

[7] Там же, стр. 317; Алексеев, стр. 55—58.

[8] С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, М., 1964, стр. 108—114.

[9] Алексеев, стр. 54, 58.

[10] Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — МИА, № 24, М., 1952, стр. 116 (далее — Евтюхова).

нем виде алтайцев [11]. Рассмотрение таких изваяний с точки зрения антропологического типа изображенных на них людей совпадает с выводами, сделанными на основании изучения краниологического материала. Для изваяний характерна передача смешанного физического типа. Среди них мы можем найти отдельные изваяния скорее европеоидного, чем монголоидного облика, как, например, алтайское изваяние № 10 (по Евтюховой) [12] и тувинское изваяние № 4 (по Грачу)[13]. Однако на большинстве изваяний лица изображены с явными чертами монголоидности — уплощенными, со слабым выступанием носа. На некоторых изваяниях, например на тувинском № 37 (по Грачу)[14], заметно стремление древнего скульптора передать в форме глаз один из монголоидных признаков — эпикантус. Очень выразительно подчеркнута монголоидность глаз на мужском портрете известного рисунка на древнетюркском валуне — «изваянии» из Кудыргэ на Алтае[15].

О том, что в древнетюркской среде было принято носить усы и бороду, свидетельствует значительное число изваяний, на которых изображены усы и борода (по Евтюховой — около половины всех изваяний [16], по данным Грача, из 58 тувинских изваяний 37 имеют усы или усы и бороду[17]). Усы и борода изображены также на мужском портрете на Кудыргинском валуне[18].

О прическе древних тюрков в литературе было высказано два противоречивых мнения. Согласно точке зрения, разделяемой большинством авторов, тюрки времен каганата носили косы [19]. Вместе с тем некоторые исследователи (А. Д. Грач, М. И. Артамонов) настаивают на том, что центральноазиатские тюрки носили длинные волосы, распущенные по плечам.

Придерживаясь последней точки зрения, А. Д. Грач [20] основывается на переведенном Н. Я. Бичуриным тексте древнекитай-

[11] С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1950, стр. 528, 529 (далее — Киселев).

[12] Евтюхова, рис. 3, *2*.

[13] А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*, М., 1961, рис. 7, 8 (далее — Грач).

[14] Грач, рис. 70.

[15] А. А. Гаврилова, *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен*, М.—Л., 1965, табл. VI—*1* (далее — Гаврилова).

[16] Евтюхова, стр. 72—120.

[17] Грач, сводная таблица.

[18] Гаврилова, табл. VI—*1*.

[19] K. Shiratori, *The Queue among the Peoples of North Asia*, — «Memoirs of Research Department of the Toyo Bunko», IV, 1929; P. Demieville, *Le concile de Lhasa*, Paris, 1952, p. 209 (далее — Demieville); Liu Mau-tsai, II, S. 495, 528; K. Enoki, *On the nationality of the Ephtalites*, — «Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko», XVIII, 1956, p. 56; Юй Син-у, *Иньдай ды сину*, — «Дунбэй жэнь минь дасюэ сюэбао», 1957, № 1, стр. 136.

[20] Грач, стр. 78.

ской хроники *Чжоу шу*, в котором говорится: «Обычаи тукюэсцев — распускают волосы» [21]. Л. Р. Кызласов, возражая Грачу, отметил, что современный исследователь китайских сведений о тюрках, Лю Мао-цай [22] интерпретирует сочетание «распущенные волосы» (*пэй-фа*) в значении «косы» (*бянь-фа*) [23].

Однако отождествление терминов *пэй-фа* и *бянь-фа* было предложено впервые не Лю Мао-цаем, а китайскими исследователями XVIII в. Так, основоположник критической школы в китайской историографии Цуй Дун-би (1740—1816) в своем исследовании изречений Конфуция прямо говорит о том, что *пэй-фа* может иметь значение *бянь-фа* [24]. Другой китайский историк Лю Бао-нань (начало XIX в.) пишет: «Согласно [китайскому] обычаю, по достижению определенного возраста юноша или девушка связывают волосы в пучок и укладывают его на голове. . . Варвары же не следуют этому обычаю и заплетают волосы так, чтобы они ниспадали назад» [25]. Ссылаясь на средневековых комментаторов, он определяет основное значение *пэй-фа*, как «волосы, не связанные в пучок», т. е. носимые не по-китайски [26].

В китайских описаниях иноземных народов встречаются упоминания о двух типах некитайских причесок: коротко подстриженные волосы (*цзянь-фа*) и длинные ниспадающие волосы (*пэй-фа*). В первом случае подчеркивалось, что в отличие от обычаев китайцев волосы подрезались; во втором противопоставлялась манера ношения длинных нестриженых волос. Таким образом, с точки зрения китайца косы относились к категории *пэй-фа*.

Это обстоятельство помогает нам уяснить смысл тех упоминаний о прическе древних тюрков, которые содержатся в «Истории агван Моисея Каганкатваци». Здесь мы снова сталкиваемся с кажущейся противоречивостью источника — точно так же, как противоречивы на первый взгляд свидетельства о прическе тюрков, содержащиеся в *Чжоу шу*. Автор «Истории агван» называет тюрков «звероподобным, златолюбивым народом косоносцев», но в другом месте изображает осаждающее Чора тюркское войско «безобразной, гнусной, широколицей толпой. . . в образе женщин с распущенными волосами» [27].

---

[21] Бичурин, I, стр. 229.

[22] Л. Р. Кызласов, Рец. на кн.: А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы*, — СА, 1964, № 1, стр. 355 (далее — Кызласов).

[23] Liu Mau-tsai, II, S. 495.

[24] Цуй Дун-би, *Луньюй цзучжэнцзи* [б. м.], [б. г.], разд. II, стр. 4.

[25] Лю Бао-нань, *Луньюй чжэнъи*, — *Хуанцин цзинцзе сюйбянь*, т. II, Шанхай, 1889, разд. 155, стр. 40.

[26] Там же.

[27] *История агван Мойсея Каганкатваци, писателя X века*, СПб., 1861, стр. 110, 105 (далее — *История агван*).

Интерпретируя эти сообщения Каганкатваци, М. И. Артамонов исходит из того, что в составе тюркского войска помимо собственно тюрков были также и представители других этнических групп, подчиненных им: «Жители полей и гор, живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы» [28]. По мнению М. И. Артамонова, косы носили угорские племена, бритыми головами отличались болгары, тюрки же носили длинные волосы, распущенные по плечам [29]. Последнее утверждается со ссылкой на Бичурина и на византийского историка Агафия. Однако в тексте сочинения Агафия мы не обнаруживаем оснований для вывода о том, что тюрки не носили кос. Напротив, описывая обычаи франков, Агафий отмечает: «Запрещено правителям франков когда-либо стричься, и они остаются с детства нестрижеными: как можно видеть, волосы их красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, — непричесаны, запущены или некрасиво заплетены» [30].

Это свидетельство Агафия является, с нашей точки зрения, аргументом не за, а против мнения о том, что тюрки не носили кос. В самом деле, в «Истории агван» длинноволосые тюрки противопоставляются жителям Албании, которые стригли волосы; в *Чжоу шу* говорится о том, что тюрки «распускают волосы», в отличие от китайцев, укладывавших волосы на макушке; наконец, в «Царствовании Юстиниана» противопоставляются два вида прически (свободно ниспадающие волосы и косы), которые с точки зрения китайца были бы объединены понятием *пэй-фа*. Таким образом, понятие «распущенные волосы», встречающееся в переводах китайских и армянских источников, отнюдь не идентично, так как сопоставляются различные типы прически.

С этой точки зрения ни в *Чжоу шу*, ни в «Истории агван» нет противоречий в описании прически тюрков — «звероподобного народа косоносцев». О косах у тюрков говорят все известные нам письменные источники [31]. В частности, автор *Синь тан шу* замечает при описании обычаев одной из народностей Юго-Восточной Азии: «заплетают косы подобно тюркам» [32]. Все это говорит о том, что косы были одним из этнических признаков тюрков на огромной территории от юго-востока Европы до Центральной Азии.

[28] *История агван*, стр. 104.

[29] М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962, стр. 155.

[30] Агафий, *О царствовании Юстиниана*, Перевод, статья и примечания М. В. Левченко, М.—Л., 1953, стр. 14.

[31] Liu Mau-tsai, II, S. 53, 283, 467, 528—529. Ю. А. Зуев, *Китайские известия о Суябе*, — «ИАН КазССР», Серия истории, археологии, этнографии, вып. 3, Алма-Ата, 1960, стр. 88.

[32] *Эршисы ши*, Пекин, 1958, т. 13, стр. 1575.

Было принято ношение также нескольких кос, о чем свидетельствуют каменные изваяния древних тюрков в Семиречье. Изваяния позволяют получить представление о том, как носили косы древние тюрки. Евтюхова отметила, что в двух случаях на тувинских изваяниях (№ 36 и 51) изображены волосы, расчесанные на прямой пробор и переходящие сзади в косу с прямым обрезом, причем на косе изваяния № 36 изображено переплетение прядей волос [33]. Изображены косы также на изваяниях № 40 и 52 из Тувы (по Евтюховой) [34] и на изваяниях № 43 и 55 из Тувы (по Грачу) [35]. Особенно интересно в этом отношении изваяние № 55. Изображенная здесь коса убрана, как было отмечено Грачом [36], в мешочек, из которого спускается лишь конец косы в виде кисточки.

Письменные источники не сохранили нам описания головных уборов древних тюрков, но достаточно полное представление о них дают каменные изваяния. На значительной части изваяний изображены головные уборы, которые Евтюхова делит на четыре типа: округлые, вероятно, меховые шапочки, головные уборы в виде усеченного конуса, шапки типа ушанок и, наконец, своеобразные шапки с остроконечным верхом и опускающимся на затылок выступом [37]. Аналогичные типы головных уборов сохранялись до недавнего времени у многих народов Средней Азии, монголов и тувинцев [38].

Из письменных источников науке сравнительно давно известно, что древние тюрки одевались в меха и халаты из грубой шерстяной ткани и подпоясывались кожаным ремнем с металлическими бляхами [39]. Однако по поводу манеры запахивания халата — а это один из важных этнических признаков — нет единства мнений. Некоторые исследователи полагают, что древнетюркский халат запахивался направо. А. Д. Грач пишет, например, что на китайских погребальных статуэтках VII—IX вв. мы можем видеть тюркскую одежду — в тех случаях, когда левая пола показана наверху. В другом месте монографии А. Д. Грача встречается противоположное утверждение [40], но, как было разъяснено автором, в тексте была допущена опечатка. А. Д. Грач замечает по этому поводу: «Мною было неоднократно

---

[33] Евтюхова, стр. 104.

[34] Евтюхова, рис. 23, 52, 61.

[35] Грач, рис. 78 и 92.

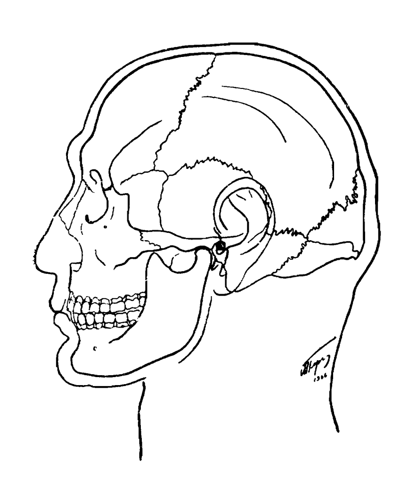
[36] Грач, стр. 52.

[37] Евтюхова, стр. 102—104.

[38] См. С. И. Вайнштейн, *Тувинцы-тоджинцы*, М., 1961, стр. 115—121.

[39] S. Julien, *Documents historiques sur Tou-kioue*, — JA, 6-ème série, III, 1864, p. 333; Грумм-Гржимайло, т. II, стр. 212.

[40] Грач, стр. 79, прим. 79; стр. 60.

Облик древнего тюрка, восстановленный по черепу.
Из раскопок С. И. Вайнштейна. Могильник Кокэль, курган № 6. Тува.
Реконструкция М. М. Герасимова

подчеркнуто, что запахивание одежды справа налево. . . не тюркская черта» [41]. Кызласов также считает, что «тюрки-тугю. . . носили наверху левую полу» [42]. Среди сторонников данной точки зрения можно назвать также Л. Н. Гумилева. Рассматривая вопрос об этнической принадлежности воинов, изображенных на глиняных статуэтках из Туюк-Мазара, Л. Н. Гумилев замечает: «Они не китайцы, так как носят левую полу наверху (левополые-кочевники, в частности тюрки)» [43].

Это убеждение основывается на уже упоминавшейся фразе из китайской хроники *Чжоу шу*, которая в переводе Бичурина звучит так: «Обычаи тукюэсцев: распускают волосы, левую полу наверху носят» [44]. В тексте первоисточника интересующее нас

[41] А. Д. Грач, *По поводу рецензии Л. Р. Кызласова*, — СА, 1956, № 3, стр. 306.

[42] Кызласов, стр. 355.

[43] Л. Н. Гумилев, *Статуэтки воинов из Туюк-Мазара*, — МАЭ, XII, 1949, стр. 239.

[44] Бичурин, стр. 229.

свидетельство выражено термином *цзо-жэнь* [45]. Сочетание *цзо-жэнь* употреблялось китайцами для характеристики северных кочевых племен уже с древности. В *Луньюй* приводятся слова Конфуция о том, что если бы не Гуань Чжун, одержавший победу над кочевниками, то древние китайцы были бы порабощены и им пришлось бы отказаться от своих исконных обычаев — они вынуждены были бы, в частности, запахиваться на варварский манер (*цзо-жэнь*) [47]. Объясняя это место источника, комментатор XIII в. Син Бин пишет: «*Жэнь* означает „пола"; если пола запахивается налево (*цзо*), то это называется *цзо-жэнь*» [47]. Такое толкование термина общепринято, и в новейшем издании энциклопедического словаря *Цыхай* мы находим следующее пояснение к этому термину: «*цзо-жэнь* — верхняя пола запахивается налево, в отличие от обычая, характерного для жителей Китайской равнины» [48]. Таким образом, перевод Бичурина является ошибочным: он прямо противоположен смыслу источника.

Обычай запахиваться направо (левая пола наверху) — одна из наиболее устойчивых традиций китайской одежды, прослеживающаяся с I тысячелетия до н. э. вплоть до настоящего времени. Левый запа́х, с точки зрения древнего китайца, — признак, отличающий иноземца. Именно поэтому автор *Чжоу шу*, описывая обычаи тюрков, специально отмечает две наиболее существенные особенности, не свойственные китайцам, — волосы, ниспадающие на спину, и одежда, запахиваемая налево.

У большинства исследователей интерпретация не расходится со смыслом первоисточника. П. Демийвиль, например, следующим образом переводит фразу из письма кагана Шаболио, в котором тот сетует на невозможность изменить тюркские обычаи: «Уничтожить полу (их одежды, которая запахивалась налево)» [49]. На той же точке зрения стоит и Лю Мао-цай. Он неоднократно отмечает, что тюрки запахивались налево, и подчеркивает, что в этом их отличие от китайцев, которые носили одежду с правым запа́хом [50].

Ошибка Бичурина повлекла за собой целый ряд досадных недоразумений. Обращаясь к изображению древнего тюрка, приводимому Лю Мао-цаем, А. Д. Грач пишет: «Любопытно, что, хотя прическа тюрка соответствует обычаям каганата, правая пола одежды у него наверху. Лю Мао-цай публикует это изображение вместе с фотографиями статуэток китайских горожан,

[45] *Эршисы ши*, т. 9, стр. 425.
[46] J. Legge, *Chinese Classics*, Peiping, 1940, vol. I, p. 228.
[47] Син Бин, *Луньюй чжэнъи*, — *Шисань цзин чжушу*, Пекин, 1957.
[48] *Цыхай*, Пекин, 1961, т. I, стр. 410.
[49] Demieville, p. 209.
[50] Liu Mau-tsai, II, S. 8, 41, 496, 528.

причесанных по-китайски, но с левой полой наверху, по-тюркски. . . Лю Мао-цай использует эти примеры, чтобы показать, что в отдельных очень редких случаях культурное взаимовлияние древних китайцев и тюрок отражалось на манере ношения одежды»[51]. Однако в действительности, сопоставляя изображения китайцев и тюрка, Лю Мао-цай имел в виду отнюдь не манеру ношения одежды (левый или правый запа́х). В этом отношении опубликованные им изображения не представляли ничего необычного: у китайцев, причесанных по-китайски, халат запахнут по-китайски, направо, а у тюрка — по-тюркски, налево. Внимание Лю Мао-цая привлекло другое — то, что как у тюрка, так и у китайцев халаты в данном случае имеют широкие вырезные лацканы. Автор цитирует работу японского исследователя Харады[52], который пришел к выводу о том, что наличие вырезных лацканов на одежде некоторых китайцев танского времени свидетельствует о заимствовании ими некоторых элементов тюркского халата. В этой одежде с лацканами (Kragenrevers) Харада увидел так называемую «одежду варварского покроя эпохи Тан», — заключает Лю Мао-цай[53].

Каменные изваяния дают также некоторые материалы для суждения об одежде древних тюрков Саяно-Алтая и Монголии. На большинстве изваяний, на которых можно проследить запа́х одежды, — он справа налево (правая пола наверху)[54], что подтверждает сообщения письменных источников по этому поводу. Однако нашему выводу, казалось бы, противоречат опубликованные Евтюховой прорисовки двух изваяний из Монголии (№ 77 и 78), где отчетливо виден запа́х слева направо (левая пола наверху). Прорисовки сделаны по фотографиям Комитета наук МНР. Оба изваяния четко связаны стилистическим единством. Но они резко отличаются от хорошо известного круга древнетюркских изваяний. На это обстоятельство обратила внимание и Евтюхова[55]. Не исключено, что указанные изваяния изображали людей в китайской одежде и были сделаны китайскими мастерами. По тем же причинам непригодно для изучения древнетюркской одежды и изваяние № 45 из Тувы (по Евтюховой)[56].

На ряде древнетюркских изваяний из Тувы (№ 6, 22, 24, по Грачу)[57] одежда изображена с широкими лацканами. Видимо,

[51] Грач, стр. 79, прим. 22.

[52] Харада Ёсито, *Сина тодай-но фукусеку*, — «Тосё тэйкоку даигаку бунгаку киё», IV, 1921, стр. 76 (далее — Харада Ёсито).

[53] Liu Mau-tsai, I, S. 470.

[54] Грач, стр. 59, 60.

[55] Евтюхова, рис. 47, *2*, *3*; стр. 99.

[56] Евтюхова, рис. 27.

[57] Грач, рис. 14, 15, 40, 44; табл. I — *6*, *22*, *24*.

это была характерная черта покроя халатов древних тюрков Центральной Азии, на которую обратил внимание еще Харада [58].

Рисунок, выгравированный на валуне из Кудыргэ, показывает нам, что халаты носили длинные, почти до земли (запахнуты халаты, разумеется, налево). Рисунок этот позволяет выявить еще одну деталь одежды: вдоль края верхней (правой) полы нашита широкая полоса, вероятно ткани более темного цвета, — обычай, в несколько измененной форме и поныне сохраняющийся в одежде народов Центральной Азии. На обкладке луки седла из древнетюркского погребения в Кудыргэ на Алтае можно увидеть выгравированные фигурки всадников в длинных штанах, стянутых у щиколотки [59].

Раскопки древнетюркских погребений позволяют судить о покрое некоторых видов одежды, о материале, из которого шили одежду древние тюрки [60] (это была выделанная кожа домашних животных, меха, привозные шерстяные ткани и шелк), а также о покрое некоторых видов одежды. На ногах алтайские тюрки носили мягкие выворотные сапоги без каблуков, с носком, слегка загнутым кверху; сапоги обвязывались у щиколотки ремешком, застегивавшимся на пряжку [61]. Видимо, такой же обувью пользовались тюрки Тувы и Монголии.

Существенной частью костюма служил кожаный пояс, обычно богато украшенный нашивными бронзовыми, серебряными и даже иногда золотыми бляхами и пряжками. Подобные украшенные пояса упоминаются в различных письменных источниках, в том числе в енисейских древнетюркских надписях [62]. Они детально изображались почти на каждом каменном изваянии. Пояса с наборными бляхами имеются, по данным Евтюховой и Грача, почти на пятидесяти изваяниях Саяно-Алтая и Монголии [63]. Обычно для украшений служили четырехугольные и полукруглые бляхи с прорезями в нижней части, а также сердцевидные. К поясам

---

[58] Харада Ёсито, стр. 76.

[59] Гаврилова, табл. VI—*2*, XVI—*1*.

[60] Киселев, стр. 498; Л. Евтюхова, С. Киселев, *Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.*, — «Труды Гос. историч. музея», XVI, 1941, стр. 110, 111 (далее — Евтюхова и Киселев); В. Радлов, *Сибирские древности*, — «Записки русского археологического общества», VII, СПб., 1895, стр. 183; А. Д. Грач, *Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве*, — «Труды ТКЭАН», т. 1, М.—Л., 1960, стр. 31; С. И. Вайнштейн, *Памятники второй половины первого тысячелетия в Западной Туве*, — «Труды ТКЭАН», т. 2, М—Л., 1966, стр. 325 и др.

[61] С. В. Киселев, стр. 526.

[62] С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952, стр. 17, 27, 46, 95, 97.

[63] Евтюхова, стр. 108; Грач, сводная таблица.

подвешивались своеобразные фигурные пряжки, к которым привязывались мешочки и сабли, а возможно и кинжалы.

Детали подобных поясов, а иногда и целые пояса находили в древнетюркских курганах. Такие пояса найдены Евтюховой и Киселевым на Алтае [64] и Вайнштейном в Туве [65]. Примечательно то, что пояс, найденный Вайнштейном в кургане в урочище Кара-Чога (Тува), поразительно схож с поясом, изображенным на тувинском каменном изваянии № 36 (по Евтюховой) [66], стоявшем на берегу р. Шеми. Эти пояса украшены бляхами: справа и слева с них свисают группы узких ремешков с концевыми бляхами, причем в каждой группе висит лировидная пряжка.

Наборные пояса были широко распространены в кочевнической среде, от Центральной Азии до Передней Азии и восточноевропейских степей.[67].

Характерным украшением древнего тюрка были серьги, которые носили как женщины, так и мужчины. Серьги изображались на каменных изваяниях [68], их иногда находят в могилах. Серьги делали из бронзы, серебра и золота. Некоторые из них достигают большого ювелирного совершенства [69]. В древнетюркское время они также были очень широко распространены у кочевников Евразии, вплоть до Северного Кавказа.

Костюм мужчины дополнялся обычно оружием, висевшим на поясе — кинжалом или мечом (или саблей). Изображения оружия — мечей, сабель, кинжалов — на каменных изваяниях встречаются довольно часто [70].

Рассмотренные вопросы, особенно те, что относятся к прическе и манере запахивания халата, имеют большое значение для атрибуции обширного иконографического материала и характеризуют важные этнографические черты облика древних тюрков [71].

---

[64] Евтюхова и Киселев, табл. III, рис. Б, 15.

[65] С. И. Вайнштейн, *Археологические раскопки в Туве в 1953 г.*, «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. II, Кызыл, 1954, стр. 148—154, табл. VIII, рис. 9.

[66] Там же, рис. 9; Евтюхова, рис. 20.

[67] N. Fettich, *Metallkunst der landernehmenden Ungarn*, — «Archaeologia Hungarica», T. XXI, 1937, табл. XVII, рис. 1—4; табл. XVIII, рис. 26—69; R. Ghirschman, *Scènes de banquet sur l'argent de roi sassanide*, — «Artibus Asiae», XVI, 1/2, 1953, стр. 69—70; В. И. Распопова, *Наборный пояс согда VII—VIII вв.*, — СА, 1965, 4, стр. 78—91.

[68] Евтюхова, стр. 105, 106.

[69] Евтюхова и Киселев, рис. 17, 23; Евтюхова, рис. 62; С. И. Вайнштейн, *Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VI, Кызыл, 1958, табл. IV, рис. 134, 135.

[70] Евтюхова, стр. 110—113.

[71] Авторы приносят глубокую благодарность М. М. Герасимову за выполненную им для данной работы реконструкцию облика древнего тюрка по черепу из могильника Кокэль.

А. Д. Грач

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНО-КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

До сих пор в историко-археологической литературе не существует единого понятия древнетюркского времени. Между тем определение понятия «древнетюркское время» вовсе не является только совокупностью вопросов терминологического порядка — это определение несомненно важно для постановки и разработки целого ряда общеисторических проблем.

Правомерно ли отрицание понятия «древнетюркское время» или отнесение к этому времени только тех памятников, которые датируются эпохой существования тюркских каганатов VI—VIII вв.? Думается, что подобная точка зрения совершенно неправомерна. Современные исследования вполне убедительно показывают, что во времена существования каганатов центральноазиатских тюрков (552—745) и уйгуров (745—840) этническая карта центральной Азии и ряда сопредельных с ней территорий не претерпела коренных изменений, а смена одного каганата другим свелась в основном к смене политической гегемонии. Серьезные изменения этнической карты имели место в эпоху кыргызской экспансии — в период нашествия енисейских кыргызов из-за Саян, когда древнетюркские кочевники, обитавшие южнее Саян и Танну-Ола, были временно оттеснены со своих территорий. Историческим событием, приведшим к еще большим изменениям этнической карты — изменениям коренного и длительного характера, явилось образование в Центральной Азии киданьской империи Ляо, основанной Елюй Амбагянем в 916 г.

В историко-хронологическом отношении древнетюркское время характеризуется возникновением и бытованием на очень широких территориях и у разных этнических образований тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся очень наглядно в материальной культуре — в форме оружия, бытовых предметов,

конской сбруи, украшений, сосудов. В числе важных моментов, определявших общность древнетюркской культуры, следует, конечно, назвать древнетюркскую руническую письменность, а также погребальный обряд древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и в первую очередь погребения с конем, получившие широкое распространение с VII в. н. э.

Итак, хронологические границы древнетюркского времени охватывают период с VI в. по первую четверть X в., т. е. эпоху существования не только могущественных каганатов тугю, но и государств уйгуров и енисейских кыргызов. Что же касается термина *тÿрк*, то он, как это особенно ясно показали В. В. Бартольд, А. Н. Кононов и С. П. Толстов, явился собирательным именем военного союза племен.

В специальной литературе получил распространение тезис, согласно которому государства древних тюрков представляли собой пестрые конгломераты, временные и непрочные военно-административные объединения [1]. Новейшие археологические исследования в сочетании с данными нарративных источников не позволяют считать этот тезис справедливым: во-первых, государства древнетюркского времени существовали столетиями, а, во-вторых, исследования погребальных комплексов, проведенные на широких территориях (Тува, Монголия, Хакассия, Южный Алтай, Казахстан, Средняя Азия), свидетельствуют о том, что в состав каганатов входили крупные и сравнительно устойчивые этнические группировки, которые вовсе не были эфемерными объединениями. Дробление этнической карты произошло, по-видимому, значительно позднее — в результате исторических событий, имевших место главным образом при сложении и развитии монгольской империи. Добавим к тому же, что перенесение известной формулы о временном и непрочном характере и этнической конгломератности империй Кира и Александра, Цезаря и Карла Великого — формулы несомненно справедливой применительно к этим империям, совершенно неправомерно применительно к каганатам древнетюркского времени; нельзя забывать о том, что речь идет о совершенно разных эпохах и совершенно различных исторических образованиях.

Обобщение данных историко-археологических исследований позволяет выделить следующие основные этно-культурные зоны, существовавшие в древнетюркское время:

---

[1] С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М.—Л., 1951, стр. 491 (далее — Киселев, *История*); Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, М.—Л., 1953, стр. 1, 94.

1. Зона племен, входивших в состав центрально- и среднеазиатских тюркских каганатов (Монголия, Тува, Алтай, Казахстан, Восточный Туркестан, ряд территорий Средней Азии).

2. Зона племен, входивших в состав государства Хягас — древних кыргызов (Минусинская котловина, а с 840 г. по начало X в. — Монголия, Тува, Алтай)[2].

3. Зона племен, входивших в объединение курыкан (Прибайкалье).

Помимо ряда существенных элементов материальной культуры наиболее показательным критерием для выявления историко-культурных зон является погребальный обряд. Так, например, применительно к первой выделяемой нами зоне — у центральноазиатских племен, входивших в состав каганата тугю, характерны следующие хронологические варианты и типы погребального обряда: а) до первой четверти VII в. включительно — погребения по обряду трупосожжения, заключенные в кольцевые выкладки; возле погребений — поминальные стелы в оградках; б) в VII—VIII вв. — трупоположения с конем, ориентация человека — головой на восток, коня — головой на запад; в) в VIII—IX вв. — трупоположения с конем, ориентация человека — головой на север, северо-запад, коня — на юг; г) в IX—X вв. — трупоположения без коня, ориентация погребенного — головой на север, северо-запад (погребения сросткинского типа)[3]. Применительно ко второй выделяемой зоне (древние енисейские кыргызы) — трупосожжение, остатки которого через год переносились на место погребения, где помещались на древней поверхности почвы и

---

[2] Л. Р. Кызласов выдвинул тезис о гегемонии енисейских кыргызов в Туве и после первой четверти X в. (до 1207 г., т. е. до монгольского завоевания), а также о датировке ряда памятников енисейского письма XI—XII вв. (см. Л. Р. Кызласов, *О южных границах государства древних хакасов в IX — XII вв.*, — «Уч. зап. ХНИИЯЛИ», вып. VIII, Абакан, 1960, стр. 56—77; его же, *Новая датировка памятников енисейской письменности*, — СА, 1960, № 3, стр. 93—120; его же, *Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении)*, — «Вестник МГУ», ист. науки, сер. IX, № 1, 1960, стр. 66, 78, 82 и сл. (далее — Кызласов, *Этапы*); ср., однако, И. А. Батманов, *О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, стр. 291—302; С. И. Вайнштейн, *Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары*, — там же, стр. 265 и сл.; Л. Г. Нечаева, *Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты*, — «Труды ТКЭАН», т. II, М.—Л., 1966, стр. 108, 140—142 (далее — Нечаева, *Погребения*).

[3] М. П. Грязнов, *Древние культуры Алтая*, — «Материалы по изучению Сибири», вып. 2, Новосибирск, 1930; Киселев, *История*, стр. 552 и сл.; его же, *История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка*, — МИА, № 48, М.—Л., 1956, стр. 145—152.

в неглубоких могильных ямах, после чего сооружался курган [4] (дети хоронились по обряду трупоположения) [5].

Погребальные памятники, не характерные для основных этнических групп той или иной историко-культурной зоны древнетюркского времени, но тем не менее встречающиеся на ее территории, отражают политические или этнические движения. Так, погребения с трупоположением и, как правило, с сопроводительным захоронением коня, обнаруженные на территории Минусинской котловины (долина р. Таштык [6], Уйбатский чаатас [7], долина р. Туба [8], Капчалы II [9]), отражают период подчинения енисейских кыргызов засаянским тюркам и, по-видимому, оставлены на Среднем Енисее своего рода «гарнизонами». С другой стороны, кыргызские погребения с сожжением, обнаруженные не только южнее Саян [10], но и южнее Танну-Ола — на границе котловины великих озер Монголии [11], отражают эпоху экспансии енисейских кыргызов на юг — события, завершившиеся в 840 г. разгромом

---

[4] С. А. Теплоухов, *Опыт классификации металлических культур Минусинского края*, — «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, стр. 54 и сл. (далее — Теплоухов); Л. А. Евтюхова, *К вопросу о каменных курганах на Среднем Енисее*, — «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938, стр. 111—122; ее же, *Археологические памятники енисейских кыргызов-хакассов*, Абакан, 1948, стр. 6—59 (далее — Евтюхова, *Памятники*); Л. Евтюхова и С. Киселев, *Чаа-тас у с. Копены*, «Труды ГИМ», вып. XIII, 1940; Киселев, *История*, стр. 565 и сл., 583—587, 598—604; В. П. Левашева, *Два могильника кыргыз-хакасов*, — МИА, № 24 (Материалы и исследования по археологии Сибири, т. I), 1952, стр. 121—129, 135 и сл. (далее — Левашева); Исторические свидетельства см.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 353; Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Дальнего Востока*, М., 1961, стр. 6.

[5] Евтюхова, *Памятники*, стр. 55.

[6] Теплоухов, стр. 56.

[7] Евтюхова, *Памятники*, стр. 61—64, рис. 112—115.

[8] С. В. Киселев, *Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.*, — «Ежегодник Минусинского музея», 1929, стр. 146—147.

[9] Левашева, стр. 121, 129—136; Евтюхова, *Памятники*, стр. 60, 64—67. Могильник Капчалы II не может быть датирован временем не ранее второй половины IX в., как это предлагает автор раскопок В. П. Левашева на основании находки в одном из погребений китайской монеты с девизом кайюань-тунбао. В отношении этих монет существуют две точки зрения. Согласно одной из них, выпуск этих монет датируется 713—741 гг., согласно второй — эти монеты чеканились с 621 по 927 г.

[10] А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева, *Краткие итоги полевых исследований, проведенных археологическим отрядом ТКЭ АН в 1959 г.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, стр. 186—189; Нечаева, *Погребения*, стр. 108—142; Кызласов, *Этапы*, стр. 78—83; М. Х. Маннай-оол, *Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г.*, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. X, 1963, стр. 240—242.

[11] Могильник Саглы-Бажи I, раскопки А. Д. Грача, 1960 г.

уйгурского каганата и вытеснением кочевого населения Тувы и Монголии на другие территории.

Важным источником для разработки проблемы этнических территорий являются древнетюркские каменные изваяния [12], в отношении которых было установлено, что границы их распространения совпадают с политическими границами каганата тугю,— иными словами, обряд установки каменных изваяний, изображавших наиболее могущественных побежденных врагов, бытовал у племен, входивших в состав этого политического объединения. Так, изучение изваяний позволило заключить, что северные районы Тувы (Кара-Холь, Сут-Холь, Пий-Хем) до 840 г. не входили в состав государства Хягас. Саянский хребет был политической и этнической границей, а хребты Чихачева и Шапшальский, возвышающиеся на рубеже Тувы и Алтая, такой границей не являлись, т. е. на Алтае и в Туве в древнетюркское время жили родственные этнические группы. Совершенно очевидно, что и хребет Танну-Ола, расположенный на юге Тувы, вдоль рубежей нынешней Монголии, тоже не служил этническим барьером.

Племена, обитавшие в древнетюркское время на очень отдаленных друг от друга территориях, были объединены широкими экономическими и культурными связями. Ареал этих связей охватывал обширные территории — от пределов Китая на Востоке до границ Византии на западе. Нити культурных, а часто и этнических связей, тянувшихся из горно-степных пространств Монголии и Тувы на территорию Средней Азии, Казахстана и Восточного Туркестана, позволяют установить археологические материалы, и в частности петроглифы — источники, до сравнительно недавнего времени не привлекавшиеся для рассмотрения проблем этногенеза [13].

Исторические источники и археологические данные позволяют, наконец, сделать вывод о наличии у кочевого населения разных историко-культурных зон древнетюркского времени очень значительной и в то же время своеобразной по формам имуществен-

---

[12] Л. А. Евтюхова, *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — МИА, № 24, М., 1952; А. Д. Грач, *Древнетюркские изваяния Тувы* (*По материалам исследований 1953—1960 гг.*), М., 1961; Я. А. Шер, *Каменные изваяния Семиречья*, М.—Л., 1966.

[13] А. Д. Грач, *Петроглифы Тувы*, *I* (*Проблема датировки и интерпретации*, *этнографические традиции*), — МАЭ, т. XVII, стр. 385—403, 408—414, 426 и сл.; его же, *Петроглифы Тувы II* (*Публикация комплексов*, *обнаруженных в 1955 г.*), — МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 339—383; В. А. Ранов, *Наскальные рисунки у кишлака Лянгер* (*Западный Памир*), — «Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», вып. I, (22), стр. 25—27, 39; *Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции*, т. III, Фрунзе, 1959, стр. 121—124.

ной и социальной дифференциации [14], а также, по-видимому, об использовании рабского труда (скорее всего — труда военнопленных) в горных работах и строительстве рудовозных дорог.

Древнетюркское время, хронологические рамки которого, как указывалось выше, охватывают VI — первую четверть X в. н. э. — время существования могущественных государств кочевников Центральной Азии, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии, — стало в истории тюркоязычных народов эпохой оформления крупных этнических объединений, многие из которых вошли в число предков ряда современных народов — тувинцев, алтайцев, хакасов, казахов, киргизов и других.

Главные задачи ведущихся сейчас археологических исследований памятников древнетюркского времени — дальнейшее собирание материалов, характеризующих основные периоды древнетюркского времени, и преодоление имеющихся лакун — поиск и исследование памятников периода, непосредственно предшествующего древнетюркскому времени, и памятников X—XII вв. — эпохи, предшествовавшей монгольскому времени; разработка вопросов этногеографии и этнических границ; исследование вопросов социального строя и основных направлений экономических и культурных связей. Археологические исследования должны вестись в подлинном комплексе с изучением данных этнографии, антропологии, лингвистики, нарративных источников, палеогеографии. Комплексность исследований должна предусматривать не простое суммирование сведений разных исторических и смежных с ними дисциплин, а подлинное взаимодействие и взаимопроникновение специальностей — только такого рода комплексный подход позволит продвинуть на новые рубежи большое и важное дело изучения древнетюркского времени.

---

[14] Интересным отражением дифференциации по данным погребального обряда является не только различие в богатстве инвентаря, но и помещение в погребения бедных кочевников барана вместо коня. Эти факты были зафиксированы на очень удаленных друг от друга территориях — в Монгун-Тайге (юго-западная Тува) и на Среднем Енисее (Капчалы II).

13 Заказ № 1037

А. Зайончковский

СТАРЕЙШИЕ АРАБСКИЕ ХАДИСЫ О ТЮРКАХ (VIII—XI вв.)

Мое знакомство с научным творчеством юбиляра имеет давность, пожалуй, двадцать лет. Одной из первых работ, с которой я мог познакомиться в послевоенные годы, была статья А. Н. Кононова «Опыт анализа термина тӯрк» [1]. Автор привел в ней один арабский хадис (в русском переводе), сопроводив его таким вступлением: «У самих тюрок происхождение интересующего нас термина уже в XI в. н. э. было облечено в легендарную форму, в хадис, который мы теперь знаем из труда Махмуда Кашгарского» [2].

---

[1] См. СЭ, 1949, № 1, стр. 40—47. Работа эта упоминается до сего времени среди многих других по вопросу этнического названия тюрок. В этом отношении интересные замечания приносит новейшая рецензия на работу: D. Sinor, *Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale*, Wiesbaden, 1963; в работе нет названной статьи А. Н. Кононова, с чем не согласен рецензент Gerhard Doerfer («Göttingische Gelehrte Anzeigen», 1965, 217. Jg., H. 1/2, S. 192): «. . . zum Namen der Türken wäre an Arbeiten [. . .] mindestens zu erwähnen: A. N. Kononov: Opyt analiza termina türk [. . .]». Там же рецензент ссылается на т. II своей работы (еще не опубликованной) «Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen», в которой рассматривает термин *türk* («nicht türkü [gegen Sir Clauson], oder türküt [gegen Pelliot, Pritsak] zu lesen»). Там же объяснение значения названия «die korrekte Bedeutung des Wortes ist «mächtig», dann «Machtträger, Staatsvolk», ursprünglich, so in den alttürkischen Inschriften, ist dies überhaupt noch kein Stammesname».

[2] Этот хадис, переведенный А. Н. Кононовым по турецкому переводу B. Atalay, приводился очень часто в тюркологической литературе, в работах В. Бартольда, а также в турецких работах: A. Caferoğlu. *Türk dili tarihi notları*, c. II, İstanbul, 1943, s. 34—40; A. Zeki Velidi Togan, *Umumî Türk tarihine giriş*, c. I, İstanbul, 1946, s. 104, и т. д. Этот же хадис в польском переводе (с арабскими пометками) я привел в статье: A. Zajączkowski, *Charakterystyka Turków w świetle piśmiennictwa arabskiego w średniowieczu (VIII—XI w.)*, — «Rozprawy Komisji Orientalistycznej T. N. W.». (Mémoires de la Commission des Études Orientales, Société des Sciences et des Lettres de Varsovie), № 4, Warszawa, 1951, str. 31—57.

В настоящей статье, посвящаемой дорогому юбиляру, мне хочется добавить несколько иных старейших хадисов, известных в арабско-мусульманской традиции и связанных с наименованием тюрок. В свое время, пожалуй одновременно с цитированной работой А. Н. Кононова, в 1949 г., на заседании Комиссии востоковедения Варшавского научного общества, я делал доклад на подобную тему (опубликован в 1951 г.).

Говоря о первых попытках толкования слова *тӱрк*, уже в VII в. следует отметить один из старейших арабских хадисов, в котором сопоставляется наименование *тӱрк* ترك с арабским глаголом *т(а)р(а)к(а)* ترك 'бросать', 'оставлять (в покое)' (ср. III форму تارك 'заключать перемирие').

Итак, в английском учебнике древней мусульманской традиции — науки о хадисах — как первый хадис о тюрках мы читаем [3]: تَارِكُوا ٱلتُّرْكَ مَا تَارَكُوكُم 'оставьте (с миром) тюрков, пока (поскольку) они вас оставляют в покое'.

Этот хадис в разных довольно важных для исследования вариантах встречается во многих географических и исторических трактатах таких арабских писателей, как Джāхиз и т. д. Проследим несколько примеров.

Арабский географ X в. Абӯ-л-Фарадж Кудāма из Багдада в сочинении *Китāб ал-харāдж* приводит этот хадис с пояснением, что, мол, мусульмане не ведут войны с тюрками, ибо так им завещал пророк Мухаммед [4]:

وليس يكاد المسلمون يغزون الترك لقول النبى صلّعم تاركوا الترك ما تركوكم [sic!]

У другого арабского географа, по происхождению перса, Ибн ал-Факӣха ал-Хамадāнӣ (из Хамадана) в сочинении *Китāб ал-булдāн* (начало X в.) мы находим изречение Мукāтила ибн Сулеймāна (умер в Басре в 767 г.), где уже довольно явственно

[3] Ср. A. J. Wensinck, *A Handbook of early Muhammadan tradition alphabetically arranged*, Leyden, 1927, p. 232 s. v. «Turks». Кстати, хадис этот подтвержден только традиционалистом Абӯ Дāвӯдом ал-Сиджистанӣ (жил в 817—888 гг. в Багдаде и Басре). Не цитирует этот хадис сборник Бухāрӣ.

[4] Ср. *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik (Liber viarum et regnorum)* auctore Abu'l-Kâsim... Ibn Khordâdhbeh et Excerpta e Kitâb al-Kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far... edidit M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1889, (BGA VI), p. ٢٦٢ (текст). Там же (стр. 204), французский перевод «Les Musulmans n' entreprennent que rarement des expéditions contre les Turcs, parce que le Prophète a dit: «Laissez les Turcs, tant qu'ils vous laisseront».

указана «народная» этимология (adideacja), сочетание названия *тӯрк* с арабским корнем ترك[5]:

قال مقاتل بن سليمان و انما سمّوا الترك لانهم تركوا خلف الردم

«Сказал Мукāтил сын Сулеймāна: И так вот называются тюрки (*тӯрк*) потому, что оказались заброшенными (оставленными) за валом».

Хотя в другом месте своего сочинения упомянутый автор приводит хадис в его «традиционной» форме[6]:

وقد جاء فى الحديث تاركوا الترك ما تاركوكم

Первая редакция более интересна, ибо указывает на смешение этого хадиса со старейшей традицией, связанной с библейской легендой в обработке Корана о народах Гог и Магог (по-арабски Йāджӯдж ва-Мāджӯдж) и охранном вале, построенном Александром Македонским. Ту же традицию мы находим у Джāхиза (IX в.), который в трактате مناقب الاتراك *Манāкиб ал-атрāк* («О превосходных качествах тюрков») приводит завещание (*васӣйа*) Искандера Зӯлкарнайна («Двурогого») арабскому миру (هذه وصيه لجميع العرب) не трогать тюрков и прибавляет изречение, где явна игра слов *тӯрк* и *трк* («оставлять в покое»)[7]:

وبقوله اتركوهم سمّوا الترك

т. е. «и от слова *утрукухӯм* 'оставьте их в покое' они и называются *тӯрк* (*тюрки*)».

Явный анахронизм, каким является упоминание Александра Македонского наряду с тюрками, может иметь связь с историческим процессом VIII—IX вв., когда арабы действительно не вели войны против тюркских народов, а довольствовались политикой обороны от кочевников из-за Окса (Аму-Дарьи). На эту политику указал в свое время В. В. Бартольд в доскональных лекциях по истории Средней Азии, читанных в Стамбульском университете [8].

---

[5] Ср. Compendium Libri Kitâb al-Boldân, auctore Ibn al Fakîh al-Hamadhânî, edidit M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1885 (BGA, V), p. ۲۹۹. Надо здесь упомянуть, что Мукāтил как «традиционалист», т. е. авторитет по хадисам, не заслуживает слишком большого доверия по мусульманским источникам (ср. *Enzyklopaedie des Islām*, t. III, p. 708, s. v. Muķātil b. Sulaimān: «Das Ansehen des Muķātil als Überlieferers ist nicht gross»).

[6] Ср. Ibid., p. ۳۱۲.

[7] Ср. *Tria opuscula auctore*... al-Djahiz Basrensi, edidit G. van Vloten, Lugduni Batavorum, 1903, p. ۴۹. Ср. немецкий перевод: O. Rescher, *Das Schreiben des Dschâhiz . . . über «die Vorzügen der Türken»*, — «Orientalistische Miszellen», Konstantinopel, 1925, p. 162: «Und von dem Ausdruck „utrukûhum" bekamen die Türken den Namen „Turk"».

[8] Ср. W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens*, Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, Berlin, 1935, S. 42—43; франц.

И так же, как некогда китайцы возвели великую стену, обороняясь от северных кочевников, как в раннем средневековье иранцы, особенно в эпоху Сасанидов, на Аму-Дарье строили караульные башни (منارة) и крепостные стены, обороняясь от туранцев [9], так и арабские завоеватели не решались вначале перейти черту оседлости в долине Зеравшана и на границе Мавераннахра строили сильные укрепления и стены, которые должны были, по их мнению, задержать тюркских кочевников. О таких стенах, построенных, например в окрестностях Джурджана свидетельствует упомянутый нами арабский географ X в. Ḳудāма [10]:

و من الثغور الكبار ثغر الترك ولهم بريّة مما يلى بلاد جرجان يخرجون منها وكان اهلها قد بنوا عليها حائطا من اجُرّ تحصُّنا من غاراتهم

Я позволил себе задержаться на этом вопросе, ибо, хотя, казалось бы, сведения об этом давно введены в науку, некоторые авторы все еще придерживаются старого (столетнего!) мнения, якобы тюрки наподобие иранцев были обращены в ислам «огнем и мечом» и были объектом «священной войны» джихāда! [11].

перевод: *Histoire des Turcs d'Asie Centrale* в обработке m-me M. Donskis, Paris, 1945, pp. 70—71.

[9] Ср. повествование Фирдоуси (Tadeusz Kowalski, *Les Turcs dans le Šāh-nāme*, — «Rocznik Orientalistyczny», 1949, t. XV, str. 87).

[10] Ср. BGA VI, p. 261; там же, франц. перев. (стр. 202): «Une des frontières les plus importantes est celle des Turcs. A leur domaine appartient un désert dans le voisinage du Djordjân, et ce pays a été infesté par eux jusqu'à ce que les habitants eussent construit une muraille en briquet pour se protéger contre leur invasions». О первых сооружениях этого типа в Средней Азии в III в. до н. э., а также, что арабами «для защиты от набегов кочевников долины Чирчика были построены в VIII в. длинные стены», писал уже В. Бартольд (*Сочинения*, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 111, 118—119).

[11] Ср., например, Ernst Mainz, *Die Türken in der klassischen arabischen Literatur*, — «Der Islam», t. XXI, 1933, S. 279: «Die Türken als Heiden waren eben Objekte des Glaubenskrieges». Там же (стр. 280), цитируя хадис, упомянутый Хамадāнӣ (ср. выше), Майнц совершенно произвольно заключает, что он якобы свидетельствует о «ненависти» («dieser Hass») арабов к тюркам. На это ссылался также I. Goldziher (*Muhammedanische Studien*, Halle, 1888, I, Exc. VI, стр. 270, «Traditionen über Türken»). Указывая на совпадение наименования *тӱрк* с арабским *тарака*, он считает это проявлением антагонизма арабов к тюркам. В дальнейшем мы постараемся доказать, что здесь сказывается недоразумение.

В этом отношении все цитированные авторы (сюда можно привлечь такие знаменитости, как Noeldeke, о чем писал уже Бартольд) в своих высказываниях о роли тюркских народов следуют мнению арабских улемов, о которых век тому назад (!) G. Wetzstein писал (*Der Markt in Damascus*, — ZDMG, XI, 1857, S. 475): «Die Ulema behaupteten halb im Scherz, die Türken (Osmanli) seien Ungläubige. . . ferner seien sie bekanntlich eine Abteilung von Gog und Magog, die durch ein Versehen ausserhalb der grossen Mauer gelassen worden seien (et-turk, gleichsam die Zurückgelassenen von ترك)».

Такими же неправильными представляются мне и попытки некоторых немецких ученых (особенно в годы фашизма) изобразить роль тюрков как соответствующую роли германцев времен Одоакра! [12]

Как известно, не пики арабских воинов джихāда, но копыта тюркских кочевников разрушили возведенные стены.

О том, что хадис о тюрках надо понимать именно как предостережение арабам и завещание о перемирии, свидетельствует также арабский трактат начала XI в. كتاب تفضيل الاتراك على سائر الا جناد
Китāб тафдӣл ал-атрāк 'ала сā'ир ал-аджнāд («Книга о доблестях тюрков [и превосходстве] по отношению к другим полчищам»)[13]. Автор трактата Ибн Ҳассӯл, приведя известный уже нам хадис в форме قول رسول الله في الترك («Слово пророка о тюрках») تاركوا الترك ما تركوكم
(здесь в конце употреблена I форма вместо III от глагола ترك), добавляет, что это завещание произнес пророк, хотя одновременно взывал к принятию ислама всех, черных и красных, т. е. арабов и персов[14]:
هذا مع قوله عليه السلام انى بعثت الى الاسود و الاحمر يعنى العرب و العجم
и приказывал бороться со всеми народами, пока те не примут ислама:
واصره ان يقاتل الا مم حتى يظهروا كلمة الا سلام

Чтобы выяснить происхождение хадиса, надо обратить внимание на некоторые обстоятельства, до сих пор не замеченные авторами, писавшими на эту тему. Дело в том, что традиционный пересказ о необходимости мирного сожительства с тюрками в старейших хадисах относится не к тюркам, но к эфиопам. Конечно, такой хадис еще более подходит к историческим связям Аравии времен Мухаммеда и можно предполагать — чего нельзя, безусловно, утверждать по отношению к тюркским народам, — что основоположник ислама мог произнести приписываемое ему изречение об эфиопах.

[12] Ср. R. Hartmann, *Die Religion des Islam*, *Eine Einführung*, Berlin, 1944, S. 35; Taeschner, *Geschichte der arabischen Welt*, Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1944, S. 123; «Die zweite Etappe der türkischen Völkerwanderung, die etwa der des germanischen Soldatenkönigs Odoaker entspricht . . .».

[13] Ср. Abbas Azzavî, *Ibni Hassul'ün Türkler hakkında bir eseri*, Türkçeye çeviren Şerefeddin Yaltkaya, — «Belleten», Türk Tarih Kurumu, c. IV, sayı 14—15, Ankara, 1940, s. 261 (в приложении арабский текст, стр. ٤٢).

[14] Об обозначении арабов как «черных» и персов как «красных» упомянул в свое время I. Goldziher (*Muhammedanische Studien*, 1888, Bd I, S. 268—269).

Нам известны попытки (неудачные) времен Мухаммеда и халифа Омара (VII в.) привлечь Эфиопию к исламу. Так, в сборнике старейшей арабской традиции формула اتركوا ʿоставьте с миром' относится именно к эфиопам[15]:

اُتركوا الحشبة ما تركوكم

«оставьте в покое эфиопов (*х̣абаша*), пока (поскольку) они вас оставляют».

В другом варианте хадиса этническое наименование *х̣абаша* (эфиопов) упоминается уже наряду с тюрками, причем для х̣абаша употреблен глагол ودع ʿоставить', а для *тӱрк* (ترك) «созвучный» глагол *т(а)р(а)к(а)* ترك:

دَعُوا الحشبة ما ودَعوكم واتركوا الترك ما تركوكم

«оставьте эфиопов, пока они вас оставляют, и оставьте в покое тюрков, пока они вас оставляют в покое».

Мне кажется логичным вывод, что первичный хадис об эфиопах позже перенесен на тюрков.

Соединение эфиопов и тюрков в одну группу встречается также в изречениях, приписываемых уже не пророку, а Муавии, основателю династии Омейядов[16]:

لا تبعثوا الرابضين

«не будите (т. е. не взывайте к исламу) двоих лежачих (с поджатыми ногами)»[17].

Комментаторы придерживаются единого мнения, что форму dualis الرابضان надо отнести к *х̣абаша* и *тӱрк*, т. е. к эфиопам и тюркам.

В позднейших источниках обе традиции сливаются вместе, знаменитый Йāк̣ӯт (ум. в 1229 г.) цитирует это изречение Муавии в форме[18]:

وعن معاويه لا تبعث الرابضين اتركوهم ما تركوكم الترك و الحبشة

---

[15] Ср. A. J. Wensinck, *Concordance et indices de la tradition musulmane*, Leiden, 1936, t. I, p. 271.

[16] Ср. E. W. Lane, *An Arabic-English Lexicon*, London, 1863—1874, b. I, pt 3, p. 1013, s. v. ربض.

[17] Употребляется обыкновенно о коровах, овцах и т. д. Ср. A. de Biberstein-Kazimirski, Dictionnaire Arabe-Français, Paris, 1960, p. 806: رابض «couché les jambes ployeés (moutons, les boeufs, les chèvres) quand ils reposent», الرابضان «Nom, sur lequel les Arabes comprennent les Turcs et les Abyssins».

[18] Ср. *Jacut's Geographisches Wörterbuch*, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Bd 1, Leipzig, 1866, S. 838. Здесь можно бы упомянуть, что противопоставление эфиопов (*х̣абаша*) и тюрков арабам имеет свои аналогии также при описании разного типа (كيفية) этих народов, ср. V. Minorsky, *Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turks and India*, London, 1942, vol. XXII, p. 156.

«И от Муавии: не взывай к двоим лежачим (с поджатыми, скрюченными ногами), оставьте их в покое, пока они вас оставляют, т. е. тюрков и эфиопов (*ḫабаша*)».

В связи с хадисами, представляющими тюрков как сильных и опасных противников, с которыми лучше не затевать распри, остается изречение не пророка Мухаммеда, но зато его ближайшего сподвижника ʿАбдуллаха ибн Масʿӯда, записанное со слов так называемой цепи традиционалистов только два столетия спустя (первая половина IX в.) в сочинении *Китāб аṭ-ṭабаḳāт* («Книга классов»), составленном Ибн Саʿд'ом во времена халифа Муʿтаṣима (833—842).

В этой традиции в форме диалога сохранилось так называемое предсказание о возможных судьбах арабов [19], которых тюрки якобы могут загнать туда, где растут «степные травы».

Эту традицию, которую в очень скудном пересказе привел К. Брокельман [20], следует здесь повторить полностью [21]:

قال عبدالله كيف انتم اذا أُخْرِجْتم الى منابت الشيح و القَيصوم قالوا و من يُخْرِجنا قال التُرْك

«Сказал ʿАбдуллāх: А как же [это случится] с вами, когда будете выведены туда, где растут [степные травы]: шӣḫ (полынь) и ḳайṣӯм. Сказали: А кто нас выведет? Сказал: Тюрки (*тӱрк*)».

Кстати, надо отметить, что арабскому названию شيح *шӣḫ* (арабские словари дают значения: «véronique, absinthe; полынь») в арабско-тюркских (кипчакских) словарях соответствует тюркский эквивалент *йевшан* — слово, хорошо известное также в летописях. Когда половецкий предводитель Отрок не возвращался в степь, сородичи направили к нему посла с пучком степной травы евшан и с наставлением: «Дай ему поухати зелья именем эвшань», — так говорится в Ипатьевской летописи под 6709 г. (1201). Об этом романтическом эпизоде, «овеянном ароматом

---

[19] Для сравнения можно бы указать на аналогичные «предсказания» о роли турок в XVI в.; ср. Jean Deny, *Les pseudoprophéties concernant les Turcs*, — «Revue des Études Islamiques», Paris, 1938, pp. 201—220.

[20] Ср. C. Brockelmann, *Geschichte der islamischen Völker und Staaten*, München — Berlin, 1939, S. 119: «Schon Ibn Ssa'd legt in seinem unter al-Mu'tassim verfassten Klassenbuch einem Gefährten des Propheten die Weissagung in den Mund, die Türken würden die Araber w i e d e r in ihre Wüsten zurückjagen». Следует отметить, что подчеркнутого нами слова wieder («снова») в оригинальном тексте нет. Можно интерпретировать, как угрозу вовлечения арабов в степи, занимаемые тюрками? Ср. выше.

[21] Ср. Ibn Saad, *Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht*, hrsg. von E. Sachau, Leiden, 1904, Bd VI; *Biographien der Kufier*, hrsg. von K. V. Zetterstéen, Leiden, 1909, S. 143.

степи», существует довольно обильная литература [22] с привлечением материала по тюркской (кипчакской) лексикографии [23].

Что касается другого названия قيصوم *ḳайṣӯм*, то его мы не находим в обиходных словарях, но его приводит Дози (Dozy) в своем «Supplément aux Dictionnaires arabes»: قيصوم «aurone (plante), santoline». Даже словарь *Муḳаддимат ал-адаб* Замахшари не содержит этого слова [24].

На этом мне представляется удобным закончить статью, хотя, конечно, этим не исчерпывается вопрос об арабских хадисах о тюрках. Здесь, может, следовало бы рассмотреть также хадис, известный в сокращенном виде как قتال الترك завет «борьбы против тюрков» [25], но для выяснения, как в течение веков нарастало и изменялось это неприязненное отношение в мусульманской традиции, надо бы привлечь много других материалов, а это, как говорится, «совсем другая история». Здесь я ограничился старейшими хадисами, связанными с наименованием тюрков и их кочевническим происхождением. В этом отношении мне приятно было следовать тематике наших (частично) предшественников Т. Ковальского и А. Н. Самойловича. В своей статье «Die ältesten Erwähnungen der Türken in der arabischen Litteratur», (1927 г.) Т. Ковальский, expressis verbis, признался, что замысел статьи появился у него под влиянием работы польского «увлекающегося» арабиста. Мне хотелось продолжить это «увлечение» арабо-тюркской тематикой.

---

[22] Ср., например, В. Гордлевский, Что такое «босый волк»?, — ИАН СССР, Отд. лит. и яз., т. VI, 1947, стр. 322.

[23] Ср. Ananiasz Zajączkowski, *Związki językowe połowiecko-słowiańskie*, Wrocław, 1949, str. 24—25 (примеры из многих арабо-тюркских словарей, в том числе *Муḳаддимат ал-адаб*, с переводом «иссоп»). Ср. новейшую работу (не всегда учитывает предшественников): Omeljan Pritsak, *Two names of steppe plants*, — «International Journal fo Slawic Linguistics and Poetics», The Hague, 1964, VIII, pp. 37—40.

[24] Ср. новейшее тегеранское издание: *Pishro-ve-Adab, or Muqhaddamato-l-Adab* (*The oldest Arabic-Persian «Philological dictionary»*) by Zamakhsharī, ed. by Moh. Kazem-Emam, Tehran, 1963.

[25] Ср. A. J. Wensinck, *A handbook of Early Muhammadan Tradition*, Leyden, 1927, p. 232: «When the Turk—will be combated»; ср. A. Zajączkowski, *Charakterystyka Turków w świetle piśmiennictwa arabskiego*, Warszawa, 1951, str. 45—47.

С. Г. Кляшторный

ТОНЬЮКУК — АШИДЭ ЮАНЬЧЖЭНЬ

Древнетюркские рунические памятники Северной Монголии по мере их филологической и историографической разработки все более заслуживают право на признание за ними роли основного источника по истории второго Восточнотюркского каганата. В отличие от всех других рунических памятников, не исключая и сохранившихся древнеуйгурских орхонских надписей, древнетюркские орхонские тексты содержат, взаимно дополняя друг друга, связное изложение истории одного государства от его создания до начала упадка, рассказанное от имени крупнейших деятелей этого государства.

Политическая тенденциозность каждого из таких повествований еще более повышает ценность источника, так как сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет проследить социальные конфликты и политические противоречия внутри каганата гораздо лучше, чем при знакомстве с протокольными описаниями аналогичных событий в китайских анналах. Вместе с тем опыт показывает, что наилучшие историографические результаты могут быть достигнуты при сопоставительном изучении трех независимых друг от друга групп источников — древнетюркской, китайской и арабо-персидской. При этом на современном этапе исследовательской работы такого рода сопоставления не могут ограничиться задачами корреляции информационных уровней различных групп источников; еще не завершен поиск надежных отождествлений в сравниваемых потоках информации, отождествлений, которые могли бы стать исходными рубежами для дальнейших исследований.

Одной из важнейших проблем такого поиска продолжает оставаться гипотеза Ф. Хирта, согласно которой Ашидэ Юаньчжэнь, первый советник и главнокомандующий войсками Кут-

луга (Ильтериш-кагана), упоминаемый в *Тан шу*, отождествлен с Тоньюкуком, крупнейшим государственным деятелем каганата при Ильтерише и его ближайших наследниках, надпись которого содержит материал, сопоставимый по своему значению лишь с данными Кошоцайдамских стел [1]. Принятая в свое время большинством исследователей, эта гипотеза позволила создать убедительную картину возникновения и раннего этапа истории Восточнотюркского каганата, наметить основные пункты схождений и синхронизировать события, упоминаемые в древнетюркских и китайских источниках, исправить ошибки, содержащиеся в одной из групп источников, полнее оценить значение политической дискуссии, нашедшей отражение в памятниках каганата.

В последние годы, однако, гипотеза Хирта стала объектом довольно резкой критики, разрушавшей сложившуюся систему историографических посылок, на которой базировались существующие представления об истории каганата. Наиболее полно доводы, обосновывающие негативную оценку гипотезы, выражены в комментарии Лю Мао-цзая к его переводу соответствующих разделов *Тан шу* [2].

Мы имели случай подробно остановиться на исторической стороне проблемы и показать, что гипотеза Хирта может быть подтверждена аргументами, снимающими возражения Лю Мао-цзая [3]. Теперь появилась возможность проверки этой гипотезы результатами ономастического анализа.

Попытки объяснения имени [runic] *Tonjuquq* ([runic] *Toñuquq*) предложили недавно Р. Жиро и В. М. Наделяев. Р. Жиро читает это имя, как Tony Yuquq, что, по его мнению, должно означать: «тот, кто носит засаленную (замаранную жиром) одежду» [4]. В. М. Наделяев, основываясь на некоторых фонетических закономерностях, предопределивших одно из возможных истолкований рунического знака [runic], встречающегося в одном из вариантов написания анализируемого имени, возводит это имя к реконструируемому им в древнетюркском языке

---

[1] F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. I. Zeit des Ku-tu-lu* (*Il teres khan*), — в кн.: W. Radloff; Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Z. F., St.-Pbg., 1899, S. 1—140.

[2] Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken* (*Tu-küe*), Bd II, Wiesbaden, 1958, S. 594—597 (далее — Liu Mau-tsai).

[3] S. Kljaštornyj; *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken*, — UAJ, Bd 34, 1962, H. 1—2, S. 156; С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, М., 1964, стр. 27—30.

[4] R. Girau, *L'inscription de Bain Tsokto*, Paris, 1961, pp. 65—66.

слову **tuǰuq* 'копыто'. Все имя объясняется как композит **tuǰuq-oq* 'копыто-стрела' [5].

Авторы обеих этимологий упустили из виду обстоятельство, полностью снимающее их предположения, — анализируемое имя состоит из двух хорошо известных в древнетюркской ономастике элементов-слов, каждое из которых использовалось обособленно в сохраненных источниками гонорофорных именах тюркской и уйгурской аристократии VII—IX вв. [6]; ср.: *Ton* (*Tun*) *jabγu qaγan* (*Ton yabgo* тибетских документов) [7]; *Ton tudun* [8]; *Ton tegin* [9]; *Ton tarкan* в *Махрнамаг* [10]; *Yü-ku* (**iwok-kuk*) *šad* [11].

Первая попытка этимологического объяснения обоих элементов имени принадлежит турецкому филологу Али Ульви-Элёве [12]. Слово *ton* широко распространено в тюркских языках и его истолкования как 'первый', 'первенец' не вызывает сомнений; ср. у Махмуда Кашгарского — *tun oγul* 'первый ребенок (мальчик)', *tun kyz* 'первый ребенок (девочка)' [13]; алт. *тун пала* 'первенец'; хакас. *тун* 'первенец', тувин. *дун* 'первый', 'первенец', кирг. *тун* 'первенец'; узб. *тўнгич* 'первенец'. В слове *joquq* Элёве справедливо видит отглагольное существительное, образованное с помощью аффикса -(*u*)*q* от глагольной основы **joq-*. Однако сближение **joq-* с тур. *yükselmek* 'возвышаться' не обосновано.

Косвенным доводом в пользу предположения Элёве может послужить выражение *jok jär* 'возвышенное место', зарегистрированное Махмудом Кашгарским (III, 4), которое, впрочем, пока не разъяснено. Общий вывод Элёве о значении имени *Tonjuquq* — 'первый вельможа' — не может считаться доказанным.

---

[5] В. М. Наделяев, *Чтение орхоно-енисейского знака* ꞓ *и этимология имени Тоньюкука*, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 197—213.

[6] Первым обратил внимание на этот факт К. Цегледи (K. Czeglédy, *Herakleios török szövetségesi*, — MN, t. 49, 1953, № 3—4, p. 320).

[7] Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, Recueillis et commentés par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI), pp. 3—4, 14, 24—28, 52—55 (далее — Chavannes); J. Bacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint, *Documents de Touen-Houang relatifs à l'histoire du Tibet*, Paris, 1940—1946, pp. 38—39.

[8] Chavannes, pp. 28, 56.

[9] Liu Mau-tsai, Bd I, S. 201.

[10] F. W. K. Müller, *Ein Doppelblatt aus einem manichäischen Hymnenbuch* (*Mâhrnamag*), Berlin, 1913, S. 10, Z. 60.

[11] Chavannes, p. 377; Liu Mau-tsai, Bd II, S. 577; K. Czeglédy, *Čoγau-quzï*, *Qara-qum*, *Kök-öng*, — AOH, t. XV, 1962, p. 65.

[12] A. U. Elöve, *Bir yazı meselesi üzerine*, — TDAY, 1958, S. 70.

[13] Mahmud al-Kaşgarî, *Divanü lûgat-it-türk*, c. III, Ankara, 1941, S. 137.

Более вероятной мне представляется возможность интерпретации здесь глагола **joq-/*juq-* в значении ‘хранить’, ‘ценить’, известном по древнеуйгурским юридическим документам; ср.: *män juqajyn joq qylɣai sän* ‘я буду (его) хранить, ты (его) потеряешь’ [14]. Тогда отглагольное существительное на *-uq* дало бы значение ‘то, что сохраняется’, ‘клад’, ‘сокровище’.

Если обратиться к анализу китайского композита *Юаньчжэнь*, также состоящего из двух слов-элементов *юань* и *чжэнь*, то значение имени не вызывает сомнений: *юань* ‘первый’, ‘первородный’, ‘первенец’; *чжэнь* ‘драгоценность’, ‘сокровище’ [15]. Китайское *Юаньчжэнь* калькирует тюркское *Tonjuquq* с общим значением ‘первородная драгоценность’, ‘первенец-сокровище’. Делается понятным и частое обособленное использование обоих элементов тюркского имени в гонорофорных именах знати.

Таким образом, возможно констатировать, что гипотеза Ф. Хирта о тождестве Ашидэ Юаньчжэня с Тоньюкуком находит не только историческое, но и ономастическое подтверждение.

---

[14] С. Е. Малов. *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 202—203; словарь (стр. 389).

[15] Пользуюсь случаем поблагодарить В. С. Колоколова и Л. Н. Меньшикова за любезную консультацию.

Л. Р. Кызласов

О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА *БАЛБАЛ* ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАДПИСЕЙ

Общеизвестно наличие термина *балбал* в древнетюркских памятниках Кюль-тегина, Бильге-кагана, Алп Элетмиша (Онгинская надпись) и др. Как всякий неизвестный термин вновь открытого языка, термин *балбал* доставил ученым много хлопот [1]. И до сих пор иногда ошибочно отождествляют с *балбалами* орхоно-енисейских руноподобных текстов древнетюркские каменные изваяния человека («каменные бабы»). Начало этой ошибке было положено еще Н. И. Веселовским, которого неосмотрительно поддержал В. В. Бартольд [2].

При этом забывают работы В. Л. Котвича, доказавшего, что *балбалами* назывались только каменные столбики или плиты без всяких следов обработки, ставившиеся в ряд у поминальных памятников по количеству убитых врагов, а не каменные фигуры людей [3].

Мне уже пришлось специально рассматривать назначение древнетюркских каменных изваяний людей. После внимательного изучения всех известных ныне письменных, эпиграфических и археологических фактов, а также данных этнографии,

---

[1] П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-тегина*, — ЗВОРАО, XII, вып. 2 и 3, СПб., 1899, стр. 4.

[2] Н. И. Веселовский, *Современное состояние вопроса о «каменных балах» или «балбалах»* — ЗООИД, XXXII, Одесса, 1915; В. В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов*, — ЗВОРАО, XXV, Пг., 1921; ср. также П. М. Мелиоранский, *Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве»* — ИОРЯС, т. VI, кн. 2, СПб., 1902, стр. 208.

[3] W. Kotwicz et A. Samoïlovitch, *Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale*, — RO, IV, Lwow, 1928, pp. 79—80; W. Kotwicz, *Les tombeaux dits «kereksur» en Mongolie*, — RO, VI, Lwow, 1929; Idem, *Kilka uwag o t. zw. babah kamennych*, — «Sprawozdania Polskiej Akademji Umiejętności», Kwiecień, 1928, № 4; Idem, *Quelques remarques encore sur les statues dites «baba» dans les steppes de l'Eurasie*, — RO, XIII, Lwow, 1937.

оказалось, что каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев, что каменное изображение умершего у древних тюрок предназначалось для замены погребенного на его поминках, т. е. должно было служить «вместилищем» одной из душ умершего, которая «принимала участие» в поминальном пиршестве [4].

Ни на одном человеческом изваянии нет древнетюркских надписей с указанием, что это *балбал*. Зато такие надписи дважды обнаружены на простых камнях у древнетюркских памятников Бильге-кагана и Алп Элетмиша (Онгинском), стоявших в начале ряда настоящих *балбалов*. Они гласят: «Это каменный балбал шада толесов» и «Балбал Сабра таркана» [5]. О внешнем виде этих каменных плит — *балбалов* — можно судить по опубликованной фотографии А. О. Гейкеля (*балбал* у памятника Бильге-кагана) и по рисунку в альбоме В. В. Радлова (*балбал* у Онгинского памятника) [6]. Они не имеют ничего общего с каменными фигурами, изваяниями или статуями людей.

Отсюда можно сделать только один вывод: *балбал* — это не изображение и тем более не статуя, изображающая главного врага, а лишь — камень, символизирующий убитого врага и не имеющий особой формы, достигавшейся специальной обработкой. Ряды таких простых камней — *балбалов* — зафиксированы археологами у многих древнетюркских поминальных памятников, в том числе у памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана [7].

Из текстов самих древнетюркских поминальных памятников также следует лишь то, что *балбал* символизирует убитого врага: «их витязей убив, я приготовил (себе) балбалов» (памятник Бильге-кагана, Ха, 7); «их (убитых) героев — мужей он поставил балбалами» (Онгинский памятник, 3); «В честь моего отца — кагана во главе (вереницы камней — балбалов) поставили балбалом

---

[4] Л. Р. Кызласов, *Тува в период тюркского каганата* (VI—VIII вв.) — ВМУ, серия IX, исторические науки, 1960, № 1; его же, *О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей*, — СА, 1964, № 2.

[5] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, *Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме*, — СТОЭ, IV, СПб., 1897, стр. 7 (далее — Радлов и Мелиоранский); С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 11; W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, III L., SPb., 1895, S. 243, 252, 454 (далее — Radloff).

[6] См. В. В. Радлов, *Атлас древностей Монголии*, III, СПб., 1896, LXXXIII, 5; «Inscriptions de l'Orkhon recueilles par l'expedition finnoise 1890», Helsingfors, 1892, табл. 40.

[7] В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский; L. Yisl, *Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-tegin*, — «Denkmals durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958. Ural-Altaische Jahrbücher», Bd XXXII, H. 1—2, Wiesbaden, 1960.

Баз-кагана. . .», или: «(В честь моего дяди — кагана) я поставил во главе (вереницы камней—балбалов) балбалом кыргызского кагана» (памятник Кюль-тегина, б, 16 и 25).

Совершенно правильно переводил термин *балбал* В. В. Радлов: «der Steinpfeiler», т. е. «каменный столб» (например: «каменный столб шада толесов»)[8]. А. Габэн объясняет *балбал* как «Schandmal» — «знак позора» для убитого врага[9]. Такие переводы, как «изображение», «изваяние», «статуя» и т. п. — произвольны и ничем не могут быть обоснованы.

В текстах руноподобных надписей почти всюду говорится о *балбалах* во множественном числе, и это вполне сопоставимо с длинными рядами вертикально врытых каменных столбиков, отходящих на восток как от поминальных сооружений древнетюркской знати (Бильге-кагана, Кюль-тегина и др.), так и от многих оградок рядовых тюркских воинов VI—VIII вв., изученных археологами на территории от Казахстана до Китая и от Алтая до Тянь-Шаня.

Это же подтверждается данными всех китайских хроник, сообщающих о древних тюрках VI—VIII вв. В них говорится, что умершему тюрку, «если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»[10].

Таким образом, на основании письменных и археологических источников, можно считать установленным, что древнетюркский термин *балбал* означал вертикально врытый у поминального сооружения камень, символизировавший убитого врага. Нет никаких фактов, которые позволили бы связывать древнетюркские изваяния людей с термином *балбал*, позволили бы считать, что *балбал* — это статуя. Что касается палеоэтнографической расшифровки, то изваяния людей и балбалы-столбики имели совершенно разное назначение в поминальном обряде древних тюрок.

Настоящее разъяснение, очевидно, необходимо иметь в виду при переводах и исследованиях древнетюркских текстов.

---

[8] Radloff, III, S. 234—235, 243, 252.

[9] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 300.

[10] Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 230; Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der ost-türken* (*T'u-küe*), Bd I, Wiesbaden, 1958, S. 10, 42; Bd II, S. 500.

М. С. Михайлов

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И НАЗЫМ ХИКМЕТ

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем. . .

С. Есенин

В истории культурных связей между Россией и Турцией примечательной датой является 1883 год, когда было переведено на турецкий язык первое произведение русской литературы — «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

С той поры и по настоящее время почти все крупные произведения прозаической русской, отчасти советской литературы оказались переведенными на турецкий язык и выходили в различных изданиях. Переведены произведения Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, М. А. Шолохова и др.

Между тем произведения русских и советских поэтов не были переведены на турецкий язык. Это можно объяснить главным образом тем, что техника стихотворного перевода с русского языка, не имеющая в Турции никакой традиции, естественно, создает затруднения для перевода.

Тем не менее можно считать установленным, что творчество Назыма Хикмета, в первый раз приехавшего в Москву в 1921 г., развивалось под влиянием советской поэзии, особенно поэзии В. В. Маяковского. Назым Хикмет писал о том, что он у Маяковского учился, что он — его ученик [1].

Стихи Сергея Есенина также не были переведены на турецкий язык. Вместе с тем в некоторых стихотворениях Назыма Хикмета, особенно в «Плакучей иве», можно усмотреть образы, характерные для Есенина.

Это вполне объяснимо, если учесть, что годы первого пребывания Назыма Хикмета в Советском Союзе (1921—1924) приходятся на годы большой известности Сергея Есенина.

[1] Запись Назыма Хикмета от 4.XII.1954 в книге посетителей дома-музея В. В. Маяковского; Назым Хикмет, *У Владимира Маяковского*, — «Литературная газета», 29.XII.1951.

14 Заказ № 1037

Подчеркнем, что стихотворение Назыма Хикмета «Плакучая ива», в котором встречаются есенинские образы, написано в 1929 г.

Прежде чем перейти к сопоставлению образов Сергея Есенина и Назыма Хикмета, приведем стихотворение «Плакучая ива» («Salkım Söğüt») в дословном переводе [2].

Плакучая ива

Текла река,
Отражая в зеркале своем ивы.
Ивы омывали в реке свои волосы.
Блестящие обнаженные сабли ударяя об ивы,
Мчались красные всадники туда, где заходит солнце.
Вдруг,
Словно птица,
Подстреленная в крыло,
Раненый всадник свалился с коня.
Не крикнул он,
Уезжавших назад не позвал,
Посмотрел только глазами, полными слез,
На сверкающие подковы удалявшихся коней.
Как жаль,
Как жаль его,
Что больше он уж не прильнет ко взмыленной шее
Летящего во весь опор коня,
Не будет размахивать саблей против белых орд.
Цоканье копыт замирает постепенно,
Кони пропадают там, где заходит солнце.
Всадники, всадники, красные всадники,
Кони их ветрокрылые,
Кони их ветрокрыл...
Кони их ветер...
Кони их...
Конь...
Словно ветрокрылые всадники, прошла жизнь,
Замерло журчанье текущей реки.
Пали густые тени.
Краски померкли.
Черные покровы пали
На голубые глаза реки,
Свесили ивы
Свои рыжие волосы.
Не плачь, ива,

---

[2] Перевод осуществлен по изд: Nâzım Hikmet, *835 satır*, İstanbul, 1929.

Не плачь.
В черном зеркале реки не скрещивай рук.
Не скрещивай рук.
Не плачь.

В этом стихотворении мы видим излюбленные есенинские образы: ива, скачущий всадник, кони, подковы, ветер.

Сопоставим образы Сергея Есенина и Назыма Хикмета.

У Есенина:

Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.
(«Закружилась листва золотая», 1918) [3].

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет ряд плакучих ив.
(«Микола», 1913—1914).

У Хикмета:

Текла река,
Отражая в зеркале своем ивы.
Ивы омывали в реке свои волосы...
(«Плакучая ива»).

У Есенина:

Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.
(«Не жалею, не зову, не плачу», 1921).

Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.
(«Покраснела рябина...», 1916).

У Хикмета:

Мчались красные всадники, туда, где заходит солнце...
(«Плакучая ива»).

...Чтобы всадник на алом коне
Поспешил бы к нему...
(«Письма из тюрьмы», 1942—1950). [4]

---

[3] Здесь и дальше стихи С. Есенина цитируются по кн.: Сергей Есенин, *Сочинения*, т. I, М., 1956.

[4] Назым Хикмет, *Избранные стихи, 1921—1961*, М., 1964, стр. 247 (далее — *Избранные стихи*).

У Есенина:

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

(«Не жалею, не зову, не плачу», 1921).

У Хикмета:

Словно ветрокрылые всадники,
прошла жизнь.

(«Плакучая ива»).

У Есенина:

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

(«Осень», 1916).

У Хикмета:

Посмотрел только глазами полными слез
На сверкающие подковы удаляющихся
коней.

(«Плакучая ива»).

Образ красных коней встречается у Хикмета и в стихотворении «Пьер Лоти», написанном в 1925 г., т. е. раньше, чем «Плакучая ива»:

Мы в разных странах,
Но мчимся рядом на конях багряных...
Неситесь кони, вбейте звон подков
В мозг спекулянтов и биржевиков.

(«Пьер Лоти», перевод П. Антокольского) [5].

В переводе Э. Багрицкого и Н. Дементьева соответствующих мест того же стихотворения (под названием «Восток и Запад») находим «красных коней» и «шипы подков» [6]. Образы, сходные с образами Сергея Есенина, можно найти и в других стихотворениях Назыма Хикмета.

Таковы образы «рыжей кобылы» (осень) и «золотой кобылы» (весна).

У Есенина:

Тихо в чаще можжевеля по обрыву,
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

(«Осень», 1916).

---

[5] Назым Хикмет, *Стихи*, М., 1950, стр. 52 (далее — *Стихи*).
[6] *Избранные стихи*, стр. 66.

У Хикмета:

И взлетит на дыбы з о л о т а я к о б ы л а весны.
Вот тогда-то я сяду на сильную с п и н у ее
И п о м ч у с ь далеко.

(«Незаконченное стихотворение о весне», 1929,
перевод П. Шубина) [7].

В другом варианте перевода этих строк имеется образ не «золотой кобылы», а «рыжей потной кобылы»:

В е с н а должна была вздыбиться
Р ы ж е й п о т н о й к о б ы л о й,
Я должен был ей на с п и н у
Вскочить единым рывком
И мчаться верхом по волнам.

(«Незаконченное стихотворение о весне»,
перевод П. Железнова) [8].

Цитируемое стихотворение датируется 1929 г. Почти через двадцать лет образ конской головы и прогремевших подков вновь повторяется в одном стихотворении Назыма Хикмета, написанном в 1947 г.:

П р и с к а к а в из далекой Азии, п о д к о в а м и
п р о г р е м я,
К Средиземному морю тянется, как г о л о в а к о н я,
Наш этот клад,
Наш этот край.

(«Прискакав из далекой Азии. . .»,
перевод М. Павловой) [9].

Наконец, в стихотворении «О Дунае», напечатанном в 1961 г., опять возникает образ ивы:

На небе ни облачка.
И в ы д о ж д л и в ы е.
Повстречал я Дунай. . .

Дальше идет обращение поэта к самому себе:

Эх, Назым, Назым,
был бы ты
водою
Дуная. . .

(«О Дунае»,
перевод М. Павловой) [10].

---

[7] *Стихи*, стр. 83.
[8] *Избранные стихи*, стр. 120.
[9] Там же, стр. 209.
[10] Назым Хикмет, *Новые стихи*, М., 1961, стр. 41.

Этот прием обращения поэта к самому себе напоминает прием Есенина:

Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
Подымать глаза. . .

(«Проплясал, проплакал дождь весенний», 1917).

Из приведенных примеров видно, каковы образы, совпадающие у Сергея Есенина и Назыма Хикмета.

Образы Есенина не революционизированы, даны часто в розовой гамме. В гамме цветов, свойственных его поэзии, розовый цвет занимает не последнее место.

Это можно подтвердить многими примерами: «Ярче розовой рубахи зори вешние горят» («Вечер», 1915); «На закат ты розовый похожа» («Не бродить, не мять в кустах багряных. . .», 1915); «Зола зеленая на розовой печи» («О красном вечере задумалась дорога», 1916); «Закружилась листва золотая в розоватой воде на пруду» (1918); «Опрокинуться в розовость вод» (1918) и т. д.

У Назыма Хикмета образы, о которых шла речь, напротив, почти всегда революционизированы и даны часто в красной гамме в противоположность одной из любимых гамм Есенина.

Попутно отметим, что бело-черная гамма А. Блока из «Двенадцати» сменяется у Назыма Хикмета красной гаммой. Именно в стихотворении Назыма Хикмета «Пожар» («Yangın») имеется удачно переложенное на турецкий язык начало из «Двенадцати».

У Блока:

Черный вечер,
Белый снег,
Ветер, ветер![11].

У Хикмета:

Siyah gece,
Beyaz kar. . .
Rüzgâr. . . rüzgâr [12].

В начале стихотворения «Пожар» дается сочетание черного (ночь, дорога), белого (дом, чайки), желтого (фонарь, лоб у больных). Затем, когда занимается пожар, черное, белое, желтое сменяются красным:

gece kızıl, yer kızıl,
Ev kızıl, fener kızıl,
Kızıl, kızıl, kızıl [13].

---

[11] А. Блок, *Избранное*, М., 1954, стр. 177.
[12] Nâzım Hikmet, *835 satır*, İstanbul, 1929.
[13] Ibid.

Ночь — красная, земля — красная,
Дом — красный, фонарь — красный,
Красное, красное, красное.

Но нельзя утверждать, что у Хикмета все дано только в красной гамме. Так, например, в его стихотворении «Оптимистическая Прага» есть «мороз светло-розовый, мороз светло-синий» и еще раз «мороз солнечный и светло-розовый, светло-синий» [14].

Одновременно отметим, что начало этого стихотворения «Январь. Семнадцатое. . .», в дальнейшем отягощенное хронологией, заставляет вспоминать классическую строку Анны Ахматовой: «Двадцать первое. Ночь. Понедельник» (1917) [15].

В заключение остается сказать, что совпадение некоторых образов Есенина и Хикмета очевидно. Возможно, что воздействие Есенина на Хикмета этим и ограничивается. Все же надо иметь в виду, что сейчас сделана только первая попытка показать это воздействие.

С точки зрения влияния советской литературы на другие литературы важно поставить вопрос о воздействии С. Есенина, В. Маяковского и других поэтов на Назыма Хикмета не только в разрезе идеологическом, но и в разрезе поэтического мастерства, поэтики.

Необходимо продлить изыскания в этом направлении, особенно тогда, когда будут опубликованы все стихи Назыма Хикмета на турецком языке. В настоящее время во многих случаях исследователи не располагают ими. Ведь известно, что стихи Назыма Хикмета, не опубликованные на турецком языке, а иногда и опубликованные на русском, перелагались в стихи по подстрочному переводу. Именно этим и объясняется, что, например, в переводе П. Шубина — «золотая кобыла весны», а в переводе П. Железнова — «рыжая потная кобыла», о чем речь шла выше. На мой взгляд, приведенные соображения о воздействии Сергея Есенина не лишены известного интереса, тем более что его творчество было хорошо известно Назыму Хикмету.

Помимо изложенного это подтверждается еще и тем фактом, что на вечере по случаю шестидесятилетия со дня рождения Сергея Есенина Назым Хикмет произнес слово о поэте и назвал Сергея Есенина «одним из лучших и честнейших поэтов мира» [16].

«Никогда я не был на Босфоре, ты меня не спрашивай о нем»,— писал Сергей Есенин, но песни его — пусть немногие — эхом отдались в творчестве турецкого поэта.

---

[14] *Избранные стихи*, стр. 323—324.
[15] Анна Ахматова, *Стихотворения (1909—1960)*, М., 1961, стр. 124.
[16] «Вечерняя Москва», 4.X.1955.

А. Д. Новичев

ПОДГОТОВКА РЕФОРМ СЕЛИМА III

Селим III, султан Османской империи (1789—1807), потерпев неудачу в войне с Россией в 1787—1791 гг., в которой он хотел взять реванш за поражение в войне 1768—1774 гг. и вернуть Крым, начал поспешную подготовку давно задуманных им реформ, и прежде всего армейских. По его предписанию великий везир Коджа Юсуф-эфенди еще до подписания мирного договора с Россией (Ясского) потребовал от везиров и других светских и духовных сановников, находившихся при его ставке в Силистрии, высказать письменно свои соображения о положении государства и о том, как его улучшить.

Султану были представлены 22 записки-проекта (ляиха). Их авторами были 20 турецких сановников, а также швед и армянин, находившиеся тогда на государственной службе. Среди турецких авторов были великий везир Коджа Юсуф-эфенди, кетхуда (заместитель великого везира по внутренним делам) Челеби Мустафа-эфенди, везиры Салихзаде-эфенди и Амир-эфенди, румелийский кадиаскер Татарджик Абдулла-эфенди и другой представитель высшего духовенства — Хайрулла-эфенди, реис-эфенди (глава иностранного ведомства) Рашид-эфенди, дефтердар (точнее — башдефтердар — глава финансового ведомства) Шериф Мехмед-эфенди, начальник верфи Хаджы Ибрахим-эфенди и др. Нетурками — авторами записок были военный инструктур швед Брентано и армянин мусульманин Мураджа д'Оссон [1].

---

[1] E. Z. Karal, *Selim* III. *'ün hatt-ı-hümayunları. Nizam-i cedit. 1789—1807*, Ankara, 1946, s. 34—36 (далее — *Nizam-ı cedit*). Карал ошибочно называет Брентано «французским инструктором Бертрано». Мураджа д'Оссона как мусульманина звали Мураджан Хасан. Впоследствии он покинул Турцию, переселился в Париж, принял христианство и стал Мураджа д'Оссоном (В. А. Гордлевский, *Избранные сочинения*, т. III, М., 1962, стр. 187.

До нас не дошли все записки, поданные Селиму III. Лишь немногие из них опубликованы [2]. Ляиха сановников содержали мало положительного, что могло бы служить для осуществления реформ. Но они представляют интерес как источник для характеристики умонастроения различных слоев в правящих кругах Османской империи, а также для изучения ее положения в конце XVIII в.

Внимание исследователей привлекла записка Татарджика Абдулла-эфенди. Ее автор подверг резкой критике положение в государстве, где царили неурядицы. Он указывал на то, что крестьяне обременены разорительными налогами и поэтому разбегаются из своих деревень. Казна пуста и империя слаба в военном отношении. Абдулла-эфенди осуждал аянов, деребеев, но не предлагал упразднить военно-ленную систему, породившую этих феодалов — главных виновников хаоса, царившего в империи, и ее слабости. Наоборот, он рекомендовал всеми доступными средствами укрепить эту систему, что, по его мнению, должно было привести к возрождению былой силы сипахийского воинства. Такое же отношение он проявил и к янычарскому корпусу [3]. Таким образом, Абдулла-эфенди, несмотря на его критику неурядиц в империи, не понял их истинных причин. Он отстаивал отжившие социальные институты, которые и были главной причиной кризиса Османской империи [4].

Дефтердар Шериф Мехмед-паша, в противоположность Абдулла-эфенди, не видел никакой пользы от сохранения сипахийского ополчения. Он стремился сосредоточить все налоговые доходы в руках государственной казны и поэтому предлагал постепенно ликвидировать военно-ленную систему путем передачи в ведение центральных правительственных органов всех вакант-

---

[2] Краткое содержание ляиха см.: *Tarih-i Cevdet, İkinci tabi. Der-i saadet, 1309 (1891/92)*, c. 6, s. 10—52; E. Z. Karal, *Nizam-i cedide dair lâihalar, 1792*, — «Tarih vesikaları», c. I, n. 6, s. 414—425; n. 8, s. 104—111; n. 11, s. 342—351.

[3] Текст ляиха Татарджика Абдулла-эфенди опубликован в журнале «Tarih-i Osman-ı Encümen-i Mecmuası» (далее — TOEM), İstanbul, 1332, 1333 (1913/14). Он кратко изложен в сочинениях: Y. Akçura, *Osmanlı devletinin dağılma devri*, İstanbul, 1940, s. 43 (далее — Akçura); А. Ф. Миллер, *Мустафа паша Байрактар*, М.—Л., 1947, стр. 87—89; Ст. Димитров, *Политиката на управляющата върхушка в Турции спрямо спахийството през втората половина на XVIII в.*, — «Исторически преглед», 1962, кн. 5, стр. 50 и сл. (далее — Димитров).

[4] Ст. Димитров высказал правильную, по нашему мнению, мысль об общности взглядов автора известного трактата о положении Османской империи в первой половине XVII в. Кочубея Гёмюрджинского и Абдулла-эфенди и отнес последнего к консервативному лагерю.

ных тимаров и зеаметов, т. е. владений военных феодалов, в пользу которых крестьяне платили ренту.

Вместе с тем Мехмед-паша считал необходимым сохранить феодальные владения служилой знати — хассы, а также лены, принадлежавшие сановникам и дворцовым слугам.

Мехмед-паша предлагал также упорядочить к выгоде для государства владения, которыми распоряжалось духовенство, — вакфы; он внес ряд предложений, направленных на искоренение злоупотреблений при собирании налогов и расходовании государственных средств, и рекомендовал ежегодно составлять бюджет государства. Мехмед-паша полагал, что бюджет позволит выявить и устранить лишние расходы. В вопросе об армии Мехмед-паша занял решительную и прогрессивную позицию: он предлагал создать путем набора регулярную армию и обучать ее по-новому [5].

Как видно из изложенного, предложения дефтердара Мехмед-паши при всей их ограниченности носили прогрессивный характер.

Записки сановников и их предложения не принесли существенной пользы Селиму III и его сторонникам. Даже те из авторов ляиха, которые были готовы поддержать реформы, не могли предложить конкретных мер, так как не имели никакого представления о европейских государствах — об их экономической жизни, административных системах, армиях и т. п.

Гораздо большее значение для дела реформ, как это отметил турецкий историк профессор Э. З. Карал, имело донесение, представленное Селиму III главой чрезвычайного посольства в Вену Эбу Бекиром Ратиб-эфенди.

После подписания с Австрией сепаратного мирного договора (4 августа 1791 г.) султан, не мешкая, направил в Вену чрезвычайное посольство во главе с упомянутым Ратиб-эфенди. Помимо выполнения возложенной на него официальной дипломатической миссии Ратиб-эфенди должен был ознакомиться со всеми сторонами жизни Австрии: ее политическими учреждениями, финансовой организацией, армией (а также армиями других государств) и пр. Это, собственно, было главной задачей Ратиб-эфенди, возложенной на него султаном.

В лице Ратиб-эфенди Селим III нашел человека, на которого он мог вполне положиться. Ратиб-эфенди был убежденным сторонником реформ и доверенным лицом Селима еще тогда, когда тот был наследником престола. Ратиб-эфенди принадлежал к числу немногих прогрессивных турецких государственных деятелей

[5] Akçura, s. 44; Ст. Димитров, стр. 51—52; текст ляиха Мехмед-паши см. TOEM, 1916, № 38—39.

своего времени. Он служил в ведомстве иностранных дел, и по роду службы ему приходилось тесно общаться с иностранцами, что дало ему возможность при их посредстве ознакомиться с жизнью западных стран, даже с содержанием сочинений Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Монтескье [6].

Посольство Ратиб-эфенди пробыло в Австрии 227 дней [7]. Вернувшись в Стамбул, глава посольства представил султану обширный доклад в 500 страниц — *Сефарет-наме* (Посольская книга). В своем докладе Ратиб-эфенди описал организацию австрийской, а также прусской, французской и русской армий, систему подготовки офицеров, административную и налоговую системы, принятые в Австрии, ее банки, таможни, горное дело и др.

Ратиб-эфенди привел в своем докладе высказывания европейских государственных деятелей и ученых: государство лишь тогда может быть сильным и прочным, если оно располагает хорошо организованной и дисциплинированной армией, упорядоченной и всегда полной казной, честными, опытными и преданными министрами, государственными деятелями и чиновниками; государство должно заботиться о спокойствии и благополучии народа.

Ратиб-эфенди подчеркивал в своем *Сефарет-наме*, что в европейских государствах ни король, ни генералы, ни офицеры не вправе притеснять кого-нибудь, если он выполняет королевские указы, соблюдает установленный порядок и исправно платит налоги. Каждый может есть, одеваться, передвигаться, как ему заблагорассудится.

Ратиб-эфенди отдавал предпочтение европейским порядкам перед турецкими и существованием таких порядков объяснял превосходство европейских государств над Турцией [8]. До него ни один турок с такой широтой, а тем более благожелательностью не освещал европейскую жизнь, не подчеркивал превосходства европейских устоев над турецкими.

---

[6] E. Z. Karal, *Ebu Bekir Ratib efendinin «Nizam-ı cedit» ıslahatında rolü*, — «V. Türk tarih kongresi. Kongreye sunulan tebliğler», Ankara, 1960, s. 347—355 (далее — Ebu Bekir Ratib).

[7] Известный австрийский историк И. Хаммер, будучи в 1792 г. учеником Восточной академии в Вене, в возрасте 18 лет присутствовал в качестве переводчика на обеде, устроенном австрийским императором Леопольдом II в честь турецкого посольства (здесь Хаммер встретил в числе турецких гостей и упомянутого выше Мураджа д'Оссона). Впоследствии Хаммер описал в своих «Воспоминаниях» впечатление о Ратиб-эфенди. По его словам, он был человеком «большого политического таланта и с большим честолюбием» (J. Hammer, *Erinnerungen aus meinem Leben*, Wien und Leipzig, 1940, S. 26.

[8] *Ebu Bekir Ratib*, s. 352.

Сефарет-наме послужил источником для составления программы реформ, которые намерен был осуществить Селим III при помощи своих единомышленников [9]. По приказу султана великий везир должен был на основе всех представленных ему проектов составить сводный проект реформ. Однако в источниках этот сводный проект не содержится [10]. Все же само появление таких проектов, как ляиха дефтердара Мехмед-паши и в особенности такого яркого, как *Сефарет-наме* Ратиб-эфенди, свидетельствовало о том, что в Османской империи повеяло новым духом.

---

[9] Ibid, s. 353, 355.

[10] По словам Э. З. Карала, такой проект существовал, он содержал 72 статьи. *Nizam-i cedit*, s. 441.

Ю. А. Петросян

К ИЗУЧЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ МЛАДОТУРЕЦКОГО ДВИЖЕНИЯ

В системе взглядов лидеров и идеологов младотурецкого движения конца XIX—начала XX в. выделяется доктрина паносманизма (Osmanlılık).

Паносманизм как идейно-политическая концепция сформировался в 60—70-х годах XIX в. Его основное содержание было впервые четко определено идейными предшественниками младотурок — «новыми османами». Именно лидеры «новых османов» — Мидхат-паша, Намык Кемаль и Зия-паша стали выдвигать в своих публицистических произведениях и в прессе идею единства всех народов многонациональной турецкой державы в пределах «общей родины» — Османской империи.

Строго говоря, выдвигая эту идею, идеологи «новых османов» попытались наполнить новым содержанием форму средневековой официальной традиции. В Османской империи издавна именовали «османами» всех подданных турецкого султана. Видный турецкий историк Энвер Зия Карал отмечает, что в сущности в XVI—XVIII вв. в практике жизни Османского государства существовал своеобразный «династийный османизм» (Hanedana mustenit Osmanlılık) [1].

В пропаганде «новых османов» идеи паносманизма выдвинулись на передний план в условиях мощного роста национально-освободительных движений народов Османской империи. Эти идеи стали для руководителей и идеологов «новых османов» важнейшим идейным обоснованием возможности и необходимости сохранения империи и власти правящих ее кругов над населяющими ее народами. Выдвигая принципы конституционного преобразования империи и борясь за их осуществление, «новые османы» всячески пропагандировали мысль о несомненной ликви-

---

[1] E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, c. VII, Ankara, 1956, s. 297 (далее — Karal).

дации национальной и религиозной борьбы в реформированном государстве. Они утверждали, что возможно единение всех народов империи в рамках некоей единой «османской общины» (ümmet-i osmaniye) [2].

К концу 70-х годов пропаганда «новых османов» ввела паносманистские идеи в обиход политической жизни страны. Они постоянно высказывались на страницах турецких газет и журналов, нашли свое отражение и в дебатах в первом турецком парламенте. При этом вместо ранее обычно употреблявшегося термина «османская община» все чаще и чаще употреблялся термин «османская нация», «османский народ» (Osmanlı milleti) для обозначения всех народов империи. Этот термин вошел в текст ответа парламента на тронную речь султана, он употреблялся и в прениях. Примечательно, что один из высокопоставленных турецких сановников заявил в 1877 г. на открытии парламента корреспонденту «Таймс»: «Все эти депутаты целиком — османы. Отныне они не мусульмане, не греки и не армяне» [3].

Когда в 90-х годах XIX в. началась активная пропагандистская деятельность общества «Единение и прогресс», паносманизм как идейная концепция занял в ней ведущее место. Он стал в сущности основой программы младотурок в национальном вопросе. Идея единения народов в рамках преобразованной в парламентскую монархию империи была лейтмотивом многих политических статей газет младотурецкой эмиграции и издававшихся в различных эмигрантских центрах пропагандистских брошюр. Термин «соотечественники — османы» (osmanlı vatandaşlar) прочно утвердился в младотурецкой пропаганде [4].

В чем же состояло основное идейно-политическое содержание доктрины паносманизма в конце XIX — начале XX в.?

Довольно четко оно определялось в многочисленных статьях на эту тему, публиковавшихся в начале XX в. в одном из наиболее значительных изданий младотурок — журнале «Şura-yi Ümmet» («Совет общины»). Так, в его программном номере от 10 апреля 1902 г. в ряду важнейших положений об обеспечении независимости и целостности империи, ликвидации иностранного вмешательства и установлении конституционного управления и т. п. содержалась и мысль о единении всех «османов» в пре-

---

[2] О паносманистских воззрениях «новых османов» см.: Ю. А. Петросян, *«Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции*, М., 1958, стр. 55—59; см. также: Karal, c. VII, s. 308—309, 327.

[3] Цит. по кн.: Karal, c. VIII, Ankara, 1962, s. 497.

[4] Ярким примером может служить брошюра «Всеобщая декларация», изданная в Каире в 1900—1901 гг. О ее содержании см. Ю. А. Петросян, *Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции*, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 4, стр. 187—188.

делах «общей родины». Здесь прямо говорилось о необходимости «создать искреннее единение различных османских элементов (osmanlı anasır-ı muhtelife. . .), порожденное патриотическими переживаниями, прилагать усилия к единству взглядов османских подданных — мусульман и немусульман — по политическим вопросам» [5].

Пропагандисты паносманистских идей прямо заявляли, что Османская империя — общая родина для всех населяющих ее народов. Известный литератор и общественный деятель Самипашазаде Сезаи-бей утверждал, например, на страницах «Şura-yi Ümmet» в 1902 г., что у всех народов империи — одна родина. «Они рождены под одним небом, — писал Сезаи-бей, — выросли в одном климате, дышали одним воздухом. . . Для них лоно родины — исцелитель страданий и убежище от тревог» [6].

Вряд ли необходимо категорически утверждать, что автор цитированных строк сам не верил в нарисованную им идиллию. Лично Сезаи-бей, возможно, и был искренен в подобных высказываниях. Среди идеологов младотурецкого движения могли быть отдельные идеалисты, всерьез верившие в возможность воспитать «чувство общей родины» у различных народов Османской империи. Но определяющим моментом в паносманистской пропаганде было другое — сознательное стремление младотурецких лидеров насаждать это утопическое «ощущение общего патриотизма» с совершенно определенными политическими целями.

Османистская концепция младотурок была в первую очередь направлена против освободительных движений нетурецких народов Османской империи. С другой стороны, наиболее дальновидные деятели младотурецкого движения сознавали, что союз с экономически весьма сильной инонациональной буржуазией остро необходим для успешной борьбы с феодально-абсолютистским режимом Абдул-Хамида II.

В 1901—1902 гг. младотурки впервые стали принимать меры по организационному объединению всех выступающих против султанского деспотизма политических сил различных народов Османской империи. Так, авторы одной из изданных в этот период младотурками пропагандистских брошюр писали, что они ставят своей целью «трудиться во имя того, чтобы объединить силы наших соотечественников — турок, арабов, албанцев, армян, македонцев, курдов, евреев и других, и таким путем положить ко-

---

[5] Цит. по кн.: Şerif Mardin, *Jöntürklerin siyasi fikirleri*, Ankara, 1964 s. 186 (далее — Mardin).

[6] Цит по кн.: Mardin, s. 195.

нец нынешним злоупотреблениям и заложить первые камни в фундамент завтрашнего справедливого образа правления» [7].

Особенно активно велась пропаганда паносманистских идей в 1906—1907 гг. в связи с подготовкой к объединительному конгрессу различных по политической платформе и национальному составу буржуазно-революционных организаций Османской империи, который был организован младотурками в Париже в 1907 г. Дошедшие до нас в копиях материалы переписки парижского центра младотурок в 1906—1907 гг. [8] с различными национальными буржуазно-революционными организациями и отдельными деятелями свидетельствуют об этом весьма убедительно. В одном из писем утверждалось, в частности, что Османская империя не принадлежит одним туркам, или болгарам, или арабам. «Эта страна, — заявлялось в письме, — собственность и достояние каждого лица, называющего себя османом» [9]. Авторы письма заявляли, что цель их деятельности — «обеспечить равенство всех соотечественников — турок, курдов, болгар, арабов, армян и др. — и добиться их единодушия, деля между ними радости и беды родины» [10].

Однако использование паносманистской доктрины в качестве идейного оружия в борьбе за такое объединение само как раз препятствовало созданию подлинного союза революционных сил всех народов Османской империи, выступавших против феодального абсолютизма. Национально-освободительные движения нетурецких народов Османской империи решительно невозможно было в начале XX в. перевести только в русло «общей борьбы с деспотией султана» громкими фразами об «общем чувстве патриотизма». Нужны были, как минимум, четкие и определенные гарантии обеспечения абсолютно равных политических прав и развития культуры различных народов империи, стремившихся к полному освобождению от векового турецкого владычества.

Между тем у самих младотурецких лидеров в их пропагандистских статьях и брошюрах, наряду с множеством рассуждений о «единстве патриотических чувств», то и дело проскальзывали плохо завуалированные шовинистические мысли. Еще Намык Кемаль, немало писавший о необходимости единения всех османов, не забывал подчеркивать ведущую роль турок в этом сообществе [11].

---

[7] بياننامه عمومى, стр. 14.

[8] Характеристику этих ценнейших для изучения идеологии младотурецкого движения материалов см.: Y. N. Bayur, *Türk inkılâbi tarihi*, c. I, k. 2, Ankara, 1964, s. 278—279 (далее — Bayur).

[9] Bayur, c. I, k. 1, Ankara, 1963, s. 373.

[10] Ibid.

[11] Karal, c. VII, s. 296.

Подчеркивание роли и значения турок в Османском государстве было нередким явлением и в пропаганде младотурок, в частности на страницах издававшейся ими газеты «Osmanlı» («Османец»), в одной из программных статей которой в 1899 г. также выдвигалась идея «единения османской нации» [12]. Примечательно, что видный современный турецкий историк Шериф Мардин в своей книге «Политические идеи младотурок» считает необходимым разъяснить, что такое подчеркивание роли турок нельзя отождествлять с более поздним шовинизмом партии «Единение и прогресс». Мардин стремится убедить читателя, что в этом не было элементов пренебрежения к другим народам Османской империи, и речь шла лишь о признании исторической роли турок в создании Османской империи [13]. Однако этот тезис турецкого историка не очень убедителен на фоне многочисленных примеров, говорящих о стремлении лидеров младотурок использовать паносманизм именно как средство борьбы с национально-освободительными движениями нетурецких народов.

Младотурецкие идеологи последовательно стремились внушить нетурецким народам империи отказ от целей национально-освободительной борьбы. Так, видный деятель младотурецкого движения Мурад-бей в своих статьях в газете «Mizan» («Весы») подчеркивал, что грекам Крита или албанцам Македонии надо искать решение своих проблем только на путях борьбы за прогресс Османской империи. Мурад-бей прямо писал в 1896 г. в газете «Mizan»: «Самая священная обязанность наших албанских братьев — так же, как и наших единоверцев в Египте и наших соотечественников-армян, — состоит в том, чтобы совместно, самоотверженно, состязаясь в усердии, привести государство и халифат [14] в долину благополучия» [15].

В пропагандистской деятельности младотурок довольно часто отчетливо звучала мысль о том, что лишь полный отказ от национально-освободительных целей может дать нетуркам право участвовать в деятельности комитетов общества «Единение и прогресс». Вот как, в частности, излагалась эта мысль в одном из писем, направленных из парижского центра младотурок одному из активистов общества в Казанлык (Болгария): «Если придет некий армянин и скажет: „я — османец, я предан османизму, готов служить османизму в рамках вашей программы“, то великодушие и гостеприимство, свойственное мусульманам и туркам,

---

[12] Mardin, s. 105.
[13] Ibid., s. 103.
[14] Автор, уже совершенно утрачивая чувство реальности, говорит о халифате, обращаясь и к христианским подданным империи.
[15] Цит по кн.: Mardin, s. 92.

15 Заказ № 1037

требуют назвать этого армянина соотечественником и сказать ему: „добро пожаловать...“ Если мы допустим в наше общество османа — немусульманина, то только при соблюдении этого условия. Наше общество — настоящее турецкое общество (Cemiyetimiz halis bir Türk cemiyetidir). Оно никогда не будет подвластно идее тех, кто является врагом мусульман и турок» [16].

Очевидно, что такого рода разъяснения никак не могли способствовать действительному притоку в движение буржуазно-революционных сил нетурецких народов. Подобные условия объединения просто унижали национальные чувства этих народов.

Однако даже если бы в пропаганде младотурок самым последовательным образом отстаивалась идея безусловного равенства и единения всех народов империи в перестроенном на конституционный лад государстве, она — эта идея — не могла в начале XX в. овладеть нетурецкими массами Османской империи. Паносманистски настроенные идеологи младотурок не учитывали тот важнейший исторический факт, что социальное и национальное развитие неизбежно вело нетурецкие народы Османской империи к борьбе за национальную независимость. В рассматриваемый период перед ними постоянно был героический пример сербов, греков, болгар и других народов, успешно боровшихся в XIX в. против турецкого господства, за свое национальное освобождение.

Следует отметить, что паносманистскую концепцию руководства младотурок критиковали, со своих, разумеется, позиций, те представители молодой турецкой буржуазной интеллигенции, которые стали выдвигать в эти годы идеи турецкого национализма и пантюркизма. Так, известный идеолог пантюркизма Юсуф Акчура писал в 1903 г., что «невозможно, объединив различные народы империи, создать на них одну нацию» [17]. Он также подчеркивал, что это неосуществимо как из-за различия религиозных и национальных устремлений, так и из-за сильной вражды между этими народами.

Критическое отношение к паносманистской доктрине, сомнения в реальности ее осуществления высказывали и некоторые активные деятели младотурецкой эмиграции, в частности Шерефеддин Магмуми, один из пяти участников первого комитета общества «Единение и Прогресс» [18].

В целом паносманистская пропаганда не принесла больших политических результатов. Объединению младотурок с инонацио-

[16] Цит по кн.: Bayur, c. I, k. 1, Ankara, 1963, s. 372.
[17] Цит по кн.: Karal, c. VIII, s. 561.
[18] См. об этом: Mardin, s. 204.

нальными буржуазно-революционными организациями способствовало не столько распространение идей «общей родины» и «общего патриотизма», сколько совершенно определенные условия политической ситуации, создавшейся в Османской империи к моменту объединительного съезда младотурок в 1907 г.

Практика деятельности младотурок после победы младотурецкой революции 1908 г. быстро развеяла иллюзии паносманистской пропаганды. Лидеры партии «Единение и Прогресс» встали на путь открытого национал-шовинизма. Так, в 1911 г. в резолюции пленума ЦК этой партии уже прямо заявлялось: «Надо отказать инородческим элементам в праве иметь особые национальные организации. . . Распространение турецкого языка есть превосходное средство для установления господства мусульман и для ассимиляции инородческих элементов» [19].

Паносманизм как идейная концепция был с самого начала обречен на полный провал. Его появление и использование в практике политической борьбы молодой турецкой национальной буржуазии определялось поисками путей сохранения целостности Османской империи в новых социальных и политических условиях. Наконец, доктрина паносманизма была одним из проявлений стремления турецкой буржуазии утвердить свое политическое господство на всей территории Османской империи.

В конкретных условиях бурного развития национально-освободительных идей и устремлений у различных веками угнетенных нетурецких народов империи паносманистские идеи были столь же реакционны, сколь и утопичны. На деле они лишь мешали единству всех буржуазно-революционных сил многонациональной страны в борьбе с феодально-клерикальной реакцией.

---

[19] Цит. по статье: Д. Е. Еремеев, *Кемализм и пантюркизм*, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 3, стр. 60.

Н. В. Пигулевская

ЕЩЕ РАЗ О СИРО-ТЮРКСКОМ

Тюркские тексты из Центральной Азии представляют выдающийся интерес, в частности тем, что они написаны разнообразными алфавитами: рунами, манихейским, брахми, уйгурским, сирийским. Занимая географические области, находившиеся на перекрестке мировых торговых путей Азии, тюркские племена приходили в соприкосновение с Китаем, Индией, Ираном, с множеством народов и племен, кочевавших, торговавших и бродивших в беспредельных пространствах материка. В общениях с другими народами тюрки воспринимали различные культурные влияния, идеологические и религиозные, и соответственно осваивали тот или иной алфавит, чтобы записать им свою речь.

Сирийское письмо оказывало воздействие на тюркскую письменность неоднократно, непосредственно и опосредствованно через алфавиты манихейский, согдийский, из которых выработался уйгурский. Длительное влияние сирийской письменности на иранские и тюркские племена отмечалось неоднократно [1].

Особое место в истории тюркской письменности заняли надгробия, найденные на территории Семиречья и изученные отечественными учеными. Эти памятники XII—XIV вв. принадлежат группе тюркских племен, принявших христианство от несториан, языком и письменностью которых был сирийский. Сирийский алфавит был использован тюрками для своего языка. В течение длительного времени науке были известны лишь сиро-

---

[1] F. W. K. Müller, *Zur Frage über den Ursprung der uigurisch-mongolisch-mandžurischen Schrift*, — WZKM, Bd V, 1891, S. 184; F. W. K. Müller, *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan*, — SBAW, 1904; П. К. Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, — ИАН, 1909, стр. 779—780; R. Gauthiot, *De l'alphabet sogdien*, — JA, 1911, vol. XVI, p. 81; R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne*, Paris, 1914—1923, p. 5.

тюркские надгробия [2]. Найденные в Хара-Хото три фрагмента бумажных рукописей, из которых два сирийских, а один сиро-тюркский, свидетельствуют о широком распространении несторианства и своеобразной сиро-тюркской письменности [3].

Два сирийских фрагмента имеют особенность в расположении строк, верхние из которых расположены обычно горизонтально, а нижние — вертикально, причем вертикальный текст не является продолжением горизонтального. Это непреложное доказательство того, что сирийцы не только писали в вертикальном направлении «от себя к желудку» — de coele ad stomachum, как выразился Тезей Амбросий [4], но и читали текст как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Горизонтальная часть является текстом, а нижняя вертикальная содержит комментарий к нему. Направление вертикальных строк фрагментов справа налево, как и уйгурского письма, подтверждает зависимость последнего от сирийского, а не от китайского. Что сирийцы писали в вертикальном направлении, объясняет и расположение яковитской огласовки греческими буквами, — писец ставил их соответственно направлению, в котором он писал.

В настоящее время, когда вопрос о языке и письменности древних тюрков вызывает особенно большой интерес, представилось необходимым еще раз вернуться к вопросу о воспроизведении тюркской речи в третьем сиро-тюркском фрагменте из Хара-Хото.

Третий фрагмент [5]

1. al̓ ... s ka kuč ba ... t bi
2. tmiz išoʿ mšiha ning kuč b...
3. bir ma ki auiza ba šla...
4. arik adgu kilinčlik
5. iuhnn zʿura aunglis...

---

[2] D. Chwolson, *Syrisch-nestorianische Grabinschriften*, St.-Petersbourg, 1890; Idem, *Syrischnestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie*, St.-Petersbourg, 1897; Idem, *Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie*, St.-Petersbourg, 1886; П. К. Коковцов, *Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка*, СПб., 1905; его же, *Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии*, СПб., 1907; его же, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, СПб., 1909.

[3] N. Pigoulevskaya, *Fragments syriaques et syro-turcs de Hara-Hoto et de Turfan*, — «Revue de l'Orient chretien», 3-me série, t. X (XXX), № 1—2 (1935—1936), pp. 1—46; Н. Пигулевская, *Сирийские и сиро-тюркские фрагменты*, — СВ, 1, 1940, стр. 212—234.

[4] Theseus Ambrosius, *Introductio in Chaldaicam linguam, Syriacam atque Armenicam et decem alias linguas*, 1539, p. 28.

[5] Транскрипция текста дана в соответствии с принятой транскрипцией тюркских текстов. См. Н. Пигулевская, *Сирийские и сиро-тюркский фрагменты*, — СВ, 1940, I, стр. 232 (таблица).

6. aṭlik bil... u ...ir miš...
7. tsʿita biṭig bizing bia ti
8. mš[i]ha tin ki auzining... ṭ
9. iuḥnn zʿura ka ... mi
10. ...at ... š
11. ... ka ...
12. ... hia...
13. ... ṭui..

Из особенностей следует прежде всего отметить то, что как в надгробиях, так и в тюркском тексте из Хара-Хото сохраняются сирийские слова и имена. В последнем имеются следующие слова: *tašiata*, *avnglis[ta]*, *zeqra* (истории, евангелист, малый) и имена *Išo*, *Mšiha*, *Iuhnn* (Иисус, Христос, Иоанн), причем падежные окончания тюркского языка непосредственно присоединяются к сирийским словам, для родительного падежа окончание *ning-mšihaning* (2-я стк.), как это имеет место и для тюркских слов, например: *özining* (тюрк.), родительный падеж от *öz* 'сам' (8-я стк.)[6], *bizing* (тюрк.), местоимение *biz* 'мы' в родительном падеже (7-я стк.). Для дательного падежа к сирийскому слову *zʿura* присоединено тюркское окончание *ka* (9-я стк.). Характерно также простое смешение двух языков: если 4-я стк. дает тюркское *arık adgu kılınčlık* 'святой, добродетельный'[7], то 5-я стк. — сирийская *iuḥnn zʿora aungls...* 'Иоанн малый евангелист'; выражение «книга историй» является комбинацией слов сирийского множественного «истории» — *tšʿita* и тюркского «книга» — *bitig* (7-я стк.)[8]. Встречаются также тюркские прилагательные *tämiz* 'беспорочный' (2-я стк.), *atlik* 'известный', 'именитый' (6-я стк.). Дважды во фрагменте встречается выражение *koč pa* (1-я и 2-я стк.), которое следует транскрибировать как *кас ва* (тюрк.) и можно перевести как тюркское «какая цена» («чего стоит»).

Необходимо отметить трудность транскрипции тюркского языка сирийскими буквами. Из арабского алфавита путем диакритических знаков было создано 34 буквы, которые позволили воспроизводить звуки тюркского языка (сирийский алфавит

---

[6] Строки даны по 3-му фрагменту из Хара-Хото. Ср. A Le Coq, *Fragmente*, — SBAW, 1908, pp. 401—411.

[7] D. Chwolson, *Grabinschriften*, — «Memoires de l'Academie des sciences», Petersbourg, 1890, s. VII, t. XXXVII, p. 140, 150; A. Le Coq, SPAW,1909, p. 1208; Idem, *Turkische Manichaica aus Chotscho 1*, — APAW, 1911, p. 19; Salemann, *Manichäica*, — ИАН, 1907, стр. 179; Foy, *Die Sprache der Türkischen Turfan-Fragmente*, — SBAW, 1904, p. 1402 (далее — Foy).

[8] A. Le Coq, — SBAW, 1909, 33, p. 1204; Idem, — SBAW, 1911, p. 21.

располагает лишь 22 буквами). Дополнительно использовались диакритические знаки, известные иранским текстам.

Остановимся на некоторых особенностях, в соответствии с которыми давалась сирийская запись. Сирийский *алаф* отвечает тюркскому *a* в словах *atlik* (6-я стк.), *arik* (4-я стк.) и *ä* в слове *ädgü* (4-я стк.). Тюркское *в* в словах *biz* 'мы' и *bitig* 'книга' переданы сирийским *p*, которое звучало и как *p* и могло смягчаться в *f*. Тюркское *ö* в слове *öz* 'сам' передается группой гласных *a*, *u*, *i* (*алаф*, *вав*, *иод*). *Тав* имеется лишь в сирийском слове *ta-šita* (7-я стк.), в тюркских же словах употребителен *тет*, как в слове *ṭämiz* (2-я стк.).

Во фрагменте не встречается сирийский *коф*, который отсутствует и в сиро-тюркских надгробиях, за исключением одного случая. *Коф* встречается в тюркском слове *kač* (1-я и 2-я стк.). Чтобы передать тюркский велярный взрывной, писали сирийское *коф* с диакритической точкой или чертой сверху. Акад. П. К. Коковцов считал, что эта черта играла роль руккаха несторианской пунктуации [9]. Вместо *кафа* писали *аин* с дополнительной чертой, так он пишется в согдо-манихейском и согдо-христианском, где этим знаком передается заднеязычный спирант *k* (خ арабского алфавита). Позаимствованный из согдийских текстов, написанных сирийским алфавитом, этот знак передает в тюркском велярный взрывной звук, который по каким-то особенностям произношения заставил предпочесть начертание *аина* с диакритической чертой сирийскому *кофу*, который также передает взрывной звук. В иранских текстах из Турфана *коф* имеется, но в сиро-тюркских текстах отсутствует.

В сирийском не существует звука *č* (русское *ч*), но он имеется в тюркском. Для передачи этого звука была использована сирийская буква *садэ*, которая произносится в сирийском как пронзительное спирантное *с*. В том, что *садэ* было использовано для звука *č*, убеждает то, что оно читается в тюркском прилагательном *ädgü kilinčlik* 'добродетельный' (4-я стк.), где *č* изображено в виде *садэ*.

В первой строке фрагмента имеется еще один знак, который представляет большой интерес: это *ламед* с дополнительной чертой, т. е. с диакритическим знаком. В сиро-тюркских надгробиях, как и во фрагменте, имеется сирийская буква *d* (*далет*). Но в свое время *ламед* с двойной чертой привлек внимание исследователей турфанских фрагментов, которые связали это с обменом звуков *d*

[9] П. К. Коковцов, *К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья*, — ИАН, 1909, стр. 777, прим. 1.

и *l* в иранских диалектах [10]. Возможно, что здесь имеется особое произношение *ламеда*, как близкого к *d*, которому не соответствовал употребляемый сирийцами *далет*.

Сиро-тюркский фрагмент из Хара-Хото свидетельствует о наличии книжных письменных памятников у принявших христианство от сирийцев тюрков. Они переводили с сирийского, который был языком писаний и литургики. В этом отношении поучительны формы имен собственных и смешение сирийских и тюркских слов. Несомненное значение приобретают сиро-тюркские памятники и для изучения средневековых тюркских наречий Центральной Азии, в частности их фонетики, так как сирийские записи являются современным живым отзвуком давно умолкнувшей речи.

---

[10] Foy, p. 1930; Andreas, *Ein Blatt in türkischer Runenschrift*, — SBAW, 1910, 1, p. 296; Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne 1914—1923*, p. 7.

Л. П. Потапов

ЭТНОНИМ *ТЕЛЕ* И АЛТАЙЦЫ

Название *теле* принадлежит к числу древних этнонимов кочевников восточной части Центральной Азии. Наличие его удостоверено китайскими летописями суйской (581—618) и танской (618—907) династий [1]. В упомянутых источниках термин *теле* относится к большой группе племен, кочевавших в северной части пустыни Гоби, на обширных пространствах между Большим Хинганом на востоке и Тянь-Шанем на западе. В зону кочевий *теле* входила территория современной Монголии и Тувы, Русского и Монгольского Алтая.

Мы не будем касаться вопроса о происхождении термина *теле*. Совершенно очевидно, что он попал в китайские летописи как одно из самоназваний центральноазиатских кочевников. Иначе было бы крайне трудно объяснить его бытование и широкое распространение у ряда тюркоязычных племен и народностей с VI в. вплоть до наших дней. Невозможно представить, чтобы многочисленные носители этнонима *теле* заимствовали его из китайских анналов, где он фигурирует главным образом в связи с изложением истории Тюркского каганата (VI—VIII вв.). В это время *теле* представляли конфедерацию кочевых племен, среди которых наиболее часто упоминаются: *сеяньто*, *вэйхо*, *хуйхо* (или *уйгур*), *паегу*, *тунло*, *апа*, *секйе*, *доланьге* (или *толанко*), *кипи*, *таки*, *хун*, *хусйе* (или *хуси*), *тубо*, *гулигань*. Большинство перечисленных племен обитало в то время на территории современной Монголии, Тувы и Алтая.

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, тт. I—III, М.—Л., 1950—1953 (далее — Бичурин, *Собрание сведений*); Liu Mau-Tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken* (*Tu-küe*), Bd 1, II, Wiesbaden, 1958; Н. В. Кюнер, *Китайские известия о народах Южной Сибири и Дальнего Востока*, М., 1961 (далее — Кюнер).

После военной победы древних тюрков-тюкю над *теле* на политическую арену Центральной Азии выступило древнетюркское государство. Но и после поражения *теле* составляли большую военную силу даже в составе тюркского каганата, и тюркские каганы, как сказано в Танской летописи, «их силами геройствовали в пустынях севера». Более того, племена *теле* оказывали серьезное влияние на судьбу древнетюркского государства. Отпадение их от тюркского кагана Хели практически решило судьбу первого тюркского каганата, а их восстание в 715—716 гг. повлияло на крушение второго каганата. Позднее племена *теле*, под главенством уйгуров, окончательно решили судьбу государства древних тюрков, навсегда свергнув его власть.

Выступая против тюркских каганов, *теле* неоднократно добивались крупного успеха и даже временами создавали свой каганат. Наиболее значительным был каганат *теле*, возглавленный племенем *сеяньто*. Он получил известность под названием «токуз-огуз», что означает «девять племен» [2]. Этноним *теле* интересен для нас в связи с изучением вопроса о происхождении алтайцев, ибо, как мы установили, в основе родо-племенного состава алтайцев, преимущественно южных, по крайней мере на протяжении последних трех с половиной столетий лежат этнические компоненты с названием *теле*. Таковы наименования: *теленгит* или *теленгут*, *телеут* и *телес*, в которых, если отбросить окончание множественного числа, выступает этот этноним.

В современных родо-племенных названиях народностей Саяно-Алтайского нагорья, в частности алтайцев, сохранилось не только общее наименование племен *теле*, но и названия отдельных племен, входивших в это объединение. К таковым относятся этнонимы *уйгур* у тувинцев, *дубо* (*туба*) у алтайцев и тувинцев, *доланьге* (теленгит) у алтайцев, Киби и Аба у шорцев и телеутов. В отношении названия Аба следует заметить, между прочим, что хотя принято считать, что род, или сеок, Аба относится к шорцам, тем не менее документально известно, что в XVII—XVIII вв. это была группа *телеутов*, именуемая по-русски *абинцами*.

Конкретное историко-этнографическое изучение родо-племенного состава каждой большой племенной или территориальной группы алтайцев привело нас к заключению, что этническим

---

[2] Наилучшее объяснение слова *огуз* предложил А. Н. Кононов. Он пишет: «Исходной основой собирательного этнического имени *огуз* является *оҕ*(*ок*) 'род', 'племя' . . ., которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом *ӧг* 'мать' (см. А. Н. Кононов, *Родословная туркмен*, М.—Л., 1958, стр. 84). Огузскую проблему рассмотрел E. Pulleyblank (*Some remarks on the Toguzoghuz problem*, — UAJ, XXVIII, H. 1—2, Wiesbaden, 1956).

субстратом современных южных алтайцев, а частично и северных, были *телеуты*, *теленгиты* и *телесы*. Но эти *телесские* племена подверглись смешению со средневековыми кыпчаками, обитавшими в бассейне Иртыша [3]. Ниже излагается материал по изучению некоторых сеоков (родов) алтайцев, раскрывающий их связь с алтайскими *теле*, т. е. с *телеутами*, *теленгитами* и *телесами*. Характерными в этом отношении являются наиболее многочисленные сеоки современных южных алтайцев — Мундус и Кыпчак.

У современных алтайцев сеок Кыпчак неразрывно связан с телеутским сеоком Мундус, кровное родство которых отразилось в запрещении браков между обоими сеоками. О кровном родстве их говорится и в легенде о происхождении сеока Мундус. Согласно нашей записи, основатель сеока Мундус родился от девушки, принадлежавшей к сеоку Кыпчак. Когда девушку спросили, от кого у нее этот сын, она ответила: «Я съела три градинки (*мус*) и родила». От этого-то мальчика впоследствии пошли люди сеока Мундус, про которых до сих пор говорят: *Мусданг чыккан Мундус* (родившиеся от льдинки Мундус).

В варианте этой легенды, записанной В. Вербицким, говорится, что девушка (сеок не указан), после какой-то войны одна оставшаяся в живых, нашла после сильного дождя одну льдинку (*мус*) и два пшеничных зернышка, лежащих вместе, и съела их. И от этого забеременела. Она родила двух мальчиков-близнецов, названных Мундус, причем один был назван Коткор Мундус, а второй — Чулум Мундус. Когда эта девушка снова оказалась среди людей и вышла замуж, она родила еще одного сына, получившего имя Тёлёс [4].

Таким образом, приведенная генеалогическая легенда утверждает кровное (от одной прародительницы) родство между мундусами и *телесами*, что, возможно, как увидим дальше, отражает некоторые исторические факты. Кстати, легенда о зачатии от градинки очень древняя. Она упоминается в летописных источниках при изложении событий середины II в., связанных с историей сяньбийцев [5]. Едва ли можно сомневаться в том, что бытование

---

[3] Материалы и обобщения по этим вопросам изложены в нашей работе «Происхождение алтайцев (Историко-этнографический очерк)», которая в настоящее время печатается.

[4] В. Вербицкий, *Алтайцы*, М., 1893, стр. 136. Этот же вариант записан Г. Н. Потаниным (см. *Очерки Северо-Западной Монголии*, т. IV, СПб., 1883, стр. 3).

[5] Бичурин, *Собрание сведений*, стр. 154; Кюнер, стр. 144. Известный востоковед П. Пельо высказывал соображение о тюркоязычности сяньбийцев. В настоящее время это мнение поддерживает Д. Клосон; см. Clauson,

этой легенды у современных алтайцев является свидетельством их весьма древних этногенетических связей.

Сеок Мундус, распространенный особенно у *телеутов*, известен также в качестве одного из родо-племенных подразделений современных киргизов. Более того, у киргизов имеется подразделение Коткар-Мундуз, а в числе предков подразделения Тёлёс называется имя Чулум. Следовательно, и у современных киргизов сохранилось представление о кровном родстве Телесов и Мундуз. Наличие общего родо-племенного подразделения Мундуз у южных алтайцев, *телеутов* и киргизов говорит о реальной исторической общности отдельных этнических элементов этих народностей, что подтверждается близостью их языков и большим этнографическим материалом.

Не останавливаясь на этногенетической характеристике других сеоков южных алтайцев, отражающих их принадлежность к *телеутам*, *теленгитам* и *телесам*, мы хотели бы обратить внимание в рассматриваемом аспекте на некоторые сеоки северных алтайцев. Возьмем, например, сеок Ярык у тубаларов, который перепись 1897 г. зафиксировала также под названием Ябыр [6]. Оказывается, многие старики тубалары еще помнят, что сеок Ярык является частью чулышманских *телесов*, переселившихся в Комляжскую (или Комдошскую) волость тубаларов. После переселения они разделились на два сеока: Сыгынчи Ярык (ярыки — охотники за маралами) и Кара-Ярык (черные ярыки). Тубаларские старшины Комляжской волости выделили из среды обоих сеоков Ярык помощников по управлению Комляжской волостью в чине демичи. Сеок Ярык (в обоих подразделениях) сознает свою кровнородственную связь с Телес, и браки между ними до недавнего времени были запрещены.

Косвенным указанием на телесское происхождение сеока Ярык может служить еще тот факт, что у современных киргизов в числе родо-племенных подразделений наряду с Мундус и Телес есть также и подразделение Джарык, т. е. Ярык. Вероятно, какая-то часть телесского сеока Ярык попала в Киргизию вместе с *телесами* и мундусами в XVII в., когда, как мы установили теперь по письменным источникам, большая часть *телеутов* и *телесов* была насильственно переселена из Алтая и с Оби в Джунгарию, так же как енисейские киргизы в первые годы XVIII в. Затем можно назвать тубаларский сеок Чигат (или Чагат). Как тубалары, так и сами представители этого сеока говорят, что он переселился

Turk, *Mongol*, *Tungus*, — «Asia Major», New Series, vol. VIII, pt 1, London, 1960.

[6] С. П. Швецов, *Горный Алтай и его население*, т. 1, вып. 1, Барнаул, 1900, Приложение V, стр. 13.

к тубаларам от *телесов* из Чулышмана, что зафиксировано переписью 1897 г. Этноним *Чигат* примечателен тем, что в нем (в форме *чик*) неоднократно упоминают древнетюркские рунические надписи [7]. Современное же название Чигат — это Чик с приставкой множественного числа монгольского языка. Упомянугые надписи сообщают, что чики в VIII в. жили по Енисею в Центральной Туве, т. е. неподалеку от Чулышмана [8]. В начале XVII в. чики (видимо, часть их) обитали вместе с *телеутами* по р. Оби в районе современного Новосибирска, вблизи которого и до сего времени существует р. Чик, впадающая в Обь с запада.

У тубаларов сеок Чигат был относительно многочисленным и имел четыре подразделения: Коль-Чигат (озерные), Таг-Чигат (горные), Кара-Чигат и Сары Чигат (черные и желтые чики).

В этой связи уместно будет сказать и об этнониме *Аз* у алтайцев. В древнетюркских надписях племена *чиков* указываются живущими рядом с племенами *аз*, которые обитали в западной части современной Тувы вплоть до озера Кара-Холь, также упомянутого в надписях. Отсюда до Алтая тропами менее сотни километров. Таким образом, практически это почти Алтай. Этноним *аз* сохранился в названии ряда сеоков современных алтайцев. Таковы сеоки *Тёрт-ас* и *Дьети-ас* у телеутов и теленгитов и *Байлагас* — у «алтай-кижи», из которых первые два названия выступают с числовым обозначением (четыре *ас* и семь *ас*), что нельзя не признать характерным явлением и для теле-огузов. Интересна в этой связи и полевая запись Г. Н. Потанина, который сообщает, что *Джиты-ас* (по-алтайски *Дьети-ас*) представляет «настоящее имя телесов» [9]. Отсюда видно, что племена *ас* этногенетически связаны с племенами *теле*, в частности с *телесами*. Отражением этой древней связи следует считать обнаруженные

---

[7] Этноним *Чик*, вероятно, можно усмотреть и в форме *Чи* в известном китайском источнике VIII—X вв. *Тан хуйяо*. Этноним обнаружен в разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств», где сказано: «лошади (племени) Чи общей породы с хуй-го'скими» и др., т. е. с уйгурскими. В сходстве породы лошадей чиков и уйгуров следует видеть свидетельство соседского местообитания чиков и уйгуров (см. Ю. А. Зуев, *Тамги лошадей из вассальных княжеств*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8; *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана*, Алма-Ата, 1960.

[8] Напомним, что Маркварт помещал чиков по р. Кемчику, связывая название этой области с этнонимом *Чик*. «Чики с реки Кем», а может быть, река Чиков (см. J. Marquart, *Ueber das Volkstum der Komanen*, — «Abh. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen», Bd XIII, 1914, № 1.

[9] Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-Западной Монголии*, т. IV, стр. 9.

нами запреты браков между сеоками Дьетитас (или Титас) и Телес у современных южных алтайцев [10].

Интересные, хотя, может быть, и несколько неожиданные, данные мы получили при изучении сеоков Шакшалыг и Чалканыг. Оба эти сеока челканские и нигде больше не встречаются. Со времен Радлова принято считать челканцев, или лебединцев (так как они живут по р. Лебеди и ее притокам), отдельным племенем северных алтайцев, типичными (по хозяйству и быту) пешими таежными охотниками. Из рассказов стариков и из записанных нами преданий выясняется, что каждый из двух сеоков челканцев имеет свое происхождение. Сеок Шакшалыг — малочисленный. Он жил раньше около Телецкого озера. Шакшалыгов было всего *кырк тунук*, т. е. 40 дымов (40 юрт) [11]. Шакшалыги стали воровать лошадей у енисейских кыргызов, живших в бассейне Абакана (в предании Кара-Кыргызов). Кыргызы в ответ напали на шакшалыгов, разгромили их и почти всех уничтожили. Во время этого нападения один из парней сеока Шакшалыг находился в верховьях Лебеди, где сватал себе невесту. Благодаря этому он спасся, и от него пошли потомки рода Шакшалыг, которые поселились по р. Кылык (левый приток Байгола). Спасся и другой парень, который спрятался под доской. От того парня пошло потомство Шакшалыгов, обитающее по р. Садре (левый приток Лебеди). Малочисленность современных шакшалыгов старики челканцы объясняют набегами кыргызов. Набеги енисейских кыргызов на различные племена и роды Саяно-Алтайского нагорья действительно имели место в XVII в.

У нас есть и некоторые другие данные полагать, что челканцы жили среди енисейских кыргызов и иногда входили в состав их *киштымов*-данников. Среди собранных нами полевых материалов в этой связи интересны сообщения о том, что совсем недавно (уже после Октябрьской революции), когда у сеока Чалканыг еще были шаманы, они после похорон старых людей (особенно уважаемых и авторитетных) провожали душу умерших в «землю кыргызов», в местность Уйту-таш, ибо челканцы, согласно одному из преданий, пришли в бассейн р. Лебеди именно из этой местности, находившейся в «кыргызской» земле.

Старик Такан Пустагачев (из сеока Чалканыг) говорил нам, что лет через пять после смерти душа старика или старухи обычно начинала «беспокоить» шамана, являлась к нему по ночам и про-

[10] Как известно, основная масса *азов* после разгрома их восточными тюрками под предводительством Кюль-Тегина у озера Кара-Холь продвинулась на запад и поселилась в стране тюргешей в бассейне р. Чу.

[11] Это весьма похоже на западномонгольскую административно-податную единицу в 40 кибиток — *дючину*.

сила отправить ее в «землю кыргызов». Шаман устраивал проводы усопших *кут* (душ) в местность Уйту-таш, совершая специальное камлание, считавшееся трудным и ответственным потому, что вслед за *кут* умершего почтенного человека стремились уйти и души живых людей. Поэтому, объяснил нам Такан Пустагачев, при проводах души умершего в землю кыргызов шаману приходилось одновременно охранять и задерживать души живущих людей, стремящиеся уйти. Шаманы камлали с бубном, а наиболее осторожные из них, провожая душу в столь дальний путь, брали с собой (т. е. при камлании клали рядом) еще железный топор, чтобы охранять себя и души живущих.

В этих шаманистских представлениях нельзя не видеть отражения вполне реальных фактов из истории челканцев, а именно факта обитания их на территории енисейских кыргызов, в степных районах бассейна Енисея (Минусинская котловина).

Подтверждением того, что челканцы р. Лебеди были пришлым этническим элементом и в прошлом были тесно связаны с *телесами*, служит ряд этнографических фактов. Сеок Шакшалыг, например, считался состоящим в кровном родстве с сеоком Телес, и между ними браки не допускались (*алышпас*). Представители сеока Шакшалыг называли *телесов*, обитавших от них на столь большом расстоянии за Телецким озером, сородичами — *карындаш* (букв. «единоутробными»). Но сеок Чалканыг себя в таком родстве с телесами не считал. Он состоял в кровном родстве с тубаларским сеоком Кузен, и браки между этими сеоками запрещались. Такие браки стали практиковаться совсем недавно.

О кровном родстве этих сеоков сохранилось предание, согласно которому оба сеока произошли от двух братьев. Одного из них звали Кузенок, другого — Чалганок. Кузенок поселился на Бие и стал родоначальником тубаларского сеока Кузен, а Чалганок — на р. Лебеди, где и положил начало сеоку Чалканыг. Мы записали и у тубаларов и у челканцев сходные предания о том, что сеок Кузен жил раньше в районе р. Лебеди у горы Актыган. Сеок покинул эти места потому, что захотел разводить скот, и в поисках более подходящих мест оказался на левобережье Бии.

Подтверждением начального местообитания Кузен в бассейне Лебеди может служить то, что в родовые *тайги* для охоты Кузен входила гора Актыган, а священной родовой горой сеока была гора Солог тоже на левобережье Бии. Из всего этого видно, что челканские сеоки Шакшалыг и Чалканыг разного происхождения и в кровном родстве не состояли, о чем убедительно говорит и допущение браков между ними. Но это еще не все. До недавнего времени у челканцев было принято сооружать при свадьбах временное жилище. Оно называлось *сеольти*, т. е. так же, как у теле-

сов Улагана. Такого названия для свадебного жилища нет ни у кого из алтайцев, кроме *телесов*. Конечно, это жилище и его название принесли на р. Лебедь от *телесов* представители сеока Шакшалыг. И еще одна деталь. В недавнее время челканцы, как тубалары и шорцы, носили комбинированную обувь, характерную для северных алтайцев, у которой головка делалась из кожи, а голенище из грубого самодельного холста. Однако у челканцев сохранилось воспоминание о том, что в старину обувь у них была другой, а именно — целиком из кожи на толстой подошве, с каблуком, с загибающимся острым носком, с нашивным снаружи задником. Словом, раньше у них была обувь, типичная для южных алтайцев (также тувинцев и монголов) скотоводов. Чтобы в такой обуви легче было ходить на лыжах, на заднике (выше пятки) пришивалась кожаная пуговица, за которую пристегивали ремень лыжи. Рассказывавшие об этом нам старики (из сеока Шакшалыг) настолько хорошо сохранили в памяти некоторые особенности прошлого быта, что не только нарисовали такой сапог, но и назвали его каждую часть и деталь (задник, каблук, носок, двойной шов и т. д.) своими терминами, которых, естественно, нет у северных алтайцев. Мы не имеем возможности привести здесь доказательства о принадлежности в прошлом к этнической группе телеутов ряда кумандинских сеоков. Мы только назовем их. Это сеоки Со и Кубан (из верхних кумандинцев), затем Тастар и Чоты (из нижних кумандинцев).

Изложенные результаты изучения древних элементов в этногенезе алтайцев, как и некоторые другие, позволяют утверждать, что древней этнической основой большинства южных алтайцев были тюркоязычные племена *теле*, а ближайшими историческими предками южных алтайцев, как частично и северных, являлись: *теленгиты*, *телеуты* и *телесы*. Это была многочисленная группа племен даже в XVII—XVIII вв. Недаром у алтайцев сохранились по этому поводу соответствующие поговорки. Одна из них гласит: *Ала каиннан, коп теленгет*, т. е. «*теленгитов* больше, чем пестрой березы», а вторая — *Ала тон тумен теленгит* — «*теленгитов* шестьдесят туменов». Как известно, тумен в монгольскую эпоху составлял 10 тысяч, хотя практически, конечно, это не всегда было так.

Г. В. Сорокоумовская

Р. ХАЛИД И А. П. ЧЕХОВ

В Турции, как и в других странах Востока, хорошо знают и любят произведения А. П. Чехова. Первый перевод Чехова на турецкий язык непосредственно с русского относится к 1910 г. Однако знакомство с турецкой литературой убеждает, что турки много читали Чехова и прежде всего во французском переводе, задолго до этого и что творчество великого русского писателя оказало серьезное влияние на турецкую литературу. В этом плане особый интерес представляют произведения Рефика Халида (род. в 1886 г.) — писателя талантливого, сложного, заслужившего у себя на родине почетное прозвание турецкого Чехова.

О воздействии А. П. Чехова на творчество Р. Халида говорили уже его ранние рассказы, и в первую очередь лучшие из них, вошедшие в сборник «Рассказы о стране» (مملكت حكايه‌لرى[1]), принесший автору большой успех и широкую известность. Описываемые в них события, как правило, происходят в небольших городках и селах Турции. Герои рассказов — чиновники, крестьяне, мелкие служители церкви, представители деклассированных слоев турецкого общества, одним словом «маленький человек», о котором с такой любовью писал и Антон Павлович Чехов. Общий тон рассказов по-чеховски грустный, задумчивый. Есть в сборнике и комические картины, но они опять-таки проникнуты чеховским юмором, в котором тесно переплелись комизм, ирония, сатира.

В плане выявления чеховского влияния на творчество Р. Халида большой интерес представляют многие новеллы сборника, в том числе: «Шутка» (شاقا), «Персиковые сады» (باغچه‌لرى

[1] |изд. 1| ١٣٣٥ ، استانبول ، مملكت حكايه‌لرى ، رفيق خالد (далее — Р. Халид).

1 4 16 Заказ № 1037

(شفتالی), «Раз в году» (ییلده بر), «Старый бык» (قوجه اوکوز), но особенно — «Цена молчания» (حق سکوت).

До сего времени название حق سکوت переводили как «Право молчать». Исключение представляет лишь перевод Л. О. Алькаевой, которая предложила вместо него новый: «Попрание права» [2]. На мой взгляд, рассказ следует переводить «Плата за молчание» или «Цена молчания», так как слово حق кроме своего основного значения «право» имеет еще и другое — «вознаграждение», «плата за труд». А именно о такой плате и идет речь в рассказе. Мастеру увеличивают жалованье с тем, чтобы он молчал, ему платят за молчание.

Рассказ Р. Халида в значительной мере напоминает «Степь» А. П. Чехова. Глубоко национальная, но по-чеховски грустная музыка, с хорошо знакомыми мотивами загубленной, нераспустившейся красоты человека, слышится и в рассказе Р. Халида. И это легко объяснить, вспомнив, что переживала турецкая интеллигенция в канун революции 1908 г., когда создавалась новелла «Цена молчания» [3].

В эти тревожные предреволюционные годы не одного Р. Халида терзали беспокойные мысли о судьбах человечества, об отношении к техническому прогрессу и буржуазной цивилизации. Порою писателю казалось, что лучше вернуться назад, к прошлому, к старой жизни с ее патриархальными обычаями и порядками. Но сама действительность, опыт России и Запада убеждали его, что есть и другой выход [4]. Тревоги и раздумья автора нашли место в его рассказе. Как реалист Р. Халид не замолчал того факта, что вместе с техническим прогрессом капитализм несет и еще большее обострение социального неравенства, возрастающее «отчуждение» человека от общества, его духовное обнищание. Как гуманист он не мог не скорбеть при виде того, как машины поглощают человека, как из него выхолащивается человеческая сущность. Но как оптимист он продолжал верить в его лучшее будущее.

Сам выбор фабричной темы, главной героини — из среды работниц шелковой фабрики — и общественно важной проблемы — освобождения человека — были выразительным ответом на важнейший вопрос современности «Что делать?», говорили об идейных позициях писателя в те годы.

---

[2] Л. О. Алькаева, *Очерки по истории турецкой литературы 1908—1939 гг.*, М., 1959, стр. 48.

[3] Рассказ написан в 1906—1907 гг.

[4] В рассказе этого сборника «Против насилия» (قوته قارشی) Р. Халид прямо говорит о том, что хорошо знаком с событиями 1905 г. в России.

Проводником авторских идей и настроений на этот раз оказался, по аналогии с чеховской «Степью», православный священник. Но если о. Христофор в «Степи» А. П. Чехова, убеждая маленького Егорушку в пользе наук, ставил счастье и благополучие человека в полную зависимость только от его образованности, подтверждая это собственным примером, то священник из рассказа Р. Халида пошел дальше. Он раскрыл мастеру Хасибу-эфенди глаза на жизнь: познакомил его с положением рабочих в других странах, рассказал об их отношениях с хозяевами, об их борьбе за свои права. Он показал Хасибу-эфенди на многих примерах, что рабочие сильны, если они сплочены, что их путь к счастью проходит через борьбу. Священник Р. Халида — это не только просветитель, но и возмутитель спокойствия, человек, протестующий против произвола хозяев и, больше того, — указывающий путь к освобождению рабочих.

Для турецкой литературы начала XX в., делающей первые шаги по пути утверждения реалистической прозы, подобный образ был, разумеется, большим событием. И в этом нельзя было не заметить влияния 1905 г. Вот как описывает Р. Халид впечатление, произведенное на мастера откровением священника:

«До этого дня. . . ему (мастеру Хасибу-эфенди. — *Г. С.*) казалось, что рабочие могут только просить, что они беззащитны и обречены на смерть. Что же касается хозяев, то они всегда богаты и всемогущи. Теперь он вдруг понял, что положение рабочих может существенно измениться, если наступит конец равнодушию, что для успеха нужны хорошие организаторы, энергичные, сильные духом, обеспокоенные судьбами народа люди, которые бы добивались желаемого борьбой, а не соглашательством» [5].

Мысль о развращающей силе «желтого дьявола», пробуждающего в людях жажду наживы, доводящего их до унижения, а часто и преступления, которую в чеховской «Степи» откровенно высказывает Соломон («. . . нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать рук у жида пархатого. . .» [6], в рассказе Р. Халида читатель находит во внутреннем монологе мастера. Пытаясь разобраться в причине молчания, с которым он сталкивался на каждом шагу в жизни, силясь понять, почему молчат даже те, кто знает о положении на фабриках и кто мог бы, казалось, его изменить, Хасиб-эфенди вдруг «. . . почувствовал тяжесть увеличенного жалованья. То была плата за его молчание. Вот его и заставили молчать. Под воздей-

[5] Р. Халид, стр. 180.
[6] А. П. Чехов, *Собрание сочинений*, т. 6, М., 1962, стр. 44.

16 Заказ № 1037

ствием этой жестокой силы молчал не он один, молчали и те, кто занимал высокие посты. Эта мера постоянно обеспечивала капиталистам прибыль, поставляла кладбищам мертвецов» [7].

И, наконец, последняя параллель, на которой хочется остановиться в настоящем сообщении. Речь пойдет о купце Варламове из «Степи» А. П. Чехова и фабриканте Саатчи-заде Хидает-бее из рассказа Р. Халида. В свое время русская критика сурово осудила А. П. Чехова за избранный композиционный прием: «Одно из главнейших действующих лиц, дающих направление и движение действию, — писал Аристархов (псевдоним А. Введенского), — богатый купец Варламов, только и является, чтобы проехать мимо читателя на лошадке — и больше ничего» [8].

Стремление А. П. Чехова к лаконичному, но многогранному раскрытию образа, не понятое и не оцененное по достоинству в ту пору многими критиками, послужило прекрасным образцом для турецкого новеллиста при создании образа Хидает-бея. Так же, как и Варламов, фабрикант лишь однажды предстает перед читателем собственной персоной. Это происходит в тот момент, когда он заезжает на фабрику, чтобы просмотреть документы, и неожиданно застает мастера, потрясенного гибелью любимой Фотики, в необычном состоянии. Только один раз читатель получает возможность посмотреть на этого человека, но тем не менее впечатление о фабриканте у него давно создано на основании всего, что ему известно ранее.

Хидает-бей жил ежечасно, ежеминутно в фабричных цехах, где «за три-четыре куруша работницы фабрики по четырнадцать часов выстаивали около кипящих котлов, вдыхая ядовитые пары, отравленный воздух» [9]; в убогих жилищах, где «дети засыпают под адскую фабричную музыку» [10]; во всем облике работниц — замученных, изможденных, отупевших от труда, голода и горя, которые «. . .по окончании смены с трудом переставляли ослабевшие ноги, обутые в грубые башмаки с подковками, и молча расходились по своим конурам. Для сна и отдыха у них оставалось всего шесть часов. О развлечениях не могло быть и речи. Если бы вы знали, с каким трудом открывали по утрам глаза эти несчастные, превозмогая боль и усталость во всем теле, с какой мукой повиновались фабричному гудку! Если бы вы только знали, сколько слез проливали эти жертвы, каких усилий им стоило передвигать свои беспомощные тела!» [11].

---

[7] Р. Халид, стр. 184.
[8] «Русские ведомости», 31.III.1888.
[9] Р. Халид, стр. 173.
[10] Там же, стр. 171.
[11] Там же, стр. 173.

И этих свидетелей было более чем достаточно, чтобы оценить Хидает-бея и его дела по заслугам, без лишних слов, чтобы понять его алчную звериную сущность даже в его отсутствие, не видя перед собой его самого. Больше того, они действовали сильнее, чем если бы сам Хидает-бей потрясал кулаками. Работницы фабрики — немые жертвы буржуазной цивилизации — были укором не только фабрикантам, но и каждому, кто равнодушно взирал на «чудеса» прогресса.

Портрет Хидает-бея, нарисованный во время свидания с мастером, заканчивал характеристику героя и не оставлял никакого сомнения в отрицательном отношении к нему со стороны писателя. «. . .Большой живот, приплюснутое туловище, вытянутая, как дыня, голова, малюсенькие глазки, веки без ресниц. . . Хидает-бей был похож на. . . крокодила» [12].

Так по прошествии почти двух десятилетий молодой турецкий писатель, имя которого скоро должно было стать известным во всем мире, повторил «опасный» чеховский прием опосредованного образа.

Заключительная картина рассказа — благоухающая весенняя ночь в окрестностях Брусы, окутанных тутовыми садами, аромат которых проникает даже на территорию фабрики, как и величественная картина русской степи в повести А. П. Чехова. имела большой символический смысл. Цветущий сад, как поэзия прошлого, остался далеко за границами Брусы, но с ароматом его цветов сюда, на фабричный двор, пришла другая весна, весна человеческих надежд и пробуждения.

---

[12] Р. Халид, стр. 181.

И. В. Стеблева

АРАБО-ПЕРСИДСКАЯ ТЕОРИЯ РИФМЫ И ТЮРКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ

Арабо-персидская теория рифмы, ставшая в силу исторических причин одной из теоретических опор классической тюркоязычной поэзии, достаточно подробно изложена в научной литературе [1]. В данном вопросе для понимания путей развития тюркоязычной рифмы важно отметить следующие положения: 1) так же, как и учение о метрах, толкование рифмы основано на орфографическом принципе; 2) главным элементом рифмы являлась одна основная буква — *равӣ*, которая должна была входить в корень или в основу слова. Если буква *равӣ* содержалась в аффиксе, такая рифма считалась недостаточной и употреблять ее можно было не более одного раза; 3) кроме буквы *равӣ* в образовании рифмы в разных вариантах могли участвовать еще восемь букв — четыре из них употреблялись впереди *равӣ* и четыре — сзади; 4) к этим буквам относятся также шесть огласовок; 5) стихотворная форма считалась правильной, если на протяжении всего стихотворения буква *равӣ* ставилась в ритмически равнозначную позицию. Порядок расположения букв и их огласовок (справа налево) [2]:

---

[1] См., например: M. Garcin de Tassy, *Rhétorique et prosodie des langues de l'Orient musulman*, Paris, 1873; Muallim Naci, *İstilâhat-i edebiye*, İstanbul, 1307 [h.]; Б. Сирус, *Кофия дар назми тоҷик*, Сталинобод, 1955; Ваҳӣд Табрӣзӣ, *Джам'-и мухтаṣар*, М., 1959.

[2] Нижний ряд (под цифрами) — названия букв, верхний ряд — названия огласовок. Нулем обозначены буквы, которые сами в рифме не участвуют, но участвуют их огласовки. Огласовки перед буквами *ридф* и *ḳайд* имеют одинаковое название: *ҳазв*. Все огласовки букв, следующих после *равӣ*, называются *нафāз*.

маджрā	*тауджūх*		*ẖаз̱в*		*ẖаз̱в*	*ишбā*		*расс*
5	0	4	0	3	0	2	1	0
равū		*ḳайд*		*ридф*		*даẖūл*	*алиф-и та'сūс*	

нафāз̱

9	8	7	6
нāйира	*мазūд*	*ẖурудж*	*ваṣл*

Буквенная теория рифмы становится вполне понятной, если перевести ее в обычный фонологический план. Стопы размеров аруза составлялись из трех элементов — *сабаб*, *ватад*, *фāṣила*, которые в свою очередь складывались из огласованных и неогласованных букв, являвшихся формой выражения долгих и кратких слогов, причем долгий слог всегда представлял собой сочетание огласованной буквы и неогласованной. Теперь, если рассматривать теорию букв рифмы как метрические сочетания огласованных и неогласованных букв, становится ясным, что буквы и огласовки, стоящие по теории рифмы перед буквой *равū* и сразу после нее, как бы призваны обеспечить последней позицию в долгом (и более чем долгом)[3] слоге метра. Например, рифма *муджаррад* (единичная): (— — — ◡) سِتَمْگَرْ — مُنَوَّرْ (sitamgar — munawwar), где буква *рā — равū*, огласовка перед *равū — тауджūх*. Или рифма *мурдаф* с буквой ا: (—) جانْ — حَنْدَانْ (ǯān — ẖandān), где *нӯн — равū*, *алиф — ридф*, огласовка перед *ридф — ẖаз̱в*. В качестве *ридф-и аṣлū* (основной ридф) употреблялись еще буквы و и ی: نور — حور (nūr — ḥūr); دين — چين (dīn — čīn). Рифма *мурдаф* может иметь и некоторые другие буквы, образующие *ридф-и зāйид* (наращенный ридф). Рифма *муḳаййад*: (—) فَرْدْ — دَرْدْ (fard — dard), где *дāл — равū*, *рā — ḳайд*, огласовка перед *ḳайд — ẖаз̱в*[4]. Наконец, рифма с буквой *ваṣл*: (— ◡) وَفَا — جَفَا (wafā — ǯafā), где *фā — равū*, *алиф — ваṣл*, огласовка перед *равū — тауджūх*, огласовка *равū — маджрā*. Разнообразие сочетаний букв и огласовок, отразившееся в теории рифмы, предусматривает возможные комбинации согласного звука с гласным, слогов закрытых и открытых, содержащих долгие

---

[3] В тюркоязычном арузе более чем долгие слоги не принимаются в расчет.
[4] См. прим. 2.

и краткие гласные, — именно ту фонологическую базу ритма, на основе которой создана теория метров аруза.

Буква *равӣ* — это, как правило, первый согласный звук, с которого начинается аллитерирование в эпифоре, и она может быть в составе долгого слога на конце слова или в его начале[5], по отношению к стихотворной строке может помещаться в последнем слове мисра (полустишия) или с помощью редифа продвигаться глубоко внутрь строки, но всегда при этом она должна занимать одно и то же для данного стихотворения место в стопе размера. В теории метров аруза обращает на себя внимание то обстоятельство, что, за исключением *сарӣʿ* и *мунсариḥ*, все метры оканчиваются долгим слогом. Те изменения в стопах (*зиḥāф*), которые претерпевает последняя стопа в метре, также предусматривают окончание мисра на сильный слог. Стопы же, в которых *зиḥāф* преобразует долгий слог в краткий, видимо, в конце стиха не употреблялись. Во всяком случае примеры противоположного нам неизвестны. Что же касается метров *сарӣʿ* и *мунсариḥ*, основная парадигма которых включает стопу *мафʿӯлāту* (مَفْعُولَاتُ), то они встречались нам только с измененной конечной стопой, где последний краткий слог был превращен в долгий. Например, в диване Хафиза в одном случае стопу *мафʿӯлāту* (— — — ◡) метра *мунсариḥ зиḥāфы джадʿ* и *наḥр* превращают в *мадждӯ манḥӯр*, а именно в *фаʿ* (فَعْ — долгий слог), в другом случае в том же метре стопа *мафʿӯлāту* изменена *зиḥāфами тайй* и *ваḳф* в *маṭвӣ мауḳӯф*, т. е. в *фāʿилāт* (فَاعِلَاتْ). *Зиḥāфы тайй* и *ваḳф* использованы Хафизом и в конечной стопе метра *сарӣʿ*[6]. Кажется очевидным, что арабо-персидская теория метров должным образом соотносилась с теорией рифмы, точно так же, как и в любом европейском стихосложении звуковая организация стиха соотносится с ритмической. Окончание стоп метров аруза на сильный, долгий слог предусматривает тот простейший случай, когда основная буква рифмы замыкает полустишие. Если же долгий слог с буквой *равӣ* передвигался в глубь строки, то вместо одного скрепа получалось несколько скрепов с помощью остальных букв рифмы и с помощью редифа, условием которого являлось единство звукового состава и един-

---

[5] В арабо-персидском стихосложении границы стоп необязательно совпадают с границами слов.

[6] دیوان خواجه حافظ شیرازی ، باهتمام شیّد عبد الرحیم خلخالی ، طهران ، ۱۳۰۶ هجری شمسی, газели: ۱۸۷, стр. ۹۷; ۲۲۵, стр. ۱۱٦; ۲۸۴, стр. ۱۴٦.

ство смыслового содержания в стихотворении. Следуя за метром, аллитерирование в эпифоре подчеркивало ритмический пульс звуковыми подобиями. Поэтому распространенное мнение о якобы схоластическом характере теорий метров и рифмы в арабо-персидской поэтике не имеет в сущности под собой почвы. Разнообразные метры и многочисленные изменения их стоп, так же как и буквенная теория рифмы, предусматривающая и правила построения ее, и возможные погрешности, — все это имеет определенный лингвистический смысл. Так, варианты употребления девяти букв рифмы, помимо тех соображений, которые уже высказаны нами в отношении позиции буквы *равӣ* в долгом слоге, вызваны также и тем, что для персидской поэзии характерно употребление трех- и четырехсложных стоп, а это в свою очередь может быть поставлено в связь с длиной слов, употреблявшихся в поэзии, и по сути дела со всей морфологической структурой языка. Разумеется, работа по осознанию факта и способа его выражения в данной области сказанным не исчерпывается.

В истории развития тюркоязычных литератур период расцвета классической поэзии (конец XV — начало XVI в.) был этапом, характеризующимся завершенностью стихотворных форм по правилам поэтики, разработанной на основе иноязычных поэтических образцов. Анализ рифмы в произведениях тюркоязычных поэтов данного периода обнаруживает глубокое проникновение арабо-персидской поэтики в сферу тюркоязычной литературы, блестящее мастерство целого ряда тюркоязычных поэтов. Употреблялись все виды рифм. Например:

نی فکری کیم سنینک فکرینک ایماس اول فکر ایرور باطل
نی عمری کیم اوتار سینسیز ایرور اول عمر بیحاصل
(Бабур)

Всякая мысль, которая не является мыслью о тебе, —
эта мысль пуста.
Всякая жизнь, которая проходит без тебя, — эта жизнь
бесплодна.

Бейт написан размером *хазадж-и мус̱амман-и са̄лим* (- - — — ◡ | — — — ◡ | — — — ◡ | — — — ◡), рифма *муджаррад* (единичная). Буква *равӣ* оканчивает полустишия (*ла̄м* — *равӣ*, огласовка перед *равӣ* — *тауджӣх*).

نوبهار ایامی بولمیش مین دیارو یارسیز
بلبل اولغاندک خزان فصلی کل و کلزارسیز
(Навои)

В дни весны я оказался без родного края и подруги,
Словно соловей в осеннюю пору — без розы и цветника.

Бейт написан размером *рамал-и мусамман-и махзӯф-и мактӯʿ* (— — | — — ◡ — | — — ◡ — | — — ◡ —), буква *равӣ* содержится в предпоследнем слоге последней стопы размера: *рā* — *равӣ*, *алиф* перед *равӣ* — *ридф*, *сӣн* — *васл* *зā* — *хурӯдж*, огласовка перед буквой *ридф* — *хазв*, огласовка, стоящая после *равӣ*, — *нафāз*.

آجیلیب ایکی ساچی یوزیکا یابیلمیشلار
یاروق جهانی کوزومکا قرانغو قیلمیشلار
(Бабур)

Две ее косы, распустившись, скрыли ее лицо,
[и] светлый мир для моих глаз сделали черным.

Бейт написан размером *муджтасс-и мусамман-и махбӯн-и мактӯʿ* (— — | — ◡ — ◡ | — — ◡ ◡ | — — ◡ — ◡). Буква *равӣ* замыкает третьи стопы метра, рифма распространена на четвертые стопы: *лāм* — *равӣ*, *мӣм* — *васл*, *шӣн* — *хурӯдж*, *лāм* — *мазӣд*, *рā* — *нāйира*, огласовка перед *равӣ* — *тауджӣх*, огласовка *равӣ* — *маджрā*, огласовка, стоящая после *равӣ*, — *нафāз*.

Из сказанного ясно, что арабо-персидская теория рифмы была теорией точной рифмы. Рифмующие слова должны были иметь одинаковый состав гласных и согласных сильного, ритмообразующего слога, равное количество слогов после сильного слога и их одинаковый звуковой состав. Анализ более ранних поэтических тюркоязычных образцов показывает, что традиция точной рифмы в тюркоязычной поэзии имеет вполне закономерную историю развития. В Средней Азии XI—XII вв., в Малой Азии XIII—XIV вв. и в Поволжье XIV в. в произведениях, созданных по нормам арабо-персидской поэтики, легко обнаружить ряд характерных отступлений от правил. Это:

1) несовпадение гласных сильного слога, т. е. несовпадение огласовок перед буквой *равӣ*. Поэты рифмуют: بولور — کیچار (käčär — bolur)[7], بُلغل — بِلغِل (bilgil — bulγyl)[8], کیچ — آغچ (aγač — gäč)[9], خوش بود — کش بود (käš bud — ḫoš bud)[10].

Если в примере بلغل — بلغل у Султан Веледа рифма вследствие традиции старотурецкой орфографии не выражать гласные

---

[7] Кутадгу билиг (С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 218).

[8] Султан Велед, *Ребаб-наме*, 91. — Цит. по ст.: S. Rymkiewicz, *Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur*, — RO, 1963, t. XXVII, z. 1, str. 762 (далее — Rymkiewicz). Другие примеры из произведений Султан Веледа цитируются также по этой работе.

[9] Yunus Emre divanı, İstanbul, 1943—1948.

[10] Хорезми, *Мухаббат-наме*, М., 1961, стр. ۴۸.

графически правильна, хотя акустически неточна, то в приведенных примерах других авторов мы не находим соблюдения ни графического принципа рифмы, ни акустического тождества;

2) еще более часто встречаются случаи несовпадения огласовок перед буквой *равӣ*, когда гласный, выражаемый этой огласовкой, входит в состав слабого слога, например: بِلُرْ — بُلُرْ (b*i*lür — b*u*lur)[11], كوزى — آزى (közi — *a*zy)[12].

3) Поскольку арабская графика не передавала особенностей тюркского вокализма и гласные переднего и заднего рядов либо обозначались одинаково — по среднеазиатской традиции через ا, و, ى, либо вообще не обозначались, как в старотурецкой письменности (иногда, правда, проставлялись огласовки), то очень часто рифма строилась путем аллитерирования в эпифоре согласных без учета сингармонистического ряда, например: بُنى — كُنى (b*uny* — g*üni*), بلك — قلك (b*ilüñ* — q*yluñ*)[13], كوردى — سوردى (s*ordy* — k*ördi*)[14], اسيندى — ميندى (ys*yndy* — m*indi*), قندى — توكاندى (q*andy* — t*ükändi*)[15].

Буква و, выражавшая в тюркоязычных рукописях четыре фонемы: u, ü, o, ö, позволяла рифмовать не только سُورْگل — دُورْغل (s*ürgil* — d*urγyl*), كُورميشدُر — سُورمشدُر (g*örmišdür* — s*ormyšdur*), но и: سُورَه — سُورَه (*sora* — *süre*)[16].

Таким образом, все приведенные примеры показывают, что в ранних образцах тюркоязычной поэзии рифма зачастую была только зрительной, буквенная теория рифмы реализовалась в буквальном смысле и за символами не скрывалось фонологическое тождество. Нарушение теоретических правил рифмы шло главным образом по линии вокализма, и следует отметить, что у разных поэтов описываемого периода оно присутствовало в разной степени. Это зависело не только от уровня познаний автора в области поэтики, но и от того, какого рода произведение создавалось. Так, у Юнуса Имре в газелях погрешностей в рифме гораздо больше, чем в его месневи, что вполне естественно, так как монорифма, особенно в длинном стихотворении, трудна. Парные же рифмы месневи сделаны значительно лучше.

Рассматривая отступления от правил арабо-персидской рифмы как результат несоответствия теории, разработанной на

---

[11] Rymkiewicz, str. 76.

[12] Хибат ал-хакаик (Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 318).

[13] Rymkiewicz, str. 75.

[14] Ахмед Ясави, *Дивани хикмет*, Казань, 1912, стр. ١٨.

[15] Хорезми, *Мухаббат-наме*, стр. ١٠, ٢٨.

[16] Rymkiewicz, str. 75.

основе иноязычной поэзии, лингвистическому материалу тюркских языков, мы можем одновременно квалифицировать их и как путь приспособления этой теории к практике тюркоязычного стиха. Арабо-персидская теория рифмы, разумеется, не учитывала особенностей сингармонистических тюркских языков, и вместе с тем именно буквенная теория рифмы облегчила тюркоязычной поэзии путь к явлению точной рифмы. Графический принцип позволял поэтам использовать для построения рифмы пары слов с гласными противоположных сингармонистических рядов. По сравнению с практикой рифмовки одного и того же слова или злоупотреблениями суффиксальной рифмой, что имело место и у Юсуфа Баласагунского, и у Юнуса Имре, и у Султан Веледа, разный состав гласных в рифмующих словах был недостатком наименьшим, так как графически никак не выражался. Это расширяло возможности поэта. В дальнейшем Алишер Навои в работе *Мухāкамат ал-луғатайн*, посвященной описанию достоинств языка тюркй и возможностей поэтического творчества на нем, говорил о допустимости рифмовать: سره — سرا (sara — sarä), ضرور — ایرور (ärür — z̤arūr), اوت — اوت (ot — öt) в целях облегчения отбора рифм[17].

Следует заметить, однако, что опытные поэты в эпоху Навои старались избегать таких рифм, стремясь не только к графическому, но и к акустическому тождеству. Подобные рифмы легко найти в стихах Атаи, которого, кстати, тот же Алишер Навои считал поэтом второстепенным.

Арабо-персидская теория рифмы была трудна для тюркоязычной поэзии и в плане морфологическом. Теория девяти букв рифмы поставила предел для словоизменения, сведя агглютинативный строй тюркских языков в поэтической речи к минимуму. Но и в этой области теория букв рифмы содержала условие, благоприятное для утверждения арабо-персидской теории рифмы в тюркоязычной поэзии. Буквы, по теории следующие за буквой *равū*, которая содержалась в корне или в основе слова, позволяли наращивание к корню или к основе слов тюркских аффиксов словоизменения. Например, рифма с буквой *васл*: قراری — انتظاری (intiz̤āry — qarāry). Буква *васл* здесь является аффиксом принадлежности 3-го л. ед. ч. В рифме с буквой *васл* и *хурӯдж*: قاشدین — باشدین (baš*dyn* — qaš*dyn*), رضواندور — حیواندور (ḥajwān*dur* — riz̤wān*dur*). В первом примере буквы *васл* и *хурӯдж* образуют исходный падеж, во втором примере — аффикс сказуе-

[17] محاکمة اللغتین (M. Quatremère, *Chrestomathie en turc oriental*, Paris, 1841), pp. 13—14.

мости 3-го л. ед. ч. В рифме с буквами *васл*, *хурӯдж* и *мазӣд*: عزاریمدین — یاریمدین (ʿizār*ymdyn* — jār*ymdyn*) данные буквы выражают аффикс принадлежности 1-го л. ед. ч. + исходный падеж. Понятно, что не могло быть наращено аффиксов больше, чем позволяла теория букв.

Учение о редифе нашло естественное использование при употреблении различных глагольных форм и удачно сочеталось с требованием тюркского синтаксиса — постановки сказуемого на конце предложения:

جانیمدین اوزکا یار وفادار تابمادیم
کونکلومدین اوزکا محرم اسرار تابمادیم

(Бабур)

Кроме своей души, другой верной подруги я не нашел.
Кроме своего сердца, другого близкого друга
я не нашел.

В этом бейте редифом является глагол в форме 1-го л. ед. ч. прошедшего категорического времени — tapmadym. Очень часто в качестве редифа употреблялись вспомогательные глаголы:

بیزنینک شیدا کونکول بیچاره بولمیش
ملامت دشتیدا آواره بولمیش

(Навои)

Наше безумно влюбленное сердце несчастным стало,
В пустыне упреков [оно] бродячим стало.

Здесь в качестве редифа выступает вспомогательный глагол bolmaq. Разумеется, к концу XV в. в редиф могли помещаться и другие части речи, так как широко допускалось инверсирование, и самые прочные синтаксические связи могли быть нарушены в угоду гладкости метра и благозвучности рифмы, но все же наиболее часто редифом являлись те или иные глагольные формы.

Развитие тюркоязычных поэтических форм параллельно сопровождалось созданием поэтического словаря. Общеизвестно, что язык поэзии конца XV—начала XVI в. значительно отличался от языка прозы. Объяснялось это не только тем, что арабо-персидские теории метров и рифмы трудно реализовались на чисто тюркском языковом материале и в силу этого поэты открыли в своих стихах широкий доступ для арабской и персидской лексики [18], но и тем, что, включившись в сферу мусульманской

[18] С. Рымкевич пишет, что в поздней османской поэзии арабо-персидские заимствования составляли 90% словарного состава, в поэзии же Султан Веледа не превышали 20% (см. Rymkiewicz, str. 65). То же было характерно и для поэзии Средней Азии.

культуры, тюркоязычная поэзия стала активно набирать новую для себя образность.

Не отрицая факта заимствований, важно подчеркнуть здесь другое, а именно то, что с течением времени, с XI и до конца XV в., словарному заимствованию сопутствовало, если можно так выразиться, общее накопление мастерства, так что если у Ахмада Югнаки или Султан Веледа арабо-персидские заимствования спасали положение тем, что придавали стиху большую правильность, то в творчестве Лютфи, Навои и позднее Бабура разница между арабскими, персидскими и тюркскими словами ни со стороны метра, ни со стороны рифмы уже вообще не ощущалась. Правила арабо-персидской поэтики перестали осознаваться как нечто чужеродное не только потому, что с XI в., когда появилась поэма *Кутадгу билиг*, и по XVI в. прошло достаточно времени, чтобы к ним успели привыкнуть, но и потому, что начиная с Юсуфа Баласагунского каждый поэт, великий и малый, настойчиво и неуклонно трудился над неподатливой массой своего тюркского языка, стремясь приблизить свое творение к пластическому идеалу, внушенному ему персидской поэзией.

То поразительное сочетание изысканности и простоты, которым отличается творчество Мухаммада Захираддина Бабура, является результатом, помимо его личного дарования, усилий множества поэтов. Кажется, что на том уровне поэтической техники, на каком находился Бабур, ему было бы нетрудно писать стихи и более насыщенные тюркской лексикой. Однако сложившаяся уже традиция этого не позволяла.

Таким образом, арабо-персидская теория рифмы, так же как и теория метров [19], нашла естественную для себя основу в тюркских языках, на первых порах встретив сопротивление языка новой поэтической форме, но в дальнейшем введя его в русло своих норм.

[19] См. И. В. Стеблева, *О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию*. — «Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока», М., 1964.

А. С. Тверитинова

О ТОЛКОВАНИИ АРАБСКОГО СЛОВА *БЕРАЙЯ* В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В ПУБЛИКАЦИЯХ ТУРЕЦКИХ ДОКУМЕНТОВ

Издание турецких исторических документов, внимание к которым за последнее время чрезвычайно и вполне обоснованно возросло не только в самой Турции, но и в странах, некогда входивших в состав Османской империи, а также и во многих других странах [1], требует от ученых, публикующих такого рода материалы, большой точности в толковании исторической терминологии. Малейшая неточность может повлечь за собой неверное понимание исторических текстов, а вслед за тем и искажение самой конкретной истории.

Важность высказанного выше положения можно показать на примере толкования слова *берайя*, весьма часто встречающегося в турецких исторических документах и других источниках.

Арабское слово *берайя* (بَرَايَا мн. ч. от بَرِيَّة), обозначающее 'создание', 'твари', вошло в турецкий средневековый литературный язык в значении 'народ', 'люди', и Шемседдин Сами в своем словаре, дав ему эту дефиницию под словом بريّه, далее иллюстрирует данное значение примером: خير البريه, переводя его на турецкий язык так: ... انسانلرك اك ايىسى اولان خاتم الانبيا افندمز, т. е.: «. . . являющийся наилучшим из людей, господин наш, последний из пророков (Мухаммед. — *А. Т.*)» [2].

Другая форма от того же арабского слова برى в турецкий язык перешла в значении: 1) 'невинный', 'невиновный' и 2) 'сво-

---

[1] См. *Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы*. Составление, перевод и комментарии А. С. Тверитиновой, М., 1963, стр. 3—21 (далее — *Аграрный строй*).

[2] شمس الدين سامى ، قاموس تركى ، استانبول ، ١٣١٥ ، ص. ٢٩١

бодный', 'освобожденный', а также براءت в значении 'султанская грамота, дарующая льготу или привилегию, освобождающая от чего-либо'[3]. Однако связаны ли эти два слова в их указанном значении со словом *берайя* в том смысле, в каком оно употребляется в турецких документах, мы увидим далее.

В словаре староосманского языка слово *берайя* имеет два толкования: 1) 'народ', 2) 'часть народа, не платящая хараджа и налогов'; 'мусульмане' и 'военные'. В качестве иллюстрации к этому пояснению автор словаря M. N. Özön приводит фразу из «Истории» Рашида: «. . .*ben sana ol vilâyeti viran ve reaya ve berayayı perakende ve perişan et diye mi verdim?*», т. е.: «. . .разве я для того дал тебе тот вилайет, чтобы ты разрушил его, обрушил бедствие на реайю и берайю и разогнал их?» [4].

Нетрудно заметить, что из приведенного автором словаря примера точно установить то значение, которое дано им под вторым пунктом, не представляется возможным.

Что касается вышедших за последнее время словарей турецких исторических терминов, то в них слово *берайя* в качестве термина не зафиксировано [5].

Между тем некоторые тюркологи в комментариях к опубликованным ими документам дают пояснения и к слову *берайя*, считая его историческим термином. Из этих пояснений следует, что:

а) *берайя* — есть обозначение «некоей общественной группы в Османской империи, принадлежавшей к классу феодалов» [6];

б) *берайя* — это «владельцы, общественная группа владельцев» [7];

в) *берайя* — это «турецкие подданные, освобожденные от хараджа и некоторых других налогов до Танзимата» [8];

г) *берайя* — это «привилегированное население Османской империи без различия вероисповедания» [9].

---

[3] Ibid., s. 291, 284.

[4] Mustafa Nihat Özön, *Osmanlıca-türkçe sözlük*, 3. basim, İstanbul, 1959, s. 88.

[5] Mehmet Zeki Pakalın, *Osmanlı tarih deyimleri*, c. 1—3, İstanbul, 1946—1956; Midhat Sertoğlu, *Resimli osmanlı tarihi ansiklopedisi*, İstanbul, 1958.

[6] Д. Поп-Георгиев, *Сопственоста врз чифтлиците и чифлигарските аграрно-правни односи во Македонија до Балканската војна 1912*, Скопје, 1956, стр. 17.

[7] Там же, стр. 165.

[8] *Турски документи за историјата на Македонскиот народ, серија прва: 1607—1966*, том I, под ред. М. Сокольски, А. Старова, В. Бошков и Ф. Исхак, Скопје, 1963, стр. 150.

[9] *Македонија во XVI и XVII век. Документи од цариградските архиви (1557—1645)*. Перевод, редакција и коментар Душанка Шопова, Скопје, 1955, стр. 97 (далее—*Македонија*).

В одной из советских работ это определение зафиксировано в еще более определенной и категорической форме: «В отличие от податного населения — феодалы, духовенство, т. е. представители господствующего класса, назывались *берайя*» [10].

Ни один из авторов названных публикаций и других изданий не привел надежного подтверждения правильности данного ими толкования этого слова. Возможно, такие обоснования где-то и существуют, однако нам подобные работы до сих пор не встречались. Поэтому, желая удостовериться в истинном смысле слова *берайя*, толкование которого нам показалось сомнительным, мы предприняли сплошной просмотр ряда опубликованных турецких текстов, в которых это слово встречается. Анализ просмотренных текстов убеждает нас в том, что:

1. Слово *берайя* всегда употребляется только в сочетании с термином *реайя* в форме «*реайя* и *берайя*» (رعايا و برايا) и ни разу не встречается в самостоятельном, обособленном положении.

2. Сочетание «*реайя* и *берайя*» обычно встречается в тех документах и других источниках (трактаты, султанские фирманы, адресованные провинциальным властям, и т. п.), в которых речь идет о притеснениях и излишних поборах, вследствие чего «*реайя* и *берайя*» подвергались крайней степени разорения, оказывались вынужденными бросать свои жилища и земельные наделы, рассеиваясь и разбегаясь (پراكنده و پايمال), потому положенные с них доходы не могли быть собраны.

3. Во всех случаях, когда речь идет о «*реайе* и *берайе*», неизменно имеется в виду только земледельческое феодально-зависимое население, обозначаемое также термином *реайя*.

4. Из ряда неопровержимых примеров можно убедиться, что «*реайя* и *берайя*» как раз противопоставляются феодальному сословию — эмирам, заимам и сипахиям, которые притесняют и обирают это зависимое от них население.

Примеров, с помощью которых можно подтвердить наши наблюдения, имеется множество. Вот некоторые из них.

В законоположении 1583 г., относящемся к казе Йени иль (вилайет Рум с центром в Сивасе), говорится:

«...Se'adetlü sultan... hazretlerinin haslarından Yeni Il dimekle mâruf nevâhî ve ana tâbi' olan yerler ve yaylaklar ahvâli muhtel ve müşevveş-ül-hâl ve emâkini mezkûrede sakin olan reaya ve berâyanın halleri meçhul olmakla nice emvâl zâyi ve zu'afâ-i reaya pâymal olmağın haliyâ defter tashih ve tesvid ve nevâhî-i mezkûreyi kemâyenbeği tebyin ve tahdid ve tahriri tecdid olunmak

[10] А. Д. Новичев. *История Турции*. I. *Эпоха феодализма* (*XI—XVIII вв.*), Л., 1963, стр. 58. (Мы уж не говорим о том, что написание этого слова с двумя *а* также неправомерно).

buyrulmağın imtisâlen lilemril'âli zikrolunan nevâhîde kurâdan ve yaylakdan ve bilcümle mahsulâtdan her ne var ise nakir ve kıtmir mufassalen defter ve tahrir olundu»[11].

«. . .В виду того, что состояние принадлежащих к хассам Его Присутствия благоденствующего султана. . . нахий, известных под наименованием Йени Иль, как и подведомственных им местностей и летовок, пришло в расстройство, — положение проживающих в тех местах реайи и берайи стало неопределенным и потому множество имущества утрачено. Так как немощные реайя рассеяны, то в настоящее время было соизволено издать повеление, исправить и заново переписать дефтеры и в упомянутых нахиях как следует выявить и установить границы (владений), чтобы заново переписать реестры названных нахий. В соответствии с высочайшим указом в упомянутых нахийях, как в деревнях, так и в яйлаках, произведена перепись и подробно занесены в дефтер все имеющиеся, даже самые незначительные статьи дохода».

Еще более ясно выражена мысль о нераздельности понятия «*реайя* и *берайя*», социальное значение которого определено абсолютно точно, в канун-наме ливы Хатван [12]:

«Ve ümerâ ve zu'ama ve sipah tâifesi hilâf-ı şer' ve kanun ve mugayir-i defter ve emr-i hümayun reayanın müft ve meccânen yemeklerin ve odun ve otluk ve yağ ve bal ve bastırmalık ve südlük sığır ve koyunların alub ve kışlık kürk salgun idüb ve reayayı koçıları ve bargirleri ve arabaları ve öküzleriyle sürüb seferlerde beşer altışar ay azıklarun çekdürüb kullanub ve evlerinde kezâlik envâ'ı hizmetlerin itdirüb ve mürd olan reayanın akrabası ve te'allükatı kalmayub hemen oğulları ve kızları kalsa anın gibiler içün bî-kes sirota dir diyü sahib-i zemin olanlar çeküb alub esir idüb ve emlâk ve davarların satdırub kendüler alub velhasıl bunun emsâli teklif-i mâlâyutâkdan ahval-i reaya diğergûn olub ekseriya cilây-ı vatan itdilerine bâis idüği mukaddemâ pâye-i serir-i 'alâya 'arzolundukda minb'ad reaya ve berâyaya ol makule teklif olunmayub veçhen min-el-vücûh ta'ciz ve te'addî kılınmayalar ki âsûdelik ile ziraat ve hırasetine kadir olalar»[13].

«Эмиры, заимы и сипахии в нарушение шариата, закона, дефтера и августейших повелений бесплатно берут у реайи провизию, дрова, сено, масло, мед, вяленое мясо (бастырму), дойных

---

[11] Ömer Lûtfi Barkan, *XV ve XVI-inci asırlarda Osmanlı Imparatorluğunda ziraî ekonominin hikukî ve malî esasları*, c. I. *Kanunlar*, İstanbul, 1945, s. 75 (далее — Ömer Lûtfi Barkan).

[12] Лива Хатван входила в состав эйялета Будун. См. *Аграрный строй*, стр. 94.

[13] Ömer Lûtfi Barkan, s. 317.

буйволиц и овец, отбирают зимнюю одежду, уводят наиболее сильных из районов вместе с их вьючными животными, арбами и в течение пяти-шести месяцев используют их в походах или заставляют выполнять различные обязанности в домашнем услужении, а когда у умерших реайя не остается никого из родных, они берут их детей и превращают их в своих невольников, продают и присваивают их имущество и скот. Словом, от этих невыносимых поборов положение реайи совершенно расстроилось, и это послужило причиной для бегства большей части их. Когда об этом было представлено донесение к подножию Высокого Трона, [то было дано строжайшее повеление], чтобы отныне подобные поборы с реайи и берайи не производились и чтобы никоим образом притеснения им не чинились, дабы они могли безмятежно заниматься возделыванием земли и посевами. . .».

Следует подчеркнуть еще и то обстоятельство, что в тех же публикациях, в которых издатели дают слову *берайя* толкование в смысле «привилегированное население Османской империи», просмотренные нами документы полностью опровергают это определение. Так, например, в распоряжении, присланном в 1588 г. бею Охриды, говорится:

«Halâ yanında olan sipâh taifesi re'âya ve berâyaya zülm ve te'adi eyledüklerinden ma'da, müft ve meccanen yem ve yemeklerin alub te'addi olunduğu i'lâm olundu. . .» [14].

«Получено уведомление о том, что находящиеся при [Охриде] сипахии мало того что чинят притеснения и насилия по отношению к реайе и берайе, они еще берут задаром, без возмещения еду и корм. . .».

Немало подобных же примеров имеется и в других документах этого издания [15].

Весьма убедительные материалы, помогающие правильно понять смысл сочетания «*реайя* и *берайя*», содержат документы, опубликованные в качестве приложения к исследованию М. Чагтая Улучая о народных движениях в Сарухане в XVII в. Вряд ли есть необходимость выписывать из этого издания все примеры, однако один из них, как особенно выразительный, следует привести. Так, в указе 1609 г., адресованном санджакбеям Айдына, Сарухана и Ментеше, которые под предлогом сбора «платы за кровь» за всякого из числа их военных отрядов, кто случайно замерз или утонул в данной местности, полностью обирали и опустошали все близлежащие деревни, говорится:

---

[14] *Македонија*, стр. 70, док. 52.

[15] См. там же, стр. 51, док. 37; стр. 60, док. 44; стр. 77, док. 57; стр. 87, док. 65 и др.

«. . . Anın gibi bir kerre kan olan kariyelerde her gelen Beylerbeyiler ve Beyler ve Voyvodalar ikişer ve üçyüz atlu ile varub kan öşrü deyu cümle emval ve davarların yağma ve talan etmekle ol ehli kariyeler harab ve viran olmağın memaliki mahrusamda öşrü diyet namına akçe alınmağı ref ettim. . . Ve Beyler ve Beylerbeyiler ve Voyvodalar reaya ve beraya bu veçhle zulüm ve taaddi edüb Havassı Hümayunum ve Vüzera Hâslarına ve Evkaf ve emlâk ve serbest olan karyelere dahleydiklerine ve Vilâyet üzerlerine çıkdıklarına emirim yokdur. . .» [16].

«. . .На деревни, в которых таким же образом случилось кровопролитие, налетают бейлербеи, беи и воеводы с [отрядами] конных в 200—300 человек и под предлогом сбора платы за кровь подвергают полному разграблению имущество и скот, вследствие чего жители деревень оказались разоренными и [деревни] опустошенными. Посему я отменил в моем Богохранимом государстве взимание платы, называемой ушр-и дийет (десятина за кровь). . . И нет моего позволения беям, бейлербеям и воеводам, так притесняя и тираня реайю и берайю, вступать в пределы августейших хассов, везирских хассов, вакфов, мюльков и свободных деревень. . .».

Приведенные нами примеры, число которых можно до бесконечности умножить, позволяют еще сделать и следующие выводы:

1. Слово *берайя* в турецких документах не имело самостоятельного значения в качестве термина, определяющего привилегированное, не облагаемое налогами феодальное сословие. Это подтверждается еще и тем, что во всех случаях, когда в источниках речь идет о подобных сословиях, употребляются совсем иные термины, а именно: *айян* (اعیان), *эшраф* (اشراف), *экябир* (اکابر), *эхл-и öрф* (اهل عرف), которыми обозначались титулованные и нетитулованные представители знати, вельможи, сановные люди всяких степеней. Существовало множество и других обозначений, что в литературе неоднократно отмечалось [17].

2. В сочетании «*реайя* и *берайя*» последнее также не носило самостоятельного смыслового значения, являясь созвучным *реайя*

[16] M. Çağatay Uluçay, *Saruhanda Eşkıyalık ve Halk Hareketleri*, İstanbul, 1944, s. 210 (далее — Çağatay Uluçay).

[17] Многочисленные примеры таких обозначений см., например, в кн.: В. Д. Смирнов, *Кучибей Гöмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции*, СПб., 1873, стр. 121, 209 и др. (далее Смирнов); Jan Grzegorzewski, *Z sidżyllatow rumelijskich epoki wyprawy wiedeńskiej. Akta tureckie*, Lwów, 1912, str. 28, 34, 40—41 sq. (далее — Jan Grzegorzewski); Mustafa Akdağ, *Osmanlı İmparatorluğunun kuruluş ve inkişaf devrinde Türkiyenin iktisadî vaziyeti*, — «Belleten», c. XIV, Ankara, 1950, № 55, s. 319—335.

словом-дополнением, как бы усиливающим значение термина *реайя*, как живого творения Аллаха. Последнее часто подчеркивается в источниках таким выражением: «Taife-i reaya ki vedayi-i Halik ul-beraya dir» [18], т. е. «сословие реайя, которое является достоянием Творца (всех) созданий».

В соответствии с взглядами средневековых турецких идеологов феодального государства земледельческое население — *реайя*, являвшееся основной экономической опорой государства и класса землевладельцев, следовало оберегать от полного разорения и истощения, ибо это было опасно для самого государства и всех имущих сословий. Поэтому постоянный призыв к умеренному взиманию налогов и повинностей всегда сопровождался употреблением своеобразных «жалостливых» дополнений к термину *реайя*. Таковы reaya-i fukara, reaya-i zuafa [19], т. е. «*бедные реайя*», «*немощные реайя*» и мн. др. В какой-то мере сочетание «*реайя* и *берайя*» соответствует такого рода выражениям.

Таковы наши соображения и выводы относительно слова *берайя*, которое, таким образом, не может быть отнесено к категории исторических терминов.

Можно не сомневаться, что дальнейшие публикации и исследования подтвердят изложенные нами соображения и, таким образом, проникшее в тюркологическую литературу заблуждение будет окончательно оставлено [20].

---

[18] Çağatay Uluçay, s. 179. В. Д. Смирнов переводил сочетание «*реайя* и *берайя*» «поселяне и обыватели», что не вполне точно передавало значение первого (*реайя*) термина и не отвечало значению второго слова (*берайя*). (Смирнов, стр. 148).

[19] Jan Grzegorzewski, str. 76, 84, 135, 136 sq.; L. Fekete, *Türkische Schriften aus dem Archive des Palatins Nikolaus Esterhazy, 1606—1645*, Budapest, 1932, S. 80, 111, 123, 171 sq.; Глиша Елезович, *Турски споменици*, кн. I, св. 1, Београд, 1940, стр. 698, 862 и др.

[20] К правильному пониманию слова *реайя* близко подошел известный турколог У. Хейд, который сделал ряд интересных соображений по этому поводу. См.: Uruil Heyd, *Ottoman Documents on Palestine 1552—1615*, Oxford, 1960, p. 50, n. 4.

17 Заказ № 1037

Э. Р. Тенишев

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПИГРАФИКА АЛТАЯ

За последние годы был обнаружен ряд новых тюркских рунических надписей из различных мест горного Алтая. При малочисленности «алтайских» надписей каждый рунический памятник, как бы мал и фрагментарен он ни был, представляет собой большую ценность. Ниже приводится транскрипция, перевод и толкования семи новых древнетюркских текстов по прорисям К. Сейдакматова [1].

Чарышская надпись

1. Большая вертикальная надпись

А) Верх

Текст:

1) käšdimim: käzi ätig äsi äräni älim är äb äd jäš;
2) ät äriki a:nta ätdim: jägän ät äl anta ätdim;
3) anta nä az äči any oq ägil: ätig äsi äräni: any oq ägili yd (id?).

Перевод:

1) мои кешдимы, поочередно: товарищи и бойцы дружины, знать, слуги, дом, имущество, молодые (рабыни);
2) запасы добра я там сделал, младших родичей, имущество, знать (или: власть) я там упорядочил;
3) как бы ни мало (было) там старших родичей — им и повинуйся, дружине также повинуйся.

---

[1] К. Сейдакматов, *Древнетюркские надписи в горном Алтае*, — «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, стр. 95—101 (прориси: стр. 96—100).

Примечание. По контексту первой строки *käšdim* не географическое название[2] и не этническое наименование[3], а социальный термин: 'то, что находится под властью', 'данник', ср. русск. *киштым*[4]. *Äl* употреблено в смысле 'знать', 'власть'[5].

käzi — производное от *käz-* 'проходить', в значении 'порядок', 'очередь', *ätig* (от *ät-* 'делать') 'организация', 'дружина'[6], *jägän* 'младшие родственники', ср. *jägin* 'племянник', 'внук'[7], монг. *dʒige*, *ʒee*.

Знак для мягкого *k* сходен со знаком в надписях из Таласа[8] и Тувы[9].

Мягкорядные буквы *t* и *d* чередуются в изолированных словах: см. *äd* и *ät* 'добро', 'имущество'.

Б) Низ

Текст:

1) är aty at arpa äläs anta — addan (?) ölüp (än?) ar(a) ärkimi: älig adačym: adyr²y (an) az bäki täzäd¹ti;
2) at äriki: äl ät bunta ätigim ätip (?).

Перевод:

1) его геройское имя Атарпа элэс, там он лишился славы, причина — отделившись от пятидесяти моих товарищей, малосильный (враг) обратил в бегство;
2) славу (составляют) власть, имущество, здесь создав.

Примечание. *Äläs* входит в состав сложного имени героя: *Atarpa äläs*. Установить его определенное значение трудно, ср. надписи из Кежилиг-хобу: *jaγyla-älä-* 'враждовать', 'воевать'[10], в словаре В. В. Радлова *älä-* 'двигать', 'мучить'[11]; в кирг. *äläs* 'силуэт', 'образ', 'призрак'[12]; тат. *äläs-mäläs* 'вялый', *adač-adaš* 'товарищ' (č//š?, ср. сарыг-югурск. *paš* 'голова', но *pačyn* 'его голову').

Буква для твердого *t* состоит не из двух крышечек, как обычно, а из трех.

---

[2] С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952, стр. 44 (далее — Малов, *Письменность*).

[3] С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1951, стр. 561 (далее — Киселев); Louis Hambis, *Käštim et Ges-dum*, — JA, 1945, t. 246, f. 3, p. 313—320.

[4] Л. Р. Кызласов, *К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в.*,— «Уч. Зап. ХНИИЯЛИ», 1960, вып. VIII, Абакан, стр. 182—184.

[5] Киселев, стр. 504.

[6] A. von Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 312, 314.

[7] С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 387 (далее — Малов, *Памятники*); W. Radloff, *Uigurische Sprachdenkmaler*, L., 1928, S. 275.

[8] Малов, *Памятники тюркской письменности Монголии и Киргизии*, М.—Л., 1959, стр. 58, 60, 62.

[9] Там же, стр. 73.

[10] Малов, *Письменность*, стр. 81.

[11] В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I, СПб., 1893, стлб. 810.

[12] К. К. Юдахин, *Киргизско-русский словарь*, М., 1965, стр. 948.

2. Горизонтальная надпись

Текст:

ärim alypan aŋ ačypan il ädim

Перевод:

взяв помощников и начав охоту, мое государственное имущество

Примечание. *ärim* написано в обратном порядке: слева направо. В правом верхнем углу остальной части надписи знак в виде прямоугольника с закругленным углом (м. б. тамга?)

3. Малая вертикальная надпись

Текст:

aq arqyγ süz äläs aš antan (?): y süz älčig

Перевод:

очисть белый ручей, поднимись оттуда, прорежь (?) кустарник, племя (?).

Примечание. *Aryq* 'ручей', 'канал'[13].

4. Надпись из Бийского музея

Текст:

sü äši käzig säkiz är (?)

Перевод:

товарищ по войску, смена, восемь мужей (?).

Примечание. Третий знак слева читаю *z*, последний — *r* мягкий.

Надпись из Кара-Кола

5. Левая надпись

Текст:

säŋir: qaja äbi

Перевод:

хребет, дом в скале.

6. Средняя надпись

Текст:

1) nä ärig ögä;
2) äb ätdim i (ä?);
3) kiši oγul² aŋ äg.

[13] Малов, *Памятники*, стр. 350. О терминах *aq* и *qara* применительно к воде см. А. Н. Кононов, *О семантике қара и ақ в тюркской географической терминологии*, — «Известия отделения общественных наук», Сталинабад, 1954, стр. 83—85.

Перевод:

1) какого мужчину хваля;
2) я устроил дом;
3) жену, детей, охоту, одежду.

Примечание. *kiši* — в значении 'жена'[14], *oγyl* 'сын', 'ребенок'[15], *äg* 'одежда'[16].

7. Правая надпись

Текст:

1) jäg aŋ;
2) jäg ätmiš ä käš älig käg äli ä ätig ä säni ä anča ma (?) jan²a kik azad².

Перевод:

1) хорошая охота;
2) устроил хорошо, колчан, пятьдесят (?), знать, дружина, тебя, так (?), вражда уменьши(лась).

Примечание. *kik* — 'вражда', 'ненависть', месть'[17].

Четвертый знак во второй строке (*m*) повернут вниз. Разделительным знаком служит не двоеточие, а буква *a* (*ä*).

«Алтайские» руны своей безыскусной формой ближе всего напоминают надписи из Таласа. Как те, так и другие выполнены на материале, не обработанном рукой человека как орхонские памятники. Техника нанесения знаков не очень высока сравнительно с той, что увековечила известные всему миру надписи в честь Кюль-тегина, Тоньюкука или Моюн-чура.

Содержание их, естественно, у́же — ближе к бытовой стороне жизни, чем к истории. Здесь не встретишь описания событий или подвигов героев, да и имена их встречаются очень редко. Приурочить эти надписи к какому-либо определенному периоду затруднительно. Характер букв и языка надписей позволяет предположительно отнести их к VI—VIII вв.

До недавнего времени рунические надписи Алтая были почти неизвестны[18]. Теперь обнаружено уже двенадцать надписей, и Алтай выдвинулся на одно из видных мест среди районов тюркской руники.

---

[14] Малов, *Памятники*, стр. 394.

[15] Там же, стр. 403.

[16] Малов, *Письменность*, стр. 73—74, 102.

[17] Besim Atalay, *Divanü lügat-it-türk tercümesi*, I, Ankara, 1940, 44_1, 230_4, 479_{25}.

[18] Л. Р. Кызласов, *Новая датировка памятников енисейской письменности*, — СА, № 3, 1960, стр. 97.

N. Todorov

SUR LA STRUCTURE D'ÂGE D'UN GROUPE DE CITADINS DANS LES TERRES BULGARES AU MILIEU DU XIXe s.

Parmi les différents problèmes liés aux études démographiques-historiques de la population dans les terres bulgares à l'époque de la domination turque, il existe un problème qui n'a pas été posé jusqu'à présent faute de documents. C'est celui de la structure d'âge de la population. Au Département Oriental de la Bibliothèque Nationale à Sofia, où est conservée la partie essentielle du matériel de source pour la période XVe au XIXe s. inclusivement, prédominent des rôles entiers sur l'imposition fiscale ou des fragments de ceux-ci. Leur caractère est différent pour les XVe au XVIIIe s. en comparaison avec celui du XIXe s. Alors que, pour la période du féodalisme osmanli classique, les documents contiennent surtout des données se rapportant à la répartition de la rente dont bénéficiaient les représentants de la classe dominante, en fournissant des précisions plus ou moins exaustives sur le nombre de la population imposable, et parfois avec désignation nominale des chefs de famille, les données se rapportant aux XIXe s. sont nettement différentes. En rapport avec les changements intervenus dans le système de l'imposition et par l'introduction des formulaires imprimés, l'on découvre des données bien plus circonstanciées sur la profession et l'état de fortune des contribuables, permettant de pouvoir suivre les aspects essentiels de la différenciation de fortune et sociale de la population. Malheureusement, pas plus dans les premiers documents que dans les seconds, on ne peut trouver des renseignements au sujet de la question qui nous intéresse. Il n'y a que certains rôles, fragmentairement conservés, qui donnent des précisions sur l'âge des divers éléments de la population, sur celui des feux sur la natalité et la mortalité. Jusqu'à présent nous n'avons pu trouver que deux des rôles de cette espèce. L'un porte sur 322 feux comprenant 1031 habitants de Varna, tandis que l'autre — 120 feux avec

449 habitants d'Anhialo. Ces données, exception faite de quelques dizaines de femmes, ne concernent que les hommes, qui seuls étaient imposables.

Ces données on ne peut plus fragmentaires ne permettent pas de dégager les tendances essentielles dans les processus démographiques. Mais comme nous ne possédons pas jusqu'à présent de matériel concret, nous avons cru utile d'extraire et d'analyser d'une manière générale les données des rôles en question. Ces régistres avaient été tenus dans un but fiscal et consignaient toute la population mâle de trois quartiers: deux à Varna et un à Anhialo. On observe une certaines différence dans le rôle pour Anhialo, où les noms sont accompagnés de l'année de la naissance et du mariage.

Le rôle pour Varna a été rédigé en 1850 et fait mention des modifications intervenues dans l'état civil des personnes pendant huit ans.

Le tableau suivant donne une idée sur la structure d'âge de la population mâle dans les deux quartiers à Varna:

Groupes d'âge	Part relative (%)	Groupes d'âge	Part relative (%)
0—4	20,0	45—49	4,0
5—9	18,6	50—54	3,7
10—14	9,6	55—59	1,8
15—19	6,3	60—64	0,7
20—24	9,0	65—69	1,0
25—29	9,0	70—74	0,1
30—34	5,8	75—79	0,2
35—39	4,1	80—84	0,4
40—44	5,5	85—89	0,2

Il est admis de classer la population en trois groupes d'âge fondamentaux en égard à leur participation dans le processus de production: génération montante, moyenne et adulte. La limite concernant le premier groupe est généralement fixée à l'age de 14 ans, le second englobe les groupes allant jusqu'à 49 ans, tandis que le troisième — ceux au-dessus de 50 ans. Le rapport entre eux accuse que dans le premier groupe sont inclus 48,2%, dans le second — 43,8%, tandis que dans le troisième 8% des représentants de la population masculine des deux agglomérations de Varna. Cette corrélation entre les groupes d'age témoigne de la part relativement plus élevée quant à la génération masculine montante. Elle englobe presque la moitié de toutes les personnes incluses dans le rôle, mais ne dépasse pas sensiblement les groupes d'âge moyen. La part respective des groupes d'âge moyen est également élevée (43,8%). Ils représentent les couches les plus créatrices du point de vue socio-économique et politique. Cette identité approximative entre les

deux groupes fondamentaux atteste une structure d'âge stationnaire.

Toutes les 1031 personnes, comme il a été indiqué, sont incluses dans 332 feux. Selon le nombre de leurs membres les feux se répartissent ainsi:

Feux selon le nombre des représentants mâles

membres							Au total
1	2	3	4	5	6	7	
44	89	78	63	37	15	6	332

Faute de données concernant les personnes de sexe féminin, on ne peut établir le nombre exact des membres des feux. Toutefois, il serait utile de mentionner que les feux ayant 1 ou 2 personnes de sexe masculin s'élèvent à 40%, tandis que ceux avec 5 personnes et davantage — à 17,5%.

La majeure partie des feux (278) sont composés des personnes apparentées en ligne directe (pères, fils, petits-fils). Dans 54 feux seulement il y a des parents par alliances (gendres, beaux-frères, beaux-pères, etc.). Il y a aussi quelques ménages, dans lesquels sont inclus les domestiques et les locataires.

En ayant en vue l'âge du père et de l'ainé parmi les fils on voit que le premier enfant mâle est né lorsque le père avait, en moyenne, 34 ans. La carence de renseignements sur les enfants du sexe féminin ne nous permet pas d'établir avec précision l'âge moyen des parents, lorsqu'ils ont donné naissance à leur premier enfant, tout comme il est impossible d'établir l'âge moyen auquel on contractait ordinairement les mariages.

Le rôle pour Anhialo a été tenu en 1872. La structure d'âge d'après ces données se présente ainsi:

Groupes d'âge	Part relative (%)	Groupes d'âge	Part relative (%)
0—4	11,9	45—49	3,4
5—9	11,2	50—54	4,3
10—14	10,1	55—59	3,0
15—19	11,2	60—64	2,7
20—24	8,3	65—69	1,5
25—29	8,1	70—74	2,1
30—34	8,1	75—79	0,0
35—39	6,0	80—84	0,7
40—44	7,2	85—89	0,2

Dans ce cas le tableau de l'état d'âge est quelque peu différent. Les données accusent une part relativement basse quant à la généra-

tion montante (33,3%) et une part élevée pour les âges moyens (52,3%). On peut parler ici d'une tendance accusée vers une structure d'âge regressive.

Comme nous l'avons mentionné, les données sont trop sommaires pour que nous essayions d'en tirer des conclusions plus poussées. — Nous ne saurions établir non plus s'il s'agit en l'occurrence d'une reproduction plus élevée ou regression de la mortalité dans les âges moyens.

Le coefficient de mortalité, établi à partir du rôle sur Varna est de l'ordre de 9,3%; le rapport entre la mortalité des deux groupes est le même et deux fois moins élevé que dans le troisième groupe. Le coefficient se rapportant aux naissances a été de 47%. Le rôle pour Anhialo ne contient des données que pour la natalité — 43%.

On voit de la comparaison des années de naissance et celles des mariages pour Anhialo que l'âge matrimonial moyen est de 27 ans. Les renseignements sur le mariage se rapportent à 151 personnes. Le plus nombreux s'avère le groupe des mariages conclus à l'âge de 21 à 30 ans — 90 personnes, soit 59,5%. Suit le groupe des personnes de 31 à 40 ans — 30 ou bien 19,9%. Presque autant sont les personnes mariées avant d'atteindre l'âge de 20 ans — 18,6%.

Sur le nombre total des habitants dans le rôle pour Anhialo 110 sont des femmes. Pour 48 d'entre elles l'âge auquel elles ont convolé est indiqué. L'âge moyen auquel ces femmes avaient conclu des mariages est 20 ans, c'est-à-dire de 7 ans inférieur à l'âge moyen général.

D'après le même registre, le nombre moyen des membres des feux est de 4 personnes en chiffres ronds. Dans 15 feux seulement les collatéraux sont inclus. Dans le reste des ménages la parenté est en ligne directe.

Indication sur l'occupation professionnelle de 334 personnes adultes de Varna:

Activité economique	Nombre	%
Agriculteurs	100	33
Artisans	85	25,5
Commersants	67	20
Marins et pêcheurs	33	10
Conducteurs de bêtes de trait	17	5
Apprentis et domestiques . . .	17	5
Autres	5	1,5
Au total	334	100,0

Le tableau ci-dessus indique que le plus nombreux est le groupe qui s'occupe d'économie rurale (33%). Exception faite

d'un vigneron et d'un berger, tous les autres sont mentionnés comme agriculteurs. Le second grand groupe est celui des artisans (24,5%). Dans ce groupe le plus grand nombre revient aux menuisiers (16 personnes) et aux tailleurs (15), suivis des chandeliers (8) et des boulangers (7). Les forgerons de haches et les tanneurs y sont représentés par 5 personnes, les cordonniers, charretiers, drapiers, maçons — par 4 personnes, les teinturiers et les tonneliers — par 2 personnes, tandis que certains métiers ne comptent qu'un seul représentant — meunier, maréchal-ferrant, orfèvre, pelletier, tamisier.

Un nombre considérable de la population s'occupait de commerce (20%). Parmi eux le plus grand nombre revient aux épiciers — 57 personnes, deux aubergistes, un marchand de tabac, un manufacturier détaillant, un marchant de chaussures et cinq commerçants.

Malgré la proximité de la mer, le pourcentage des personnes occupées dans le port et sur les navires — marins, capitaines, pêcheures, bateliers, n'est pas très élevé — 10%. Relativement élevé est le pourcentage des conducteurs des animaux de trait utilisés comme moyen de transport — 5%.

Dans la catégorie «Autres» sont compris deux greffiers, un pope, un économe et un instituteur.

Le groupe des journaliers n'est pas non plus très élevé — 5%. Cinq d'entre eux sont des apprentis épiciers et deux autres — des compagnons dans un atelier de menuiserie et une échoppe de cordonnier. Les autres sont désignés comme apprentis ou domestiques.

Une partie de la population des deux quartiers — 51 personnes — trouve un emploi plus durable de son labeur hors de la ville. Le plus grand nombre s'orientent vers Constantinople; ce sont généralement des marins et capitaines — 16 personnes; ensuite vers la ville voisine de Balčik — 11 personnes; vers Tulcea et Silistra — 3 personnes, et une ou deux personnes vers la Russie, Bucarest, Šumen, Tirnovo, Dobrič, Sozopol, etc. Les personnes venues du dehors, établies à domicile dans les deux quartiers, sont moins nombreuses — 18 personnes: 3 — de la Russie, 2 — des Principautés danubiennes, 2 — de la Serbie et une ou deux de Constantinople, Tirnovo, etc.

Par souci de précision, nous indiquerons les renseignements se rapportant à la structure professionnelle de 194 habitants d' Anhialo. Ils se répartissent d'après les groupes suivants:

Genre de profession	Nombre	Pourcentage	Revenu moyen (groches)
Bêcheurs	40	20,7	875
Agriculteurs et charretiers . . .	37	19,1	910
Artisans	13	6,7	1,632
Sauniers	19	9,8	1,470
Bateliers	16	8,2	1,230
Domestiques et compagnons . .	38	19,6	821
Commerçants	15	7,7	6,710
Epiciers	8	4,1	2,625
Autres	8	4,1	1,290
	194	100,0	1,550

Il ressort en l'occurrence que le groupe le plus important est constitué par les bêcheurs, agriculteurs, charretiers et sauniers — 50% de l'ensemble de la population ayant une profession mentionnée. Nombre de remarques nous laissent supposer que les bêcheurs étaient également occupés dans les salines, tout comme les charretiers. Et ce n'est point fortuitement que les agriculteurs, sont si faiblement représentés, vu que pour la plupart d'entre eux le transport du sel par charrettes constituait une source de revenu complémentaire.

Comme on devait s'y attendre, le revenu moyen est à peu près le même pour tout le groupe — entre 800 à 900 groches. C'est le revenu des personnes le plus faiblement rétribuées. De par leur essence sociale les bêcheurs sont en fait des journaliers, comme le sont d'ailleurs la plupart des producteurs de sel et une partie des agriculteurs et des charretiers.

Cette particularité concernant la population d'Anhialo devient évidente également si nous examinons la possession du moyen principal de production — les salines. Aux habitants du quartier envisagé reviennent 1,673 salines qui sont la propriété de 52 feux seulement. La concentration des salines s'avère encore plus poussée si l'on prend en considération que cinq propriétaires disposaient de la moitié des salines.

1. Section Orientale près de la Bibliothèque Nationale de Sofia, Cote Бр. 28/3

خانه ٦١

نحره ١ طا

میکرهجی اوزون
بویلو قمرال پیقلی یورکی
ولد مانول
سنّ
٣٢

نحره ٢ طا

قرنداشی اوزون بویلو
تر پیقلی طناس ولد
مانول
سنّ
١٧

خانه ٩٦

نحره ١

بالطه جی اورته بویلو
صاری پیقلی چرنو
ولد پنو
سنّ
٣٠

نحره ٢

اوغلی یوان
سنّ
٤

نحره ٣

دیکری اوغلی پتره
سنّ
٢

نحره ٤ طا

بسلمهسی اورته بویلو
تر پیقلی پاروش ولد دیمتری
سنّ
٢٠

عدد عموم		اسامی	رقم بیوت	سنهٔ ولادت	سنهٔ تزوج	صنعت	مکان	اجاره ایله طوتدیغی	املاک نوعی	حیوانات مقداری	اراضی حاصلات	سنوی جاذب خزینه دن آلنان تیمار بدلی و وظیفه و معاشی	ویرکوی جدید	ویرکوی قدیم	اعشار بدلی	رسومات	عادت اغنام	اوتلاقیه	بدل عسکری	اصناف تمتعی	اهل تجارتک سنوی دور ایلدکلری	ملاحظات
١٩٧٠	٨٦	چوبان اوغلی بورکی ولد اوستویان	٠٠	١٢٨٨	١٢٨٣	عربه‌جی	احیولی	کو پرو جاده‌ت خانه نومرو ٥٠	کلمه ٩٥۴٧ باغ ١٠٢٢٨ ترلا ١٠٦۴٩ باغ ١٠٨۴٩ باغ ١١٩٨٠ ترلا ١٢۴٩٨ ترلا ١٢٥٣١ ترلا ١٢٧٨٢	٢ اوکوز ١ حمار	قیه مطره ٢٠٠ ٢ کلمه ١			٥٠	١٠				٣٠	٠٧٠٠		
١٩٧١		اوغلی ایلیا	٠٠	١٢٨٢	. . .	. . .	کذا															
١٩٧٢		دیکری یانقو	٠٠	١٢٨٦	. . .	. . .	کذا															
١٩٧٦	٨٧	الاقریه‌لی میخو ولد مرچو	٥۴	١٢٨٨	١٢٨٥	چفتچی	کذا		خانه ٥٣٧ ١	١ اوکوز	مطره ١ ترلا			٥٠					٣٠	. . .		
١٩٧٧		زوجه‌سی دیمترو بنت نیقولا		١٢٦٣	١٢٨٥	. . .	کذا															

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВМУ — Вестник Московского университета.
ВЯ — Вопросы языкознания.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.
ЗКВ — Записки коллегии востоковедения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ИАН — Известия Академии наук СССР.
ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
ИСГТЯ — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях. Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИВ — Московский институт востоковедения.
НАА — Народы Азии и Африки.
ПВ — Проблемы востоковедения.
СА — Советская археология.
СВ — Советское востоковедение.
СТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции.
СЭ — Советская этнография.
ТКЭАН — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии Академии наук СССР.
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
AOH — Acta orientalia Hungarica, Budapest.

APAW	— Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Berlin.
CAJ	— Central Asiatic Journal, The Hague—Wiesbaden.
JA	— Journal Asiatique, Paris.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society, London.
MSOS	— Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Friedrich—Wilhelm Universität zu Berlin.
PhTF	— Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I, Wiesbaden, 1959.
RO	— Rocznik Orjentalistyczny, Warszawa.
SBAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Berlin
SBAW, Wien	— Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, phil. — hist. Klasse.
StO	— Studia Orientalia, Helsinki.
TDAY	— Türk dili araştırmaları yıllığı, Ankara.
UAJ	— Ural-altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
ZDMG	— Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Leipzig.

СОДЕРЖАНИЕ

История и филология

Тюркологический сборник

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

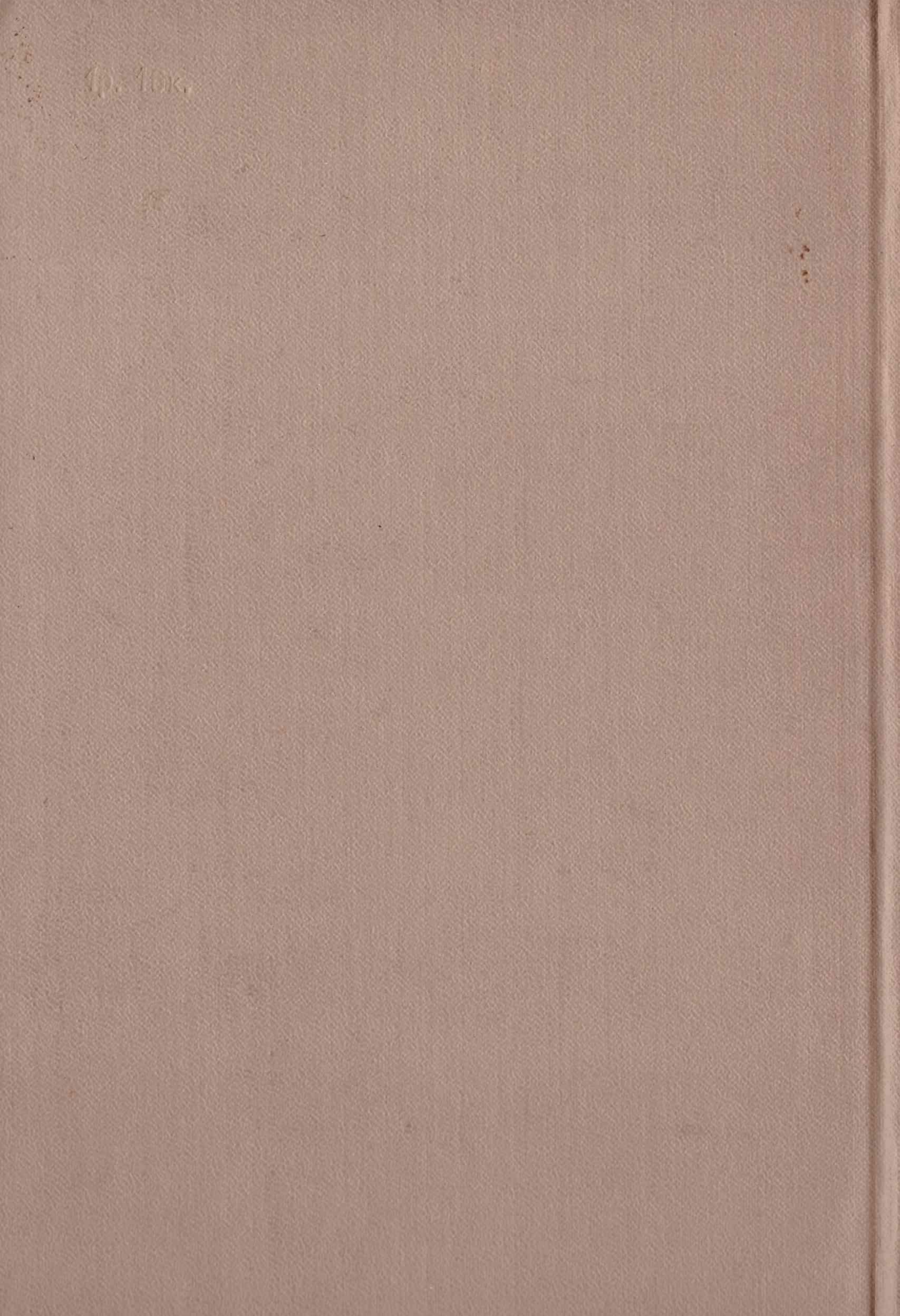
Редакторы *И. Л. Елевич, Е. А. Поцелуевский.* Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *Л. И. Романова*

Сдано в набор 13/VI 1966 г. Подписано к печати 4/X 1966 г. А-01570. Формат 60×90$^1/_{16}$.
Печ. л. 17,25 + 0,375 вкл. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 1600 экз. Изд № 1719. Зак. № 1037.

Цена 1 р. 16 к. Индекс $\frac{7-1-4}{186-66}$

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1р. 10к.